

Per. 277 ^d/_{1862, 5}

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛІТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

»Добра хочу братья и Русьскій Земл.«
Владиміръ Мономахъ.

1862

ТРАВЕНЬ

(МАЙ)

С.-ПЕТЕР БУРГЪ.

ВЪ ТИПОГ РАФІИ П. А. КУЛІША.

155 ^а/_с

Per. 277 d - 1862, 5

Одобрено цензурою. С. Петербургъ. 22 июня 1862 года.

7134/50300

МЫСЛИ ЮЖНОРУССА.

I.

О ПРЕПОДАВАНИИ НА ЮЖНОРУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Всякому другу южнорусской народности безспорно мило и драгоценно все, что заявляетъ о стремленіи къ возрожденію нашего языка и литературы. Не можемъ мы не дорожить всѣмъ, что явилось замѣчательнаго въ области нашего слова; прозвѣдѣнія Квитки, Шевченка, Кулиша, Марка Вовчка, составляютъ уже нашу народную славу; появленіемъ «Основы», вызвано нѣсколько новыхъ даровитыхъ личностей. Все это утѣшительно для Южнорусса, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуется, что все это не главное въ нашей литературной задачѣ: недостаетъ чего-то самаго существеннаго, того, что бы дало твердость и плодотворность нашимъ стремленіямъ. Мы видали въ нашей южнорусской литературѣ много хорошаго, взятаго изъ народа; но видали слишкомъ мало того, что мы взаимно дали народу. Соловья баснями не кормятъ — говорятъ пословица; такъ и народъ нельзя насыщать повѣстями и стишками. Ему нужна крѣпкая, питательная пища знанія и образованія.

Не знаю, какъ скажутъ другіе, но мнѣ кажется, что пока на южнорусскомъ языкѣ не будутъ сообщаться знанія, пока этотъ языкъ не сдѣлается проводникомъ общечеловѣческой образованности, до-тѣхъ-поръ всѣ наши писанія на этомъ языкѣ — блестящій пустоцвѣтъ, и потомки назовутъ ихъ результатомъ прихоти, охоты для забавы переряживаться изъ сертука въ свитку и припишутъ ихъ болѣе модѣ на народность, чѣмъ любви къ на-

родности. Горькая пестина лучше сладкой лѣпы. Кто любитъ свой народъ — пусть любитъ его не по-донкпхотски, не воображеніемъ, а сердцемъ и дѣломъ, — пусть любитъ не отвлеченное понятіе о народѣ, а народъ въ дѣйствительности, въ осязаемости; пусть любитъ живыя существа, принадлежащія къ народу, и ищетъ то, что имъ полезно и нужно. Въ сферѣ своснароднаго слова мы не можемъ быть полезны народу впчѣмъ другимъ, какъ употребивъ это слово орудіемъ общечеловѣческаго образованія. Народъ долженъ учиться, народъ хочетъ учиться; если мы не дадимъ ему средствъ и способовъ учиться на своемъ языкѣ — онъ станетъ учиться на чужомъ — и наша народность погубнетъ съ образованіемъ народа. И вправѣ ли мы будемъ тогда жалѣть о ней? Что отраднѣе: видѣть ли народъ въ невѣжествѣ сохраняющимъ свою народность, или образованнымъ, но потерявшимъ эту народность? Конечно, при такомъ выборѣ, придется пожертвовать народностію. Но для чего же приносить бесполезную жертву, когда можно совмѣстить то и другое, когда это будетъ и нравственно-справедливо?

Намъ нужно преподаваніе науки на нашемъ родномъ языкѣ. преподаваніе не тѣмъ, которые уже привыкли не только говорить, но и мыслить на общерусскомъ языкѣ. но тому народу, для котораго родной языкъ до-сихъ-поръ — удобнѣйшая и легчайшая форма передачн и выраженія мыслей. Въмсто повѣстей, комедій, стиховъ, — нужны научныя книжки. Разумѣется, въ выборѣ слѣдуетъ быть благоразумнымъ. Смѣшно было бы, еслибъ кто-нибудь перевелъ на южнорусскій языкъ »Космосъ« Гумбольта, или Римскую исторію, Момзена: для такого рода сочиненій еще не пришло время. Надобно ограничиться элементарнымъ изложеніемъ научныхъ знаній, необходимыхъ для перваго образованія. Такимъ образомъ, кромѣ букварей, въ настоящее время необходимы для народа: краткая священная и церковная исторія, катихизисъ, отрывки изъ поученій святыхъ отцевъ церкви, изъ житій любимыхъ народомъ святыхъ, и объясненіе богослуженія. Что бы ни говорили модные прогрессисты, которымъ кажется удобнымъ навязать народу матеріализмъ, — народъ съ омерзеніемъ отвернется отъ ихъ ученья, коль-скоро замѣтитъ, что прежде всего, подвидомъ этого ученья, хотятъ посягать на святыню его сердца. Народъ южнорусскій способенъ съ любовью принимать образованіе,

если оно будет ему даваться въ православно-христіанскомъ духѣ. Православное христіанство было въ продолженіе многихъ вѣковъ основою его нравственной силы; за православіе страдалъ его предки; православіе слилось съ его существомъ; да и самое православіе южно-русскаго народа гораздо духовнѣе, жизненнѣе, внутренно-спильнѣе чѣмъ иѣкоторые полагаютъ, и не состоитъ, какъ часто у великоруссовъ, въ соблюденіи однихъ внѣшнихъ обрядовъ. Во всякомъ случаѣ, еслибы мы сами, въ этомъ отношеніи, стояли подъ вліяніемъ иныхъ взглядовъ, то все-таки не смѣемъ насильственно подкладывать народу чуждыя ему нравственно-религіозныя или пререлигіозныя начала, противныя тѣмъ, съ которыми онъ родился, росъ, жилъ. Когда его умственный кругозоръ расширится, тогда онъ самъ выработаетъ себѣ сообразную сферу идей, на основаніи новыхъ для него данныхъ въ природѣ. За сферою религіи должно слѣдовать знакомство съ природою: надобно написать для народа ариѳметку, космографію, географію и удобочтимыя сочиненія, которыя бы познакомили его съ важнѣйшими сторонами естествознанія вообще. Вместе съ тѣмъ надобно составить грамматику роднаго языка, по которой бы народъ ознакомился съ построеніемъ человѣческаго слова. Наконецъ, надобно написать книжечку, въ которой сообщить народу главныя основанія его положенія въ государствѣ и его юридическихъ правъ. Этими пока можно ограничиться. Исторіи, вопреки иѣкоторымъ, мы не считаемъ вужнымъ вводить въ этотъ планъ первоначальнаго воспитанія. Исторія есть такая наука, которая требуетъ уже большого запаса предварительныхъ свѣдѣній и значительной степени развитія: безъ того—она бесполезна. Книжки, сочиненныя для народа, должны быть написаны такъ, чтобъ онѣ читались, а не вызубривались,—понимались, а не вдабливались; свѣдѣнія пусть укладываются въ головы учащихся процессомъ часто-повторяющагося чтенія, размышленія, пересказыванія другиму, и толковъ о прочтенномъ.

Вотъ, по нашему мнѣнію, чѣмъ бы слѣдовало заняться теперь южно-русскимъ писателямъ, а люди состоятельные, живущіе въ Малороссіи—пусть покажутъ свою любовь къ народу на дѣлѣ, принявъ на свой счетъ изданіе такихъ сочиненій и заведеніе училищъ, гдѣ бы дѣти поселянъ пріобрѣтали воспитаніе на родномъ языкѣ.

Противъ нашего проекта возстануть тѣ защитники государственнаго единства, которые думаютъ, что для спокойствія государства необходимо насильственно подвести къ одному знаменателю всѣ народныя обычаи и приемы жизни. Но государство и народъ—не одно и то же. Государство есть необходимая вышняя форма соединенія обществъ и можетъ быть составлено изъ многихъ народовъ, которые, въ государственномъ смыслѣ, всѣ вмѣстѣ составляютъ одно тѣло, но во внутренней жизни каждый пребываетъ самобытнымъ цѣлымъ. Не смѣшивая себя съ народомъ, государство не должно предпочитать одного изъ нѣсколькихъ подвластныхъ себѣ народовъ и ставить его выше другихъ, но равнымъ-образомъ охранять порядокъ ихъ взаимныхъ отношеній и не мѣшать свободному развитію каждаго изъ нихъ. Для власти, выражающей государственное начало, обычаи и особенности народовъ должны быть въ равной степени законны, и нравственныя требованія жизни каждаго изъ нихъ не должны встрѣчать препятствій. Ложно думаютъ, будто при такомъ разнообразіи можетъ порваться связь, соединяющая народы. Если государство станетъ на точку сознанія права народностей, то каждая народность будетъ естественно видѣть въ связи съ другими залогъ своего благосостоянія. Зачѣмъ народу желать отторгаться отъ государства, когда это государство его удовлетворяетъ? Вѣдь безъ власти обществу существовать нельзя; вырвавшись изъ государства, нужно будетъ творить новое государство... Для чего же ломать прежнее, когда оно удовлетворительно? Коль-скоро государственное начало, соединяя подъ собою нѣсколько народовъ, будетъ соблюдать только взаимную связь между ними съ одинаковымъ уваженіемъ ко всѣмъ народностямъ вмѣстѣ, и къ каждой относиться не какъ ко второстепенной, подчиненной, низшей, выше которой есть—господствующая, а какъ къ самобытной, самоправной: тогда не можетъ быть недовольства къ государству, ни вражды къ другимъ, вмѣстѣ соединеннымъ, народностямъ, еслибы даже въ коренныхъ основаніяхъ народностей не было органической связи. Но такого расторженія никакъ нельзя ожидать между южнорусской и великорусской народностями, потому что онѣ соединены не только по принципу государственной необходимости, но связаны и духовнымъ родствомъ вѣры и происхожденія. Возможно ли ожидать расторженія тамъ, гдѣ раздѣленные насильственными обстоятель-

ствами въ продолженіи вѣковъ стремились къ взаимному соединенію? Возможно ли это расторженіе тогда, когда во всемъ славянскомъ мірѣ чувствуется и сознается братская взаимность и стремленіе къ соединенію? Только при глубокомъ незнаніи смысла нашей прошедшей исторіи, при непониманіи духа и понятій народныхъ, можно дойти до нелѣпыхъ опасеній расторженія связи двухъ русскихъ народностей при ихъ равноправности. — —

Русское государство, въ его первобытномъ зачатіи, возникло не по насильственнымъ побужденіямъ, и хотя въ послѣдствіи чуждое завоеваніе вызвало элементъ насильственной централизаціи, но древнія свободныя начала самоправности народовъ, входящихъ въ государственныя круги, не оставались мертвыми. Послѣ соединенія Украины съ Москвою, московское государство оказывало уваженіе къ принципу мѣстной своеобразности Малороссіи и признавало, что малороссіяне должны пребывать «по ихъ черкасскимъ обычаямъ». Отклоненій, правда, было много; нѣкоторыя были очень рѣзки; но принципъ признанія малороссійской народности оставался и признавался. Только уже въ позднія времена вліяніе европейскихъ идей—сочетанія государственнаго единства съ единствомъ народности, заронило и у насъ несправедливую мысль, что поддержка южнорусской народности и развитіе южнорусскаго языка могутъ быть вредны для государственной цѣльности. Откинуть принятое извнѣ (:и тамъ уже, откуда оно занято, сдѣлалось оно несостоятельнымъ и признается такимъ:), не будетъ опасно въ настоящее время. Народъ южнорусскій своимъ уваженіемъ къ законности и порядку, своимъ постояннымъ сознаніемъ необходимости органической связи съ великорусскимъ, заслужилъ, кажется, отъ власти столько довѣрія, чтобы не считали его языка и саморазвитія зловердными для цѣльности государства.

Есть другая опасность для нашего проекта: — это наша уже не южнорусская только, но всероссійская лѣнь и апатія къ истинно-полезному труду и дѣйствительно-высокому подвигу. Писать повѣсти и стихи часто безцвѣтные, пустые «зъ чорнобровыми дівками, буйнимъ вітромъ, могилами, степами и зозулями» гораздо легче, нежели предаться предварительному изученію и трезвому труду для составленія научныхъ книгъ, необходимыхъ народу. Также точно и наши состоятельные народолюбцы охотиѣе одѣнутся, для забавы, въ quasi-національный костюмъ, вернутъ въ

свою рѣчь два-три малороссійскихъ выраженія, поспорятъ о достоинствахъ Шевченка, чѣмъ удѣлять рубль-другой изъ своихъ доходовъ на дѣло общественнаго образованія. Дай-Богъ, чтобы мы ошиблись; дай-Богъ, чтобы насъ обличили въ несправедливости этихъ словъ — не словами, а дѣломъ. Тогда и всѣ предыдущія сочиненія нашихъ даровитыхъ писателей будутъ имѣть важное значеніе предварительной обработки народнаго слова и приготовленія его для народнаго образованія. Если же, сохрани-Богъ, останется такъ, какъ мы опасаемся, — тогда наше стремленіе къ возрожденію народности не болѣе какъ мода на народность, не имѣетъ корня въ жизненныхъ потребностяхъ, и нашей южнорусской народности суждено погибнуть...

Н. К о с т о м а р о в ъ.

КОБЗАРЬ.

LVIII.

∴

Рослі у-кўпочці; зрослі;
Сміятпсь, гратпсь перестáли...
Ненáче справді розійшлись....
Зійшлись незабаромъ; побрались;
И тихо, вёсело пройшли
Душею-сёрцемъ неповинні
Ажъ до самої домовини...
А міжъ людьми вони жили!

Подáй же й намъ, всещёдрпй Бóже,
Отáкъ цвисті. отáкъ рості,
Тáкъ одружитпся и йтї, —
Не сварячїсь въ тяжкій дорóзі
На тої світь тихий перейтї.

25 іюня 1860.
Петербургъ.

LIX.

∴

На пам'ять 5 августа 1860 г.

Моя ти любо! мій ти друже!
Не ймуть намъ віри безъ хрестá,

Не ймуть намъ віри безъ попá.
Рабі — невóльники — недужі!

— —

— — Збрéшуть люде —
Одúрять! Не одúрпть Богъ:
Карáть и мѣловать не бóде;
Ми не рабі ёго: ми — люде...
Моя ти любо! усміхнѣсь,
И вóльную святúю дúшу
И рúку вóльную, мій друже,
Подáй мнѣ... то порейтѣ
И Вѣнъ помóже намъ калюжу.
Помóже й лихо донестѣ
И поховáть лихѣ, дебѣле,
Въ хатинѣ тѣхій и весѣлій.

5 августа 1860.

Стрѣльна.

LX.

Н. Я. МАКАРОВУ.

На пам'ять 14 сентября.

Барвінокъ цвѣвъ и зеленѣвъ,
Слáвся, ростѣлáвся. —
Та недóсвітъ перѣдъ-свѣтомъ
Въ садóчокъ укрався.

Потоптáвъ весѣлі квіти.
Побѣвъ, поморóзѣвъ...
Шкóда тогó барвіночка
Й недóсвіта шкóда!

14 сентября 1860.

Метербургъ.

LXI.

*
*

Поставлю хату и кімнату,
Садбкь-раёчокъ насажю;
Посіжу я и похожю
Въ своїй малёнкій благодаті,
Та въ одні — самотні
Въ садбчку бѹду спочивати. .
Приснітця діточкы мені,
Весёлая приснітця мати,
Давне-колішній та ясний
Приснітця сонъ мєні... — и ті!...
Ні, я не бѹду спочивати,
Бо й ти приснісся! И малій
Раёчокъ мій, спідтіха — тіха
Підкравдесся, нарббшъ лиха, —
Запалвшъ рай мій самотній.

27 сєтєбря 1860.

Пєтєрбургъ.

Т. Шєвчєнкo.

ЛИСТИ ШЕВЧЕНКА.

6) ДО ГР. СТ. ТАРНОВСЬКОГО.

I.

С. Петербургъ. 1842, марта 26.

Григорій Степановичъ!

Я думаю, вы меня хорошенько побранили за *Гайдамаки*. Было мнѣ съ ними горя: насилу выпустилъ цензурный комитетъ. Насилу кое-какъ я ихъ увѣрилъ, что я не бунтовщикъ. Теперь спѣшу разослать, чтобы не спохватились. Посылаю вамъ три экземпляра: одинъ возьмите собі, другой отдайте Николаю Андреевичу Maestro Маркевичу, третій Виктору Забілі на заочное знакомство. По вашему реэстру, я поручилъ И. М. Корбі роздать экземпляры. Прощайте. Желаю вамъ встрѣтить весну весело. А у насъ еще зима.

Вашъ покорный слуга *Т. Шевченко*.

Р. С. Трохи, трохи бувъ не забудь! Я чувъ, шо въ васъ ё молоденькі дівчата. Не давайте імъ, будьте ласкаві, я не покажуте мої *Гайдамаки*, бо тамъ ё багато такого, шо ажъ самому соромъ. Нехай трошки подождуте: я імъ пришлю *Черницю Марьяну*; къ Великодню думаю надрюковать. Це вже буде *невозмутельнее*.

Ще разъ Р. С. Поправляйте, будьте ласкаві, самі граматнику, — бо такъ погано видержана коректура, шо цуръ ёму.

II.

С. Петербургъ, 25 января, 1843 г.

Спасибі вамъ, Григорій Степановичъ, що ви мене такі не забуваєте, — ще разъ спасибі. А я вже думавъ, що мене всі одцурались, — ажъ, бачу, ні: єсть ще на світі хочъ одинъ щирій чоловікъ. Чувъ я, що ви нездужали, але думавъ, що такъ тільки — звичайне по-панському. Ажъ якъ розказавъ мені Дарагавъ, то я ажъ злякався. Слава Господові, що минуло! Цуръ ёму! щобъ и не згадувать! А ось-що шкода, що ви сю зиму не приїхали. У насъ була вставка въ Академіи, и дуже добра, а теперъ черезъ день дають «Руслана и Людмилу». Та що то за опера, такъ-ну! А надто, якъ Артемовський співа Руслана, то такъ, що ажъ потилицю почухаєшъ — далєбі правда! Добрий співака, нічого сказать. Отъ вамъ и все, що тутъ робитця. Василій Івановичъ вернувся пзъ Італіи ще товщій, якъ бувъ, и розумніший, и добріший; дякує вамъ и кланяєтця. Карлъ Павловичъ байдяки бє, собі на здоровья, а «Осада Пскова» жде літа. Михайловъ кончивъ вашу картину добре. Штернбергъ пише мені, що вінъ нездужавъ, але теперъ впчунявъ и вамъ кланяєтця, бо вінъ дума, що ви въ Петербургъ. А я... чортъ-зна-що: не то роблю щб, не то гуляю, сиовигаю по оцєму чортовому болотові, та згадую нашу Україну. Охъ, якъби-то мені можно було приїхать до соловья! весело бъ було: та не знаю. Спїткали мене проклаті кацапи, такъ-шо не знаю, якъ и випручатьця. Та вжежъ якъ-небудь вирвусь хочъ після Великодня и прямисінько до васъ, а потімъ уже дальше. Ще ось-що. Намалєвавъ я се літо дві картини и сховавъ: думавъ, що ви приїдете, бо картини, бачте, наші, то я їхъ кацапамъ и не показувавъ. Але Скобелевъ такі пронишпоривъ и одну вимантачивъ. А друга ще въ мене. А побъ и ця не помандрувала за якимъ-небудь москалемъ (бо це, бачте, моя «Катерина»), то я дучаю послать її до васъ. А що воно буде коштувать, то це вже ваше діло: хочъ кусокъ сала, то й це добре на чужині. Я намалєвавъ Катерину той часъ, якъ вона попрощалася съ своимъ москалякомъ и вертаєтця въ село. У царини, підъ куренемъ, дідусъ сидить. ложечки собі струже и сумво дивитця на Катерину

А вона сердешна тіль(ко) не плаче та підіймає передню червону запащину, бо вже, зваєте, трошки тее... А москаль дере собі за своїми, тільки курява ляга. Собачка ще поганенька доганя ёго та ніби-то гавкає. По однімъ боці могила; на могилі вітрякъ; а тамъ уже степъ тільки мріє. Отака моя картина (¹). Коли вподобаєте — добре, а ні — то на горіще, поки я приїду. А вже коли приїду, то не виганяйте місяць або другий, бо въ мене и на Україні, окрімє васъ нема, пристанища. А я вамъ що-небудь намалюю. Спасибі вамъ и за ласкаве слово про дітей моїхъ »Гайдамаківъ.« Пустивъ я їхъ у люди и до цієї пори ще ніхто й спасибі не сказавъ. Може й тамъ надъ ними сміютця такъ, якъ тутъ москалі. Зовуть мене питузіастомъ, спрїчъ дурнемъ. Богъ їмъ звидить; нехай я буду и мужицький поетъ, аби тільки поетъ, то мнї більше нічого и не треба. Нехай собака лає — вітеръ рознесе. Ви, спасибі вамъ, боїтеся мнї розказувать про людей. Цуръ їмъ! покоштувавъ уже я цёго меду, щобъ вінъ скисъ!

Бачивъ я вчора вашого хлопця рєсунки. Добре, дуже добре. Тільки треба ему другого майстра, бо вінъ тільки яблука та огірки п малює, а це така річъ, що серце не нагодуєшъ. А зъ ёго бувъ би добрий маляръ, бо воно хлопья до всёго беруче. Обіцянку пришлю вашимъ дівчатамъ къ великодню, а може и ранше, коли впораюсь, — тільки не ту що я вамъ писавъ, а иншу, по московському скомпоновану, щобъ не казали москалі, що я їхъ язика не знаю. Бувайте здорові! нехай зъ вами дієтця все добре и не забувайте щирого вашого *Т. Шевченка*.

7) ДО ЗІГМУНДА СІРАКОВСЬКОГО.

Мой милый, мой добрый Zyhmonte (*sic*)! благодарю тебя за твое ласковое, сердечное, украинское слово, тысячу разъ благодарю тебя. Радъ бы я отвѣчать тѣмъ же сердцу милымъ словомъ, но я такъ запуганъ, что боюся родного милого звука. Особенно, въ настоящее время я едва и какъ-нибудь могу выражаться. О моемъ настоящемъ горѣ сообщаю я А. П. и ты у него прочитаешь эти гнусныя подробности.

(¹) Тутъ же начерченный карандашемъ и перомъ эскизъ. П. К.

Кернера и прочее съ письмомъ П. Станкевича, писаннымъ 25 октября, получилъ я сегодня, т. е. 6 апрѣля. Все это пролежало всю зиму въ Гурьевѣ. Но лучше поздно, нежели никогда. Благодарю жъ васъ, друзья мои, мои братья милые, что вы не оставляете меня! Поцѣлуй добраго Станкевича за его ласковыя письма и извини меня передъ нимъ, что я теперь не пишу ему: до отхода почты осталось только два часа, а до сѣбны караула—часъ, а я на караулѣ и написалъ, что только успѣлъ.

Кто такой Кіевскій студентъ, посылаемый сюда? Если ты звалъ его въ Оренбургѣ, то сообщи мнѣ; а то я не мастеръ сразу узнавать людей такъ, чтобы не сдѣлать маху.

Поцѣлуй Карла, Цейзиха и будь здоровъ. Не забывай любящаго тебя Ш.

8) ДО А. П. (?).

Передъ отъѣздомъ вашимъ въ степь писали вы ко мнѣ письмо, на которое я вамъ не отвѣчалъ, во-первыхъ, по недостатку адреса, а во-вторыхъ, потому, что совершенно не о чемъ было писать, а переливать изъ пустого въ порожнее скучно. Вы пишете, что, можетъ-быть, въ письмѣ вашемъ встрѣтилось мнѣ что-нибудь не по сердцу, и потому я вамъ не отвѣчалъ. Какъ вамъ пришло въ голову такое предположеніе! можете ли вы что-нибудь написать, что бы мнѣ было не по сердцу? Спаси васъ, Господи, отъ такихъ мыслей! Каждая строчка, каждое слово вашего письма я принималъ, какъ слово брата, какъ слово искренняго друга. Какія бы ни были ваши предположенія, однакоже вы на нихъ не остановились. За то вамъ сердечно благодаренъ. Поздравляя меня съ новымъ годомъ, вы желаете мнѣ, какъ братъ, всего лучшаго, и особенно — чтобы вырваться изъ этой пустыни. Благодарю васъ! Прекрасное, человѣколюбивое желаніе! Но увы! вашему добродушному желанію и моей единой надеждѣ не суждено осуществиться.

Вотъ-что случилось со мною. Въ прошломъ году, генералъ Фрейманъ представилъ меня въ унтеръ-офицеры. Я существовалъ этой бѣдной надеждою до конца марта текущаго года: а передъ самой Пасхой почта привезла приказъ маіора М—ва, чтобы взять меня въ руки и къ его пріѣзду непременно сдѣлать меня образцовымъ фрунтовиномъ, а не то—я никогда не долженъ надѣяться

на облегченіе моеи участи. Хорошо я встрѣтилъ праздникъ Пасхи! Праздникъ прошелъ, и изъ меня, теперь пятидесятилѣтняго старика, тянуть жилы по осьми часовъ въ сутки!

Вотъ мои радости! вотъ мои новости! Не певайте же мнѣ, что я не отвѣчалъ вамъ на ваши письма. Я ждалъ и мнѣ хотѣлось хоть малой радостію порадовать вашу сострадательную душу; а рассказывать вамъ о своихъ страданіяхъ — значитъ — заставлять васъ самихъ страдать. А у васъ и своего горя не мало, а дѣлать горе между страдальцемъ значитъ — увеличивать общую скорбь.

Еще вотъ-что. У насъ не получаетъ никто «Отечественныхъ Записокъ», а у васъ, вѣроятно, кто-нибудь получаетъ; то просмотрите вы хорошенько май и іюнь, не увидите ли тамъ рассказъ «Княжна», подписанный *К. Дармоурай*. Если нѣтъ, то напишите кому нибудь въ Петербургъ, чтобы получилъ рукопись въ конторѣ журнала и переслалъ вамъ, а вы адресуйте ее въ «Современникъ», или что найдете лучшимъ, то съ нею и сдѣлайте.

Прощайте, мой добрый, мой незабвенный друже! Съ слѣдующею почтою буду вамъ писать больше.

III. (1).

9) ДО А. Н. МАРКЕВИЧА.

22 апрѣля 1857 г.

Христось воскрес!

На самый велидень пришла съ Гурьева до насъ почта и приввизла мнѣ письмо твое и 16 р. грошей. Спасибі тобѣ, друже мій незнаемий! Подякуй и поцілуй твоихъ товаришей и земляківъ моихъ щирихъ; спасибі їмъ, що не забувають безталаннаго старого кобзаря. Нехай не забуде їхъ Господь милосердній своєю доброю долею. Спасибі вамъ, молодіі брати мої и за книги. Спасибі ему, тому Николаю М., а Кулиша. якъ побачишь, то поцілуй ёго и скажи ёму, що такої книги, якъ *Записки о Южной Руси*, я ще зроду не читавъ, та й не було ще такого добра въ Руській литературі. Спасибі ему! Вінъ мене неваче на крилахъ перенісь въ нашу Україну и посадивъ межъ старими,

(1) Ся буква написана такъ, що входить Т и III., а именно III.

сліпими товаришами-кобзарями. Живо и просто вилита стареча мова. А може воно тямъ и живо, що просто. И якъ не буде вінъ продолжати своїхъ *Записокъ*, то ёго Богъ святий покарае. Такъ и скажи ёму, друже мій, якъ ёго побачишъ.

Ще ось-що: чи не зострієшся тамъ часомъ съ Гербелемъ, переводчикомъ Слова о полку Игореві. Воно хочъ и зовецця *Гербель*, а такий же хохоль, якъ и ми зъ тобою, молодий мій друже! Ото жъ якъ побачишъ его, то подякуй ёму за переводъ Малоросійской думи, надрюкованної въ Б. для чтенія.

Зъ батькомъ твоімъ, друже мій, ми були колись великі приятели и стрічалися зъ нимъ не въ одній Качанівці. Чи здраствує вінъ теперъ? Цілуй ёго одъ мене. А матіръ твою тільки разъ бачивъ у Качанівці. Може й тебе тойді зъ нею бачивъ, але ти тойді ще було мале, то я теперъ и не згадаю: давно те діялось, молодий мій друже!

Въ другий разъ буду писати тобі більше, а теперъ мнї щось не пишеться, — я неначе занедужавъ одъ твого письма. Якъ прийду трохи до нормального розуму, то напишу тобі цілу книгу, а теперъ цілую тебе, друже мій единий, и твоїхъ товаришівъ, а моїхъ земляківъ щирихъ, — цілую и дякую всімъ моїмъ сердцемъ, — дякую за гроші, а ще більше за те, що не забуваєте старого кобзаря. *Т. Шевченко.*

Добре, що зосталося шматокъ паперу: есть на чому написати Р. S. Я напишу его по-руски: такъ бачишъ треба; ти й самъ здоровъ догадаєшся, якъ прочитаєшъ, що такъ треба. Тільки, сердце мое, голубе мій сизий! зроби для мене все те, що я проситиму. Я тебе тричі поцілую, якъ побачимось. А поки-що (я забудь тобі сказати) сходи ти въ Большую Морскую въ домъ графа Уварова, найди тамъ Михаила Матвіевича Лазаревського и поцілуй ёго за мене. Такъ треба, друже мій единий. »Записки о жизни Н. В. Гоголя» приславъ ти мені два тома и обидва перві.

10) ДО П. А. КУЛІША.

I.

5 декабря 1857 г.

Спасибі тобі, богумиллий друже мій великій, за твої дуже добрі подарунки и, особливе, спасибі тобі за »Чорну Радугу». Я вже її дві-

чі прочитавъ, прочитаю и третій разъ, и все таки не скажу більш нічого якъ спасибі. Добре, дуже добре ти зробивъ, що надрюкувавъ »Чорву Радукъ по-нашому. Я її прочитавъ и въ »Руській Беседік и тамъ вона добра, але по нашому лучче. Розумний, дуже розумний и сердечний епілогъ вишовъ; тільки ти дуже вже, ажъ надто дуже, підпустивъ мені пахучого курева; такъ дуже, що я трюхи не вчадівъ.

Не знавъ я, що въ тебе осьъ »Москалева Криницяк и »Чернецьк одъ Щепкина, а тобъ я тобі пославъ що-небудь ише. У мене багато де-чого зібралось черезъ десять літъ, та не знаю що мені робить зъ моїмъ добромъ, — якъ его пустить въ люде.

Спасибі тобі за Наймицкук. Чи не найдешъ тамъ у панночки хуторяночки въ альбомі мого »Ивана Гусака? Добре було бъ, якъ би найшовъ, а то шкода буде, якъ пропаде.

Що се за дивний, чудний чоловьяга Л. Жемчужниковъ! Поцілуй ёго за мене, якъ побачишъ. Ще осьъ що. Чи багато въ тебе преномерантівъ на »Записки о южной Русии? Боже мій, якъ би мені хотілося, щобъ ти зробивъ свої Записки о южной Руси постійнимъ переодичеськимъ изданіємъ на штальтъ журнала. Намъ съ тобою треба бъ добре поговорить о сімъ святімъ ділі. Зроби ти ось-що. Старий Щепкинъ на тімъ тижні хоче до мене приїхати въ гості; а що, якъ би и ти, молодий, забігъ за нимъ въ Москву, та вкупочці и прилетіли бъ до мене. Дуже бъ, дуже бъ добре ви зробили, други мої искренні! Тутъ би ми порадилисъ зъ старимъ майстромъ и нащотъ твоїхъ Записокъ и на щотъ мого нікчемного добра. Прилітай, мій голубе синій, хочъ на тиждень, хочъ на одивъ день. Може Варенцовъ не вніхавъ ще зъ Петербурга: то отъ би зъ нимъ разомъ и прихавъ. Я жду тебе, а ти стань мені за рідного брата: поцілуй свою любу жіночку за мене и за себе, та її гайда на залізний шляхъ.

Поцілуй Маркевича за мене за ёго ноти; добре, дуже добре, а особлпво »Морозенко: вінъ мені живісінько нагадавъ нашу милую безталанную Україну. Цілую Михайла, Федора и Семена. Федорові скажи, що я вчора бачився съ Кеберомъ, и вінъ ёго цілуе.

Остаюся ждучи тебе, мій друже єдиний! Остаюся твоїй искренній Т. Шевченко.

Чи не транитця въ тебе Літопись Величка. Якъ поїдешъ, то возьми зъ собою, а якъ не поїдешъ, то передай Варенцову.

II.

4 январи 1858 года.

Позавчора получивъ я твое третє письмо та ще й зъ грішми 250 карбованцівъ. Спасибі тобі и тому щедрому землякові, що кушивъ мою невольничу роботу. Спасибі вамъ, други мої сердечніи: зробили ви мене зъ великимъ свитомъ. Нехай вамъ такъ Господь поможе во всіхъ вашихъ начинаніяхъ, якъ ви мені теперъ помогли. Препоганій Нижній-Новгородъ. Копійки нема де заробить; думавъ уже писати Лазаревському, ажъ гулькь—неначе зъ неба впади гроші, та ще й на новий рікъ. Спасибі вамъ, друзі мої!

Оповідання Вовчка ще не получивъ. А *Граматка* твоя такъ мені на серце пала, що я не знаю якъ тобі и розказати. Розкажу колись якъ дасть Богъ побачимось, а теперъ тільки дякую, и ще разъ дякую, и більшъ нічого.

Копу грошей возьми у М. Лазаревського. Зъ «Чорної Радки» теперъ не парисую тобі нічого: нема моделі, нема нічого передъ очима нашого українського, а брехати на старість не хочетця. Не хочетця рпсовати такъ, аби-то.

Теперъ посплаю тобі зъ оцімъ добримъ чаловікомъ, зъ Овсянниковимъ, свої *Неофіти*. Ще недобро викончили. Перепиши їхъ гарненько и пошли зъ цімъ же Овсянниковимъ старому Щепкину.

Наробивъ вінъ мені оцей старий лиха: приїзжавъ до мене на святкахъ колядувати. Я й досі ще хожу неначе съ тяжкого похмілля одъ его колядокъ. Учистивъ старий! ажъ пальці знати. И де въ ёго узялась така жива, сердечно тренещуца, жива натура. Диво, та й годі!

Оставайся здоровъ, мій брате. мій друже єдиний. Нехай тобі Богъ помагає во всіхъ твоїхъ добрихъ начаткахъ. Не забувай мене, твого щпрого рідного брата *Т. Шевченка*.

Шли мені швидче свого Вовчка. Та будь здоровъ зъ новимъ годомъ.

III.

26 люваря 1858 г.

Який тамъ тобі нечистий казавъ, що я приготувавъ свої *Неофіти* для друку? П гадки, и думки не було. Я пославъ їхъ тобі тільки прочитати, щобъ ти бачивъ, що я тутъ не склавши рукъ спужу. П старий Щепкинъ не такпй, щобъ вінъ тамъ возпвся по Москві зъ ними якъ съ писаною торбою. П ти отдай гарненько переписати їхъ и пошли старому, бо вінъ уже знае, що *Неофіти* въ твоїхъ рукахъ. Овсянникова не дожидай; незабаромъ поїде изъ Питера въ Нижній прїятель мій Шрейдерсъ, то ти в передай ёму, а вінъ передасть моему старому друзяці. Отакъ зроби.

Для друку есть у мене наготовлено на добрихъ дві книжки: тільки переписи та и въ друкярню; але я п съ цимъ добромъ не спішу, не тільки зъ *Неофітами*. «Янъ Гусъ» повинень быть у Васпля Вас. Тарновського, що живъ колпсь въ Потокахъ Кпівської губерні. Перероблять ёго, або знову робить, у мене щось руки не підіймаютця.

Заграй мені дудинку
На дуду:
Нехай свое лишенько
Забуду.

Оце тільки не мое, а то вся пісня моя.

Про які тамъ ти меві пишешъ гроші? Не знаю, зъ якихъ грошей приславъ мені М. Лазаревський въ Новопетровское укрупленіе, передъ виїздомъ, 75 карбованцівъ. Та 150 карбованцівъ Залеский приславъ у Нижвій за рисунки черезъ Лазаревського. Та ти, спасибі тобі, 250 карбованцівъ. Отъ и всі гроші. П я їхъ не цидрю, бо думаю одружитця, обісіло вже молодикувати. Цуръ ёму: и якъ що есть тамъ у васъ які мої гроші, то шліть їхъ сюди. Я возьму на їхъ акціи Меркурьевского общества, то вони привесуть мені 10 процентівъ въ годъ. Бачишъ, який я господарь. А тобі якийсь дурень збрехавъ, що и ще й досі Запорожець. Брехня! не потурай.

»Вовчкає твого и въ очі не бачивъ. На кого ти ёго адресувавъ?

Пиши мій адресъ такъ: въ Нижній Новгородъ, пмя рекъ, въ контору пароходства »Меркурій«.

Незабувай же свого щирого *Т. Шевченка*.

Навчи ти мене, будь ласкавъ, що мені робить зъ руськими повістями? У мене їхъ десятківъ коло двохъ наберетця. Затопить грубу, — шкода: багато праці пропаде. Та й грошей би хотілося, бо теперъ вони мені дуже потрібні. Порадь, будь ласкавъ, що мені робить?

Т. ШЕВЧЕНКО.

ДНЕВНИКЪ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

Одиннадцатый отрывокъ.

11 января 1858 г.

Сегодня суббота. По субботамъ я и милѣйшая К. Б. П—ва объѣдаемъ у М. А. Дороховой. Но сегодня я долженъ отказаться отъ этой радости, и моя милая компаньонка отправилась самъ-другъ съ портретомъ М. С. Щепкина, имъ присланнымъ въ подарокъ Марьи Александровнѣ, а я поѣхалъ провожать до первой станціи, по Казанской дорогѣ, моего привлекательнаго, благороднаго капитана, В. В. Кишкина.

Грустно разставаться съ такими добрыми людьми, какъ этотъ симпатическій Кишкинъ. Я, возвратившись домой, чувствовалъ себя совершеннымъ сиротой. Но тягостное мое одиночество не долго дллось; я вскорѣ вспомнилъ, что я одинъ изъ счастливицевъ міра сего. М. С. Щепкинъ, уѣзжая изъ Нижняго, просилъ меня полюбить его милую П—ву, и я буквально исполнилъ его дружескую просьбу. А сегодня, прощаясь со мною, Кишкинъ со слезами на глазахъ просилъ меня полюбить его кроткую любимицу В—ку О—ву. И послѣ такихъ милыхъ обязанностей я скучаю! *Дурень, дурень, а въ школѣ очился.* О—ва выѣхала куда-то изъ города, и я, въ 6 часовъ вечера, отправился къ П—вой, засталъ ее дома, продиктовалъ ей стихи Курочкина: »Какъ въ наши лучшіе годá«,—а она прочитала мнѣ нѣкоторыя вещи Кольцова, и потомъ чуть-чуть не всѣ басни Крылова. Я въ восторгѣ былъ отъ этого импровизированнаго литературнаго вечера, и пришелъ домой совершенно счастливъ. Она любитъ чтеніе: значитъ, она далеко пойдетъ въ своемъ искусствѣ. Дай Богъ, чтобы сбылось мое пророчество.

12 января.

Не ради воскресенья и свѣтскаго пошлаго визита, пошолъ я къ П. М. Г—ской (племянницѣ здѣшняго губернатора), а по просьбѣ моего искренняго Михаила Семеновича, пошелъ я передать ей его портретъ и пріятельскій поклонъ. Въ огромной гостиной, старушку Ш—скую и Г—скую окружали холодныя, официальныя, чопорныя фигуры, что, послѣ привѣтствія и самаго коротенькаго присѣста, и на меня пахнуло холодомъ отъ этой честной компаніи. Вышелъ самъ губернаторъ, я поздравилъ его съ полученіемъ черезъ плечо Анны, раскланялся и вышелъ вмѣстѣ съ Э. А. Бабкинымъ. Заѣхалъ къ Бабкину на квартиру, взялъ у него Пушкина и Гоголя и повезъ къ П—вой. Прочиталъ ей *Сцены изъ рыцарскихъ временъ* и отогрѣлъ губернаторскимъ холодомъ обвѣянную душу. Она прочтала мнѣ *Каменнаго Гостя*, и потомъ мы поѣхали къ Брылкинымъ обѣдать: послѣ обѣда М. А. Грасъ повезла ее въ театръ, куда послѣдовалъ и я, совершенно довольный такимъ теплымъ, прекраснымъ окончаніемъ холодно-начавшагося дня.

13 января.

Бабкинъ подарилъ мнѣ прекрасную акватинту, изображающую смерть Людовика XVI, а я сегодня за это изобразилъ его собственную персону, и довольно удачно. Вечеръ провелъ у милѣйшаго юноши—виртуоза-виолончелиста, Веселовскаго, и возвратясь домой, нашелъ у себя на столѣ письмо Сергѣя Тимофеевича Аксакова. Самое любезное, самое сердечное письмо! Въ заключеніе любезностей, онъ пишетъ, что *Матрозъ* мой наконецъ пошелъ въ ходъ. Онъ передалъ его Каткову, редактору *Русскаго Вѣстника*. Въ ожиданіи будущихъ благъ, принимаюсь переписывать вторую часть *Матроза*.

14 января.

Сегодня случайно зашелъ я къ П—вой; рѣчь зашла о концѣ ея театральнаго года, о возобновеніи контракта; ей, обдѣняжкѣ, ужасно не хочется оставаться въ Нижнемъ, а не знаетъ, куда

дѣвать себя. Въ Казань ей и хотѣлось бы, но она боится тамъ какой-то П—вой, —не соперницы, но ужасной интригантки. Въ такомъ ея горѣ, я предложилъ ей посильныя услуги. Я напишу письмо директору Харьковскаго театра и буду просить М. С. Щепкина о ея заступничествѣ. Какъ бы это хорошо было, если бы удалось ей переселиться въ Харьковъ.

15 января.

Не откладывая въ дальній мѣшокъ, сегодня же я написалъ в директору Харьковскаго театра и моему великому другу. Какое-то будетъ результатъ изъ моихъ нехитрыхъ затѣй.

16 января.

Только-что хотѣлъ заключить письмо моему великому другу, да вспомнилъ, что сегодня не почтовый день. Оставилъ посланіе и принялся за *Матроза*. Несносно-скучная работа! Литераторамъ должны платить не за писаніе, а за переписываніе собственныхъ произведеній.

Вечеромъ возвратился изъ театра и нашелъ у себя письмо моего гениальнаго друга. И хорошо, что я своего письма не кончилъ. Между прочимъ, онъ пишетъ мнѣ, что рисунки мои онъ уже пустилъ въ ходъ. Спасибо ему, неутомному.

17 января.

Окончилъ неоконченное письмо, отправилъ на почту и принялся за *Матроза*. Несносная работа! когда я ее кончу?

18 января.

Къ немалому моему удивленію, сегодня встрѣтилъ я у Брылкина давнишняго и нелицемѣрнаго своего поклонника, В. Н. Погожева. Онъ здѣсь по дѣламъ службы и завтра ѣдетъ въ Москву.

19 января.

Сегодня повторилась моя любимица въ роли *Тетяны*. Очаровательно, какъ и въ первый разъ. Но Климовскій, въ роли *Чуп-*

руна, и по выговору, и по мимикѣ — вандаля: лапти плёлъ, варваръ, и только мѣшалъ моей милой Тетяси.

20 января.

Проводилъ въ Петербургъ доктора Кутерема, Кебера, Шрейдерса, Фрейлиха и Н. А. Брылкина въ Казань, на компанейскій заводъ близъ Казани. Сегодня у меня день проводъ.

21 января.

Бенефисъ милочки П—вой; полночь театръ зрителей и очаровательная бенефициантка — прекрасная тема для газетной статейки. Не попробовать ли? Попробуемъ на-удалую.

22 января.

Проѣздомъ изъ Петербурга въ Вятку на службу, посѣтилъ меня сегодня Яковъ Лазаревскій. Онъ недавно изъ Малороссіи; рассказалъ о многихъ свѣжихъ гадостяхъ въ моемъ родномъ краю, въ томъ числѣ и о грустномъ Екатериновскомъ событіи 1856 г., и про своего сосѣда и родственника. Этотъ филантропъ-помѣщикъ такъ оголилъ крестьянъ, что они сложили про него пѣсню...

Наивное, невпниное мщеніе!

Дочь второго акта — глубѣйшее произведеніе Доницети. Либретто тоже нехудо и неестественно. — —

Старуха Шмитгофъ, въ роли Маріи, безобразна, а мой любимецъ Владиміровъ, въ роли старика, дворецкаго маркиза, былъ тоже безобразенъ.

24 января.

Получилъ письмо отъ Куляша и отъ М. Лазаревскаго.

25 января.

Получилъ письмо отъ К — рова съ выговоромъ за молчаніе. Я дѣйствительно виновать передъ нимъ на сей разъ. Но что пи-

сать? о чемъ писать? Что я здѣсь скучаю — и ничего не дѣлаю? И не могу наконецъ ничего дѣлать? Лучше молчать, нежели переливать изъ пустого въ порожнее.

26 января.

Встрѣтилъ масленицу катаньемъ за городъ. Я предложилъ это удовольствіе милѣйшей П — вой съ семействомъ. Она согласилась, и мы поѣхали въ село Боръ, напилися чаю въ какомъ-то кабакѣ, а на обратномъ пути она все пѣла извѣстную свадебную, или святошную, пѣсню:

Меня мненькой онъ журиль-браниль,
Онъ журиль-браниль, добромъ говорилъ,
Ай люди люди выговаривалъ!
Не ходи, дѣвка, молода замужъ,
Наберись, дѣвка, ума-разума,
Ума-разума да сундукъ добра,
Да сундукъ добра, коробокъ холста.

Жидовское начало въ русскомъ человѣкѣ. — Онъ безъ приданого не можетъ даже полюбить.

27 января.

Въ церкви Покрова отпѣли тѣло Д. А. Улыбышева — знаменитаго критика и біографа Бетговена и Моцарта.

28 января.

Николай Петровичъ Болтинъ, губернской дворянской предводитель, изъявилъ желаніе познакомиться со мною. Я удовлетворилъ его любезному желанію и не раскаиваюсь. Онъ человѣкъ здраво и благородно мыслящій, горячо ссучувствующій вопросу о крѣпостныхъ крестьянахъ, и усердно хлопочетъ о составѣ комитета, который долженъ порѣшить это дѣло въ Нижегородской губерніи.

29 января.

Оляповатый бенефисъ г-жи Васильевой и сплетни.

30 января.

(Иною рукою): Любимая и многоуважаемая К—а Б—вна! Я самъ принесъ вамъ книги и принесъ ихъ съ тѣмъ, чтобы вы ихъ прочитали. Но вы не прочитавши ихъ прислали мнѣ назадъ. Какъ объяснить мнѣ вашъ поступокъ? Онъ ставитъ меня рѣшительно втупикъ, особенно если принять въ соображеніе нашъ сегодняшній разговоръ. Ужъ не отвѣтъ ли это на мое предложеніе? Если это такъ, то я прошу васъ высказать мнѣ его яснѣе. Дѣло слишкомъ для меня важно. Я васъ люблю и говорю это вамъ прямо, безъ всякихъ возгласовъ и восторговъ. Вы слишкомъ умны для того, чтобы требовать отъ меня пылкихъ изъясненій въ любви; я слишкомъ люблю и уважаю васъ, чтобы употреблять въ дѣло пошлости, такъ принятая въ свѣтъ. Сдѣлаться вашимъ мужемъ — для меня величайшее счастье, и отказаться отъ этой мысли будетъ трудно. Но если судьба рѣшила иначе, если я имѣлъ несчастье не понравиться вамъ и если возвращенныя мнѣ вами книги выражаютъ отказъ, то нечего дѣлать: я долженъ покориться обстоятельствамъ. Но, во всякомъ случаѣ, ни чувства мои, ни уваженіе къ вамъ не измѣнятся, а если вы не можете, или не хотите, быть моею женою, то позвольте мнѣ оставить себѣ хоть одно утѣшеніе — остаться вашимъ другомъ, и постоянною преданностью и почтительностью заслужить ваше доброе расположеніе и уваженіе.

Въ ожиданіи отвѣта, который долженъ рѣшить мою участь, остаюсь преданный вамъ и глубоко любящій *Тарасъ Шевченко*.

31 января.

Я совершенно не годусь для роли любовника. Она, вѣроятно, приняла меня за помѣшаннаго или, просто, за пьянаго и, вдобавокъ, за мерзавца... Какъ растолковать ей, что я ни то, ни другое, ни третье, и что я не пошлый театральнй любовникъ, а искренній, глубокосердечный ея другъ? Самъ я ей этого не умѣю рассказать. Обращуся къ моему другу М. А. Д — вой. Если и она не вразумитъ ее, — тогда я самый смѣшной и несчастный женихъ...

1 февраля.

Получилъ письмо отъ М. С. Щепкина съ 200 рублей и самой сердечной готовностію переселить мою прекрасную П—ву въ Харьковъ. Онъ желаетъ знать ея условія, а она не желаетъ свиданія со мной. Но такъ-какъ это свиданіе — не любовное, а дѣловое, то оно и необходимо. Дѣлать нечего: принимаюсь опять за посланіе...

2 февраля.

Дѣло мое не такъ плохо, какъ я думалъ. Она приняла мое внезапное предложеніе за театральную сцену. Настоящая актриса! она во всемъ видитъ свое любимое искусство, — даже во мнѣ она открыла сценическаго артиста, тогда какъ я менѣе всего былъ похожъ на актера. Я дѣйствительно тогда былъ похожъ на помѣшаннаго или, скорѣе, на пьянаго, а она, бѣдняжка, приняла меня за лицедѣя. Но — перемелется — мука будетъ.

Все это объяснилъ мнѣ ея отецъ, которой явился на мое приглашеніе по-поводу письма Михаила Семеновича. Старикъ не высказалъ прямо своего мнѣнія насчетъ моего сватовства, но согласился со мною, что ей необходимо чтеніе, и взялъ у меня *Губернскіе Очерки* и нѣсколько ливрезоновъ *Гоарта*. Добрый знакъ!

Въ заключеніе спектаклей, дана была драма *Парижскіе Нищія*. Роль Антуанеты исполнила она, и исполнила лучше нежели въ первый разъ; но я не аплодировалъ; а почему — и самъ не знаю. Мнѣ казалась она выше всякихъ аплодисментовъ. Но я этого никому не сказалъ.

3 февраля.

Н—а П—а — именинница. Вчера я увѣдомилъ П—ву объ этомъ, съ намѣреніемъ увидѣться и поговорить съ нею, но полтвка мнѣ не далась. Возлюбленная моя явилась, поздравила именинницу и черезъ полчаса уѣхала, я успѣлъ, и то уже въ передней пожать и поцаловать ей руку, и не проговорилъ ни

слова. Лукавое созданіе! Теперь я тебѣ не западню, а капканъ поставлю. Посмотримъ, кто кого перехитритъ?

Тутъ же, при ней, прочиталъ я вслухъ уже напечатанную статейку собственнаго издѣлія о ея бенефисѣ. Быть-можетъ, ей не понравилось мое вельстивое рукодѣлье, и она поторопилась уѣхать... Да не броситъ ли мнѣ эту сердечную затѣю?.. Не плюй въ колодезь — придется воду пить.

4 февраля.

Лучше хоть что-нибудь, нежели ничего. Другой день нѣтъ спектаклей, бѣдныхъ нижегородскихъ спектаклей! И будто чего-то необходимаго недостаетъ.

5 февраля.

Я видѣлъ ее во снѣ. Къ добру ли это? Будто бы она слѣпая, нищая, но такая молодая и хорошенькая! Стоитъ у какой-то ограды, или забора, и протягиваетъ руку Христа-ради. Я хотѣлъ подойти съ какою-то мелкою монетою, но она внезапно исчезла. Это продолженіе роли Антуанеты, — ничего больше.

Вечеромъ былъ у Татаринова. Бѣловъ и Татаринъ играли въ четыре руки увертюру изъ *Вильгельма-Теля* и изъ *Фреймица*; а потомъ нѣкоторые вещи духовнаго содержанія, Гайдена. Божественный Гайденъ! Божественная музыка!

Послѣ музыки зашла рѣчь о театрѣ и о талантѣ моей возлюбленной П—вой. Сначала слушалъ я съ удовольствіемъ расточаемая ей похвалы, но потомъ такъ мнѣ грустно стало, что я хотѣлъ уйти. Что бы это значило? Не ревность ли? Глупо, вѣлико ревновать актрису къ зрителямъ. Ея истинный любовникъ должна быть публика, а мужъ — другъ.

Въ заключеніе вечера, хозяинъ прочиталъ намъ пѣсню Беранже, переведенную Ленскимъ подъ названіемъ *Старый Холостякъ*. Мнѣ она очень понравилась, потому можетъ-быть, что я, если не *одружуся* съ моей возлюбленной артисткой, долженъ буду вступить въ эту непочтенную категорію.

6 февраля.

М. А. Д—ва сегодня репетировала предстоящій актъ выпускнымъ своимъ юнымъ питомцамъ. Юныя питомцы, въ зеленыхъ платьицахъ и бѣлыхъ перелинкахъ, чинно сидѣли на скамейкахъ, въ родѣ театральныхъ зрителей, и благоговѣнно внимали, какъ ихъ досужія подруги исполняли на фортепьяно руколомныя пьесы. Между-прочимъ была исполнена, на двухъ инструментахъ, весьма недурно, увертюра изъ *Вильгельма-Телля*. Потомъ прочитаны стихи пофранцузски, понѣмецки и, въ заключеніе, дѣвица Бѣяева прочитала собственные стихи, на тему—благодарность за воспитаніе: для ея возраста—стихи хороши, за что я ей обѣщался подарить сочиненія И. Козлова, если найду въ Нижнемъ. Въ-заключеніе, проиѣтъ былъ хоромъ такъ-называемый народный гимнъ, и репетиція тѣмъ кончилась.

Все это обыкновенно-дурно, но вотъ-что бросаетъ въ глаза: въ залахъ института, кромѣ скамеекъ и грязнаго лубочнаго ибображенія, ни одной картины, ни одной гравюры. Чисто, гладко, какъ въ любомъ манежѣ. Гдѣ же эстетическое воспитаніе женщины? а оно для нея, какъ освѣжающій дыханіе воздухъ, необходимо.

Послѣ этой театральной репетиціи, зашелъ къ М. А. и встрѣтилъ у нея стараго моего знакомаго, вѣскоого г. Шумахера; онъ недавно возвратился изъ-заграницы. Я въ первый разъ сегодня увидѣлъ газету и съ благоговѣніемъ облобызалъ.

7 февраля.

Сегодня получилъ письмо, да еще страховое, отъ директора Харьковскаго театра: онъ весьма любезно проситъ меня сообщить ему условія П—вой и еѣ-самоѣ поторопить пріѣздомъ. Сердечно радъ, что мнѣ удалось это дѣло. Вечеромъ пошелъ я обрадовать ее этимъ любезнымъ письмомъ, и поговорить окончательно объ условіяхъ и о времени выѣзда въ Харьковъ. Ея самой не засталъ дома, а мамаша такъ меня приняла, что я едва когда-нибудь рѣшуся переступить порогъ моей милой *протезе*. Необходимо прибѣгнуть къ письменнымъ объясненіямъ.

8 февраля.

Она прислала за мной, чтобы объясниться по-поводу Харьковского предложенія. Я, разумѣется, охотно согласился на это дѣловое свиданіе, имѣя въ-виду и любовное. Но увы! мамаша и одного шагу не ступила изъ комнаты, и я долженъ былъ ретироваться съ одними порученіями. Она предпочитаетъ съ отцомъ ѣхать въ Харьковъ. Это стѣснить ея денежные средства, потому что отецъ долженъ оставить контору, отъ которой онъ получаетъ 30 руб. въ мѣсяць.

9 февраля.

Послѣ безпутно-проведенной ночи я почувствовалъ стремленіе къ стихословію, попробовалъ—и безъ малѣйшаго усилія написалъ эту вещь. Не слѣдствіе ли это раздраженія нервъ?

I.

ДОЛЯ.

Ты не лукавила зо мною, —
 Ты другомъ, братомъ и сестрою
 Сіромі стала. Ты взяла
 Мене, маленького, за руку
 И въ школу хлопца одвела
 До пьяного дяка въ науку.
 — Учися, серденько: колпсы
 Зъ насъ будутъ люде,—ти сказала.
 А я в послухавъ, и учивсь,
 И вѣвчивси. А ти — збрехала...
 Які зъ насъ люде?... Та дарма!
 Ми не лукавили съ тобою,
 Ми просто йшли: у насъ нема
 Зерна неправди за собою.
 Ходімо жъ, доленько моя,
 Мій друже щирій, нелукавий!
 Ходімо дальше: дальше слава, —
 А слава — заповідь моя.

II.

МУЗА.

И ти, пречистая, святая,
 Ти, сестро Феба молодая!
 Мене ти въ пелену взяла
 И геть у поле однесла,
 И на могилі, середъ поля,
 Якъ тую волю на роздолі,
 Туманомъ сивимъ сповпла,—
 И колпчала, и співала,
 И чари діяла... И я....
 О, чарівниченько моя!
 Мені ти всюди помагала,
 И всюди, зоренько моя,
 Ти не марніла, ти сіяла...

Въ степу безлюднімъ, въ чужині,
 Въ далекій неволі,
 Ти въ кайданахъ пшчалася
 Якъ квіточка въ полі;
 Изъ казарми смердячої
 Чистою, святою
 Вплітала, якъ пташечка,
 И понадо мною
 Поплнула — заспівала,
 Моя сизокрила,—
 Мовъ живущою водою
 Душу окропила...

И я живу — и надо мною
 Своею Божою красою
 Витаешь ти, мій херувимъ,
 Золотокрылий серафимъ,
 Моя порадонько святая,
 Моя ти доле молодая!
 Не повдавай мене въ-ночі,
 И въ-день, и въ-вечері, и рано —
 Витаи зо мною... и учи, —
 Учи неложними устами —
 Хвалити правду! — поможи
 Молитву діяти до краю.
 А якъ умру, моя святая,
 Моя ти мати! — положи
 Свого ти сина въ домовину,
 И хоть одну слезину
 Въ очахъ безсмертнихъ покажи.

III.

СЛАВА.

А ти задріпанко, шинкарко,
 Перекупко п'яна!
 Де ти в'ката забарилась
 Зъ своїми лучами?
 У Версалі надъ злодіємъ
 Наборъ розпустила?
 Чи съ кимъ вишнімъ мизкаєся
 Зъ нудьги та зъ похмілля?
 Горнись-лишень коло мене
 Та вітнемо зъ лих'а!
 Гарнесенько обіп'ємось,
 Та любо та тихо
 Пожартуємъ — чмокнемося,
 Та й поберемося,
 Моя крає мал'євана ...
 Бо я такъ й досі
 Коло тебе мизкаюся:
 Ти хоча й ипшалась — — —
 Та мені про те байдуже...
 Мені, моя доле,
 Хочь на себе надивитись
 Дай, и пригорнутись
 Підъ криломъ твоімъ — и любо
 Зъ дороги заснути.

Т. ШЕВЧЕНКО.

МОСКАЛЕВА ПРАВДА.

Не здивуйтеся, читаючи москалеві речі. »Москаль, скажете, бреше: де вже йому, пройди́світу, правду говорити?« Нігде правди діти: умію й я часомъ підвезти такого москаля, що й не второпаешъ, відкіль берётця премудрость—розумнихъ дурити; та се, бачете, світове діло: безъ ёго, якъ безъ хліба, довго не проживешъ, та ще де—въ москаляхъ!...

Якъ узяли мене въ москалі, мавъ я гóлосъ гáрний; тільки, на лихо, грудина була не міцна: поспівáешъ трóхи—п заболить. А тутъ проніюхали, що въ мене є гóлосъ, и причепились: »въ півці, кажутъ, до насъ идіє. Щó маешъ робити? Чи то довго імъ изнівчить людину? Постій же, думаю, дай прикйнусь, що зовсімъ не маю гóлоса. Та добре й зробйвъ:—якъ заспівáвъ передъ ротнимъ, такъ той máло що не побйвъ мене.—Змíлуйтесь, кажú: вони́ силою привели мене, я, бачете, безгóлосий. — »Брешешъ, хахóль! я слухáль, какъ ти співáль адйвъ собі.«—Ій Бóгу, ваше благорóдіє, не я, то другий; велить ёго покликати, — та й указавъ ёму на одного кацапа, що зрóду, мабуть, не співáвъ: вінъ, кажú, такій гóлосний. Притягли ёго:—якъ утявъ вінъ імъ—далебі такъ гóлосно, трóхи благорóдія не оглушивъ. Я стою ні живий, ні мёртвий: щó, думаю, якъ поймають мою штúку? Якось извезло мнi—хвалити Бóга, одчпипи́лись; та вонó по правді казати, імъ и не трéба бъ лúччого півця, якъ той. »Пашли вонъ, сказа́въ ротний; потімъ оберну́вся, та й каже: »схаді-ка, хахóль, пускай тебя попрóбують въ музиканти.« Отъ тобі й нове лихо!—пшóвъ. Припишовъ до гáвного, та й кажú: ротний, кажú, казавъ, щóбъ ви попрóбували мене. Взяли мене прóбовати, та ні-

чого не вдіяли. Було, дадуть мнѣ трубу́, и заставляють дѣти въ вѣи; эта крѣпче, говорять, натуживайся! «Отъ було такі натужися; очі съ тебе ро́гомъ лізуть, по́вну трубу́ наплюєшь відъ натуги, а все не дму́кнешъ якъ слі́дъ. Чого вже не робіли! — Одкара́скайтесь, прошу́ їхъ: ба́чете—не вмю». Брѣшешъ, соба́ко, у себя на ули́ці, ужъ ві́стимо, въ дѣ́дочку и́гривальс. То въ дѣ́дочку, кажѣ, а се въ трубу́, які бо ви! Та й одчипілись. »Прокля́тий хахлі́на, ка́жуть, тільки наплюва́въ въ ца́рскую трубу́«. А почімъ я знавѣ. що вона ца́рська? Отта́къ було то збрѣшешъ, то прики́нешся та відтѣ́деш одъ москаля и себе на́дальше поберезѣ́шъ.

Отдали́ мене де́нщикомъ я́комусь офи́церу. Вінъ до́брый бувъ, та кумѣ́дний трѣ́х: було́ де́ не стоі́мо—чи въ го́роді, чи въ се́лі, вінъ протѣ́нче собі до́рогу до дѣ́вчатокъ; па́нськихъ нема́, то й до пошівѣ́нъ. Коли́бъ то тамъ собі зъ ви́ми жартува́въ, а то й на кватеру при́де (ма́буть лѣзъ мужпкѣ́въ), и хва́литця мнѣ́: «ка́бі ти знавѣ, ка́же, какъ мене дѣ́вушка полюбил!«—Зві́сно, ва́ше благо́родіе: ва́ше па́нськее ді́ло, щобъ васъ лю́били. —»Нѣ́тъ, Фе́дорушка, говоріть: ти ужъ, пожа́луста, разві́дай, какъ, молъ, она́ сильно мене лю́бить!« Щобъ отчепі́тись — було́ и почне́шь розві́дувати. Та й розві́давъ я, що попівна плюва́ти на ё́го хо́че. Якъ ё́му такѣ́ у ві́чі сказа́ти? Тре́ба було́ збрѣ́хати. Верну́вся я, та такъ и те́ниувъ:—Гві́вайтесь, кажѣ́, не гві́вайтесь, ва́ше благо́родіе. —»А што́ тамъ та́коє?« спита́въ мене́, начѣ́ трѣ́хи зли́кавши́сь. — По́мірае́, кажѣ́, за ва́ми. Се́ мнѣ́ ка́зала найблѣ́жча до не́ї дѣ́вчина: ба́ришня, ка́же, ка́жуть, що вони́ да́лебі́ умру́ть, якъ не побача́ть ва́шого па́на. —»Ну, ти вдру́живъ, Фе́дорушка; вѣ́къ не забуду́ тебя. Ви́пей-ка ста́канъ водки.« А са́мъ мерщѣ́й за шивелю́, и бувъ та́кий. »Пойду́, говоріть, не́много освѣ́житьсѣ́«. — Де́ тобі, дѣ́маю, освѣ́житись! у ха́ті́ та́ка хо́лоді́на. Зра́зу догада́вся, що до попівни́ шморгну́въ. Сха́менувъся я, та пі́зно. Нега́рно зроби́въ, що збрѣ́хавъ. »Що́, кажѣ́ собі, якъ мі́жъ ви́ми нела́дне щѣ́ вѣ́де? усю́ напа́сть на мене́ зверне́«. Якъ лі́ха дожи́дався ё́го на кватеру́, коли́ се — такъ, не дѣ́же барѣ́вся — и верну́вся.

— Пракля́тий хахо́ль, абману́лъ мене́!

— Щѣ́ тамъ та́ко, ва́ше благо́родіе?—А са́мъ прига́дую, якъ би́ ві́крутитись.

— Са́мъ знаешъ! Какъ вѣ́дьма при́няла мене́!

— Се ще, кажү, не бідá: дівчата съ почи́нку все такі.

— Врешть, каналія! чай, проболтался ти передъ неї?

— Якé вамъ пробóвтався! Ось слүхайте, будь-ласкові. Ви, може, у себе на своїй стороні привікли зразу усé діло кінчати, а въ насъ зовсімъ не такъ (се діялось вже въ Україні). Вона ще, бачете, виглядає, які ви въ ирãвнi: то, може, нарóшне трóхи и подратувала.

— Какъ сміеть она? Въ щастіе должна вмінити, что благородний чоловікъ....

— Постійте, ваше благородіе, даремне не сёрдітця на неї: може й певинна вона. За нею, óкрімъ то́го, усі підглядують одъ батька до посліднєго наймитчүка. А звáєто, панотéць такийъ благочестівний: вінъ не гарáздъ долю́блює, якъ за ёго дочкю́ ходить чужий чоловікъ. Отъ якби ви такъ, приміромъ, изъ поповичівъ булі!

— Къ чертямъ всѣхъ поповичей! Што теперъ буду ділать?

— Послүхайте мене дурня, та потёрпїть трóхи; перемéстця, може що й пүтнее вїйде.

— Это ваша хахлацкая порода терпять все, а нашому брату не въ натурѣ вижидать.

— Якъ хочете, кажү, ваше благородіе; а після—далебі агадаєте мене.

Утихомирився офицеръ, и мині полéгшало; а тутъ ще пришло повелінне виступати изъ того мїсця. Вїступили ми; бачу я, що мій панъ невесéлий, та й кажү ёму:

— Звиняйте мінi, що маю вамъ сказа́ти. Съ поповцями, кажү, нічого и вязатись, а найбільше — у котóрої панотéць живїй. Я дознавсь, що панотéць дүже злóбствувавъ на васъ — жалуватись хотївъ, що ви соблазнъ для людéй.

— Убїрайся ти зъ нимъ, а мнѣ жалко дѣвчушки, крѣпко жалко. Съ неѣ могла вийти настоящая дѣвчушка.

— Щóжъ ма́ете робі́ти, коли достáлась такому отцю́!

— Правду говоришь, Федорушка, святую правду. Вотъ етакъ, если бѣ ее намъ съ тобою въ руки (та й засміявся), вїшла бѣ дѣвчушка, денегъ не пожалївъ би. Правда вѣдь, Федорушка?...

— Чому́ й непра́вда, коли ви звóлите говорити; а я васъ здавна знаю, що ви усé тільки дóбре діете лю́дямъ.

И якби ви зна́ли, якъ вінъ полю́бивъ мене съ того́ часу, якъ

я розвів єго съ попівною? »На тебя, каже, Федорушка, можно положиться; хоть сплосаешъ часомъ, та пособишь».

На виїзді я прочувъ, що попівна такі гарненько спровадила єго—на сілу второпавъ, де двері одчиняютця. Такъ єму й сліди: нехай не лізе туди, де єго не просять. Вінъ и добрий бувъ, та щожъ, коли удався якийсь ненаситний: усє примівъ би — изъ дівчатами грався,—звісно не абій-якъ, — по ахвицерськи, и не зъ абій-якими, а съ паньскими,—въ великій біді — зъ попівськими »Паньські, ба́чете, ка́же, лү́чче вмю́ть обойтїтисѧ. Нашїхъ прѳстихъ дівчатъ — Богъ милувавъ — не любївъ чїпати. »Необтєса, говорять: на́до-ть би сперва поучить ее, штобъ була приличная для насъ».

Отакїй я брехунъ! брехнею рятувавъ себе, великого зла не діявъ, за те въ Петенбурсі бувъ, підъ Москвою стоявъ и наза́дъ вернувся. А брехнею,—кажуть люде, — увєсь свїтъ пройдешь, та наза́дъ не вернєся.... Часомъ трєба збрехати.

Отъ, хоть би тепєрь — чо́го кращє? Изъ москалівъ вернувся, міжъ своїми, якъ у Бѳга за дверїма, живу; а вже по́вну торбу імъ набрехавъ. Не вспівъ у село ввійти, а менє вже обступили и просять: »рєскажіть намъ, моска́лику, що ви тамъ бачили у Москѳвщинї. « — Якъ-то, кажю, не рєсказати; постїйте—тїльки пригадаю.—И почиєшь імъ точїти такєо, чо́го зовсїмъ не повѳдилось на свїті. И слүхають, імъ на здорѳвѧ, начо бъ щѳ добре рєсказувавъ; за животи берүтця та регочуть, а ти сидїшь собі на почѳтному мїсці, панъ на всю гүбу. И самъ помолодїєшь, дївлячись на їх — такі весєлі, и радїєшь, що їх звєсєливъ. Найбїльше було дїтворá охѳтлїва слүхати мєнє, в дівчата не спускали імъ. Абїбъ побачили, що вїлїзъ моска́ль взъ хати, заразъ до єго: рєскажіть, лшпъ, дядечку-моска́лечку, які днѧ ви бачили. И колѳдку тобі прикѳтять: тїльки, мѳвъ, сїдай та рєсказуй. Отъ в почвєшь.

— Чували ви коли про рака морськѳго? Мѳже я чували, да не їли, а я ївъ — одна клєшня съ пївпүда.

— Багáцько жъ ви єго одужали?

— Цїлу клєшню упоравъ.

— Якъ-то? Такъ пївпүда, дядьку, зїли?

— Дурні ви. бачу я: — тамъ гїрі не такі, якъ у насъ: зъ нашого пївпүда бѳде дєсятъ москѳвськїхъ пүдївъ, колш не бїльше.

түзочці, справді такée, якъ бачивъ я въ Петербурсі, що барши вбзятця зъ нимъ замісто дитини. Ще, прокляте, напало на мене, гараздъ и гавкати невиміє: хотівъ ужé ёго по-москóвськи вгостити, та щó, думаю, нехай дурне кричитьъ. У хаті ні души; одна якась баба старá-пестарéна! Огледівъ я її — одита у пánьске платте. Щó за лихо такée? невже я поцавъ не туди? Знову питаю:

— Тутички Тетяна живé?

— Здіся; а тобі, служившій, на щó?

Зразу я почувъ, що відъ неї пánьскимъ дұхомъ понесло...

— Мині, кажú, треба її побачити.

— Такъ садіся, коли тобі крiпко нұжно, — повремені.

Сівъ я, та не сиділось. Чогó вже я не передумавъ, щобъ втóропати, чогó се у братóвої така переміна усюде; а баби нехотілось питати: бачу, чогóсь зла. — ще вилає.

Ужé й пізні обіди почались. вже півні переспівали, а Тетяни не має. У животі давнó вже почало співати; вража баба хотъ би тобі натякнула: «чи не хочешъ, мовъ, служба, шматокъ хліба ззісти?» недогадлива суча. Зовсімъ мавъ съ пересерди сказати, що я родичъ Тетянинъ: та щó якъ не повіритъ? Ажéжъ місяці тоді не найдешъ нігдé; и такъ бликає на мене очима — цуръ їй! А тутъ, тобі на лихо, походяє баба, та все плямкає потпхёнъку: щось ласе. видно, їсть; ще гірше їсти захотілось. Не втёрпівъ такі.

— Чи немає, кажу, у васъ, бабúсю, чогó-нёбудь, щобъ дұшу одвести?

— Чогó се ти забажавъ! Хочешъ, щобъ я тобі горілки дала?

— Та ні, — чи нема у васъ шматка хліба?

— Багацько васъ такихъ найдеть; якъ васъ годувати, то й не настачишъ: — и такъ посидишъ.

И обіди пánьскіі минули, вже стало смеркати, а Тетяни не має. Коли се щось застукотіло; поглянувъ у вікóпце, — якась брiчка не то пánьска, не то жидівська, прямо у двіръ суне. Не вже тутъ сидить братóва?

Справді вона. Увійшла въ хату, вся снігомъ покрита (се було такъ після Різдва). Де взялась у баби и приткостъ: бóязно поглянула на мене, сюди — туди, обтрусила снігъ съ Тетяни...

Тутъ я приглядився до Тетяни: на їй була шубейка зъ лисичимъ кóлнiромъ, стародавня. мабуть, одъ якої паніі досталась. На го-

лові ватня шапочка, похóжа на жидівський капелюхъ, — въ панівъ зовѣтця капорцѣмъ; намісто плахти й сподниці тежъ панське платте, приміромъ, якъ у міщанокъ на місті, такóжъ заплóзене.

»Справді, думаю, — чи не торгую вона олією, абó сілью?»

Питає баба: — А щó ви, Тетянушка, доладу поярмаркували?
— Дѣ тобі! Тогобїцькихъ мáло було. Якїй вже тамъ безъ їхъ базаръ...

Дáлі поглянула на мене: — Це щó въ насъ за москаль?

— Мáло въ насъ москалівъ переведѣтця!.. Спитайте ёго самі.

— Чогó тобі треба? запитала мене Тетяна.

— Я, кажú, Фѣдиръ, братъ Пѣтрівъ, — прийшовъ до васъ віку доживати.

Вона мерщій зъ хати; а баба, якъ почула се, ажъ позеленїла, та такъ прїязно на мене поглядує, чи не обїднвся я, мовъ, відъ її ласки.

»Гáшко, иди сюди! Гáшко, дядюшка твїй, москаль, прийшовъ!« а самá такъ пїльно мнї въ вїчі поглядує, та дивуетця. »Оцѣ, ий Бóгу, зовсімъ мїй покїйничокъ Пѣтрó; тїлькв той молóдший бувъ«. Підвелїжъ ви мене — и сидять собі мóвчки.« Вхóдить и Гáшка (по нашóму бъ то Гáпка), гáрна изъ себе дївчина та не по-наськв одїта. Старовина на ий якáсь була, мóже колпсь и до-ладня, та, бáчшшъ, все те изнївечено и не пришлоъ на неї. Підійшла вона до мене... нїгде дїтсь, треба поцїлувати дядька; помóрщилась, поцїлувала. Пїсля казала мнї, що ий не велики цїлувати москалівъ и въ Великдень: хибá вже то рідний бувъ бáтько. Ще влізло якéсь малé. »И се, каже Тетяна, моя доненька; на Параскї піде ёму п'ятїй рїкъ.« Гáрно ми зъ нимъ поцїлувались, — тїлько вонó, мабуть, не залюбило москалєвнхъ колючихъ усївъ.

— Прощавайте, (каже баба,) Тетянушка: — порá вже мнї до дóму. Ви й самі теперъ упóраетесь (ще разъ поглянула на мене).

— Щó се у васъ за людина була, — питаю я, якъ вийшла баба.

— Це, щобъ ви знали, одъ вправїтеля мнї присилаєтця. Вона мнї усé попорáє, доглядить худóби, а на нїчъ идѣ до дóму; вона тутъ недалéчко відъ насъ живе, — моторная бабúся.

Посїдали вечѣрати; се да те, та й розбалáкались, — я́кось веселїше мнї стáло. Дáлі братóва й каже:

— Ви, бáчу я, дуже розглядáєте по хатї и на насъ пїль-

но подивлюєтесь. Вамъ дивно, що ми не по-мужицьки живемо; звиняйте, що не оповістили васъ заранше, якá зробилась переміна. Стрпвайте, якъ повечеряємо, усé розкаж́у.

— Дóбре, каж́у; а тó я справді дивуюсь.

Повечеряли; уложи́ла Тетяна спати маленьку дівчину; старша сіла недалечко коло матері, слухати її, а мóже, и на дядька-мо-скалі́ подивитись.

— Слухайте, О́едоре, ка́же, братóва, та тільки не звить менé Тетянушкою, нехай то при лю́дяхъ, для звичаю, а теперъ ми свої рідні, — ніхтó не осудить насъ. Кажіть пря́мо »Тетяно́: такъ менé и покійничокъ мій звавъ,—лéгко ёму лежати въ землі. Якъ вийдемо коли́ до ко́го въ гóсті, тоді мóжна вже и по-благородному; ви самі зна́єте, якъ тамъ щó лóчче трéба и зробити и вимовити, щóбъ не засміяли. Я вже, ба́чете, въ примірь теперъ собі взяла: коли́ зробилась панією, то й не трéба спуска́тись. Лю́де не подивля́тця, що я була́ коли́сь панією якъ не б́уду берегти себé. »Була́ коли́сь пані́,« ска́жуть, »а теперъ така́ сиря́чка, якъ би й ми«. Отъ-що скажуть!

— Кажіть же скоріше, якъ ви зробились панією?

— Отже ви не такъ обізвались до мене, якъ би я хотіла. Обходьтесь зо мною такъ, ніби я справді була́ мужи́чка, приміромъ якъ ва́ша покійная ма́ти, не въ гнівъ її ка́жучи.

— Ні вже, каж́у, Тетянушка Ива́новна, коли́ держатись чо́го, то одно́го: коли́ паньського звичаю, то паньського, — нехай б́уде по паньські!

— Богъ зъ ва́ми — ми́ні васъ не вчи́ти; кажіть, якъ самі зна́єте (а сама́ й ра́да, що такъ назва́въ).

— Тільки ось щó скаж́у вамъ, не во гнівъ б́уде. Коли́ такъ, зовіть менé Тетяною Ива́вною, а не Тетянушкою Ива́вною: Тетянушка я́кось не доладу, хочъ покійничокъ и люблязо́ такъ звавъ менé, та то да́вне: при́мира съ тóго не бра́ти молодімъ.

— Дóбре. Такъ якъ же ви, Тетяна Ива́новна, зробились панією?

— Дивно вийшло діло; що-ра́нку, що-вечеру молюсь Бо́гу, що вінъ оглянувся на насъ сиріть. Самъ зна́ешъ, Петра́ я поховала три го́ди тому́ наза́дъ — бідность насъ одоліла; огляну́лась я кругомъ, — пусти́ремъ стои́ть ха́та, у ха́ті зли́дні живуть, — хоть би вільная, а тó паньська. Тобі́, мій бра́те, не довелось зна́ти на́шого пана: си́бірний панъ, а не чоловік! Тро́є дітокъ остало́сь зо мною—

усе дочкн. Стáрша вже зовсімъ була на вѣрості—пѣшна та хорбша. Отъ я я думала роспорядитись-вѣдати її куди-небудь въ робѣтницѣ, а пѣдстáршенъку посилáти на пáньщину. Дѣ тобѣ—пáнь слухати не хóче; не такъ пáнь (бо вѣнь невхóдить въ такѣй дрѣбязокъ), якъ тѣ пѣдпáвки, прѣкащѣкѣ та вправптелѣ: »вехáй, кáжуть, обѣдвѣ хóдять на пáньщину«. Менѣ застáвпли дойти корóвн пáньскѣй. Колѣбъ одвá, щѣбъ нѣчóго; такъ лѣхо, дѣтѣну ще трѣба булó годувáти. Рѣднѣй дѣтѣнѣ не рáда стáла, бáчучѣ, якъ вонó, малсе, гѣне. Дáрмá щó корѣвъ доѣла,—гóрщѣчка молóкá булó невѣпрóсѣшъ; ще надъ тóбою, бачъ, пѣдглѣжують, щóбъ не вкрáла пáньскóго. А хочъ бѣ й вкрáла? Не вжѣжъ рѣдне дѣтѣ втóпѣтѣ?.. Мáла людѣмъ егó вѣдати, та й лудѣ такѣжъ сѣромáхи, прѣгнѣченѣ—нѣкому вѣрѣть. Вѣльнѣ козакѣ, тѣ й подáвне не взялѣбъ, вонѣ гóрдѣють передъ нáшнѣмъ; — в то скáзати, якѣе імъ дѣло до чужóго лѣха, абѣ у сѣбе булó тѣхо? Стáршѣ дочкн булó щó-вѣчóра вѣртáютѣ зъ пáньщѣннѣ—їхъ трѣба нагóдувати. Оттáкъ я цѣлѣй рѣкѣ бѣлáсь изъ дѣтѣмн. — А вамъ, брáте, дóбре булó въ Москóвщѣнѣ?

— Хвалѣтѣ Бóга, Тѣтѣна Ивáновна, мнѣ хлѣба не довѣдѣлось прохáти; якѣй бувъ, та бувъ, а все гóлоднѣй не спѣвъ. Чомъ же вѣ до мѣне не прѣслáли? мóже чѣмъ-небудь помѣгъ бѣ вамъ?

— Я такъ я думала; а якъ бѣ у васъ нѣчимъ булó помогѣтѣ? Вамъ лѣгше бѣ стало, почѣвши моѣ лѣхо? Все гáдалось, мóже лѣчче бѣде. Отже вонó такъ я вѣйшло. Прѣйшлось мнѣ вѣддáвати стáршѣ дочкѣ, Улѣну, зáмѣжъ; лѣчѣвся гáрнѣй пáрубóкъ, тѣльки—лѣхо ѣгó — такѣй же гóлѣй, якъ бѣ й мѣ, колѣ не крáще. Мнѣ, бáчте, въ бѣднóстѣ жѣлѣ, та въ зáтѣпшкѣ, нѣхтó не зачѣпáвъ насъ, а ѣгó не любѣла чѣлѣдъ пáньская, — мáбутъ за те, щó вѣнь трóхи змáглѣвнѣй бувъ — нѣгдѣ не булó прóсвѣткѣ. Не пѣди, кáжѣ, Улѣно, за ѣго: лѣха набѣретѣсь на своѣмъ вѣкѣ. Щó сѣ тóго, щó вѣ покóхáлись, якъ нѣчимъ бѣде жѣтѣ? однá гóловá, кáжѣ, на плѣчáхъ не такъ важкá, якъ двѣ. »Вонó й прáвдá, мáмо,« отвѣплá дóплá: не судѣлось мнѣ бѣтѣ за нѣмъ (щó мáю робѣтѣ!) — нехáй бѣде по вáшому, матѣусю,« та й остáлась дѣвувáти .. Недóвго дѣвувáла! Якóсь однóго днѣ звутъ менѣ до вправптелѣ; злѣкáлась, та трѣба булó йтѣ: бáчѣте, не до тóго вправптелѣ, щó зъ нáшнѣхъ бувъ я не такѣ силѣ мавъ прѣ пáньскѣмъ дворѣ, а до нáйглáвнѣшого. Вѣ ѣгó знáли, Фѣдóре?

— Знáвъ, дóбре знáвъ. Вѣнь ще жáлѣвъ, щó менѣ оддáвали

въ некрути: »ти бѣ, сказавъ вінъ, бувъ гáрний хлопець у мої покóи.«

— Ні, О́едоре, не той; той давнó вже вмеръ. Тепéръ у насъ новий вправитель, Німець, великий чинъ має; вінъ и вправляе и па́нських дѣтей учить. Отъ, прийшла я до ёго, вклонїлась до самїхъ нїгъ, та боюсь и підня́тись: щó то, мовъ, мнї скаже? (а бувъ такий стрóгий на видъ.) »Вставай, говорить, жéнщино, ти хотїла віддати дочку свою́ замїжъ?«—Хотїла, па́не; а сама́ такъ и трушусь; ще причéптця, зачїмъ ёго не оповїстїла.—»И дóбре, ка́же, сдїлала, що не віддала́, пускай она́ остáнетця за мно́ю, приведи́ її ко мнї.« Ні живáя, нї мёртва́я вийшла я зъ па́нських покóївъ. Пропáла, думаю, дочка́! якъ то ще їй сказати? Невспїла я зїйти́ зъ га́нокъ, пострїчавъ менé казначей, та взявъ менé за рúку, и повївъ до себé. »Я знаю, чо́го ти ходїла до вправителя; не турбуйся, уволї ёго волю, дóбре бóде; вінъ не обїдпть твоєї дитїни, бо справди́ її любить.« Кого́ вже не питáлась, все еднé ка́жуть: оддай дочку́, не будешъ ка́ятись. Запитала́ я у дочкї—и слухати не хóче: »пропаду́, ка́же, лóчче, та не зледащїю.«—Якá, кажú, ти чудна́я! я усїхъ питáла, ка́жуть—по любовї́ будете жити. — »И ви, ма́мо, проти мене? такъ зна́ете щó, ма́мо: я пїду́ до па́нського ста́ву, та тамъ в втоплю́ся. Не будете ба́чити сорому́«. Дурна́я, кажу, щó ще бóде, а ти такї рéчї вимовляешъ: послóхай матерї, сходи́ за́втра до вправителя. а тамъ будешъ робїти, якъ сама зна́ешъ.—Вгамовáла дочку́, пїшла́ вовá до ёго. Спївдїя́ не було́ її, надъ вечорї́ верну́лась. А щó, питаю́ я: яка па́нська лáска?—»Обма́не врагъ,—ка́же: справди́ будешъ моёю́ жївкою, не допущú, ка́же, и твоєї́ рїднї до бїди.« Тодї́ я почала́ її благáти, якъ умїла; вгодї́, прошú її, вправителю: ба́чпшь, вінъ ще по за́кону робить; дрúгий би, на ёго мїсьци́, сїлою́ взявъ тебé, якъ першї вправителї́ и робїли частéнько. Ува́жъ, кажú, ра́ди матерї, не дай намъ усїмъ пропа́сти; и тепéръ тїльки що живемо́, а посéрдпшь ёго—гїрше бóде.« Такї́ вблагáла дочку́: ѿ дóси зъ вправителемъ живé.

— Якъ то, Тетя́на Ива́новна, не вїнчана живé?

— Се, ба́чете, ще тїльки два годкї́ не вїнчавї́ живóть. Усе́ жалку́ють, що не мóжна добїтпсь одъ архерéя позволéння, бо вправитель Німець. А панотéць казавъ, що вінъ и сёгóднї повинчавъ би якъбї́ тїльки ёму́ архерéй благословївъ.

— За панотцёмъ діло, кажú, не стáне, абí за вінчання давъ, самп знаемо; та, ма́буть, самъ не хоче вінча́тись.

— Де вамъ, О́е́доре, не хоче? у і́хъ и дитинка е; якъ же бъ то, дитя́ ма́вши, не повинча́тись! Вони́-такі́ й вінчані́, тільки не по-на́шому, а по-німецькому, такъ що треба ще по-на́шому, тоді́ зовсімъ бу́де по за́кóну.

— Брэше вінъ, якъ соба́ка, хоча́ ви ёго́ и вподо́бали; такъ и скажíte ёму́: каза́въ, мовъ, мій рóдичъ моска́ль, що ви брэше-те, ко́лі́ мо́жно на одній дві́чі підра́дъ вінча́тись. Дóбре, Тетя́на Ива́новна?

— Такъ не мо́жна каза́ти, а ось ско́ро Уля́нка сама́ прі́йде до ме́не, — тоді́ и распита́ете.

— Кажíte, що́ дальше бу́ло?

— А що́ дальше? ви́зволить ме́не, спасі́бі ёму́, изъ нево́лі— тепе́рь я па́ні; я́къ не ви́зволить тамъ, а все не сті́дно въ лю́де показáтись.

— А лю́де-чо́го-небу́дъ часомъ не гомоня́тъ про Уля́нку?

— Що́ імъ гомонити? може́ що́ й сказа́либъ, та е кому́ ро́ти за́ціпитъ, — не розбала́каютця́ дúже.

— А я бъ, кажú, не захоті́въ тако́го па́нства ні за́ які гро́ші.

— Дóбре вамъ тепе́рь, а бу́лі бъ ви на моімъ ми́сьці, не тіе́й заспіва́либъ. Подвіте́сь лишень сю́ді, чо́го тутъ не ма́е?—И показáла мни́ братóва свою́ скрі́ню зъ усімъ бага́твомъ; у само́й о́чі такъ и розгорі́лись, — ажъ затрусі́лась. »Усе́ е, усёго́ достáну, хяба́ птíчого мо́лока́ не добу́ду, бо н въ па́нівъ ёго́ не ма́е. Що́ въ па́на е, те н въ ме́но е; чо́го я не достáну, то́го й па́нові́ не добу́ти. А бу́ло ко́лісь, що́ я нічо́го не ма́ла. Сорóчки для́ дити́ни не ма́ла!.. Неха́й знаю́ть ворогі́, що́ я не дарёмне набра́ла о́цю худóбу (вже́, ма́буть, де́сятій разъ переверту́е її, та розгляда́е); подивіте́сь лишъ, які́ се́рги, намистá, а ось пе́рстінъ зъ ве́ликимъ ка́мнемъ... що́ я за ё́й ля́хо ві́терпі́ла, грі́хъ вчи́нила, дочці́ о́чі за... і́й Бо́гу, ска́жуть, що́ я дочці́ о́чі завяза́ла. Неха́й ка́жуть. Ви, О́е́доре, не пойме́те віри, щобъ я, рідна ма́ти, дити́ну зви́вчла?» — Та́ й заридáла.

— Госпі́дъ зъ ва́мп, Тетя́ночко (мни́ жа́лко її ста́ло), ніхто́ нічо́го не ска́же; я пе́рвий прі́шійю зя́йкъ то́му, хто ви́мовить що́ проти́въ васъ; неха́й уся́кий себе́ зна́е. Не пла́чте, го́ді. А зна́ете, я скажу́ вамъ спасі́бі, до землі́ спасі́бі?

— А кажіть, за щó?

— За те, що ви не дали руйнувати своєї хати. Старá хата та по-наському зроблена. И пéчи не роскíдали, и полéжати е де. Ажé жь мóжна мині бóде заснóти на пéчi, рострjúхáні кíсткi повáрити? Кажіть, — мóжна?

— Спочивáйте собі до схочú, усю пiчть вамъ дарúю. Коли захóчете, злiзете на пiль; я такъ и зостáвила ёго, якъ при покiппку бувъ, тутъ вінъ и спочiвъ на вiки. Ви не боязкi?

— Щобъ москáль чогó боявся! ще не вiдано!

Побалáкали ми ще трóхи, та й поснóли. Тiльки мині довго не спáлось: усé дúмавъ, якъ братóва згубiла свою первáчку. Побáчпть би мині Улянку; мóже вона чогó чи не роскáже.

Остáвся я на хазáйствi.

— Оцé, спасiби вамъ,—каже Тетяна Иванóвна,—що ви прийшли до насъ: тепérъ я вiльна на всi чотiри. Ви бóдете всéго доглядáти—а я... лiхо моé... трéба и скуди й туди—и клóшницю одвiдать, и съ контóрщицею побáчитись, та все вiколи булó. За однiмъ рáзомъ ви вже поглядуйте и за Гáшкою; вона въ мéне хорóшаму дiвчина, та все якось бóязно (и почалá щось тихéсенько Гáнци говорiти) малúю брáти съ собóю.

— Дóбре, кажú, тiльки якъ васъ не бóде дóма, не приси-лáйте отiеi бáби, що пёрше у васъ булá.

— Чомъ такъ?

— Не вподóбалась вона минi—исти цiлий день не далá, якъ я напёрве пришовъ до васъ.

— Мáбутъ, старá, самá забúла про iжу, та й вамъ не догадáлась дáти. Дóбре, я дрúгу знайдú (але не булó бiльше нi якои).

Таки частéнько кiдала менé братóва—коли не до кумi, то до свáхп,—наiде куди! де й рiднiя набрáлась. Спдимó ми йпо-дi зъ Гáшкою часъ, дрúгий и трéтий, мóвчки; вона ненáче обiгáе менé, а я боiюсь дúже розговорiтись, щобъ не врáзвити дiвóчпхъ ушеi своéю москалёвою рiччю.

— Ви, мóже, запитáе, кúшати хóчете.

— Кúшати, кажу, не кúшати, а исти здóрово хóчетця.

Почервоніе небо́га, ніби відъ молодого. — Заразъ, ска́же, го́тове бу́де.

— Не турбу́йся, небо́го; я й самъ достану шма́токъ хліба, а тобі, ба́чу, не наході́тись на дядькі́въ та на ті́токъ. — Зно́ву дівка почервоніе.

Або́—проскажіть що-небу́дь (дядькомъ вона́ не назива́ла мене́), якъ тамъ у Петербу́рсі. Сестра́ Улья́нка ка́же, що її чолові́къ, чи то, бакъ, вправі́тель, бува́въ въ Петербу́рсі.

— Мо́же, й бу́въ, хто ёго́ зна́е; такихъ, якъ вінъ, бага́цько тамъ.

— Тамъ, ка́жуть, усé великі́ пані́ живу́ть.

— Чомъ не живу́ть? Живу́ть ще більші́, ві́жъ ми зъ тобою́.

Счервоніе дівка и замо́вкне. Отта́къ ці́лий де́нь, якъ нема́е Тетя́ни Ива́новни; та́ при́йде, хочъ ка́зна, роска́зуе, та все немо́вчить.

Надо́ло мнѣ такъ жи́ти зъ небо́гою. Ставъ я запо́бігати въ неї́ ла́ски: мо́же, ду́маю, спра́вді не ві́рить, що я її дядько, або́ ма́ти наговори́ла де-що якъ тре́ба вести́ себе́ по-па́нські. Про те, ні що́ не берé. Постій же, ду́маю, зна́ємо тепéръ, якъ підступі́ти до небо́ги: зачиплю́ лишень її гарне́нько—що́ бу́де, то й бу́де. Діжда́вся я того́ ча́су, якъ зоста́лись у дво́хъ; отъ и ка́жу їй:—скажі́ мнѣ, будь ла́скова, Га́пка, якъ то Улья́на дово́днця управі́телю: спра́вді жи́вца, або́ ні?—Ду́же не хоті́лось мнѣ пита́ти її, але́ одна́ково тре́ба дозна́тись пра́вди: ма́ти ка́же, та не дока́зуе, лю́де біль́ше збрéшуть, повина́ Га́пка лу́чче зна́ти. Ще такі́ мавъ надію розвору́шити її, яка́ то вона́ вивявця изъ се́бе. Не ста́мплась дівчина, відкі́ль ві́стрелило; ста́ла якъ уко́пана, дивлячись на мене́.

— Чомъ же тобі́, ка́жу, й не сказа́ти?

— Ви самі́ й безъ мене́ зна́єте: на що́ вамъ каза́ти? ма́ти все росказа́ла.

— Слу́хай, небо́го; не сорóмся старо́го моска́ля, роскажі́ ёму́ все, якъ чу́ла, якъ ба́чила, вінъ не осу́дить тебе́. Я рідний ва́шому ба́тьку, не посмію́ зву́щатись надъ ёго́ дітьми.

Вона́ зно́ву погля́нула на мене́, ніби хоті́ла дозна́тись, чи пра́вду моска́ль ка́же.

— Мо́же тобі́ ма́ти наговори́ла що́ нела́дне на мене́. Чого́ бо́ятись? кажи́ въ ві́чі — послу́хаємо.

— Вони нічого не казали, — тільки веліли не обходитись зь вами, якъ изъ ріднимъ дядькомъ. »Вінъ«—(сежъ то про васъ кажутъ)—хочай дядько, та москóвськимъ духомъ відъ ёго пахне.

— Правду сказала твої мати. — Нехай я москаль, напахався москóвського духу, але ніхто менé ні въ чимъ не урікне: прями людянь въ вічи дивлюся. Хай спробуе вона: може, й не подивитця... Такъ щожъ? якъ Уляна доводитця вправителеві? ти мині не сказала...

— А ніякъ: такъ собі въ ёго живé, а черезъ неї п ми потроху. — Одвітила та й заплакала.

— Не плачь, небого, не плачь; щó зробилось, не вернетця. Я затимъ тебе спитавъ, щобъ увіритись, — правду мати твої сказала. Збрехала—и передъ кимъ?... передъ своїмъ! Щó я її заподівавъ? Якъ хочешъ, воли її волю, одцурайся свого дядька, я не властевъ тебе принудити, щобъ слухала менé. Може, я вамъ й лиха бажаю, почимъ знати? може, мати такъ и думае. Нащожъ було викпкати до себе: »приходь, мовъ, у мене спокійно вікъ доживешъ.« Та ще й дітей своїхъ навчае менé не знати.

— Я васъ, дядечку, не цуралась, та матуся навчали; а ви ще й самі якомсь неласкове диветесь на мене.

— Нічого тутъ говорити, обоє ми винні; я, бачъ, не привікъ кланятись, та ще кому? небожятамъ; а ти далéбі дивисся якоюсь городською.

— Отъ, бачте, ви заразъ урікнули менé. Яка я городська? що на мнї намїсто дорогéе? що плахти я не ношў? кажіть, яка я городська?

— А тобъ ще й ні —Та й дивлюсь, щó зь неї вїйде.

— Плювати я хотіла на все це. На мене и такъ усі дивлятця, ваче я, Богъ зна, якая. У цёрковь вїйдешъ, такъ и відступають одъ тебе, якъ одъ зачумленої: »дорогу давайте,« кажутъ: »не бачите, мужичкї, що панівна идéе. Хибá я тогó не чую, якъ вони глузують изъ мене? Хочете, дядьку, завтра нічого сéго не бúde на менї? Хочете? Не родилась панією, и не бۇду панувати. Мужичка я — такъ щожъ такé? А мужичка й нелюдина? якъ по вашому?

— Людина то людина, та не объ тимъ рїчъ; всі ви спёршу приткїі, а дїйде до дїла, и притїхнете; не ти перва, не ти послїдня. Хочъ би, примїромъ, сестра твої Уляна? Мати каже—дуже бадёрїлась, а якъ прийшлось, мўсила послухати вправителя. Такъ, чи нї?

— Брехня, ій Богу, брехня. Уляну обманіли: сама мині, плачучи, недавно казала: »погубили, каже, сестро, и врѣду мою и щирость, та не вернешь»; ще хто обманівъ? матуся сама; усѣ ій дбали, и щастя и весілля — и збили бідну. Безталанна та и дурна була... наскочили бъ на мене!

— А щобъ ти, кажѹ, вдіяла?—А мині гарно було слѹхати тії щірі рѣчі.

— Побачилибъ тоді — наплювала бъ ѣму въ бѣроду. Бачъ, старій бородатій задѹмавъ згубити такѹ дівчину—ви ще не бачили Уляни?

— Ні, не бачивъ.

— Побачете, то и скажете. Щѣ зъ ѣго? Гнидывий якийсь, та ще на те лихо Німець — казнащѣ! Казала Уляни: не слѹхай ти ѣго старѣго собѣки, вінъ брѣше. »Якъ то каже, (ще обідилась) — ти не бачила, який вінъ щірий та ласкавий, дарма що не нашої віри.« Отъ тепѣрь и дивитця на ѣго бѣроду, та прѣсять: ходімо, сѣрце, обвінчаємось. Повремені, говорять, дѹшенька, началство не веліть. Самъ, злодіяка, не хѣче, щобъ ѣму... та цуръ ѣму! Хвалилась зъ жалю Улянка, що намъ черезъ неі лѹчче бѹде... такі лѹчче стѣло, щобъ ніколи такъ не булѣ! Знѣете, щѣ мині мати що-дня и що-ночі въ гѣлову товчѣ?

— А щѣ? Учитъ, якъ по-паньскі ходіти?

— Эге, те саме, та ще більше. Не те, каже, наділа: одягайся якъ Уляна; сѣмъ разъ на день заставляѣ вмпвѣтисъ та натирѣтисъ якимъсь зіллямъ, щобъ то, бачете, покращала; та все гризѹть гѣлову: »своеі годіни цурѣсся, сяка-такѣ; васъ мѣжъ лѹде вѣвела, а ви и ѹхомъ не ведете; мѣжебъ и тебе звела въ такій парі, якъ Уляну.

— А щѣ жъ, бѹцїмъ то и не хѣчешъ? знаемо васъ!

— Не дїждете, дїядьку, щобъ я зробила такъ, якъ Уляна... Отъ вамъ щѣ!

Тутъ вже я не витерпівъ, жалько стѣло мѹчити бідну дівчину.— И дѣбре, кажѹ, небѣго, дѹже дѣбре, мой голѹбка. Не втерпівъ, обнявъ її и самъ заплакавъ, заплакавъ відъ радѣсти, що бѣчу такѹ дівчину: оцѣто, дѹмаю, звеселїть мого Петра на тїмъ свїті.— Робї, кажѹ, Гапко, якъ правдїве сѣрце тобї скаже, та дѣбрї лѹде на-раѹють. Почитаї та не слѹхай матерї, коли вона дѹрить тебе; вона ще не такъ одѹрить.

Кріпко мнї захотїлось приверну́ти Га́пку на свою́ сто́рону—сякть-такъ, думаю, та не дамъ їй пропа́сти. Далі́ прийшло́ ще мнї въ го́лову звірити́ її, чи то спра́вді вона́ така́ настїйлива и кріпка́ на ділі, якъ въ речі. Та й, кажү:—зна́ешъ що́, Га́пко?

— А чо́го вамъ тре́ба, дя́дку?

— Зробі́шъ, чо́го я бу́ду проха́ти.

— Кажіть — чо́мъ не зробі́ти, коли́ можна?

— Ябъ хотївъ, щобъ ти добула́ собі пла́хту, вїно́къ съ кві́ткамп на го́лову, сорочку́ наськую, зна́ешъ, мере́жанную, та оді́лась би́ якъ слі́дъ. А то що́ се на то́бі наді́те? Непові́ривъ би, що́ мо́я небо́га, якъ бї́ ма́ти тво́я не сказа́ла; ні на́що похо́жа.

— Я сама́ объ ті́мъ да́вно думаю́, та не мо́я во́ленька. Ма́ла я коли́сь пла́хту, хочъ убо́гую,—о́ть же мнї въ їй весе́ліше бу́ло, ніжъ у ці́мъ па́ньськимъ. Якъ бу́ло мнї годкі́въ зъ двана́дцять,—якъ небу́дь бу́ло ві́рвесся одъ ма́тері и збігаешъ туді́, де дівчатка́ збіра́ютця. Коли́бъ ви зна́ли, дя́дечку (вона́ думала́, що́ я моска́ль, нічо́го то́го не зна́ю), якъ тамъ весе́ло: міжъ усі́ма я рі́мна, ніхто́ не ганбу́е надо́ мно́ю;—а які́ тамъ пі́сні співа́ли! Ча́сомъ луча́лось, и до ма́тері збіра́лись—хоча́ ми бі́дні бу́ли, та ха́та простора́на — ма́тінка усміха́лась, дївлячїсь на насъ, що́ ми весе́лі—ще та́то живі́ бу́ли, ще Уля́нка дївува́ла, не зна́ючи сво́єї ли́хї до́лі... А тепе́рь? са́мі жъ боро́нять співа́ти: «забува́й, ка́жуть, мужи́цькі́ співи» Уже́ я й забу́ла де́-кото́рі, а па́ньськихъ не навчи́лась, та й не у́чать мене́ нічо́му: дурна́а, та ще, ба́чете, у па́нії тїкають. Ні, бо́юсь замо́вить ма́тері про те, що́ ви ска́зали. Спїта́ють — на що́?

— Пості́й же, небо́го; ще не вели́кее ли́хо, хочъ и спїта́е. Я скажү́ тво́їй ма́тері, що́ мнї тре́ба де́-зачі́мъ въ го́родъ; у мене́ е́ тро́хи гроше́нятъ, о́ть я и куплю́ то́бі пла́хту, са́мъ ви́беру, куплю́ вїно́къ та й принесе́: то́ді му́ситъ вона́ позво́лить все наді́ти. А що́? по-москво́вські́ пригада́въ, га́?

— Добра́е, дя́дечку,—та й кїнула́сь мене́ цілува́ти:—рі́дний мій ба́течку, васъ зъ не́ба мнї верну́ли. Аже́жъ ви мене́ лю́бите?... А я вамъ пі́сні заспіва́ю, що́ лю́де навчи́ли, що́ не́нька коли́сь співа́ла. та тепе́рь не співа́е. Заспіва́ю усі́хъ, котрі́ згада́ю: малю́ю у мене́ бу́въ го́лосъ, свіва́чки зъ мене́ сподїва́лись, а тепе́рь, мо́же, згубїла́. Ли́шенько, недо́ле мо́я!

— Не жу́рїся, небо́го, у дво́хъ заспіва́емъ; неха́й чу́ють, якъ

дядько-москаль зъ небогою співае. Не журіся, Гапко, та гляди, матері не въ усі давоні.

Оттакъ ми ззішлись зъ небогою, а Тетяна Івановна нічого не догадуєтця (а може й постерегла, та не каже поки-що).

Якось вечереємо ми, — вона й каже: лагодьтесь, Фёдоре, ити до вправителя; хоче васъ бачити.

— А що мнѣ, кажу, лагодитись, надівъ муніципу, та хочъ и заразъ, противъ ночі, до ёго.

— Якъ-то можно, одвічае, до такого лиця солдатовъ ити, остримте й мене: онъ, скажуть, москаль шведяе, дядько Улянинъ. Ні вже, якъ хочете, а я добуду вамъ каптанінку, щобъ були похожі хоча на москѳовського купця.

— Лягайте жъ, кажѳ, Тетяна Івановна, лѳчче одпочивати, а я такъ завтра й махну до ёго въ оціи солдатській хвормі; москаля не вижене, — ще медаль начиплю; а купця справді въ шійю вибьють зъ гѳрниць.

— А у васъ и медаль е? я й не додивілась.

— Эге, кажѳ, ви ще не знаєте, що я кавалеръ. И показавъ ии усю свою кавалерію.

— А все бѳ вамъ, здаєтця мнѣ, не годилось ити у салдацькому.

— Я всюди свѳбѳдно хожѳ, куди здѳмаю — що за невпдалъ вашъ вправитель? я самъ такой же какъ онъ; никто не посмѳи загороживать дорогу, — заговоривъ я по-москѳовськи — Та кѳ обіднѳму часу и поплився до вправителя.

— Стриваѳте, — кричить Тетяна Івановна: палвицю возьміть, а тѳ тамъ собаки злющѳ:

— А вотъ она на што? — и виїнявъ шаблю: — пусть-ка тронетъ.

Замѳвклѳ братѳва, мабуть злякалась, що я вимовлявъ краще ніжъ ии вправитель-Німецъ. Дѳвго ще оглядалась въ-слідъ мнѣ — и въ гѳлову не приберѳ, що я такой смѳлий.

Приишовъ я до вправителя. Подивився — великий будинокъ стоить, годився бѳ не абн-якому пану, не то Німцеві; питаю: а кудижъ тутъ до ёго въ гѳрницю добратись? »Бери, кажутъ, «москалю, все въ гѳру, на самісінький верхъ.» Обридло вже лізти вгѳру: оцѳ, куди забрѳлась Уляна, якъ то нігъ собі тутъ не позвертае. Такой пацапивъ гѳрницю, увийшовъ и питаю:

— Де тутъ вашъ вправитель живѳ?

— На щó воні тобі? їхъ дома вѣту. Коли дуже надо, то обожді.

— Такъ доложі Улянци: москаль, мовъ, хоче її бачити.

— Якій Улянци? у насъ такової не находятця.

— Ти, кажү, найді мині, яка въ васъ тамъ найглавніша.

Привелі мене до Уляни Петровни: «тобі, кажуть, оцібі надоть?»

— Хоть и цієі.

Подивився я на неі, вибивавъ хустину мерщій нісь втерти, щобъ часомъ не злякаться. «Гарна, думаю, пані, зовсімъ не похоче, щобъ я бувъ її дядько, а все-такі не краща моєі Ганки» та вже налагодився такъ и брякнути їй: «поцілуйте-лишь, Уляно, свогó дядька-москаля,»—колибъ вона не поспішила запитати:

— Чогó тобі, служивий, вужно одъ меня?—мовъ самá черезъ матірѣ не клікала. Та се, бачте, при дворовіхъ тагъ. Я такъ їй доладне моргнувъ:—догадайся, мовъ, Уляно, прожені оціхъ цүцивівъ-лакєівъ, — що справді догадалась: махнула, — такъ и поховалсь.

— Зайдіть—каже якосъ тихо та любязно,—въ мою гóрницю, побалакаемъ зъ вамп.

Увійшовъ я, въ гóрниці прибрано, гарно; цүценятъ чимáло; картини висять хорóшіі (трохи сорóмні), звісно якъ у панівъ; здвила мене найбільше табатерка, що лежала на столі: не вже то Уляна, така хорóша, нюхає зъ неі? А вона була справді хорóшая: на щó вже Німець, — а нігде не найшовъ кращоі!

Привітала вона мене якъ трéба, нагодувала, тільки казна-чимъ, якимсь німецькимъ. Посідали ми и почали балакати.

Съ першого разу я завваживъ, що вона нехоча пішла жити зъ вправітелемъ.

— Якъби ви, каже, звáли, якъ я не хотіла завязати собі очп; все мати наробіли; одуріли та теперъ и кажуть: не журіся, черезъ тебе, доню, и намъ потеплило.

— Чогó тобі, Уляно, журитись—звиний, що незвичáйно назвавъ тебе:—ажежъ ви віньчани по-німецькому?

— Вамъ мати казали, а ви імъ и повірили. Вже дитину маю, хоть би ёго пожалівъ, та ні — невідно напереді нічого; загину, я, дядьку, загину! Сёрце моє чує, що вінъ кине мене зъ дитямъ.

— Плюнь, кажү, ти на ёго багáцтво, нехай вонó ёму на позвиння, та вертайся до насъ: якъ-небудь будемо пробуватись.

Уляна мала щось одказати, засмутилась, а тутъ на віручку припшовъ п вправитель. Й въ Москві я не бачивъ такого мизерного, поганого; ззаду п спереду мършавий, гідко скіпками взяти; борода въ ёго якъ клоччя, п то мисьцями вірвана. Такъ мині п пригада-лось, чи не бувъ вінъ часомъ тоді зъ жидами, якъ їхъ зъ десятини хватає; щось похóже на те.

— А щó, москалю—такъ уїдливо заговорівъ до мене—ви й не пізнали мої Уляни? на всімъ селі нема крапці.

— Я, кажú, зовсімъ її не знавъ, бо батько ще тільки оженився, якъ я пішовъ у москалі.

— И перше вона гáрна була дівка, та пропадала; зжáлився я надъ неї, визволивъ її зъ неволі, а теперъ п рідний батько не пізнавъ би її. А це хлопчикъ її — п взявъ ёго до себе на руки—вдався въ мене;—пóтімъ подивівся въ вічі хлопцеві п каже мені:—могú завітть васъ, другий бóде я!

«Борóвъ Бóже, думаю, щобъ удався такимъ поганцемъ!»

Бачить вправитель, що не запомігъ мині своєю річчю, отъ п звернувъ на другé, а Улянці звелівъ, щобъ подали випити, закусити (а такъ було вже геть по обіді).

— Скажіть, москалю, ви всюді бували, щó чували гáрного на світі?—А самъ п зúби потихенько скалить: збрешешъ, мовъ, москалю, знаю я! — Бáчу я, що німецька штúка,—п собі на стороніць звертаю.

— Нічóго, кажú, не чувъ; дé вже намъ щó чувати, москалямъ—отъ вамъ зовсімъ другé діло, ви всі стóронн переїздили, пóки не зопинілись въ насъ.

— Се я противъ тóго запитавъ васъ, що мо́я Улянка що-дня грпзе мині гóлову, чи правда то, якъ одберу́ть одъ насъ мужиківъ, то я мúшу зъ нею утікати въ свою стóрону? Я, бáчете, завіряю її, що хочá не бóде панівъ, то хибá окрімъ насъ Німцівъ. Такъ я п спитавъ васъ, не чу́ли, мовъ, чо́го нéбудь по сёму ділу?—А самъ, проклятий, вже третю наливае мині яко́гось спотйкачу п підмóргує—ува́жъ, мовъ, москалю!

— Ні, кажú, щó чувъ, те чувъ, а сёго чувати нігдé не доводилось. Я чувъ, щó, недавно десь, біля Москві хотіли нашкодитъ? усімъ Німцямъ, цілабъ то їхъ колóння завелась тамъ, та й розгадючились сучі.

— То, може, іншихъ якіхъ Німцівъ, а не такихъ, якъ би оцѣ я.

— Все еднаково, одвічаю, який ві є Німець, все вінъ Німець, такажъ невіра, — трóхи хибá мѣньша одъ жида.

— Брѣшете ви, москалю (гóді вже держатись німецького звичаю!) ти бачила, Уляно, якъ я молюся Бóгу? Лúчче, ніжъ вáші глúпí гóлови!—Та й грúкнувъ дверíма.

Після Уляна казала мині, що вінъ крiпко на мене росердився, мужикомъ назвáвъ; я считáвъ, кáже, ёго хорóшимъ чоловикомъ, такъ якъ вінъ твiй дядько, та ще изъ москаливъ.»

— Плюнь, кажú тобi ще разъ, Уляно, та вертáйся до насъ.

— Не мóжна, дядечку, не мóжна; и дитíни не оддáсть; тод що робити? Нехáй самъ кiдає.

Говорiли ми зъ нею ще де-объ-чимъ; після Уляна замолилась до мене:

— Не осудiть мене, дядечку, бiдноi, що рiдъ свiй осорóмила, навидуйтесь до мене, вінъ пересердитця и рáдий бóде вамъ.

— Судити тебе нi защо, небóго, а ходити до тебе не бóду, щобъ и въ вiчi не бáчяти такого погáнця. Завертáй, кажú, коли лúчитця, до насъ: побáчишь, якъ ми гáрно зъ Гáпкою живемо. — Та й простiвся зъ нею.

Не вспiвъ я дойти до хáти, братóва и вибiгла назúстрiчъ.

— Оцѣ якъ ви довго тамъ барiлись, — мáбуть признались въ кавалерствi. Щó вправитель вамъ казáвъ?

— Багáцько дѣ-чого наказáвъ, а найбільше жáлувався на васъ.

— Ой! жáлувався? Якъ же? — тiльки на дочкú, чи й на мене?

— Эгѣ, та ще на однú васъ.

— Чимъ же я ёмú не вгодiла?

— Тетяна вáша, кáже, — вінъ такi васъ Тетяною зве — не вмiє держатись.

— Отъ бáчете, мáмо, обiзвáлась Гáпка, — ви все на мене: и те не такъ, и дрúге недоладú, а самi, вiдно, такажъ мужiчка, якъ бiй и дрúгi. Я хочъ въ панi не лiзу...

— Постривáй, дурнáя!.. Кажiть, Оéдоре, чимъ я не вмiю держатись...

— »Не вмiє, кáже, та й гóдi; що хочъ роби! И платiвiвъ нашiвъ я iй, одiнетця, гiдко поглянути, ступиць не умiє, швѣндає якъ

шалёная. Тимъ боюся и вінчатись зъ Уляною—якъ-таки таку матірть признати; черезъ неї и мене осміюгъ. Ще просивъ мене, эчи не можете, мовъ, ви, москалю, приловчить її, знаєте, такъ по-москóвьські—ви багáто дé-чого бáчили вь свѣтѣ.—Чому, кажү, не мóжна...

— Отъ тоби й лихо! А кажить же, якъ би ви порáяли мині?

— Киньте усі ці пáньскі придивáли, надівте на себе мужицьку запáску, та зробітесь изъ Тетяни Иванóвни Тетяною; вправитель, ви знаєте, не дүже васъ шануе. Ёму нүжна булá Улянка, а ви на щó здались? Допавили до того, що й хáти підмести не зумієте, — така зъ васъ пáні!

Гáпка тільки поглядáе на мене: брешү я, чи такъ сиравди казавъ вправитель про матірть?

— Дóбре жъ. О́доре, наráяли ви мені. Не ждáла відъ васъ. Постійте, спитаю вь самого вправителя, чогó вінъ хóче? йй Бóгу спитаю, такъ у вічі й скажү—не побоюся. Дочкү зробивъ пáнією, а я на щó б́ду двітись? Нá що я родила ту пáнію? Щобъ патянки йй підно́сить? и того не хóчуть,—а щобъ зовсімъ зробилась мужичкою. Не дїжде вінъ—хочъ би й захотівъ—щобъ я зовсімъ спустїлась съ глүзду. На те, бачь, дочкү ёму оддала. Не проведүть мене. . Постійте, я про все роспитаю.. Та й заспівáла (Тієі, бáчете: чимъ вона не пáні, коли ходить вь сарахані.) А ти, Гáпко, ведүже покарайся москалєві; нехáй вінъ дядько, та москаль,—уміє и набрехáти и наўськати. Ось, якъ роскажү вправителю, то вінъ вамъ дасть,—б́дете знáти, якъ знущáтись надъ бідною вдовюю.

— Вотъ вамъ што-сь, матушка! а евто на што?—И указавъ на медаль.—Знать не хóчу всѣхъ вашихъ вправителей! пусть ко вздумаеть поговорпть зо мною! Зъ вáми тежъ нічого церемонитись, понявъ я вашу фанаберію. А чомү ви навчáли Гáпку, щобъ дядка обігáла, гá? Щó я такее для васъ?

— Базикайте тамъ собі! хрáбрі ви усі такі москалі: крись тамъ вь гармизі б́ли, а сюди пришпли людьми орудувати.

— Та глүпнихъ бабъ на рóзумъ навóдпти.

— Постійте, постійте, наведé вінъ васъ!—и вїйшла зъ хáти.

Тудї тоби, дүмаю, й дорóга, а не зъ хрещєнними говорити.

— Ні, Гапко, не буде пуття съ твоєї матері: бачъ, якъ дуже високо сіла, не зсадишъ.

— Колибъ хочъ менé не займали!

— Не бійся: дядько хоча москаль, а буде тебе потроху рятувати.

И рятувавъ я її якъ умівъ; перепадало и на мого голову. Гарчала на мене братова, та не дуже я вважавъ на її острахи. Трощи не здуріла, якъ побачила, що я привізъ изъ города плахту и вінокъ.—»Це ще ти відкиль викопавъ?—не смій, Гапко, на—дівати.«—Не будемо, кажу, тебе й прохати—»Горенько жъ моє! и за матіръ менé скоро не будуть мати. Стривай, я попрошу вправителя, щобъ вінъ вигнавъ тебе изъ моєї хати; ладаномъ накурю, щобъ и не вонявъ злидений твій духъ. Перше змилувалась надъ нимъ: нехай, думала, не загине въ тій Московщині, а вінъ по собієму«.

— Одчепися ти одъ мене (ми вже зовсімъ помпрілись зъ нею, и я ставъ до неї озиватись по старому звичаю), а вправитель твій нічого тутъ не едіє; розносилась зъ нимъ, якъ изъ писаною торбою!—Чого вже вона не витівала, щобъ одкараскатись одъ мене, або запобігти ласки—не вдавалось: »відьма ти«, було тихенько її скажешъ (ажъ на саме ушко), та й годі!

Весело ми зажили зъ Гапкою. Діждався я, якъ братова пішла до кумівъ своїхъ:—а ну, кажу, Гапко, надивай лишъ плахту, подивимось, яка ти будешъ у новому наряді?

Одглась моя небога, уквічалась квітамп: подивися, кажу, ще въ дзеркало. Поглянула, усміхнулась, а потімъ заплакала.

— Ажéжъ менé, дядечку, дуріли й досі, що я хороша була у паньскімъ платті?...

— Та ще якъ дуріли! повернися сюді... Гарно. Прождись по хаті.—Пройшлась пишно та поважно.

И отакү дівчину оддати якому небудь поганцеві?.. Уляна хороша, та щó вона противъ Гапки! И такімъ бровенятамъ зливяти, и такому личкові помарніти—за віщо? щó вона кому зробила?.. Собаки ви, люде, коли погубите її!.. Гляди, кажу, Гапко, щобъ тебе мати не захопила. Та ти ще обіщалась пісні заспівати: співай мерщій. Заспівай одієі: »зійди, зіронько, зійди, яснає«.

Підхопивъ и я за нею, дарма що старій. Згадавъ и я свою лихую годину: такої й мині співала моя дружина, поки въ москалі не взяли. Чи тожъ и зъ небогою лүчитця що-небудь недобрее?

— Годи, кажү, небого: здаётця, мати вде.—Побігла вона швидко у хижину, переділась, мовъ не вона увійшла въ хату.

— Ти де була? спитала мати

— У хижі де-сь-чимъ поралась.—Мати поглянула на неї якоесь недовірливо—почула, мабуть, що тутъ есть якась москѳовська штука.

Поглянувъ и я на небогу.

— И оцѣ та Гапка, що недавно співала зо мною? Повилазило вамъ, паві, коли ви дүмаєте, що дівчина кращає по-вашому наряджена!

Почавъ я зовсімъ клонити Гапку на свою сторону. Чимъ умівъ і вгождавъ їй. Часомъ уривкомъ, а иноді и на всю нічъ, назбірало дівчатъ до небоги.— Нехай, кажу, мати собі съ кумами та свѳахами гуляє, а ми по старому обичаю, та старіи наші звичаї згадаємо. Повнісенька хата назбіраетця, заспівують, потанцюють. Звеселіє моя Гапка: »оттакъ, дядечку, мині весело було, якъ ще Улянки не одиавъ відъ насъ вправитель.« Ще жъ то, бачете, вона въ бідності тоді жила; тишивъ я її, молодію, поки й лихо не склалось.

Бачу—моя братова мотаетця на всі сторони: сегодні на той бікъ и завтра туді, изъ ярмалку та на ярмалокъ,—забула й про кумівъ—чогось дүже преспичило.

— Спитай,—прошу я Гапки,—зачимъ твої мати така клопотлива?

— Я питалась, та не признаютця: зась тобі, кажуть, тее знати.

— Потерпимо, кажү, небого, побачимо. Ажъ ось, черезъ скількись днівъ, везе братова якогось купця. Здогадася я трохи—зачимъ вона привезла єго, та не кажү Гапці.

Входять купецъ; нічого изъ себе чоловікъ, такий тихий, привітливий—видно недавно ще ставъ купцюватн. Тільки й чути відъ єго: якъ вамъ завгодно-сь, Тетяна-сь Ивановна, чегоса изволи-те, ми мало здѣся розуміємо.—Брешешъ дүмаю, все ти розумі-ешъ, та прикидуєся; знаємо вашого брата.

Гостівъ вінъ у насъ спідня, такі зачепівъ и менѣ.

— Ви, каже, изволили бувати въ Московщині; тамъ купці краще нашихъ, обвиковѣно тимъ більше уваги одъ начальства и умѳю-

чий вародець, не то, што ми. Вота этакъ еслби поближче къ нпмъ.

— Нічого, кажү, и соватись: тамъ и близько такіхъ не підпускають.

— Ушъ какъ-небудь помаленечку проѣхали би-сь.

— Попробуйте, кажү, коли не йметé віри.

Ставь прощатись,—зъ нами ни словечка, а все съ Тетяною Івановною потхесеньку; далі вже такъ и я почувъ зъ Гапкою.—
»Оставайтесь здорові, Тетяна Івановна, не оставляйте насъ сиротъ своими великими милостями. По животъ свой не забуду васъ».

— Не турбуйте, господня купецъ: привертайте до насъ объ Різді. Може Богъ и поможе. (А се було такъ въ Пилипівку. Принесла жъ ёго лиха година!)

— Понимаемо-сь, Тетяна Івановна,—та й вийшовъ зъ хати.

Потімъ знову вернувся, несé щось въ корзинці:—Оцé, каже, гостинець Гафії Петровні; звиняйте, по бідности чимъ моги́мъ, благоволи́те прийняти, здѣся все здоровое, можна съ-приличнемъ кушати.

Гапка дивитця ёму въ вічі: якъ то можна брати одъ чужого чоловіка?

— Не обіжайтесь, озьміте, опцаслівте мене; въ другий разъ больше этого привезу.

— Возьмі жъ, дурна, коли дають, ажъ извідкіля, вони везлі, не для ко́го,—для тебе.

Я підморгнувъ:—бері мовъ, Гапко, пригодітця.

Взяла Гапка. Поїхавъ купецъ.

— Чого се вінъ, ма́мо, приїзжавъ до насъ? запитала Гапка.

— А тобі на що?.. за все повинна дітямъ одвічати? Хіба я не вільна привимати у себе благороднихъ людей? Може й сватати тебе приїзжавъ,—а вона и не зрозуміла такої чести, гостинця не захотіла брати одъ такого чоловіка; сама, прости Господи, сміття не стоїть, а тудіжъ ще чванітця. Справді тобі, Гапко, и зоставатись мужичкою; дурна, що й хлопочү за васъ! У дядька проїдівсіта все перевяла...

— Не чіпай ти мене, коли ніхто не займа.

— Чи ба, який панъ! що? тобі кланятись буду?

— Одченись, ще разъ кажү; чого се тобі кортіть?

— Я, Га́пко, — кажú їй такъ, щобъ брато́ва нечу́ла, — зразу догада́вся, зачímъ купе́ць при́зжавъ.

— Объ чímъ ти перегово́рюешъ зъ нímъ, га?

— То я їй каза́въ, що ти зъ купце́мъ ни́шкомъ говори́ла (а самъ да́лебі нічого не чу́въ.)

— Пронюха́въ сякі́й-такі́й! чу́ткій, дарма́ що на голо́ві зовсі́мъ ско́ро не буде воло́сся. Ще ка́же: «я кавале́ръ.» Сімъ разъ наплюва́ла на твоє кавале́рство! Зляка́лась тебé!

— Поговори́, поговори́ ще до́вше!

— А я́къ тобі, Га́пко, вподо́бався госпо́динъ купе́ць?

— Такъ собі ні се, ні те; ка́юсь, що и взяла́ відъ ёго фи́ги

— Дай-лише́нь іхъ сюди, попро́буемъ. — Згри́зъ я одну́ фи́гу, така́ присо́хлая, — а нічого, кажú, небо́го, мо́жна і́сти съ при́личнемъ, чи я́къ вінъ та́мъ каза́въ?

Усміхну́лась Га́пка.

— Побачи́ли бъ ви, дядечку, я́къ вінъ пи́льно на ме́не диві́вся, даючі́ фи́ги. Ще що́ каза́въ? Які́й я вамъ, ка́же, показав́ся на ви́дъ.

— Що́жъ ти ёму́ одві́тила?

— Ми́ні сти́дно ста́ло самі́й каза́ти: спита́йте, кажú, у ма́тері.

— Недола́ду, зовсі́мъ недола́ду, небо́го. Було́ такъ и різну́ти: плюга́ви та гідкі́, па́не купе́ць, — ще й усміхну́тись трóхи. Неха́й би іхавъ та роску́шувавъ, проти чо́го ска́зано. Коли́ дурни́й би — подума́въ, що се ёго́ такъ хва́лять: бачъ, купці́ въ проти́вную сто́рону усе́ беру́ть: зви́ривъ на собі. Ви́лававъ я одно́го, тако́гожъ купця́, а вінъ ми́ні — щобъ ти ду́мала? а вінъ ми́ні: люблю́, ка́же, васъ, що ви по простоті́ се́рця зо мно́ю, — и подру́жились. А тепе́рь, Га́пко, тре́ба ди́ждати Різдва́, — що́ воно́ пока́же?

Йде́мо ми, не ди́ждемося Різдва́, — вже й фи́ги поїли, на здо́рово́е купцеві́: — на си́лу ди́ждались. Прі́хала й Уля́на, спасі́би їй, наві́стити насъ, — въ такі́хъ га́рнихъ са́няхъ зъ куче́ромъ каца́помъ, зовсі́мъ на па́нський ма́ніръ. Павезла́ бага́цько вся́кого празни́кового добра́. Бала́каю зъ не́ю де́ объ чímъ; брато́ва ви́йшла зъ ха́ти; я и про́пу Уля́ни.

— Зробі́те, бу́дте ла́скові, объ чímъ бу́ду проха́ти.

— Кажі́ть, дядьку.

— Оце́, кажú і́йхо на Га́пчину́ голо́ву склада́ецця, ма́ти за купця́ сва́тае її, та Га́пка зовсі́мъ не вподо́бала ёго́ (спита́й саму́ю);

приміла щобъ зробіла. аби не лти заміжъ зъ тако́го, а ма́ти бу́де сїлувати. Чи не́ можна бѣ, Уляночко, ёго якъ-вѣбуди?

— Добра́е коли́ не хо́че, ніхто́ не посміе її принево́лити, — я скажу́ ма́тері: не турбу́йтесь, дядечку.

— Не бійся тепе́рь, Га́пко, Уля́на за те́бе, не дасть вѣ обїду.

А Уля́на була́: звісно, добра́я людина́, саму́ її одури́ла — чимъ вона́ віна, що каза́ли, повинчають її. Випроводили Уля́ну, а купця́ нема́е; забарився сучий, гостинці, ма́буть, наку́плюе. На шостий чи на се́мий день Різдва́ поїхала брата́ва на той бікъ: не втерпи́жъ їй ста́ло дожидати́ купця́, му́сила сама́ навідатись до іхъ.

Оста́лись ми у-дво́хъ зъ Га́пкою. Я полізъ на пічъ, и тільки-що хоті́въ помвркува́ти зъ Га́пкою, якъ зустрѣ́чати купця́, коли́ щось сту́кае у двѣ́рі. — Піди́, кажу́, подиви́ся, хто тамъ та́кий може вра́жий купе́ць спра́вді розмину́вся зъ ма́тєрю — (а само́му дуже не хоті́лось зліза́ти зъ пе́чи). — Не злізу́ жъ, ду́маю, хоть би́ тутъ де́сять купце́въ, а не тільки́ одинъ. Чую́, хтось увійшо́въ у ха́ту и пита́е: — А ма́ги твої́ де, Га́пко? — Поїхали́ на той бікъ. — Ско́ро ве́рнетця?

— Ма́буть тамъ и заночу́ють: ба́чте, яка́ хуртові́на. А ви дя́дино, самі́ хибá приїхали́?

— Ні, не сама́: зо мно́ю, що бѣ ти зна́ла, Га́пко, и мої́ пле́мінники: привезла́, щобъ ва те́бе подиви́лись, чудивну́ю таку́ю; я ще ма́тері твої́ обіща́лась привезти́ іхъ. Пидіть-ли́шєнь сюди́, хлопья́та!

Чую́, увійшли́.

Эге! — це́ вже й́нша яка́сь кумѣ́дія бу́де. Яка́жъ се, ду́маю, дя́дина, коли́ та́кимъ старѣ́чимъ вимовля́е? Подиви́вся изъ-за пе́чи сто́ять хлопья́та; одинъ зъ іхъ де́ тобі хло́пець: та́кий блѣ́васъ, що в́ жени́ти ёго прои́шла го́дина: дру́гий спра́вді молоді́й, пре-молоді́й. Дивлю́сь, очѣ́й не спуска́ю, що́ то бу́де да́льше?

Попросила́ іхъ Га́пка прѣ́мо сїда́ти за ста́лъ, щобъ попо́ли та одогрі́лись. Дя́дина сїла́ у обра́зівъ на по́куті; більши́й хло́пець коло́ не́ї, а мѣвши́й вѣ́ кінці́ ста́ла, такъ щобъ зручнѣ́ше вѣста́ти и поході́ти, коли́ тре́ба. Надало́ ми́ні лі́хо зака́шляти.

— А хто тамъ та́кий у васъ ка́шляе? спита́ла несподі́вана дя́дина.

— Се́ мій дя́дко изъ моска́лівъ, ка́же Га́пка.

— Оце́ жъ бо, яка́ ти! и не сказа́ла, що́ твій дя́дко тутъ. Да́й лишъ, хочъ подивлю́ся на ёго.

— Вони не здужають трóхи, сказала Га́пка, та й взяла її за рúки.— Сидіть, сидіть, дякино чо́го вамъ такі турбува́тись.

— Ні, се́го вже не бу́де, щобъ я була у тебе и не ба́чпа твого дядька, якій вінъ тамъ. Вилізла изъ-за сто́ла, и прýмо до пéчи:—обі́звітись, де ви тутъ?

Ба́чу, що прийшла до мене бiда,—ни́где дiтись: ось де, кажу́, на самiй черни́! »Та й пиднявся, а вона до мене лiзе. Поцiлюємось зъ ва́ми,—якъ васъ звати? ми-такі, сла́ва Богу, рiднiя, не чужі.

— О́ддоромъ звітъ.

— А панотця́ ва́шого звали якъ?

Рiднiя, думаю, а панотця́ не знае, якъ звати? та й зразу дога́вся, що вона не́давно порiднiлась съ брато́вою, якъ та ви́шла вь ласку вправителя.

— Панотця́, одвiтую, Миха́йломъ звали.

— Отже поцiлюємось, О́ддоръ Миха́йловичъ. А я шабельницька палама́рка; порiднiлась зъ Тетя́ною Ива́новною, та й при́хала наві́датись до не́ї, а її до́ня ні слова про дядька.—Посварі́лась на Га́пку:—ти вже вь мене! Тепе́рь пи́знала васъ: ви па́рубкомъ та́кі га́рні та мото́рні були. Ви не здужаете?

— Зава́дило, кажу́, вь животі.

— Э́ге, пра́вду ви ка́жете, такъ якъ бi се и вь мене: ди́ждалась мяси́ва, ли́шку зiла, и зава́дило. Почива́йте собі, не раз-вору́шуйте себе́.

Зли́зла зъ пéчи и зно́ву си́ла у образiвъ; пригледі́вся я до не́ї: старá-престарéная, зовсiмъ не похóдить на дяди́ну, якъ її звели́чала моя Га́пка.

Одверну́лась я́кось Га́пка до мене,—я й питаю́:

— Яка́ вона намъ рiднiя?

— Кумува́ли десь зъ ма́тiрью.

Вели́ка, думаю, рiднiя!

— А племи́нки її відки́ля?

— Вона́ ка́же, що зъ Пере́яслова.

— Га́й-га́й! зъ Пере́яслова? Иди́ лишъ, Га́пко, би́ля їхъ по-райся.—а вь са́мого животи́ відъ ре́готу надри́ваютьця.

Дивлю́сь на племи́ників палама́рчинихъ: вони не абí якi бу́ли. Уси́лись за сто́ломъ, до́бре вправля́ютьця, тiльки подава́й, Га́пко! На-ста́вила iмъ Га́пка усе́го, печéного, варéного, тре́ба бу́ло попо́штувати; хочá й незвичáйно дiвчини́. та що ма́ешъ робі́ти, якъ

матері дома не має? Випила дядина, випивъ більшиї; пришлось до меншого: тўтчки й сталоь. »Я, каже, випью, тільки в перше випейте.« Дівчина одказувалась, що вона зовсімъ не вживає. »Хочъ покоштуйте, хочъ до усть піднесіть.« Мўсна Гапка піднесіть чарку до губівъ; панічъ випивъ, другу, третю, хоча не повні (куди ёму ще піти?), и Гапка все піднесла чарку до губівъ.

Бачу я, що хлопья звеселилось трохи, та ще такі перемёрзши було; жду, що буде дальше, а вони пильно поглядає на Гапку. Прилігъ я на черині,—ще гірше очей не спускаю.

Вже подобали; Гапка піднесла імъ горіхівъ: полузаїте, проспіть; панічі взялись за горіхи. Дядина, звісно, не їсть їхъ, бо зубівъ немає; більшиї панічъ, сїдя коло неї, бере горіхи изъ тарілки, а меншее ухитрилось,—одмінокъ. Побачило, що Гапка тутъ же близько сидіть и лузає собі горіхи, набравши въ жмєню зъ тарілки, отъ вони візьме горішокъ, другий, злузає, а потімъ, деь зъ тарілки брати, привєрне, ніби ненарокомъ, до Гапкиної жмєні, візьме відтіл одїнъ горішокъ, придавить злегєсенька за пальчикъ, швидко злузає горіхъ, та й знову до жмєні и за пальчикъ придавить.

Уміюче, дўмаю, хлопья. Ще дївно мнї стало, що й Гапка ніби сама те дозволило: якъ тільки вінъ до жмєні, вона и дає ёму горішокъ.

Довго́нько такъ лузали, а дядина, поївши и попївши гарнєнько,—звичайно стара, и заснула за столомъ. Більшиї панічъ вставъ и каже меншому: У насъ табакў недостачає; поїду я лишень у другє село, купию у рўського; ти посидь зъ дядиною, я скоро вернуся; запригъ конячку и поїхавъ. Осталоь одно чудовне хлопья зъ Гапкою; про дядину нічого й казати — якъ убита спить. Жду я, яку ще чудасію вікине.

Хлопья спидло одъ Гапки, такъ що рукою бъ її досягті, якъ би захотіло; та де тобі—бачъ, посоромилось, почало потрошку підлазити. А Гапка хочъ и піде куди, знову сїдає на тому самому місці. Підсўнетця хлопья на макове зерня, та й зопинитця, пробіти одихає одъ якого великого діла, знову підсўнетця, такъ, мабуть, годивъ зо дві вовтузились; почервоніло, задихалось, та все бльжче: ще на зерня—п вмісті зъ Гапкою.

Ой, школярі ви, школярі! дарма що ўчпесь, а дурні естє! Чи такъ же ми, прости та темні кохали дівчаты, якъ були молодими?

Була въ мене чорнобрива,—побачивъ я її—вподобалась, зіпшлися оббе, поговорили що було на душі, безъ сорому признались, що полюбились, та въ правді щйрості кохались, поки мни, безталанному, лобу не забрали. А вже не підсовувався до неї якъ сее хлопья. Пісьмєні та розумні, а любіти не вмієте: чи то у васъ на думці другєе, чи то ви підбиті и перелякані, любіти боїтесь!?

Підсунулось хлопья, затрусилось, задріжало: »що се, думає, я нароби́въ!« Гапка ні зъ місяця.—Эге, думаю: та се вже інша пісня.—Обнялись, пильно дівлятця другъ на дружка въ вічі; потімъ опустили очі, знову подивились та й ні слова.

Заворушилось, бачу, и въ тебе, хлопча, серце; не знаю якє вонó тамъ, а заворушилось. А якби́ це побачивъ тебе у такому віді твоїй начальникъ, якої бъ вінъ заспівавъ тобі—не знаєшъ? Забувъ есі про школярську муштру; оглянься, ажєжъ ти на мужичку придивівся — хибá не гріхъ? Усе забувъ-есі!!

Забуло хлопья, що й дядько Гапчинъ на печі, и, може, все те бачить. Обнялись, підійшли до стола, сміялися на єго вкўпці и дівлятця на образі. Святий знає, що въ їхъ на думці. А дядина сить підъ образами, нічого того не чўє, не бачить—самá якъ образъ. Прокїнула, поглянула на їхъ, ніби зраділа: »оце, каже, Гапко, вибїраїи изъ двохъ, когó хочешъ: обїдва мої племянники—котрого вподобаєшъ? Якъ дасть за тобою вправитель 12 тїсячъ, то й будешъ попадею.«

Бачъ, куди стригає дядина: — розумва! Якáсь недóбра душа наговори́ла їй, що за Гапкою 12 тїсячъ.

Засну́ла дядина знову почались лóбощі, — не надівлятця. Вже бачу, хлопья пєрстїнь стягає зъ Гапчинїхъ рукъ. Зняла Гапка пєрстїнь, оддає єму, а вонó-зраділо: »повікъ, каже, васъ не забуду, тільки не забувайте мене.—Нї, ніколи не забуду,—тихєсєнько одказала Гапка. Эге, думаю, се вже діло спражне діотця, и безъ дядька не обїдетця. Вже я почавъ прикладувати, якъ то про слуцаї діло новестї, — коли се лиха годїва несє куця.

Не узрїла єго Гапка, такъ и заставъ їхъ у-кўпці. Почўхався купєць, бачучи, що не про єго тутъ сирава.

— А Тетяни Пьяновни нѣту дома? питає.

— Зъ самогó ранку,—одвітила Гапка, почервонївши,—поїхали до васъ; ви, мабуть, розминїлись зъ ними!

Купецъ подивився на неї, усміхнувся якось недоладне:—вамъ, каже моїй небозі,—тутъ гарно и безъ мене,—окїнувъ очїма хлопцѣя, примивъ би зивъ ёго,—звнїайте, щб я помїшавъ вамъ,—позвольте жъ хоть цигарочку викурити въ вашій хатї?—ї ще разъ усміхнувся. Вїпнїавъ капшукъ, доставъ цигарку, закурївъ и ставъ крїпко ходїти по хатї; разъ дєсять глядївъ на свої пальці—а на їхъ усє дорогїї перстнї; разъ дєсять вїпмавъ часї, якъ не скаже: подивї-ся, мовъ, дївчїно, якого чоловіка цурѣесся, панпчѣ вподобала, тїль-ки ї слави що панїчъ, а голїї якъ бубенъ—на щбжъ то я?—Доку-рївъ ц гарки та ї за шапку: »Прощавїйте! мнї тута не мїсцєк.

Гѣпка, для звнчѣю, впрбшувала ёго посїдїти, та не змогла. Зовсїмъ бувъ вїпшовъ, знову вернўся, несє фїги.

— Оцє я вїзъ вамъ возміте: та згѣдуйте їнколи доброго чо-ловіка, купцѣя.

Гѣпка стѣла рѣятись зъ панїчємъ—чи вѣяти їхъ, чи нї; вїнъ, звїсно, учєний: чомъ не вѣяти? всѣкєє, каже, даїне бѣлаго... Взяла Гѣпка и поставїла на столї.

Поглїнувъ купецъ, здогадався, що ёго фїги бѣде панїчъ їсти—блїснувъ на ёго очїма:—прощавїйте, каже; якъ Тетїна Ивановна не зострїнетца зо мнбю, скажїть, що я бїльше не прїїдує. Сївъ у сани, та бїльше вже купцѣя ї не бачили.

Велїка дѣка панїчєві, що черезъ ёго однадївся купецъ; а са-ма Гѣпка не посміла бъ відказати. Остѣлась Гѣпка знову одна зъ нїмъ. Потїпились трбхи,—колі новєє лїхо: бачпть Гѣпка, панотєць идє зъ кропїломъ. Де тутъ дїтись панїчєві, а вїнъ учївъ ёго дптїву въ городї.

— Лїхо мнї, каже: мнї бъ слїдовало пєрше побувати у панотцѣ, сь празнїкомъ поздрѣвпти,—а тепєръ щб вїнъ подўмає?

— Давѣйте-лїпєнь сюдї, каже Гѣпцї, хлїбъ, ковбаси и сѣло; я бѣду одбувати панотцѣ,—може дѣдиною одговорїює якъ-нєбудъ.

Гѣпка ї рада: де її, дївчїнї, одбувати панотцѣ! дала ковбасъ, сѣла, грошенїятъ трбхи. »Пбравтєсь, каже, панїчу, якъ вмїете.»

Колї и панотєць въ хату. Поглїнувъ на панїчѣ, здивувався, якъ вїнъ тутъ опивївся; загагѣкавъ дякъ, покропїли свѣчєною водою.

— А до мене жъ, питѣє панотєць, чомъ не завернїли? бачте, якї ви...

Панїчъ поглїнувъ на дѣднну, трбхи не вїмовить:

— Самі бачете, отець Петръ, якъ її такюю покинути?

— Знаю, знаю, каже панотець, та на ўхо ёму (Гапка після вінпчала у паничѣ), глядїть, приходьте ночувати до мене, вамъ неприлично оставатись тутъ.

Одбули панотця; вернўся старшій паничъ, навїзъ табаку, та гарѣздъ-такї веселий.

— Дурень, каже мѣншому, що остався тутъ: мене добре угостили у Иванѣ; дочку ёго бачивъ.

А вінъ, бачете, зовсїмъ кінчавъ науку, въ почобі бувъ въ панотцївъ, въ которїхъ дочка булі, а малому ще два годкі зъ хвостикомъ оставалось до попівства.

— Нічого, брате, и тутъ не скучавъ.

Прокїнулася дядина, почали вечеряти, злізъ и я съ пѣчі; погуляли ще трохи паничї, поки не приславъ за ними панотець— а когó, ви думаєте, вінъ приславъ? Дочку (такá не хорошая) и сїна свогó приславъ, щобъ уговорїли їхъ мовъ, до панотцї птї ночувати. Більшїй зразу здався на прозьбу, а мѣншїй дуже, дуже змагався, не хотївъ птї. »Цїлу нїчъ, каже, буду сидїти; мпнї спати зовсїмъ не хочетця«. Такї вгомовїли ёгó, —пїшогъ сердега, пїльно подивївся на Гапку: »завтра, каже, я знову прїйдю.»

Осталась наламарка, а братова не верталась. На другий день, чїмъ свїтъ, прибігъ мѣншїй паничъ, та не заставъ вже дядини.

— Де дядина?

— Поїхала до-дому, — я вже одвітївъ, бо Гапка поралась по хазяїству.

— А щó, питаю ёгó: васъ панотець такї добре вишкопивъ, мабуть?

— Було усёго, каже, та я не дуже вважавъ, до васъ знову забїгъ.

— И добре, кажү: чомъ вамъ и не посїдїть тамъ, де вподобалось.

Осталоя хлопья до самого вѣчора, пообїдало зъ нами (я все боявся, щобъ братова не захопила ёгó), все тїльки зъ Гапкою тишилось: стаєе проти неї, дївїтця її у вічі, довго дївїтця, за-смуїтїтця, а нічого не скаже. А тутъ прїїхавъ за нимъ старшїй братъ: порá, каже, до-дому (вонї въ дядини празникували). Бачить вонó, що не теперъ, то въ четвѣръ прїїдетця кїдати хату, де вперше спїзнало любоци, взялось за картүзникъ та и процаєтця.

Одвернулось якоесь до Гапки, отдало взятий у неї перстий: «возьміть, каже, назадъ, та не забувайте мене: може мині ніколи ен доведеться бачити васъ, а я васъ на віки, на віки.. загину не забуду». Заплакало сердешне, мабуть чуло ёго серце, що ёму не видати більше Гапки, та й попленталось за братомъ. Вийшла Гапка проводити ёго, довго дивилась въ слідъ ёму; піднялось вона на санихъ, погляділо въ-останнє, а потімъ и не видно стало.

Разівъ зо три приславъ вінъ поклінъ Гапці и дядьку-москалові. Потімъ и чутка пропала про ёго, та й Гапки не було вже въ селі; зъ нею інше скоїлось. Де то вінъ вештається теперъ? Коли розумне та слухъяне, може, поцѣ де-небудь, оженившись на товстій попівні... чи тожъ згадає Гапку-сироту безталанную? Легенько ёму дихать, вподобалось мині!

Остались ми у двохъ—я и питаю Гапки:

— А що, якъ тобі вподобалась ся вишкварка?

— Яка вишкварка?—самá виби не догадується,—и зачервонила.

— Мєнший, кажу, поповичъ.

— Онъ подумайте, що буде, якъ матуся приїдуть? Скажуть ще, що я купця вигнала зъ хати.

Бачу, що на другó звернула моя Гапка, — нічого, думаю, и роспитувати, — нехай трóхи одлігне на серці.

— Нехай,—кажу,—каже, що ти вигнала купця, а все купецъ більше не приїде; будемо якъ-небудь одбріхуватись.

— Якъ то можна брехати?

— Ну такъ скажи прямо, що вінъ онротивівъ тобі.

Стали дожидатись братової.

Опівночі вернулаась злюща — презлюща, але гарздъ патомилась, тимъ, мабуть, и не чіпала насъ; світомъ за те досталось, видно було, що вона приїхала прямо одъ купця.

— Оттакъ, каже Гапці: я тобі добро робила, а ти оддячила мині, добре оддячила!

Кленєтця Гапка, що вона невинна, — мати не име віри.

— Брєшешъ сяка-такá! ще въ тебе бувъ якийсь павичъ, признавайся—бувъ?

— Хибá жъ я просіла ёго? Шабелиницька паламарка, вáша кума, привезла їхъ; мині жъ її не проганіти.

— Знаю, що не проганяти; тимъ то ти зь однимъ була така любязна.

— Вамъ неправду наказали.

— Эго, тобі повірю, а не людямъ. Се все твої дядько підстроює такъ.

— »Ворчі, думаю, вража бабо, — колись перестаношъ.»

— Постій же, Гапко, ти мені разъ острамила передъ людьми, а я тебе десьять разъ. Побачимо, якъ буде рятувати дядько.

Поскакала до вправителя и до Уляни поради прохати, — але—спасібі їй—Уляна стояла за Гапку; ще гірше братова роззлилась.

Напала на мене: »ти, каже, забавивъ Гапку, и Уляну підводишъ щобъ йшла противъ мене! Побачимо, хто изъ насъ запанує.»

И дні и ночі гризлись ми зь нею, якъ собаки, — перестану не було. А чого вже не витерпіла та бідна Гапка, — ва їй все ліхо окошилось! Оттакъ ми жили ажъ до літа. Пронеслась чутка, що панівъ сплзъ приде изъ Москви въ село жити. Дівче щось сталось зь моєю братовою. Годі вже лаятись зо мною, похмура ходить, часомъ погляне на дочку, усміхнєтця якъ змія, на мене подивитця, заскрегоче зубами, якъ не скаже: — вчі, москалю, мою дочку. — побачишъ, що зь неї буде!

А ми не вниваємъ зь Гапкою, тишу їй, молодюю, якъ умію; збіраю, коли лучитця, дівчаты, співають небоги, и моїй небозі весело.—Оце тобі, кажю, Гапко, щобъ пригадала коли небудь свого дядька: який, мовъ, бувъ, то бувъ, а все любивъ свою небогу.— Тільки якъ зостапемося у двохъ—скажу було їй:

— Ажєжъ твої мати щось недобрее затіває.

Засмутитця Гапка и промовить:

— Вони давно вже щось дуже смутніи.

— Кріпко, кажю, держись, небого; може ліхо якъ-небудь перейде, а серце моє чє лпхую годіну.

Одного дня ходила братова до вправителя; вернулаь весела, усміхаєтця до дочкі и каже їй:« і велівъ молодий панъ, щобъ ти завтра надъ-вечорн пришла до єго.

Теперъ я зовсімъ догадався, чого вона така смутна була.

— Не йди, кажю, Гапко: пропадєшъ, ні за віщо пропадєшъ, хоть заховайся куді небудь, а не йди до пана.—А самъ намірився йти до Уляни, вблагати її, чи не можна ліха одвести.

Остався я одинъ съ братовою — Гапка кудись вийшла зъ хати — та й почавъ її дотинати.

— Чи тобі, кажуть, не гріхъ? одну дочку згубила и до другої підбіраєся. Схаменіся, прошу її, поки можна, бо дальше пізно буде; будешъ каятись, та не вернетця. Ти думаєшъ, я не знаю, на що панъ зве Гапку?

— А нащо? Тобі якé діло, на щобъ вінъ не звавъ; на те вінъ панъ, щобъ волю ёго вволіти.

— Побійся Бога, Тетяно, пожалій дитину, згадай мого покійного брата:—на те вінъ вчивъ дочку берегти? змилуйся надъ нею.

— А вона — милувала мене? Слухала, якъ я учила її жити, не гнушатсь благородними людьми? Усе на пакість мвині робила, а недавно зовсімъ острайла. Коли не захотіла щастя, нехай пропадає.

— И за се їй пропадати? Оглянься кругомъ, розмісли, що скажуть про тебе люде, що на тімъ світі одитишъ за рідну дочку?

— Ажéжъ вона думала (який врагъ їй наказавъ) вилти за мужика, опозорити мене, — такъ нехай же пропада; їй меншій соромъ буде, ніжъ остатись мужичкою. Ти думаєшъ, що я нічого не знала про те, чому ти її вчивъ, якіхъ пісень співала? Хай пропада! Хоч очима не побачу тогó сорому... Та й засміялась на всю хату, якъ шаленая засміялась.

— Пропадая душа! Відьма ти, думаю, відьма. Громадою буду прохати панотця, — якъ пропадешъ, — щобъ осиковимъ кілкомъ тебе простроміти, а то ще зъ гробовища будешъ вилізати, та вчити дочку панувати.

Побігъ я мерщій до Уляни. Таки впрохавъ її, мою голубку, вступітсь за Гапку. Впросі, кажуть, черезъ вправителя, нехай той панъ не нівечить дівчини; а поки-щó, переховай сердешну, може вінъ утішитця. Якъ визволишъ її, моя голубко, все Богъ простить тобі, чимъ йнокли согрішила: спасі її.—Такі спасла.

Такъ, дивъ черезъ скількись, кліче мене Уляна до себе.

— Не турбуйтеся, каже, дядечку: Гапку можна визволить, тільки нехай послухає мене.

— Що жъ тамъ такé?—питаю.

— Бачте, її давно вже вподобавъ нашъ лікаръ: вінъ на їй жéвнитця, коли захоче Гапка, и повезе съ собою у Київъ: тамъ у ёго своя домівка.

Не дуже, думаю, гарне, а все скоріше треба кінчати діло, бо ненаситний пань звелівъ, якъ би не було, знайти Гапку.

Звелá менé Уляна зъ Гапкою; вона її на иншімъ селі переховала.

— А щó, кажі, небого, на що-небудь рішайся: ми знайшли тобі чоловіка, — вірве изъ паньськихъ рукъ.

И слухати дядька не хоче, и ногами и руками одвертається.

— Ви, каже, знамірились менé погубити; — та въ слези...

— Розсуді, небого — яка доля тебе жде — Узівъ и розказавъ їй усе; Уляна підтвердила. — Послухай, кажү, ще разъ дядька, не будешъ каятьця. — И заплакали усі.

Подумала Гапка, поглянула на сестру.

— Спасібі тобі, каже, Уляно, за рідну ласку: я йду, за кого ви скажете.

Поедиали ми її за лікаря.

Идучи до шлюбу, призналась мнi моя небога: — Я вже, каже, покохала. — Кого, мой голубко? — Того меншого паньчá, що въ насъ бувъ.

Вгадавъ я, що далась їй та вишкварка!

— Та щó, кажү, съ того, що ти покохала? шукай теперъ ёго! Може вінъ рiмної собі шукає; а коли не забудь тебе, ёму не позволъять съ тобою одружитись, та й коли ще се буде? Може ви сходились міжъ собою, та не зійдеться на-віки.

— Ні, одмовляє: ніколи не забуду, хочъ вінъ и забуде менé!

Оттакъ я одруживъ свою небогу и не каюсь, бо не те сүка — мати дбала їй. Казілася, якъ почула, що дочка повинчана. И паві бь теперъ Гапка, та не радіє мати — чогось иншого хотіла. Одвезли Гапку въ Київъ Лікаръ — дякувати ёму — шанує її, якъ рідну дитину; вінъ пзъ мужицтва виїшовъ въ люде, якъ мовлять люде; годить жінці якъ уміє. Музіки троїстої захоче послухати? музіка грає. Веселіхъ дівочіхъ пісень? коли не лүчатця співачки, чоловікъ заспівáє, бо самъ колись парубкувавъ. — Та все не такъ бажалось....

Колі ни навіщу Гапку, усé вона сумна, старé згадує, якъ тамъ мати живé безъ неі, якъ той живé, що обіцався її не забувати. »Не такъ, каже. бажалось.«

Дежъ того щастя шукати, скажіте, люде? Усé покину, піду ёго шукати для моєі небоги! У пісняхъ гарно співають, якъ па-

рубокъ зъ дівчиною щіро покохався й одружився, дітокъ має, вну-
ківъ дожидає. Деж ті щасливі?.. не бачу! Здаётця, зовсімъ
іхъ немає міжъ нашимъ тёмнимъ наро́домъ.

Покохавъ и я дівчину—а де вона? Вернітєся, старії молодії
годи!... Не вернутця: вже послідня волосіва сівіє на безталаній
голови.

Зненавидівъ я братóву; до сусіда впрохався віку дожити. А
це, щобъ ви знали, у братóвої підростає трєтя дочка, Парася;
ўчпть її братóва по-своєму. Забігаю я до Парасі, якъ братова пі-
де кудї, назиріаю дівчину по-тро́ху (її ще сємпи рікъ—коли ї
то повнихъ). Недавно бачивъ її: сидїть малє на полу, щось кор-
писає, одїте вь якєсь манатте; обнявъ я її, приголубивъ.

— Поглянь, кажў, Парасю, на мене. — Дивлюся, брови шну-
рочкомъ завязуютця, очі Ганчинні, пїшнес та цвітюче.

— На щó тобі, дўмаю, ця врóда, якъ вона тебе погубить! Кри-
вє абó сліпє уродїлось би, та не пропало бь дарємне.

Обнявъ її, плачу та цілюю, а воно нічóго тогó не звас.

— На щó ви, питає, дядечку, такъ дўже мїцно цілўете й
плачєте?

— На щó?? О, колибъ ти виростало щасливее! впростало,
лиха дівóчого не знало!

Не здивўйтесь же, що москаль плакавъ— булó чогó. Та ще,
бачєте, вїдно мало вь москаляхъ бїли менє палїччямп, що пла-
кати вмїю!...

М и х а й л о Ч а й к а.

МОЯ ВЕСНЯНКА.

И зновъ прійшла весна красна,
И зновъ зазеленіло поле
И розвплась верба рясна...
Чомъ ти не розцвітаєшъ, доле?

Чого така-жъ якъ и торікъ —
Идешъ похпла, невесела,
Мовъ подорожній чоловікъ
Черезъ чужі долини й села?

Отъ, скоро вже и журавлі
Поприлітають въ степъ широкій;
Забованіе у брилі
Вівчарь въ степу середъ толоки;

Отъ, незабаромъ и садкі
Зелені роспусять віти
И розцвітуть квіткі — макі,
Співатимуть веснянку діти...

Коли-жъ зъ тобою, доле, ми
Повеселішаємъ, якъ діти?
А, бачця, й можна бъ: — міжъ людьми
Чому-бъ и намъ не порадіти?

Погляньмо: всюди красота;
Холодну землю сонце гріє;

Цвіте миръ Божпй — процвіта:
У полі жито половіе...

Ні, не співають намъ, доле, ні!
Намъ тільки слухать, якъ радіє
Усяка пташка на-весні —
И ждуть — коли-то хлібъ поспіє...

Л. ГЛІБОВЪ.

Березіль 1862 року.
Черніговъ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ЗЕМЛИ ВОЙСКА ДОНСКАГО *.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Страна, занимаемая донскими козаками; происхождение донскихъ козаковъ и первая о нихъ извѣстія.

Страна, занимаемая теперь Донскими Козаками, была извѣстна у греческихъ писателей подъ именемъ Гиперборея, т. е. страны за сѣверомъ, а иногда Скиѳіи (1); самыя же извѣстія о народахъ, здѣсь обитавшихъ, такъ сбивчивы и неполны, что могутъ быть только хорошимъ пособіемъ при изученіи археологіи донскаго края (2). Заимствуя

(*) Главнымъ матеріаломъ этому очерку служило историческое описаніе Земли Войска Донскаго—рукопись, составленная въ 20 годахъ настоящаго столѣтія, по распоряженію комитета о пересмотрѣ положеній Войска Донскаго. Къ рукописи приложены копии съ актовъ московскаго архива, на которыхъ мы и основывались, прибѣгая къ историческому описанію только въ случаѣ недостаточности актовъ, или новѣйшихъ сочиненій, въ которыхъ обработанъ тотъ или другой эпизодъ донской исторіи.

1) Нѣтъ никакого сомнѣнія, что во время владычества Скиѳовъ существовали греческія поселенія и по сѣверозападнымъ берегамъ Азовскаго моря. Монеты, вѣщи и наконецъ развалины древнихъ строеній, находимыя въ нѣкоторыхъ прибрежныхъ мѣстахъ Азовскаго моря, свидѣтельствуютъ о глубокой древности этихъ поселеній (напр. хуторъ Недвиговка).

2) Бюфортъ Киммерійскій съ его дрезностями и достопамятностями, Григорія Спасскаго. 1846.

Археолого-путизматическій сборникъ, относительно Бюфорта Киммерійскаго съ картою, его же. 1830.

Исторія о Донскомъ Войскѣ, Алексѣя Попова и матеріалы къ ней. Харьковъ, 1814 г.

изъ этихъ извѣстій возможно—краткую переченьъ событій, можно видѣть, что Скифы были вытѣснены въ послѣднихъ годахъ до Р. Х. Сарматами, которые, въ лѣтописяхъ римскихъ писателей, замѣнили самое имя Скифовъ.

Въ первое время по Р. Х., здѣсь жили Аланы, порабощенные, въ концѣ IV вѣка, Гуннами. Около времени основанія русскаго государства, т. е. въ IX вѣкѣ, на мѣстахъ, орошаемыхъ рѣкою Дономъ, жили попеременно Хазары, Печенѣги и Половцы.

Изъ этихъ народовъ одни Хазары оставили по себѣ нѣкоторые памятники (1), состоящiе въ развалинахъ ихъ поселенiй.

Въ XI столѣтiи начинаются частыя столкновенiя Печенѣговъ и Половцевъ съ Русскими, которые мало по малу подчинили ихъ своему влiянiю.

Въ 1224 году, впервые прошли донскую землю Монголы и, разбивъ русскiя войска на берегахъ р. Калки, удалились; но явились вновь въ 1237 году, и, подчинивъ Русь своей власти, основали свои кочевья и въ донской землѣ, что свидѣтельствуютъ оставшiеся послѣ нихъ памятники, состоящiе изъ развалинъ кирпичныхъ зданiй, различныхъ сосудовъ и употребляемаго ими оружiя (2).

Монголы впоследствии раздѣлились на нѣсколько отдѣльныхъ ордъ, изъ которыхъ вначалѣ была сильна Буковская, или Золотая, орда; но потомъ, ослабленная и уничтоженная великими князьями русскими Иоанномъ III и Иоанномъ Грознымъ, она уступила свое первенство ордѣ Крымской, занявшей Таврической полуостровъ и вступившей въ родственныя отношенiя къ Турцин. Вместе съ раздѣленiемъ на орды, имя Монголовъ исчезаетъ и замѣняется различными наименованiями татаръ: сибирскихъ, астраханскихъ, казанскихъ, крымскихъ, ногайскихъ и другихъ.

Крымскiе татары, отдѣленные отъ государства русскаго огромными степными пространствами, до второй половины XVIII столѣтiя сохраняютъ независимость; одни, или съ помощью турецкихъ войскъ ведутъ постоянную, ожесточенную фанатизмомъ, войну съ Русскими, по-

1) Саркеллы—крѣпость Хазаровъ, развалины которой въ юрту Качалинской станицы.

2) Остатки татарскаго владычества разбросаны всюду по Донской землѣ, но въ особенности примѣчательны развалины кирпичныхъ мечетей близъ Глазовской станицы Усть-медвѣдицкаго округа и въ юрту Каменской станицы Донецкаго округа.

на энергическія мѣры, принятія императрицею Екатериною II, не сокрушили ихъ самостоятельность.

Во время этихъ безпрестанныхъ войнъ съ татарами, является на историческое поприще народъ, который, занявъ самъ-собою тѣ пустынные степи, извѣстныя въ лѣтописяхъ подъ именемъ Поля, которыя отдѣляли Россію отъ татаръ, положилъ себѣ цѣлью—вѣчную войну съ мусульманами, и тѣмъ много способствовалъ къ ослабленію и уничтоженію татарскаго владычества. Этотъ народъ извѣстенъ въ русской исторіи подъ именемъ Козаковъ Запорожскихъ и Донскихъ, отъ главныхъ ихъ притоковъ (за порогами) на р. Днѣпрѣ, и на р. Донѣ.

Участіе Козаковъ въ русской исторіи носитъ на себѣ печать са-мобытности и особеннаго интереса; это побуждало многихъ написать ихъ отдѣльную исторію, которая должна подраздѣляться на исторію запорожскихъ козаковъ, тѣсно связанную съ исторіею Малороссіи, и исторію донскихъ козаковъ, какъ поясненіе исторіи московскаго государства.

На долю Запорожцевъ выпали болѣе любопытныя событія, что произошло отъ столкновенія этого народа съ западно-католическою и аристократическою Польшею; но и въ судьбѣ донскихъ козаковъ есть много событій своеобразныхъ, характеризующихъ жизнь и указывающихъ на родство ихъ съ казаками запорожскими.

Происхожденіе донскихъ козаковъ опредѣлить трудно; однакожъ, основываясь на большинствѣ писателей, можно заключать, что первоначальные донскіе казаки суть выходцы изъ Русской земли, оставившіе свою родину по разнымъ причинамъ и въ различное время: иные бѣжали отъ власти помѣщиковъ, бояръ и чиновнаго міра; другіе оставили отечество изъ опасенія за жизнь въ грозное правленіе Іоанна IV; наконецъ были и такіе, которые презирали мирную жизнь хлѣбопашца, скромныя занятія гражданина: эти бѣжали изъ родныхъ городовъ ремень, чтобы дышать свободною жизнью въ степи, гдѣ удали и молодчеству представлялся безграничный просторъ. Впоследствии, къ нимъ присоединилось много малороссіянъ, преимущественно запорожцевъ.

До развитія въ самостоятельное общество, эти бѣглецы составляли немногочисленные шайки, подъ предводительствомъ выбранныхъ ими атамановъ ¹⁾.

¹⁾ Атаманъ, по-нормански — ватманъ, сравни — ватага. Замѣчаніе П. М. Строева; въ его собраніи монастырскихъ актовъ.

Гнушаясь хлѣбопашествомъ и не имѣя другихъ средствъ для существованія, шайки козаковъ жили въ первое время грабежемъ и разбоемъ, а потому первыя извѣстія о козакахъ, полученныя московскимъ дворомъ, наполнены жалобами на воровъ—козаковъ, затруднявшихъ торговыя сношенія русскихъ промышленниковъ.

Но общество развивалось, а съ тѣмъ вмѣстѣ выяснялась и цѣль его. Имя разбойника и вора неслишкомъ пріятно звучало для членовъ новаго общества, а цѣль была на лицо — защита христіанства отъ магометанъ, вѣчная вражда противъ невѣрныхъ.

Когда эта цѣль соединила нѣсколько шаекъ, то образовавшееся общество потребовало лучшаго порядка; и вотъ, на берегахъ Дона, при впаденіи Донца, на острову между обѣими рѣками, выбирается сильный стратегическій пунктъ—Раздоры, куда стеклись и соединились въ единое братство всѣ молодцы, наскучившіе бродяжническою жизнью въ Полѣ.

Хотя, съ основаніемъ общества въ Раздорахъ, разбой и грабежи козаковъ не прекратились и повторялись еще долго, но послѣ буйнаго разгула, они являются усердными слугами Россіи, и своими громкими и полезными дѣлами, заставляютъ забывать о недавно—совершенныхъ преступленіяхъ.

Донскіе казаки, устроившись въ Раздорахъ, проявили себя не ранѣе половины XVI столѣтія. До этого времени трудно было рѣшить, кто производитъ набѣги на Поле: — русскіе ли бѣглецы, или татарскіе набѣдники, которые еще долго носятъ названіе козаковъ: (это ясно видно изъ грамоты великаго князя Василія Іоанновича къ турецкому султану (1)).

Разбой съ года на годъ увеличивался въ размѣрахъ и около 1528 года дошли до того, что не было возможности безопасно проѣзжать даже посламъ, отправляемымъ изъ Москвы въ Крымъ и обратно; но уже эти разбой производились не съ одной стороны крымской, т. е.

Разборъ исторіи Войска Донскаго, составленной Броневскимъ: критическая статья Сухорукова — рукопись. Примѣчанія къ ней.

(1) Дѣла турецкія, книга № 1, листъ 233, наказъ дворянину Морозову, посылаемому въ Константинополь къ турецкому султану съ грамотою, гдѣ между прочимъ писано: «и твои казаки азовскіе нашихъ людей вмають на Поле, да водятъ въ Азовъ, да ихъ продають, а емлють съ нихъ окупы великіе и лиха нашимъ людямъ отъ твоихъ казаковъ азовскихъ много чинится».

южной, но и съ восточной, гдѣ между пойманными находились ногайскіе татары и Русскіе (1).

Изъ наказа царя Василія Іоанновича третьяку Гудину, посланному въ 1521 году къ турецкому султану, видно, что оба государя въ это время рѣшились учредить въ донской землѣ станы для переговоровъ и препровожденія пословъ, причеъ русскіе станы думали учредить на Хопрѣ и, въ крайнемъ случаѣ, на Медвѣдицѣ; о донскихъ козакахъ въ этомъ наказѣ не сказано ни слова (2).

Въ первый разъ о донскихъ козакахъ упоминается въ 1549 году; но и здѣсь этимъ именемъ названы тѣ козаки, которые служили въ городахъ по верховьямъ Дона и по рѣкамъ въ него впадающимъ, поселенные самимъ правительствомъ (3).

Но жалоба татаръ, въ этомъ же году, на какихъ-то Севрюковъ, живущихъ на Дону, даетъ поводъ думать, что уже на донской землѣ образовалось общество самобытное и довольно сильное, о которомъ пишетъ ногайскій князь Юсуфъ (4) царю Іоанну Васильевичу Грозному и въ отвѣтъ получаетъ, что: «тѣ разбойники живутъ на Дону безъ нашего вѣдома и отъ насъ бѣгаютъ (5)». Вслѣдъ за этимъ, въ другой грамотѣ Юсуфа упоминается, что эти бѣглецы основали на Дону въ четырехъ мѣстахъ городки и стерегутъ ногайскихъ татаръ, и что атаманомъ ихъ былъ нѣкто Сарыазманъ; но московскій дворъ тотчасъ отрекся отъ нихъ, отписавъ, «что эти холоны въ нашей землѣ многое лихо учинили» и, какъ видно изъ той же грамоты, послѣ сдѣланныхъ ими преступленій эти люди бѣжали на Поле (6).

1) Дѣла ногайскія, книга № 2, листъ 230.

2) Дѣла турецкія, книга № 1, листъ 159—161.

3) Великій князь Іоаннъ Васильевичъ, желая склонить въ то время ногайскихъ князей къ войнѣ противъ крымцевъ, велѣлъ своему послу сказать ногайскому князю Юсуфу: «Дошелъ до насъ слухъ, что крымскій царь недоброжелательствуетъ намъ... астраханскому царю прислалъ пушки и людей на помощь. Я же, по дружбѣ вашей ко мнѣ, повелѣлъ моимъ путивльскимъ и донскимъ казакамъ воевать крымскіе улусы». Дѣла ногайскія, книга № 3, листъ 85—87.

4) Дѣла ногайскія, книга № 3, листъ 113. «О сей же годъ наши люди ходили къ Москвѣ съ торгомъ. Да осенью, какъ шли назадъ, тѣ ваши казаки-севрюки, которые на Дону стоятъ, пришли на тѣхъ нашихъ людей, да иныхъ побили и кони ихъ взяли, а иныхъ де и къ тебѣ повели?»

5) Тамъ же, листъ 118—119.

6) Тамъ же, листъ 171.

Образованіе донскаго козачества слѣдуетъ отнести не ранѣе, какъ къ половинѣ XVI столѣтія, когда новое общество уже окрѣпло и было связано одною цѣлью; когда разбросанныя шайки собрались и проникнулись единою мыслью. Мы не слишкомъ ошибемся, если примемъ 1550 годъ—годомъ основанія самобытнаго донскаго козачества, потому—что уже въ слѣдующемъ 1551 году это общество было настолько сильно, что обратило на себя вниманіе турецкаго султана, просившаго ногайскаго князя унять донскихъ козаковъ отъ нападенія на городъ Азовъ ⁽¹⁾.

Окончательно утвердившись на Дону, казаки, вѣроятно, вскорѣ по водвореніи, предложили себя на службу царю Іоанну Грозному, который, по необходимости, долженъ былъ принять ихъ подъ свое покровительство. Одни изъ нихъ участвуютъ при покореніи астраханскаго царства, между тѣмъ, какъ другая ихъ часть бдительно слѣдитъ за движеніями и намѣреніями крымцевъ, союзниковъ царя астраханскаго, и хотя казаки не всегда могли бороться съ огромными силами хана, по крайней мѣрѣ о вторженіи его полчищъ своевременно извѣщали московское государство.

Отличившись удалствомъ и храбростью во время войнъ Іоанна IV съ Астраханью и Крымомъ (1555—1559), донскіе казаки въ 1569 году выказываютъ странное малодушіе. Турецкій султанъ Селымъ, рѣшивъ воевать Русское царство, послалъ сухопутное войско черезъ задонскія степи къ Астрахани, а морскія силы отправилъ на ладьяхъ по Дону. При первомъ приближеніи непріятеля, казаки разбѣжались и собрались только послѣ отступленія турецкаго войска, встрѣтившаго неожиданныя трудности въ безводныхъ задонскихъ степяхъ ⁽²⁾. Какъ скоро опасность миновала, донскіе казаки возвратились на прежнія мѣста и опять начали разбѣзды къ сторонѣ Крыма и ногайскихъ татаръ, поощряемые московскимъ дворомъ ⁽³⁾. Въ это время

¹⁾ Что русскаго царя Ивана лѣта пришли, рука его надъ бусурманы высока; ужъ де и мѣъ отъ него обида великая; Поле де все, да и рѣки у меня поотымаъ, да и Донъ у меня отнятъ; да и Азовъ городъ упусти у меня доспѣлъ; поотымаъ всю волю въ Азовѣ; казаки его съ Азова оброкъ емлютъ и воды изъ Дону пить не дадутъ». Дѣла ногайскія; книга № 4; листъ 39—41.

²⁾ Дѣла крымскія, № 13; листъ 287—300.

³⁾ Царь Іоаннъ Васильевичъ въ это время особенно благоволилъ къ козакамъ и, собираясь отомстить крымскому хану за сожженіе Москвы, прислалъ

постоянныя жалобы на козаковъ какъ турецкаго султана и крымскаго хана, такъ и погайскихъ князей, оставались безъ всякихъ послѣдствій, потому—что московскій дворъ уже созналъ, какую помощь могутъ принести козаки, будучи передовою стражею, аванпостною цѣпью, противъ нападений мусульманъ.

Въ 1576 году, козаки участвуютъ съ русскими войсками въ войнѣ Ливонской и, дѣйствуя въ первомъ походѣ съ большимъ усердіемъ, во второй походъ, 1579 года, самовольно уходятъ отъ царскихъ воеводъ во—свои или, по словамъ лѣтописцевъ, «пошли на Донъ безъ отпуску (1)».

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Разбой козаковъ на Волгѣ. Завоеваніе Сибири Ермакомъ. Образованіе волжскихъ, яицкихъ и терскихъ козаковъ. Отношеніе донскихъ козаковъ къ царямъ русскимъ: Іоанну Грозному, Феодору Іоанновичу и Борису Годунову.

Удалство донскихъ козаковъ, свободная и разгульная жизнь на новомъ поселеніи привлекала постоянно на Донъ новыхъ пришельцевъ; а въ продолженіи войны Іоанна Грознаго съ Повгородомъ, во время кровавыхъ происшествій этого царствованія, Русскіе уже бѣжали на Донъ толпами. Число ихъ быстро умножилось, и они уже не ограничивались поселеніями на Дону, а искали новыхъ мѣстъ на Волгѣ, Яикѣ и на Кавказѣ. Эти новыя шайки наводили страхъ на улусы Ногаевъ, громили ихъ, а всего чаще грабили промышленниковъ и купцовъ. Какъ прежде торговый путь черезъ Поле, такъ теперь торговая дорога изъ Москвы въ Астрахань сдѣлалась опасною отъ постоянныхъ грабежей и разбоевъ козаковъ, или другихъ людей, занимавшихся разбойничьимъ промысломъ.

въ 1571 году къ донцамъ казачьяго атамана Никиту Машина съ какимъ—то тайнымъ порученіемъ и съ грамотою къ «донскимъ атаманамъ и казакамъ», въ которой писано, что когда Машинъ пріѣдетъ и учнетъ говорить и вы бы съ нимъ о нашихъ дѣлахъ промышленали за одинъ, и какъ намъ послужите и мы васъ пожалуемъ своимъ жалованьемъ». Вѣрующая грамота государя царя Іоанна Васильевича 1571 года. Ист. Карамз. т. IX; примѣчаніе 348.

¹⁾ Тамъ же, т. IX, стр. 298; прим. 323.

Имя козака и вора—грабителя большихъ дорогъ сдѣлалось синонимомъ. Шайки новыхъ козаковъ шли на грабежъ, не спрашивая разрѣшенія войсковаго круга (1). Здѣсь не было разбора: переиждикіе ли купцы, или русскіе промышленники везли товары. Ихъ грабили одинаково, а при малѣйшемъ сопротивленіи умерщвляли. Имя козака произносилось съ ужасомъ и проклятіями. Ногайскіе князья, переидикіе посланники и русскіе купцы неоднократно приносили жалобы Юанну; козаковъ стали ловить, а пойманныхъ представляли въ Москву, гдѣ ихъ ожидала казнь и вѣсѣльица.

Но ни казни, ни сильныя отряды, посылаемые противъ козаковъ, не унимали ихъ безпокойнаго духа. Переставая грабить купцовъ, они тѣмъ съ большимъ ожесточеніемъ напали на ногайскихъ татаръ, жгли ихъ селенія, уводили женъ и дѣтей, отбивали стада; а въ 1570 году напали на столицу погаевъ Сарайчикъ и «не только людей и живыхъ съѣли, и мертвыхъ изъ земли вырвали и гробы ихъ розорили (2)».

Причина этихъ постоянныхъ разбоевъ была двоякая: во-первыхъ, невозможность осѣлости посреди кичливыхъ татаръ, которые не исполняли мирныхъ договоровъ. Козаки не могли заняться ни земледѣліемъ, ни промышленностью, постоянно ожидая нападенія татаръ, и по необходимости жили грабежемъ и разбоемъ. Во-вторыхъ, политика русскаго двора, который запрещалъ имъ воевать съ татарами, когда того требовали его виды; въ это—то время козаки всего чаще являются грабителями большихъ дорогъ. При томъ, одно нападеніе на погайцевъ доставляло козакамъ царское жалованье, другое—лютую казнь, и причаля козаковъ къ переменчивой политикѣ русскаго двора.

Около 1570 года, разбой козаковъ усиливался все болѣе и болѣе; они окружали съѣтью своихъ шакъ все пространство отъ Яика черезъ Волгу и Донъ до Днѣпра. Надо полагать, что въ числѣ козаковъ въ это время было много ошалѣлыхъ Юанна Грознаго, которые подговаривали козаковъ на болѣе дерзкіе поступки. Въ томъ же 1570 году атаманы нѣсколькихъ шакъ волжскихъ козаковъ: Иванъ Кольцо, Богданъ Борбоша, Шикита Панъ и другіе, ограбили ногайскихъ пословъ и русскаго боярина Василія Целепенцина на Волгѣ, близъ Сосноваго

1) Такъ называлось собраніе, на которомъ козаки, по большинству голосовъ, рѣшали свои дѣла.

2) Дѣла крымскія, книга № 10; листъ 140.

острова ⁽¹⁾. Разгнѣванный государь послалъ грамоты въ Казань и Астрахань объ изловленіи грабителей, съ повелѣніемъ пойманныхъ казнить смертію. Но судьба готовила этихъ буйныхъ людей на дѣла славныя въ обширномъ царствѣ Сибирскомъ.

Цари сибирскіе, потомки Чингисхана, около этого времени обязались платить царю Іоанну Грозному дань, но не всегда исполняли договоръ, напротивъ, часто нападали на восточные предѣлы Русскаго царства. Это побудило Іоанна Грознаго повѣрить защиту границъ своего государства купцамъ Строгоновымъ, съ большими для нихъ преимуществами и съ обязанностью имѣть собственное войско и заводить крѣпости. Для пайма войскъ Строгоновы приглашали вольныхъ людей и многія шайки донскихъ и волжскихъ козаковъ, славныхъ по «буйству и храбрости». Въ апрѣлѣ 1579 года, послы Строгоновыхъ явились къ козацкимъ атаманамъ: Ермаку Тимофѣевичу, Ивану Кольцо, Якову Михайлову, Никитѣ Пану и Матвѣю Мещеряку; вручили имъ подарки Строгоновыхъ; увлекли ихъ воображеніе обширнымъ полемъ дѣятельности въ странѣ, славной по богатству и обилію даровъ природы. Атаманы обрадовались, видя, по словамъ лѣтописи ⁽²⁾, *пришествіе пословъ съ такою честью отъ мужей славныхъ*. На крутомъ берегу, при устьѣ Самары собрался кругъ (все атаманы съ предоблею дружиною) *думать думу важную съ црѣла ула*. Атаманъ Ермакъ, храбрѣйшій и просвѣщеннѣйшій изъ козаковъ, говорилъ въ кругу сильно и много о беззавѣи и опасности ихъ: «слывя ворами, мы скоро не найдемъ убѣжища въ землѣ нашей, и, отринутые Богомъ, не узримъ царства небеснаго; смоемъ пятно наше службою честною или смертію славною; послѣдуемъ призванію честныхъ мужей Строгоновыхъ». Весь кругъ прогремѣлъ: «пойдемъ»—и атаманы, поднявъ знамя, 28 іюня явились въ Чусовыхъ городкахъ, въ числѣ 540 человекъ.

Первые два года эти козаки защищали крѣпостцы, построенныя Строгоновыми; но въ 1581 г., вслѣдствіе внезапнаго набѣга сибирскихъ татаръ на русскіе городки, рѣшились отомстить и вмѣстѣ съ тѣмъ навсегда положить предѣлъ этимъ опустошительнымъ набѣгамъ.

Въ томъ же году, хорошо снаряженные и усиленные новыми охот-

¹⁾ Дѣла ногайскія; книга № 10; листъ 238—261.

²⁾ Рукопись, имѣющая названіе «о взлгѣ сибирской земли» и дѣла сибирскія, столбъ 2 и 3. Огрызки помѣщены въ историческомъ описаніи В. Донскаго.

никами, казаки, подъ начальствомъ Ермака Тимофѣевича, въ числѣ 840 человекъ, сѣли на ладьи и пошли искать Сибирское царство.

Постоянно враждуя между собою, сибирскіе князья не соединились, чтобы взаимно противоборствовать малочисленной, но храброй, дружинѣ Ермака. Разказы о храбрости казаковъ и ихъ огнестрѣльномъ оружіи заранѣе приводили татаръ въ ужасъ. Перетаскивая суда изъ одной рѣки въ другую, казаки по дорогѣ завоевывали небольшія сибирскія ханства. Такимъ образомъ дружина вступила въ Иртышъ, гдѣ началось царство сильнѣйшаго изъ сибирскихъ владѣтелей, Кучума. Онъ навстрѣчу Ермаку послалъ племянника своего Маметкуля. Маметкуль былъ разбитъ и оставалось поразить самого Кучума, ожидавшаго нападенія въ укрѣпленномъ мѣстѣ. Не смотря, что дружина въ долгомъ плаваніи и постоянныхъ битвахъ была ослаблена, казаки ободренные словами: «не посраимъ себя, померемъ все, но врагамъ неуступимъ; если же побѣдимъ, память наша въ странахъ сихъ и слава въ мірѣ будутъ вѣчны», — бросился на войско Кучума, которое, послѣ упорной битвы, обратилось въ бѣгство. Кучумъ, забравъ въ своей столицѣ Искерѣ самую дорогія сокровища, бѣжалъ дальше, а Ермакъ тотчасъ ее занялъ.

Вскорѣ за покореніемъ Искера, все царство Кучума подпало подъ власть Ермака, который, то оружіемъ, то разумнымъ управленіемъ, привлекалъ къ себѣ сосѣднихъ князей и дѣйствовалъ такъ успѣшно, что многіе изъ нихъ явились къ нему съ дарами и выразили желаніе быть «подъ рукою русскаго царя».

Если завоеваніе Сибирскаго царства дѣлаетъ честь храбрости и отважному духу Ермака, то гораздо выше слѣдуетъ цѣнить его высокія политическія дарованія, которыя укрѣпили сдѣланные ими, завоеванія навсегда за Русскими.

Ермакъ, удостовѣренный въ прочности своихъ побѣдъ, послалъ нѣсколько человекъ своей дружины къ Строгоновымъ, которые отослали ихъ въ Москву съ вѣстями о завоеванномъ царствѣ. Одаривъ Строгоновыхъ и донскихъ атамановъ, Іоаниъ Грозный послалъ къ Ермаку богатые подарки и чрезъ нѣсколько времени отправилъ на помощь русскія войска; но атаманъ-герой не дожидъ до этого. Вскорѣ послѣ полученія милостей царскихъ, Ермакъ погибъ въ одной изъ схватокъ съ сибирскимъ княземъ изъ рода Кучума. Въ этой схваткѣ, окруженный внезапно непріятелемъ, Ермакъ, желая избѣжать плѣна, хотѣлъ прыгнуть въ лодку, стоявшую недалеко отъ берега, но не рассчитавъ

прыжка и въ тяжелой бронѣ упалъ въ Иртышъ «въ волнахъ котораго сокрылся на вѣки». Ни современники, ни потомки не отнимали у Ермака славы его завоеванія, которое возвысило козаковъ во мнѣніи русскаго народа.

Громкая слава сподвижниковъ Ермака разнеслась по всему Русскому царству и многіе изъ волжскихъ козаковъ оставили свое разбойничье ремесло, поселились недалеко отъ устьевъ Яика (Урала), гдѣ, въ мѣстахъ привольныхъ для рыбной ловли, основали городъ въ 1584 году и положили начало Уральскому войску.

Россия еще въ концѣ XV вѣка имѣла на Терекѣ свои городки, населяя ихъ городовыми козаками. Въ 1581 году, по просьбѣ грузинскаго царя Александра, туда же отправлена дружина стрѣльцовъ; но этой дружины было недостаточно, а потому частью по собственной волѣ, а частью по приглашенію правительства, переходили туда и донскіе козаки. Переселенцы на новомъ мѣстѣ остались вѣрны своей цѣли—воевать съ невѣрными, что видно изъ просьбъ крымскаго хана русскому посланнику о сведеніи козаковъ съ Терека.—Раздѣлившись на четыре главныя группы: донскихъ, волжскихъ, уральскихъ и терскихъ, козаки тѣмъ удобнѣе могли тревожить различныя орды татаръ, скитавшіяся подъ управленіемъ отдѣльныхъ князей по огромному пространству юговосточной Россіи. Безпрестанныя, почти ежемѣсячныя жалобы ногайскихъ татаръ русскому двору не вели ни къ чему. Московское правительство уже видѣло пользу, которую приносятъ ему козаки, относительно магометанъ. Никогда служба козаковъ не была такъ ощутительна, какъ во время нашествій татаръ на самое Московское царство, что случалось нѣсколько разъ въ правленіе Іоанна Грознаго и сына его Θεодора Іоанновича. Но не успѣвали собраться полчища крымскаго хана, какъ вѣсть о ихъ походѣ была извѣстна всему русскому государству чрезъ козаковъ, которые стерегли каждый шагъ татаръ, догадываясь о каждомъ ихъ намѣреніи.

Каждый ханъ считалъ своею обязанностью побывать на Окѣ и воевать Московское царство. Такъ въ 1591 году, пользуясь отсутствіемъ русскихъ войскъ въ Швецію, крымскій ханъ Казы — Гирей собралъ огромную рать и двинулся съ нею на Москву. Козаки извѣстили русское правительство, вслѣдствіе чего были взяты предосторожности и непріятеля заставили возвратиться назадъ.

По замиреніи съ Крымомъ и ногайскими татарамъ, правительство старалось и козаковъ склонить къ прекращенію набѣговъ, для чего при-

сылала имъ неоднократно жалованье, состоящее изъ суконъ, хлѣба и денегъ, а также изъ пороха и свинцу. Козаки прекращали набѣги до тѣхъ поръ, пока наши посланники вели переговоры, а потомъ вновь начали нападеніе на татаръ, находя всегда предлогъ къ войнѣ. Къ тому же и татары пользовались каждымъ случаемъ, чтобы нанести козакамъ вредъ. Царское жалованье ставало имъ на весьма короткое время; притомъ, они получали всегда свинецъ и порохъ, назначеніе которыхъ было весьма понятно.

Такова была политика царей Іоанна и Феодора. Со вступленіемъ на престолъ Бориса Годунова милостивыя отношенія русскаго двора къ козакамъ кончились. Борисъ Годуновъ не благоволилъ къ козакамъ, прекратилъ выдачу имъ жалованья, запретилъ козакамъ безошлинно торговать въ московскомъ государствѣ и набѣщать своихъ близкихъ, что было разрѣшено грамотою царя Феодора Іоанновича. Не довольствуясь этимъ, Борисъ Годуновъ построилъ въ 1598 году на Донцѣ городъ Царевъ—Борисовъ, писалъ крымскому хану о свѣдѣніи козаковъ съ Дону и показалъ такимъ—образомъ явное намѣреніе уничтожить донское козачество. Эту перемѣну въ обращеніи съ козаками можно приписать только подозрительности Бориса, который могъ считать козаковъ общниками его враговъ.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда въ Россіи разнеслась молва, что царевичъ Дмитрій живъ и что Годуновъ есть похититель престола и достойнѣе Іоанна. Лжедмитрій зналъ о нерасположеніи козаковъ къ Годунову и, разумѣется, этимъ воспользовался. Признанный царемъ сперва въ Польшѣ, самозванецъ спѣшилъ найти себѣ союзниковъ и въ донскихъ козакахъ. Въ грамотѣ (1) своей къ козакамъ, Лжедмитрій писалъ, что онъ истинный сынъ перваго царя Бѣлаго, что у него измѣною и злодѣйствомъ Годунова похищенъ престолъ, звалъ ихъ свергнуть сего недостойнаго раба съ отеческаго престола. Козаки повѣрили не разомъ; они рѣшились на мѣстѣ развѣдать обо всемъ и съ этою цѣлью нарядили къ мнимому царевичу посломъ войскаго атамана Корелю и старшину Мѣжакова, которые, въ 1603 г., отправились въ Польшу, гдѣ увидѣвъ, что съ Лжедмитріемъ обращаются какъ съ истиннымъ царевичемъ, признали его сыномъ русскаго царя; потомъ, обласканные Лжедмитріемъ, не желая искать

1) Исторія Россійскаго государства Карамзина и примѣчанія, томъ XI. Лѣтопись Николая о мятежахъ.

другихъ удостовѣреній, они, именемъ всѣхъ своихъ собратьевъ, били самозванцу челомъ въ вѣрности и преданности козаковъ.

Напрасно Годуновъ присылалъ на Донъ чиновника Хрущова для удостовѣренія козаковъ въ коварномъ обманѣ Лжедмитрія. Вѣря словамъ своихъ атамановъ и признательные къ милостямъ мнимаго царевича, козаки заключили Хрущова въ цѣпи и отослали къ самозванцу. Хрущовъ изъ трусости палъ ницъ передъ Отрепьевымъ и призналъ его истиннымъ сыномъ Грознаго, что еще болѣе увѣрило козаковъ. Они соединились съ самозванцемъ сначала въ числѣ 6000 подъ начальствомъ Корелы, а послѣ пораженія войскъ самозванца Басмановымъ прислали ему еще 5000.

Духъ измѣны, сообщившійся русскому народу и козакамъ признаніемъ перваго самозванца, переманилъ ихъ послѣ смерти Отрепьева къ другому, потомъ къ третьему самозванцу. Козаки легко переходили отъ одного къ другому и обгаляли въ это время русскую землю неповиною кровью; козаки болѣе всѣхъ способствовали смутамъ того времени. Страсть къ хищничеству и грабежамъ, какъ отрицательное ихъ качество, проявилась во всей наготѣ. Лѣтописцы и историкъ русскіе вспоминаютъ о нихъ съ ужасомъ и справедливо находятъ, что въ это время козаки нанесли Россіи болѣе вреда, чѣмъ сами непріатели.

Но лишь только успокоилась Россія, козаки первые готовы поддерживать порядокъ и, получивъ грамоту отъ духовнаго собора (1), немедленно признали Михаила Ѳеодоровича за своего законнаго царя и государя. Изъ этой грамоты между прочимъ видно, что козаки, бывшіе въ Москвѣ, много способствовали къ водворенію тишины и спокойствія во время избранія Михаила Ѳеодоровича.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Отношенія козаковъ къ царю Михаилу Ѳеодоровичу; убіеніе посла Карамышева.

Со времени воцаренія Михаила Ѳеодоровича, дѣйствія козаковъ получаютъ болѣе правильный характеръ. Получивъ грамоту отъ московскаго духовнаго собора, а потомъ отъ самого государя съ титуломъ: «великому Войску Донскому,» козаки обѣщали служить вѣ-

1) Грамота на Донъ отъ духовнаго московскаго собора 1613.

рою и правдою, не приставать къ шайкамъ самозванцевъ, а напротивъ, унимать отъ буйства другихъ козаковъ. Насчетъ же повелѣнїя не трогать азовцевъ, турокъ и татаръ и воевать Польшу, казаки отвѣтствовали, что имъ безъ войны жить нечѣмъ и просили государя присылать жалованье (1). Хотя изъ грамотъ невидно, чтобы козакамъ было опредѣлено постоянное жалованье; но они получали его часто, особенно во время препровожденїя пословъ.

Со времени воцаренїя дома Романовыхъ начинаются постоянныя письменныя сношенїя козаковъ съ московскимъ дворомъ, съ посылкою легкихъ станицъ (2)

Въ первое время Донцы дѣйствительно усердствовали московскому двору. Азовцы, въ соединенїи съ крымскими и ногайскими татарами, неоднократно нападали на ихъ юрты, отнимали у нихъ табуны лошадей и скотъ; но казаки не мстили, боясь этимъ потревожить русскаго посланника въ Константинополь.

Взамѣнъ этого, пользуясь расположенїемъ двора, казаки захотѣли прїобрѣсти право на беспошлинную торговлю во всѣхъ украинскихъ городахъ, на что государь далъ имъ особую грамоту (3).

Въ это же время, правительство озаботилось прочнымъ устройствомъ сношенїй съ Дономъ. При прежнихъ государяхъ, переписка съ донскими козаками производилась большею частью по разряду. Въ сентябрѣ 1614 года, было указано завѣдывать этими дѣлами посольскому приказу, который управлялъ сношенїями со всѣми иностранными народами.

1) «Православный царь государь», писали они: «пожалуй насъ, холопей своихъ, своимъ царскимъ великимъ жалованьемъ денежнымъ, и сукны и селитры и свинцомъ и запасомъ; чѣмы мы нужны, чтобы мы, холопи твои, служа съ травы, да съ воды, наги и босы и голодны не были». Дѣла турецкія столп. 1614 г. Отписка донскихъ атамановъ и козаковъ 1613 года.

2) Т. е. нѣсколькихъ козаковъ и выбраннаго атамана.

3) «За многія къ намъ службы пожаловали, велѣли вамъ въ наши украинныя города со всякими вашими товары и безъ товаровъ, къ родимцамъ вашимъ ѣздить и съ нами видѣться поволью и торговати всякимъ товаромъ и по городамъ по воеводамъ нашимъ и всякимъ приказнымъ людемъ о томъ отъ насъ писано, чтобы они вамъ и товарищамъ вашимъ съ товары и безъ товары ѣздить велѣли поволью и насильства бы никому не чинили... и у тѣхъ товаровъ пошлинъ имать за вшау службу не велѣли. Дѣла турецкія, въ столпцахъ, 1615 года № 2; грамота на Донъ ⁷¹²⁴/₁₆₁₅ года, сентября.

Между-тѣмъ, азовцы попрежнему нападаютъ на козацкія юрты и отбиваютъ у донцовъ скотъ, а плѣнныхъ отводятъ въ неволю. Козаки, дождавшись выѣзда посланника, не могли больше терпѣть и начали съ своей стороны нападенія. Въ это время (1616 г.) Россія готовилась къ войнѣ съ Польшою. Желая преклонить на свою сторону турецкаго султана, московскій дворъ всѣми силами старался удержать козаковъ отъ ихъ нападеній. Козаки мирились съ азовцами; но князья татары не исполняли договоровъ. Оба народа были слишкомъ озлоблены другъ противъ друга; а потому донцы дѣлали поиски или къ Азову, или въ соединеніи съ запорожцами, производили морскія экспедиціи въ Крымъ, малую Азію и Европейскую Турцію. Не разъ отъ ихъ смѣлыхъ высадокъ трепетали Керчь, Трапезонтъ, Синопъ и даже самыя столицы—Бахчисарай и Константинополь.

Порта, желая какии-нибудь образомъ воспрепятствовать козакамъ проходить въ море, рѣшилась отнять у нихъ тѣ два рукава Дона, которые, будучи судоходны для другихъ, служили козакамъ для свободнаго выхода въ Азовское море, и, пользуясь тѣмъ, что московскіе послы находились въ Азовѣ, отчасти исполнила свои намѣренія, построивъ на рукавахъ Дона:—Мертвомъ Донцѣ и Каланчѣ—башни и засыпавъ рукава еще камнями. Это болѣе озлобило козаковъ.

Московскій дворъ смотрѣлъ на ссоры козаковъ съ азовцами не съ большою пріязнью, поэтому вначалѣ царь Михаилъ Феодоровичъ, потомъ патриархъ Филаретъ, писали къ козакамъ грамоты и угрожали:—первый — опалю, а второй — отлученіемъ отъ церкви (1); но это не дѣйствовало на донцовъ, привыкшихъ уже къ перемѣнной политикѣ. На приказаніе соединиться съ турецкими войсками для взаимнаго дѣйствія противъ Польши, козаки наотрѣзъ отказали, а на опалу царя отвѣчали, что они сойдутъ съ Дона и займутъ новыя жилища.

Удачныя экспедиціи козаковъ въ Крымъ и Анатолю были причиною, что перазъ русскіе посланники при дворахъ турецкаго султана и крымскаго хана подвергались заключенію. Поэтому царь рѣшился принять крутыя мѣры и посадилъ въ крѣпость одну изъ легкихъ станицъ, прибывшую въ Москву съ отпискою, а для усмиренія козаковъ послалъ знатнаго сановника, Карамышева, съ грозною грамотою, въ ко-

1) Дѣла турецкія, въ столпцѣ 1617 г. Грамоты на Донъ.

торой, налагая на нихъ ошалу, обѣщала отлучить отъ церкви. Карамышевъ преувеличилъ инструкцію, страшая козаковъ бить кнутами и казнить, а имущество и жилища ихъ пожечь. Услышавъ столь грозныя слова, козаки потребовали отъ Карамышева грамоты, на основаніи которой онъ имѣеть столь неограниченную власть, обѣщаясь быть покорными царской волѣ. Когда же Карамышевъ въ этомъ отказалъ, и какъ между козаками носился слухъ, будто Карамышевъ спонсится съ ногайскими и крымскими татарами объ истребленіи козаковъ, то они и рѣшили, въ войсковомъ кругу, посадить Карамышева въ мѣшокъ и бросить въ воду, что и было немедленно исполнено; затѣмъ написали государю отписку, въ которой объяснили причины, мѣняющія имъ воевать съ Польшею въ союзѣ съ Турціею и между-прочимъ упомянули объ убіеніи Карамышева ¹⁾.

¹⁾ Дѣла турецкія, 1630 года, № 8. Повинная отписка донскихъ козаковъ 6 октября 1630 года, объ убійствѣ Карамышева. Эта длинная отписка, лучше другихъ, характеризуетъ отношенія донскихъ козаковъ къ московскому двору; а потому приводимъ изъ нея нѣкоторые мѣста:

«По твоей государевѣ грамотѣ велѣно идти на твоего государя недруга, на польскаго короля землю, съ турецкими посланци, съ мурзою, да съ Абазою вмѣстѣ; а нынѣ де тѣ послы съ турецкими людьми стоять на Узѣ. И мы, Государь, отъ Божіей милости не отступники, а тожъ государю, твоему царскому величеству, не мзѣвники и не лакомцы; служимъ тебѣ съ травы, да съ воды и къ твоему государскому величеству языки и всякими вѣстями обсылаемся и твоихъ государевыхъ пословъ встрѣчаемъ и провожаемъ въ турецкую землю и тебѣ, государь, назадъ къ Москвѣ, и турецкаго посла, твоего государева дѣла, встрѣчаемъ и провожаемъ и во всемъ себя въ твою царскую милость отдаваемъ; истинную православную, христіанскую вѣру, по преданію святыхъ апостолъ, въ которой, предковѣ наши, православные христіане и мы, холопи твои, породились и возрасли, помимъ и крѣпко держимъ и впредь хотимъ за нее противъ твоего государева всякаго недруга стоять крѣпко и неподвижно до конца живота своего; за тебя, Государь, умираемъ, вся любимая свѣта сего остави и телѣса свои презрѣвъ» и т. д. Потомъ продолжаютъ такъ: «и мимо твоего російскаго московскаго государства въ бусурманскую землю турецкимъ пашамъ на помощь идти не хотимъ, потому что наша истинная православная христіанская вѣра Турчанамъ непріятна». При этомъ козаки замѣчаютъ, что хотя они и učinили бы съ «турскими людьми надъ Литвою поисканье, а слава будетъ турецкаго Муратъ-Салтана и турецкихъ людей, а не твоя, государева, и не наша, холопей твоихъ, служба православная» и что «въ прежнія, государь, лѣта, блаженныя памяти, ни при которыхъ бывшихъ царехъ, мы, донскіе атаманы и казаки, турецкимъ Муратъ-Салтанамъ не служивали». Дальше же между прочимъ продолжаютъ: «да въ прошломъ же, Государь, 137 году (1629) августа въ 27 день, съ твоими государевыми послы, по твоему государеву указу, въ провозныхъ присланцъ Иванъ Карамышевъ къ намъ на Донъ въ войско, и, пріѣхавъ,

Два года донцы несли на себѣ гнѣвъ царскій и опалу патріарха. Наконецъ, въ исходѣ 1632 года, Михаилъ Теодоровичъ простилъ ихъ, велѣлъ выпустить заточенныхъ изъ крѣпости и отправилъ подъ Смоленскъ, вмѣстѣ съ русскими воеводами, а войску послалъ милостивую грамоту и жалованье.

Въ слѣдующемъ году, какъ видно изъ грамоты на Донъ отъ 15 апрѣля 1633, велѣно козакамъ учинить поискъ надъ крымскими татарами. «И мы, великій государь, и отецъ нашъ великій государь, святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ московскій и всяя Россія, васъ атамановъ за вашу службу, что вы намъ служите надъ татарами, войною промышляете и поискъ чините, похваляемъ, и за то васъ учнемъ жаловати нашимъ государскимъ жалованьемъ».

Въ другихъ грамотахъ, напротивъ, требовалось, чтобы казаки не дѣлали поискъ, ни подъ Азовъ, ни въ Крымъ, потому—что великій князь находился въ миру съ султаномъ и крымскимъ ханомъ. Однакожъ, ни грамоты царя, ни увѣщанія патріарха не дѣйствовали на козаковъ, которые имѣли множество личныхъ предлоговъ къ войнѣ съ азовцами. Султанъ, находясь въ самыхъ дружественныхъ сношеніяхъ съ московскимъ дворомъ, не могъ, однакожъ, не замѣтить двусмысленной политики русскихъ послашниковъ, которые, трактуя объ уничтоженіи козаковъ, въ то же время привозили имъ свинець и порохъ, и рѣшился послать къ Азову войско и инженеровъ, для приведенія его въ лучшее положеніе, а потомъ послалъ повелѣніе кафин-

тотъ Иванъ Карамышевъ, насъ холопей твоихъ хотѣлъ казнить смертью, вѣшать и въ воду сажать и куутьями достальныхъ бить и мы, холопи, твоего государева указу и грамоты у Ивана Карамышева непооднажды спрашивали и почему ему насъ вѣшать и куутьями бить и въ воду сажать и тотъ, Иванъ Карамышевъ ту рѣчь намъ сказалъ, что ибту де у меня государевой грамоты, ни наказу; никакого твоего государскаго указу намъ не сказалъ, а насъ холопей твоихъ, своимъ злохитрствомъ и умышленіемъ безъ вишней вымы хотѣлъ казнить, вѣшать и въ воду сажать и которыхъ бить и пожарами рѣзать, а сверхъ того Иванъ Карамышевъ учелъ съ крымскими и погайскими людьми ссылатися, чтобы насъ, холопей твоихъ, всѣхъ побить и до конца погубить, и разорить, и искоренить, и городки наши пожечь и дальше, и мы холопи твои, видя его Ивашово надъ собою злохитренье, отъ горести думъ своихъ за его великую неправду, того Ивана Карамышева обезглавили». Если же, продолжаютъ казаки, Карамышевъ показалъ бы указъ, то ови «государю не супротивники, Донъ-рѣку, отъ низу и до верху и рѣки запольныя всѣ тебѣ, Государю, до самыхъ украинныхъ городовъ крымскихъ и погайскихъ людямъ распространить, все очиститъ, съ Дону съ рѣки и со всѣхъ запольныхъ рѣкъ всѣ, холопи твои, поидемъ по твоему государеву указу.»

екому пашѣ съ его ратными людьми поспѣшить къ Азову и совокупно съ ногайцами безпиконтъ козаковъ. У козаковъ тоже пронесся слухъ, будто султанъ послалъ значительное войско для уничтоженія козаковъ ¹⁾.

Чтобы предупредить этотъ замыселъ и не допустить турецкіе корабли къ Азову, казаки послали на 34 стругахъ (лодкахъ) охотниковъ. Вышедъ въ Азовское Море, они встрѣтили Черкасъ (малороссійскихъ козаковъ) на 20 стругахъ, и общимъ совѣтомъ положили сперва ударить на Керчь, а потомъ, на возвратномъ пути, осадить Азовъ. Хотя нападеніе на Керчь не увѣчалось успѣхомъ, но казаки рѣшились во что-бы то ни стало вырвать Азовъ изъ власти мусульманъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Важность для козаковъ крѣпости Азова. Взятіе Азова казаками; убійство турецкаго посла Оомы Кантакузина. Неудачная осада Азова турками. Оставленіе Азова казаками по предложенію царя Михаила Осодоровича.

Оружіе козаковъ дѣлалось со дня на день невыносимѣе для мусульманъ и особенно для жителей азовской крѣпости и ея окрестностей. Османскіе владѣтели съ негодованіемъ смотрѣли на ихъ близкое сосѣдство, неоднократно требовали отъ московскаго двора свѣденія козаковъ съ Дона и, не успѣвая въ этомъ, старались укрѣпленіемъ города Азова, положить преграду ихъ предприимчивости.

Азовъ находился при южныхъ протокахъ Дона, въ 15 верстахъ отъ впаденія его въ море; онъ нѣкогда составлялъ, подъ именемъ Танаиса, многолюдное поселеніе, извѣстное своею торговлею еще до Р. X. Во время владычества генуэзцевъ на Черномъ и Азовскомъ морѣ, Танаисъ, подъ именемъ Таны, считался одною изъ значительнѣйшихъ колоній богатой республики ²⁾; но по изгнаніи генуэзцевъ изъ крымскаго полуострова Тана, занятый турками въ 1475 году и переименованный въ Азовъ ³⁾, потерялъ прежнее значеніе въ торговомъ мірѣ и былъ

¹⁾ Дѣла ногайскія, 1633 г. № 2. Отписка донскихъ козаковъ въ Москву.

²⁾ Fragment de la carte marine de Fredice d'Ancone, tirée de la bibliotheque de Wolfenbutel. Археолого-пумизматическій сборникъ Спасскаго.

³⁾ Нылъ посадъ Екатеринославской губерніи, съ едва замѣтными слѣдами укрѣпленій.

обращенъ въ крѣпость, для прегражденія пути донскимъ козакамъ въ море ¹⁾).

Въ 1636 году, въ Азовѣ были обновлены стѣны, проведены новыя валы, устроены передовыя крѣпосцы на берегахъ Дона и въ крѣпость посаженъ четырехъ-тысячный гарнизонъ ²⁾).

Въ послѣднее время, обнадеженные такими твердынями, Азовцы усилили свои набѣги на русскія украины и стали дѣйствовать смѣлѣе противъ козаковъ.

Съ другой стороны, и козакамъ надоѣло постоянное сосѣдство кичливыхъ татаръ: не проходило году, чтобы они оставались спокойными. На Азовъ казаки смотрѣли даже съ нѣкоторымъ опасеніемъ, справедливо боясь, что подобная крѣпость можетъ современемъ парализировать ихъ морскія экспедиціи. Притомъ, въ Азовѣ, находился христіанскій храмъ; сотни русскихъ плѣнныхъ и козаковъ ждали выкупа въ сирадныхъ темницахъ азовскихъ башень... и вотъ казаки рѣшаются на дѣло смѣлое, о которомъ доносятъ московскому двору въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «пошли мы, холопи твои, переговора межъ собою, подъ Азовъ, потому, Государь, что они азовскіе люди на насъ холопей твоихъ умышляли,—крымскому царю писали для рати, чтобы насъ, холопей твоихъ, съ Дону перевести, а Донъ рѣку очистить; и мы, Государь, не дожидая на себя ихъ бусурманскаго приходу, а видя къ себѣ твою государскую милость, пошли подъ Азовъ, апрѣля въ 21 день» ³⁾).

Въ началѣ весны 1636 года, собрались почти все донскіе казаки на Монастырскомъ яру ⁴⁾, для рѣшенія общаго *войсковаго дѣла*. Старѣйшины предложили войсковому кругу подвигъ доблести и славы, требовали общаго мнѣнія и услышали единодушно приговоръ: «идти, постычь бусурманъ, взять городъ и уничтожить мусульманскую вѣру.» У козаковъ не было стѣннобитныхъ орудій, а всю ихъ артиллерію составляли четыре фалконета; пороху было также немного, равно какъ

¹⁾ Исторія царствованія Петра Великаго, Н. Устрялова. Томъ второй, стр. 221.

²⁾ Сказаніе о взятіи донскими козаками города Азова (рукопись безъ означенія автора и времени, когда она написана). Историческое описаніе Войска Донскаго—рукопись.

³⁾ Дѣла донскія. Отписка донскихъ козаковъ, привезенная въ Москву іюля 30 1637 г.

⁴⁾ Ниже Старочеркасской станицы въ 6 верстахъ по Дону.

свинцу и провіанта; но они поджидали изъ Москвы царское жалованье.

Съ Донцами соединились и Запорожцы, часто приходившіе погулять на Донъ; надо полагать, что въ это же время прибыло много Малороссіянь, бѣжавшихъ своей родины отъ угнетенія Польши.

Ополченіемъ козаковъ командовалъ войсковою атаманъ Татариновъ.

Въ апрѣлѣ, началась осада. Дружины козаковъ были раздѣлены на четыре части, которыя со всѣхъ сторонъ облегли городъ. При устьѣ Дона стояла судовая стража, всѣ сообщенія были пресѣчены и ниоткуда не могла прокрасться въ Азовъ помощь.

Не имѣя средствъ разрушить укрѣпленія, козаки должны были рѣшиться на средство отчаянное — взять городъ приступомъ. Немедленно приступили къ приуготовительнымъ работамъ: надѣлали плетенные туры; насыпали ихъ землею и, защищаясь рвами, подкатили ихъ такъ близко, что могли уже метать камемья въ непріятелей.

Все это казалось смѣшнымъ для гордыхъ мусульманъ, которые считали себя слишкомъ безопасными въ стѣнахъ города; они стрѣляли изъ пушекъ и разнаго оружія, однакожь мало вредили козакамъ во рвахъ и за турами. Болѣе трехъ недѣль продолжался подступъ; все это время не прерывалась перестрѣлка, но едва-ли приносила большую пользу.

Въ станѣ донскихъ козаковъ, между-тѣмъ, находился посолъ турецкаго султана, Оома Кантакузинъ, назначенный для переговоровъ съ московскимъ дворомъ. Онъ дожидаяся русскаго чиновника, и видя, что козаки съ твердою рѣшимостью предприняли осаду, тайно послалъ гощевъ къ крымскому хану и султану, прося ихъ выслать войско на помощь Азову. Шедшій съ отпиской Кантакузина, Грекъ, былъ пойманъ и выдалъ посланника, за что козаки готовили ему лютую смерть, а между тѣмъ распорядились принятіемъ мѣръ осторожности со стороны Крымской и Кубанской, отъ Темрюка и Тамани; учредили ближніе и дальніе наблюдательные посты, дабы не пропускать непріятельскихъ войскъ ¹⁾.

Козаки ждали только царскаго жалованья, состоявшаго по обыкновению, кромѣ денегъ, изъ пороху и свинцу, предположивъ устроить под-

¹⁾ Дѣла донскія. Отписка донскихъ козаковъ, привезенная въ Москву 30 іюля 1637 г. Изъ актовъ видно, что въ іюль 1636 года была послана краткая отписка.

конь подъ стѣны крѣпости для сдѣланія бреши и потомъ начать приступъ.

Въ это время пришло извѣстіе, что со стороны Кагальника идетъ къ Азову вспомогательное войско: то была рать, собранная въ Керчи, Темрюкѣ и Тамани и состоявшая изъ Турокъ и темрюцкихъ Черкесъ, но извѣстїямъ, полученнымъ отъ Оомы Кантакузина. Съ величайшею скрытностью вышли отборные козаки изъ лагеря, встрѣтили непріятеля на рѣкѣ Кагальникѣ, вступили въ жестокий бой и, одолевъ враговъ, многихъ побили, другихъ разогнали такъ, что ни одинъ не достигъ Азова. Подобная побѣда, разумѣется, не обошлась безъ убыли въ войскѣ, за которую Оома Кантакузинъ, посоль турецкой имперіи, былъ приговоренъ къ казни со всею свитою, и приговоръ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе.

Послѣ этого событія дѣятельнѣе приступили къ осадѣ. Бывшій въ козачьемъ станѣ, Пѣмецъ, устроилъ подкопъ, и 18 іюня, козаки, послѣ поста и молитвы, рѣшились идти на приступъ.

Глубокая тишина царствовала въ станѣ козаковъ. Прощаясь взаимно, они говорили со слезами другъ другу: «поддержимъ, братія, честь нашего оружія; постоимъ за православную вѣру и святой храмъ; умремъ, если такъ нужно, но не посраимъ себя». Азовцы, видя тишину, потомъ движеніе въ козачьемъ станѣ, предсказывали бѣгство козаковъ и радовались. Но въ 4 часа пополудни, грянулъ громъ подкоповъ, затряслись азовскія твердыни; взорвало часть стѣны. Люди, каменья, обломки строеній, глыбы земли, все полетѣло вверхъ и рассыпалось по окружнымъ полямъ. Осаждающіе воспользовались минутою смятенія; атаманъ Михайло Татариновъ, первый; съ отборными козаками, устремился въ проломъ; прочіе со всѣхъ сторонъ взбирались на стѣны по лѣстницамъ, несли другъ друга на плечахъ, подъ тучею пуль и каменьевъ непріятельскихъ; городскія стѣны и улицы сдѣлались полемъ сраженія.

И гарнизонъ и жители защищались съ мужествомъ и яростью; но храбрость козаковъ одолѣла: часть гарнизона заперлась въ замкѣ, остальные обратились въ бѣгство и не многіе спаслись при быстромъ преслѣдованіи козаковъ. Заключившіеся въ замкѣ, рѣшились умереть, но не сдаваться и три дня упорно защищались, пока не были перебиты въ отдѣльныхъ схваткахъ съ козаками.

Такимъ образомъ, козаки сдѣлались обладателями султанской области на краю Азовскаго моря, и немедленно очистивъ городъ, утвер-

дились въ немъ *цѣлымъ войскомъ* и донесли объ этомъ государю Михаилу Феодоровичу въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «да іюня, государь, въ 18 день, милостью Божіею и Пречистыя Богородицы помощію, и твоимъ государевымъ счастіемъ, твоя государская высокая рука возвысилась, Азовъ городъ мы, холощи твои, взяли; ни единого челоуѣка азовскаго на степь и на море не упустили, всѣхъ безъ остатка порубили»¹⁾.

Какъ ни мало тогда знали въ Европѣ о происшествіяхъ на предѣлахъ Азіи, но рѣдкая доблесть козаковъ разнеслась въ дальнихъ краяхъ запада²⁾.

Извѣстіе о покореніи Азова козаками поразило турецкій диванъ. Занятые другими дѣлами, Турки оставили первое время Донцовъ въ покоѣ; послѣдніе, пользуясь своимъ положеніемъ, укрѣпили городъ и замокъ болѣе прежняго и стали безпрепятственно плавать по морямъ Азовскому и Черному и дотого устрашили Крымцевъ и ногайскихъ татаръ, что въ продолженіи пяти лѣтъ они не дѣлали набѣговъ на Россію.

Потеря Азова казалась Туркамъ слишкомъ оскорбительною, почему диванъ, приведя свои дѣла съ иностранными державами въ возможное соглашеніе, рѣшился исторгнуть у козаковъ завоеванную крѣпость, а потому въ 1641 году собиралъ многочисленную рать. Всѣ подвластные и союзные Турціи народы должны были принять участіе въ этомъ дѣлѣ и самъ верховный визирь изъявилъ желаніе предводительствовать арміею, назначенной для покоренія Азова. Однакожъ главное начальство было поручено силестрійскому пашѣ Гусейн-Делью—воину славолюбивому и опытному, но гордому, презиравшему силу козаковъ. У него подъ командою находился крымскій ханъ, начальствовавшій крымскими и ногайскими татарами и горекими черкесами. Флотомъ командовалъ Піали-Ага, капитанъ-паша (адмиралъ)—челоуѣкъ одаренный, по словамъ историковъ, лучшими качествами

¹⁾ Дѣла донскія. Отписка донскихъ козаковъ, привезенная въ Москву 30 іюля 1637 г.

²⁾ Theatrum Europaeum fol III. Исторія царствованія Петра Великаго. Томъ второй, ст. 222, въ примѣчаніяхъ.

Подробности этого дѣла въ Кройсовомъ описаніи рѣки Дона и Азовскаго моря, изд. въ Амстердамѣ около 1703 года на голландскомъ языкѣ, съ любопытною картою течения всего Дона; также въ Румянцовскомъ собраніи государственныхъ грамотъ, III, 375 примѣчанія къ исторіи Н. Устрялова.

военачальника: прозорливостью и храбростью. Флотъ его состоялъ изъ 80 каторгъ и 90 мелкихъ морскихъ судовъ. 20 кораблей были нагружены огнестрѣльными снарядами и провѣантомъ; все же ополченіе простиралось до 150,000 человекъ, хорошо вооруженныхъ. Казалось, Порта собиралась воевать цѣлыя государства; по-крайней-мѣрѣ она была увѣрена во взятіи Азова и въ томъ, что искоренить козаковъ съ лица земли.

Но козаки не унывали: запаслись весьма достаточно военными и жизненными припасами и старались умножить число свое всякаго состоянія вольницею, звали и нанимали удалцевъ, и видя себя довольно сильными, поклялись умереть или увѣнчаться новою славою¹⁾. Въ началѣ іюня, сухопутныя и морскія силы мусульманъ соединились подъ Азовомъ и окружили городъ²⁾. Взоръ не могъ обнять становищъ ихъ, гремѣвшихъ радостными кликами. У донскихъ козаковъ, въ это время, атаманомъ былъ достойный Осипъ Петровъ, герой, отличавшійся уже прежде въ смѣлыхъ морскихъ поискахъ.

Не зная инженернаго искусства, имѣя на глазахъ непріятеля въ двадцать разъ сильнѣйшаго, козаки рассчитывали только на свою отвагу и твердость духа,—обстоятельства сами указали имъ путь къ достиженію побѣды.

До тонкости постигая условія «малой войны», козаки старались частыми нападеніями держать непріятельскую армію въ постоянномъ безпокойствѣ. Вѣра, которую чтили козаки, вселяла въ нихъ храбрость neodолжимую: «вотъ храмъ Божій: защитимъ его, или умремъ близъ алтаря Господня; смертью за вѣру покупаютъ небо». Этого было довольно, чтобы возбудить въ каждомъ воинѣ совершенное презрѣніе къ смерти. Также они положили заповѣдью: «попавшись въ плѣнъ, ни слова не говорить о состояніи города», въ чемъ поклялись другъ другу,—я томительная осада Азова показала, что они сдержали слово.

7 іюня 1641 года началась дѣйствительная осада. Опытные козаки прежде всего хотѣли узнать о состояніи и расположеніи непріятельскихъ силъ и отрядили для этого легкія партіи, которыя, подѣ-

¹⁾ Архивный сборникъ грамотъ. Грамота отъ царя на Донъ, 1641 г. 2 декабря.

²⁾ Сказаніе объ Азовскомъ сидѣніи—выписка изъ рукописи, хранящейся въ библиотекѣ графа Ф. А. Толстаго подъ № 358. Рукоп. исторія войска донскаго въ примѣчаніи.

гая съ различныхъ сторонъ къ непріятельскому стану, брали языковъ и отъ нихъ узнавали все, что дѣлается у непріятеля.

Когда же мусульмане рѣшились штурмовать городъ, козакѣ входили на стѣны и, отстрѣливаясь, старались всеми возможными средствами не допустить непріятеля до стѣнъ; между тѣмъ, другая половина козаковъ производила безпрестанныя вылазки, которыя, при оплошности турецкихъ войскъ, имѣли большой успѣхъ. Къ тому же приступы, дѣлаемые Гусейнъ-пашею, кончались къ погибели его войскъ, отъ удачныхъ подкоповъ, производимыхъ козаками.

Большія потери, продолжительность осады, развившіяся въ мусульманскихъ войскахъ болѣзни, недостатокъ въ провіантѣ и фуражѣ, неизбѣжный при многочисленности непріятеля и плохой администраціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ бдительность и отвага козаковъ изнурили непріятелей до того, что армія ихъ таяла со дня на день.

Не довольствуясь приведеннымъ войскомъ, Гусейнъ-паша требовалъ подкрѣпленій, упорствуя во взятіи Азова, оставляя который считалъ безчестьемъ для Турецкой имперіи и своей славы.

Получивъ требуемыя подкрѣпленія, турецкій главнокомандующій дѣятельнѣе занялся работами, въ нѣсколько дней построилъ вокругъ города циркумвалаціонную линію въ нѣсколько саженей высоты и, поставивъ на ней артиллерію, началъ громить городъ. Козакѣ сопротивлялись мужественно; подвели подъ валы нѣсколько подкоповъ, истребили много непріятеля; но ихъ слабыя средства уже истощались, потому что Турки, производя безпрерывную пальбу изъ осадныхъ орудій, сбили до основанія три городскія стѣны, разрушили башни и церкви, и заставили козаковъ врыться въ землю, по это не мѣшало Донцамъ производить безпрестанныя вылазки и пользоваться малѣйшею оплошностью непріятеля.

Не вида конца осадѣ, непріятельское войско начало роптать и оказывать явные признаки бунта. Гуссейнъ-Дели думалъ еще предпринять новыя мѣры, бросая на стѣны грамотки, въ которыхъ просилъ козаковъ уступить ему произвольно Азовъ, обѣщая за это знатную сумму. Козакѣ отвѣчали на это новыми пораженіями, и очистясь постомъ и молитвою, вновь поклялись умереть всѣ до послѣдняго чловѣка, а врагамъ не уступать ни одной пяди земли, и 26 сентября готовились на рѣшительную вылазку... но разсвѣтъ показалъ имъ одни слѣды бѣгущихъ враговъ. Козакѣ, отпѣвъ молебенъ, преслѣдовали враговъ и довершили ихъ пораженіе.

Такимъ-образомъ, соединенныя войска султана, посрамивъ свои знамена, еще болѣе возвысили славу донскихъ козаковъ.

Взятіе Азова и защита этой крѣпости отъ Турокъ, составляетъ блистательнѣйшій эпизодъ исторіи донскихъ козаковъ. Будучи народомъ чисто-военнымъ, казаки всегда дорожили и теперь дорожатъ этою славою; память объ осадѣ Азова, извѣстная подъ названіемъ: «сидѣнья козаковъ въ Азовѣ», сохранилась и въ пѣсняхъ и преданіяхъ этого народа. Одинъ этотъ эпизодъ достаточно указываетъ на что способенъ народъ, когда онъ ясно сознаетъ свое назначеніе и неуклонно стремится его выполнить!

Принеся благодареніе Богу за одолѣніе враговъ, казаки отправили 9 октября въ столицу съ подробнымъ описаніемъ о ходѣ осады и успѣхахъ своего оружія, и съ предложеніемъ взять городъ въ царскія руки.

Козакамъ прислана была самая милостивая грамота; о принятіи же Азова царь Михаилъ Оеодоровичъ, въ январѣ 1642 года, собралъ земскій соборъ изъ всѣхъ сословій государства, гдѣ, по разсмотрѣніи дѣла, оказалось, что Россіи нельзя удержать за собою Азова; поэтому и грамотою на Донъ 30 апрѣля 1642 года, государь убѣждалъ козаковъ оставить городъ такъ, какъ «нынѣ намъ, великому государю, вѣдомо учинилось подлинно, что у Ибрагимъ-салтана изготовлены подъ Азовъ ратные люди, больше прежняго, и идутъ подъ Азовъ моремъ и сухимъ путемъ вѣскорѣ, а осадя Азовъ, хотятъ идти воевать наши украинные города. И нынѣ намъ города Азова принять и воеводъ и ратныхъ людей послать не къ дѣлу и быть имъ въ такомъ разоренномъ мѣстѣ не можно».

Выслушавъ царскую грамоту, казаки безпрекословно ей послѣдовали и въ присутствіи царскаго дворянина вывезли изъ Азова церковную утварь, всю артиллерію, а сами перешли на Махинъ островъ ¹⁾.

¹⁾ Главное войско, сколько извѣстно, заняло: 1) Раздоры, городокъ на островѣ, образуемомъ Доломъ и рукавомъ Донца, у нынѣшней Раздорской станицы.

2) Монастырскій городокъ съ 1622 г., ниже Черкаса, на Дону, въ 6-ти верстахъ.

3) Азовъ съ 1636—1643.

4) Махинъ-островъ (старый Махинъ) на лѣвомъ берегу Дона, ниже Старочеркаса и въ 5 верстахъ отъ нынѣшней Ольгинской станицы, до 1645.

5) Черкасскій городокъ, Черкасскъ или Старочеркасскъ (нынѣ Старочеркасская станица) до 1805, откуда

6) Новочеркасскъ, (на урочищѣ Бирючій кутъ).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Сношенія козаковъ съ московскимъ дворомъ и съ Богданомъ Хмельницкимъ.

Укрѣпленіе Азова Турками. Присоединеніе Калмыковъ къ Россіи. Дѣйствія козаковъ въ-связи съ русскими войсками.

Перевравшись, въ 1645 году, съ Махина острова въ Черкасскъ, козаки первое время должны были постоянно бороться съ азовскими и погайскими татарами, которые пользовались малою числительностью Донскихъ козаковъ ¹⁾.

Но когда въ 1646 году крымскій ханъ собрался уничтожить козаціе городки, русскій царь, мстя татарамъ за разореніе Украины, послалъ Донцамъ вспоможеніе, какъ деньгами, такъ провіантомъ и порохомъ, а также отправилъ двухъ воеводъ, которые, собравъ вольницы изъ Украины, Астрахани и Кавказа, усилили козаковъ болѣе чѣмъ на 4000 человекъ. Съ этою помощію, государь приказалъ имъ воевать Крымъ; но они рѣшили, въ войсковомъ кругу, сдѣлать нападеніе на Азовъ ²⁾. Вслѣдъ за этимъ, Донцы отбили отрядъ крымскаго царевича Нуръ-Едина, отъ своихъ городковъ ³⁾; причемъ дѣйствовали весьма искусно и выручили изъ трудныхъ обстоятельствъ воеводу русскаго Мудана Черкаскаго, а потомъ захватили почти весь татарскій лагерь. Въ ознаменованіе этого подвига, царь Алексѣй Михайловичъ прислалъ козакамъ царскаго величества знамя ⁴⁾.

¹⁾ Это видно изъ отписки донскихъ козаковъ, посланной въ Москву въ 1646 году: «а шыбшнюю, Государь, всю зиму, мы, безпомощные холопи твои, сидѣли въ низовомъ Черкасскомъ городкѣ, отъ погайскихъ улусныхъ и отъ черкесь темрюцкихъ и отъ крымскихъ воинскихъ людей въ осадѣ; выходу намъ вонъ изъ городка за рыбою и за дровами, пшкуда отъ нихъ не было; голоду и холоду мы, холопи твои, отъ нихъ натерѣлись». Дѣла Донскія. Отписка войска Донскаго, полученная въ Москвѣ 10 мая 1646 г.

²⁾ «И юля жъ, Государь, въ 23 день донскою атаманъ Осипъ Петровъ съ донскими казаками и съ вольными людьми плавной изъ похода пришли и съ собою привезли два корабля, а также пушекъ медяныхъ и желѣзныхъ большихъ и мелкокорабленныхъ 36 пушекъ». Дѣла донскія юля 31 1646 года.

³⁾ Тамъ-же. Отписка войска донскаго, привезенная въ Москву 1646 г. юля 31.

⁴⁾ Дѣла донскія. Докладъ Государю, царю Алексѣю Михайловичу, въ мартѣ 1648.

Любопытны распросныя рѣчи дяковъ: Чистаго и Алмазь Иванова, которые, приводя рѣчи козаковъ, прїѣзжавшихъ въ Москву, въ томъ же докладѣ писали: «людей къ нимъ посылать не можно, потому что они государскаго повелѣнья

Въ эту зиму козаки сдѣлали неудачный поискъ въ Тавриду. Обрадованные этимъ случаемъ, татары вновь пришли подъ татарскій городокъ. Постоянные стычки, при маломъ числѣ воиновъ, заставили козаковъ вновь просить о помощи и писали государю такъ: «и пороховыя казны и снаряду держать мочи ихъ нѣтъ и жить стало не въ силу и будетъ государю рѣка годна и всередь прочна, и великій бы государь велѣлъ имъ свой государскій указъ учинить, гдѣ имъ можно жить, а зимою де чають они отъ бусурманъ большаго собранья и къ себѣ приходу».

Московскій дворъ ясно видѣлъ, что, по малолюдству козаковъ, неприятели могутъ ихъ совершенно одолѣть и открыть себѣ безпрепятственный путь къ русскимъ украинамъ; почему рѣшилъ послать имъ, подъ начальствомъ дворянина Лазарева, 1000 человекъ, приказавъ Донцамъ не дѣлать нападений на турецкія села и города ¹⁾.

Турецкій же дворъ не отчаявался, что государь рѣшится свести козаковъ съ Дону и просилъ, чтобы это порученіе позволено было привести въ исполненіе крымскому хану Исламъ-Гирею, на что московскій дворъ изъявилъ согласіе; ²⁾ но своихъ войскъ не послалъ.

Въ 1650 году Богданъ Хмельницкій, гетманъ малороссійскихъ козаковъ, заключилъ союзъ съ Портою, — вслѣдствіе чего обязался, вмѣстѣ съ запорожскими козаками, заставить Донцовъ прекратить ихъ экспедиціи на турецкія владѣнія и Крымъ. Имѣя въ виду освобожденіе отъ Польши, Хмельницкій отправилъ своихъ посланцевъ на Донъ уговаривать ихъ, угрожая, въ случаѣ отказа, напасть на донскіе городки ³⁾.

не слушаютъ; посланы къ нимъ многіе вольные люди и они тѣхъ вольныхъ людей голодомъ поморили: запасовъ имъ не давали, а многихъ побивали и тѣде вольные многіе люди съ Дону разошлись отъ ихъ тѣсноты, и дорогою многіе померли.

¹⁾ Дѣла донскія. Грамота на Донъ 15 мая 1648. Наказъ дворянину Андрею Лазареву.

²⁾ И ему тѣхъ воровъ можно съ Дону свести и безъ царскаго величества ратныхъ людей; великій государь, его царское величество о томъ на Исламъ Гирея царя досадовати не учтетъ». Дѣла крымскія 1647 г.

³⁾ «чтобы есте не ходили помѣшки чинити, что есть надобно церкви Божіей и нашимъ вольностямъ, и не чинили бы есте ни единыя обиды государству крымскому и турецкому; на море не ходили, а будетъ пойдете и мы будемъ промышлять; за нелюбовь вашу, взявъ Бога на помощь, нелюбовью отдавать». Отписка Богдана Хмельницкаго, гетмана запорожскихъ козаковъ къ донскимъ казакамъ 1650 г. марта 30.

Донцы отвѣчали: »неприлично христіанну возстать на единовѣрцевъ своихъ въ защиту бусурманъ; не мѣшай намъ истреблять старинныхъ враговъ нашихъ. Мы всегда были съ вами въ братствѣ, но знай, что также умѣемъ обходиться съ непріятелями нашими, какъ съ друзьями«¹⁾.

Отправивъ пословъ, казаки приготовлялись къ отпору: половина войска оставалась при городкахъ, а другая половина должна была идти къ Черкаску, который обнесли землянымъ валомъ и поставили деревяныя башни и другія пристройки. Кромѣ того заключили съ Калмыками оборонительный союзъ и, оградивъ себя со всѣхъ сторонъ, спокойно выжидали непріятеля.

Дѣйствительно, вскорѣ прибылъ Тимофей, сынъ Хмельницкаго, съ 5000 Запорожцевъ и дожидаясь прибытія крымскихъ татаръ для совокупнаго дѣйствія противу Донцовъ; но не дождавшись татаръ, долженъ былъ воротиться.

Въ 1652 и 1653 году, Донцы, пользуясь войною Турокъ съ Венеціанцами, сдѣлали нѣсколько удачныхъ нападеній на Таврическій полуостровъ и турецкія владѣнія, а въ 1654 году великій князь Алексѣй Михайловичъ, собираясь воевать съ Турціею, приказалъ донскимъ казакамъ воевать Тавриду, что они и исполнили съ большимъ успѣхомъ. По замыслѣннѣ съ Крымомъ, Донцы, вмѣстѣ съ Запорожцами, подъ начальствомъ атамана Васильева, думали покорить Азовъ и срыть его до основанія; но, отраженные съ потерей болѣе 1500 человекъ, должны были отказаться отъ своего предпріятія.

Наскучивъ частыми нападеніями донскихъ казаковъ, Турки и крымскіе Татары приняли рѣшительныя мѣры, чтобы преградить имъ все пути въ море; вооруживъ большое число войскъ, крымскій ханъ, въ 1660 г., принялъ надъ ними непосредственно командование. На помощь султанъ прислалъ ему 300 янычаръ и 35 кораблей съ лѣсомъ и камнями, для построенія на Дону трехъ крѣпостей²⁾.

По просьбѣ казаковъ, московскій дворъ прислалъ двухъ воеводъ Пвана и Семена Хитрово, которые, прибывъ въ черкасскій городокъ, расположились станомъ; но татары были дѣятельнѣе обыкновеннаго.

¹⁾ Дѣла донскія 1650, апрѣля и мая мѣсяцевъ.

²⁾ Дѣла донскія. Распросныя рѣчи ставичнаго атамана Фрола Минаева. 1660 г. 23 мая.

Крымскій ханъ, лично распорядясь работами, и имѣя на—лицо до 40,000 татаръ и 10,000 венгровъ и другихъ наемныхъ людей, въ полтора мѣсяца вооружилъ три башни, изъ которыхъ двѣ были поставлены при устьѣ протока Калаачи, по обѣимъ сторонамъ Дона, а третья, гораздо обширѣйшая, на Мертвомъ Донцѣ.

Построивъ эти крѣпости, мусульмане надѣялись, что заградятъ козакамъ путь въ Азовское море, но весьма ошиблись, потому что Донцы, прокопавъ такъ называемый козацкій ерикъ, отправились на море на 20 стругахъ и разбили нѣсколько деревень въ Крыму; для возвращенія же назадъ, имъ пришлось перетаскивать суда въ Донъ сухимъ путемъ, потому что они нашли козацкій ерикъ засыпаннымъ.

Въ 1660 году козаки заключили съ калмыцкимъ владѣльцемъ Тайшею мирный договоръ, въ силу котораго Калмыки приняли подданство Россіи и съ козаками должны находиться въ оборонительномъ и наступательномъ союзѣ. Со стороны донскихъ козаковъ договоръ заключили Федоръ Будинъ и Степанъ Разинъ ¹⁾.

Съ этого времени Калмыки стали приближаться своими кочевьями къ Дону и производить съ козаками торговлю; но, впоследствии, неоднократно переходили на сторону ногайскихъ и крымскихъ татаръ и окончательно успокоились только во второй половинѣ XVII столѣтія.

Между тѣмъ какъ донскіе козаки находились въ стѣсненномъ положеніи, Россія должна была воевать съ Польшою, которой помогалъ крымскій ханъ и обѣщалъ разорить Малороссію и российскую Украйну; вслѣдствіе чего донскимъ козакамъ было приказано воевать Крымъ. 17 апрѣля 1662 года они вышли на море, на Крымъ и на крымскіе улусы, вмѣстѣ съ царскимъ воеводою Хитрово; часть козаковъ пошла ихъ провожать: «и увидавъ, государь, крымскіе и азовскіе люди, что войско идетъ на твоего великаго государя службу, на море шапцы они сдѣлали, противъ козачья ерька, на Калачинскомъ островѣ, на устьѣ ²⁾». Здѣсь завязалось сраженіе, кончившееся тѣмъ, что козаки вытѣснили Турокъ изъ оконцовъ и зашли въ нихъ сами. Прорвавшись такимъ образомъ въ Черное море, козаки, какъ и прежде, пошли грабить на Черномъ морѣ турецкіе ко-

¹⁾ Грамота на Донъ 1661 г. іюля мѣсяца.

²⁾ Дѣла турецкія. Отписка донскихъ козаковъ, привезенная въ Москву 12 мая 1622.

Дѣла крымскія № 21. Ответная грамота крымскому хану, 1661 года мая мѣсяца.

рабли и опустошать Крымскій полуостровъ. Итакъ, построение на Дону и Мертвомъ Донцѣ крѣпостей не принесло Татарамъ тѣхъ выгодъ, которыхъ они могли ожидать. Козаки попрежнему врываются въ Азовское море посредствомъ рѣки Миуса и козачьяго ерика.

Переговоры, веденные въ это время московскимъ дворомъ съ крымскимъ ханомъ, замѣчательны тѣмъ, что въ нихъ московскій дворъ впервые вступается за козаковъ и не называетъ ихъ ворами и разбойниками.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Разбой козаковъ на Волгѣ и на Каспійскомъ морѣ.—Бунтъ Стеньки Разина.—Присяга козаковъ царю Федору Алексѣевичу.—Начало раскольничьихъ сектъ на Дону.

Разбой козаковъ на Волгѣ начался одновременно съ образованіемъ общества на Дону; они усилились со времени присоединенія Астраханскаго и Казанскаго царствъ къ Россіи, когда часть донскихъ козаковъ отдѣлилась, образовавъ отдѣльное войско, подъ именемъ волжскихъ и донскихъ козаковъ. Но и донскіе козаки неоднократно соединялись со своими товарищами по оружію, чтобы грабить персидскихъ и даже русскихъ купцовъ. Это принудило московскій дворъ учредить шесть заставъ между Царицынымъ и Астраханью, отдавъ ихъ въ охраненіе стрѣльцамъ.

Войсковою кругъ, подчинивъ себя верховной власти русскаго правительства, требовалъ отъ донскихъ козаковъ, чтобы никто не смѣлъ отлучаться съ Дону ¹⁾.

Однако это запрещеніе не дѣйствовало, потому что, въ слѣдующемъ году, астраханскій воевода отписываетъ, что «донскіе козаки, которые воровали на Волгѣ нынѣшняго лѣта на Дону у Чпра, сдѣлали особый городокъ, а по смѣтѣ—де тѣхъ воровъ—козаковъ въ томъ городкѣ съ 600 человекъ, а съ донскими козаками съ нижними они

¹⁾ Это видно изъ дописанія астраханскаго воеводы Юрія Буйносова Ростовскаго, который въ 1627 году писалъ въ посольскій приказъ, что Донцы «учинили заказъ крѣпкой, чтобы никто съ Дону на Волгу для воровства не ходилъ, а только—де, Государь, кто съ Дону на Волгу пойдетъ, а послѣ объявится на Дону, и тому быть казнену смертію.» Дѣла погайскаго 1627 г. № 1.

не стѣзжаются и ни въ чемъ донскихъ козаковъ не слушаютъ ¹⁾». Отсюда, однакожь, видно, что въ разбоѣхъ участвовали одни верховые козаки; главное же войско составляли всегда низовые.

Съ 1650 года разбои козаковъ на Волгѣ и Каспійскомъ морѣ снова усилились: козаки основали въ скрытомъ мѣстѣ, между Паншинскою и Иловлинскою станицами, городокъ, куда скрывались отъ преслѣдованія, и хотя войсковою кругъ разорялъ эти притоки, но разбои не прекращались; напротивъ, съ появленіемъ на поприще Стеньки Разина, они принимаютъ огромные размѣры, охватываютъ Россію на большомъ пространствѣ и продолжаются весьма значительное время.

Стенька Разинъ былъ извѣстенъ въ Войскѣ по своей храбрости и опытности въ гражданскихъ дѣлахъ того времени, что видно изъ назначенія его для переговоровъ съ Калмыками. Возмущеніе Разина слѣдуетъ приписать отчасти тому броженію умовъ, которое существовало тогда въ Россіи ²⁾, отчасти бездѣйствію козаковъ на другихъ театрахъ войны, а поводомъ могло послужить то, что Разинъ, находясь при регулярныхъ войскахъ, поссорился съ воеводою Юріемъ Долгорукимъ, ушелъ самовольно съ козаками на Донъ, за что былъ приговоренъ къ казни ³⁾.

Россія, въ царствованіе Алексея Михайловича, начала оправляться отъ прежнихъ слугъ; но постоянныя войны съ Польшею за Малороссію, нескончаемая борьба съ Крымомъ, не позволяли утвердить прочный порядокъ внутри государства. Области, наиболѣе отдаленныя отъ Москвы, были въ совершенной зависимости отъ намѣстниковъ, которые, отвлекаясь отъ главнаго надзора за правосудіемъ своей страны, другими дѣлами, позволили развиваться между чиновниками взяточничеству и насиліямъ разнаго рода. Особенно терпѣли крѣпостные отъ помѣщиковъ. Положеніе это, съ году на годъ, дѣлалось тягостнѣе, и неудивительно, что Разинъ, возмущившій небольшое число козаковъ, искалъ сообщниковъ въ этомъ взволнованномъ народонаселеніи, населявшемъ восточныя земли Московскаго государства, гдѣ администрація была еще въ младенческомъ состояніи.

¹⁾ Погайскія дѣла 1638 № 4.

Верховые и низовые донскіе козаки. П. Краснова. Военный Сборникъ 1838 г. июль. Войсковыя вѣдомости 1839 и 1860 г.

²⁾ Стенька Разинъ, П. Костомарова. Отечество. Записки 1838 г. октябрь.

³⁾ Путешествіе Голландца Янъ Янсена Стрейса. Исторія в. донскаго—рукопись, въ прилѣч.

Весною 1667 года, распространился бунтъ по войску. Вначалѣ участіе въ немъ приняли 1500 козаковъ; потомъ эта шайка стала умножаться отъ прихода другихъ вольныхъ людей. Начались обыкновенныя грабежи на большихъ дорогахъ и убійства, которыя на этотъ разъ были преимущественно обращены противу властей и помѣщиковъ. Узнавъ о бунтѣ, московское правительство предписывало донскому атаману Корнелію Яковлеву уничтожить скопище бунтовщиковъ; но Разинъ былъ слишкомъ силенъ, и, сколько извѣстно, войско вначалѣ не принимало противъ него враждебныхъ дѣйствій. Разграбивъ суда на Волгѣ, Разинъ уничтожилъ отрядъ, высланный отъ астраханскаго воеводы, близъ Яицкаго городка, и самый городъ взялъ приступомъ. Въ этихъ дѣйствіяхъ ему много помогали стрѣльцы, которые переходили на его сторону, умерщвляя своихъ начальниковъ ¹⁾.

Несмотря на энергическія мѣры, предпринимаемыя русскимъ правительствомъ, скопище бунтовщиковъ росло съ каждымъ днемъ, находя себѣ поддержку въ донскихъ казакахъ, такъ, что въ одной грамотѣ войску донскому вновь подтверждалось поступать съ бунтовщиками *«великою войсковою грозою по ихъ праву»*; до-сихъ-поръ, писалъ государь *«вы служили мнѣ и всему россійскому государству вѣрно и радѣтельно; многочисленные непріатели, окружавшіе васъ, страшилсь силы вашія; нынѣ, къ великому удивленію всей Россіи, небреженіе ваше къ спокойствію государства оказывается во всемъ»* и т. д. Дальше пишется въ той же грамотѣ: *«вы забыли и не страшитесь суда Божія, ни опалы моя; вы вручены мнѣ Богомъ»*.

Сдѣлавъ экспедицію въ Персію, гдѣ разграбилъ много селъ и городовъ, ослабленный въ своихъ силахъ, Разинъ, по возвращеніи къ Астраханн, послалъ семь козаковъ въ Москву съ повинною; но то была одна военная хитрость, чтобы, запасшись провіантомъ, начать новыя злодѣянія. Въ началѣ 1669 года, Разинъ отправился на Донъ, опустошая селенія и грабя промышленниковъ и купцовъ. Проведя потомъ въ бездѣйствіи всю зиму, Разинъ, въ апрѣлѣ 1670 года, съ сильною партіею своихъ приверженцевъ прибылъ въ Черкасскъ, гдѣ посадилъ въ воду присланнаго къ войску съ грамотою жильца Евдокимова.

¹⁾ Лѣтописное сказаніе о градѣ Астраханн, и списокъ съ приговора, читанаго при казни Разина въ Москвѣ.

Когда войсковою атаманъ Корнелій Яковлевъ началъ его оставлять, Разинъ, чуть не умертвивъ его, сказалъ: «ты управляй своимъ войскомъ, а я буду владѣть своимъ ¹⁾».

Однадцатидневное пребываніе Разина въ Черкасскѣ сопровождалось грабительствами, и богохульствомъ. Онъ умерщвлялъ старшинъ, священниковъ и воеводъ, присылаемыхъ изъ Москвы.

Возвратившись съ Дону, Разинъ взялъ приступомъ Царицынъ, Астрахань, Саратовъ, откуда направился въ великороссійскія губерніи, распространяя всюду молву, что онъ идетъ къ Москвѣ, для истребленія бояръ, чиновниковъ, стрѣльцовъ и кушцовъ за ихъ измѣну и обворожилъ толпу, позволяя ей грабить сколько угодно. Крѣпостнымъ онъ объявлялъ свободу и уговаривалъ ихъ истреблять своихъ помѣщиковъ ²⁾.

Возмущеніе разливалось повсюду и большая часть городовъ Восточной Россіи подпала его власти. Уже Москва была въ страхѣ, когда три отряда русскихъ войскъ, подъ начальствомъ князей Долгорукова, Бяргинскаго и Щербатова, разбили скопище бунтовщиковъ и обратили ихъ въ бѣгство.

Разинъ бѣжалъ на Донъ, гдѣ заперся въ построенномъ имъ Кагальницкомъ городкѣ, обнесенномъ валомъ и укрѣпленномъ пушками. Атаманъ Корнелій Яковлевъ обольстилъ и усыпилъ его своею ласкою; между тѣмъ, подговоривъ Войско идти на бунтовщика, атаковалъ его внезапно. Разинъ попался въ плѣнъ и повезенъ въ Москву, гдѣ былъ преданъ жестокой казни: распять на колыяхъ и четвертованъ. Сообщники его, пойманные въ Кагальницкомъ городкѣ, были казнены по суду войскового круга; другіе же, оставшіеся въ Астрахани, Саратовѣ и другихъ городахъ, схвачены одинъ за другимъ русскими воеводами и получили достойную казнь.

Вскорѣ за этимъ, государь послалъ на Донъ, съ жалованьемъ стольника Касагова и дьяка Богданова, въ присутствіи которыхъ казаки присягнули русскому царю на вѣчное подданство. Имена присягнувшихъ занесены въ посольскую книгу; другая же книга оставлена

¹⁾ Дѣла донскія. Грамота на Донъ въ 1667 г.

Дѣла донскія: распросныя рѣчи валуйскаго ставячнаго головы Карпа Бугуслова, провожавшаго жильца Герасима Евдокимова.

²⁾ Путешествіе Стрѣлца.

въ войскѣ донскомъ, для записи всѣхъ приходящихъ вновь, а также дѣтей козацкихъ ¹⁾.

Послѣ казни Стеньки Разина, мы видимъ козаковъ на прежнемъ своемъ поприщѣ: въ войнѣ съ Турками и Татарамп. Политика московскаго двора перемѣнилась. Заключивъ съ Польшею на 13 лѣтъ договоръ, московскій дворъ уже самъ выказываетъ стремленіе къ уничтоженію турецкаго владычества на Азовскомъ морѣ. Робкая политика царя Михаила Ѳеодоровича перемѣнила теперь свое направленіе.

Вмѣсто угрозъ козакамъ, за ихъ нападенія на азовцевъ, московскій дворъ рѣшается открыто подкрѣпить ихъ русскимъ войскомъ.

Такъ, въ началѣ 1673 года, присланъ на Донъ думный дворянинъ Хитрово съ отрядомъ около 5000 русскихъ войскъ, къ которымъ присоединилось 5000 козаковъ, подъ начальствомъ атамана Корнелія Яковлева, для завоеванія каланчинскихъ башенъ ²⁾; но попытка овладѣть каланчинскими башнями не удалась, что заставило построить на рѣкѣ Миусѣ крѣпость и посадить туда 150 человекъ; однакожъ на другой годъ, по затопленіи башни, казаки ее оставили.

Неудачное предпріятіе на Миусѣ думали поправить построеніемъ крѣпостей близъ самого Азова; но какъ для гарнизона этихъ крѣпостей требовалось много козаковъ, которые на это не соглашались, говоря, что «мы де въ городахъ сидѣть не хотимъ; ради де мы за великаго государя такъ помереть, безъ городковъ», то это дѣло и было оставлено, за что царь Алексѣй Михайловичъ, въ послѣдніе годы своего царствованія, былъ недоволенъ козаками ³⁾; но скорѣе за этимъ казаки съ ратными людьми сдѣлали удачное нападеніе на Азовъ, и примирились съ московскимъ дворомъ.

Въ 1676 году воцарился Ѳеодоръ Алексѣевичъ, который, первый изъ русскихъ государей, по вступленіи своемъ на престолъ, потре-

¹⁾ Дѣла донскія. Запись, по которой казаки и атаманы приведены къ присягѣ въ Москвѣ и на Дону.

²⁾ Турецкія дѣла. Наказъ, данный думному дворянину Хитрово, въ январѣ 1673 г. «а когда тѣ каланчинскія башни будутъ взяты и имъ, думному дворянину и воеводамъ, на тѣхъ каланчинскихъ башняхъ сдѣлать городъ, какъ пристойно и укрѣпить накрѣшко, войсковыми людьми осадить, чтобы во время непріятельскаго приходу сидѣть въ нихъ безстрашно.»

³⁾ Дѣла донскія: грамота на Донъ 23 сентября 1673 г.

боваѣ у козаковъ присяги. Сперва присягнула зимовая станица, находившаяся въ Москвѣ, а за нею и всѣ козаки ¹⁾).

Первые годы, скучая бездѣйствіемъ, донскіе козаки, въ особенности верховые, начали вновь грабительства на Волгѣ; но на этотъ разъ разбойники не находили себѣ одобренія въ войскѣ, которое уже не потакало воровству и грабежамъ и во всѣ городки отписало: «будетъ кто воровствомъ похваляться и промышляти и такихъ де велѣно имать и присылать въ Черкасскій городокъ».

Въ 1678 году козаки по повелѣнію царя Алексѣя Ѳеодоровича участвовали въ чигиринскихъ походахъ Ромодановскаго, въ числѣ 2000 человекъ, а въ слѣдующемъ году отражали нападенія Крымцевъ на русскую Украину и вели войну съ Калмыками, которые, подъ предводительствомъ Аюка Тайши, замышляли отдаться въ подданство крымскому хану; однакожъ послѣ долгихъ безпокойствъ Калмыки были приведены въ покорность ²⁾).

Въ 1679 году донскіе козаки были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ запорожцами, которые уговаривали донцовъ вступить на службу польскаго короля и воевать Турокъ и Татаръ. Хотя козаки не рѣшались вступить на службу польскаго короля, но на зовцевъ ходили безъ дозволенія войсковаго атамана, который, отписывая объ этомъ московскому двору, выражался между прочимъ, «что много голотьбы и наброду и присланное къ нимъ жалованье многимъ не достается, а для того унять ихъ невозможно».

Въ 1686 году былъ заключенъ миръ съ Польшею и въ грамотѣ къ войску ³⁾ козакамъ позволялось воевать турецкаго султана и крымскаго хана, «сколько вамъ всемогущій Господь Богъ помощи подастъ»; чѣмъ они тотчасъ же и воспользовались.

Въ 1687 году козаки потерпѣли страшное несчастье отъ пожара. Весь почти Черкасскій городокъ сгорѣлъ и, донося объ этомъ, козаки писали: «погорѣли мы всѣмъ войскомъ безъ остатка и всѣмъ до конца раззорилсь ⁴⁾». Государь имъ тотчасъ послалъ жалованье и предоставилъ другія средства къ исправленію города.

¹⁾ Тамъ же. Грамота на Донъ 1678 г. февраля 3.

²⁾ Дѣла донскія. Распросныя рѣчи станичнаго атамана Пвана Розмагѣва, 1684 г.

³⁾ Дѣла донскія. Грамота на Донъ 1686 г. 29 июля.

⁴⁾ Дѣла донскія. Челобитная Войска Донскаго отъ 1687 г.

Съ 1690 года, начинаются раскольничьи секты на Дону. Раскольники пашли себѣ пріязнь у азовцевъ и горскихъ народовъ, съ которыми вошли въ дружественныя сношенія и хотѣли, вмѣстѣ съ татарами, согнать съ Дона козаковъ и уничтожить черкасскій городокъ; но дѣйствія ихъ не имѣли успѣха ¹⁾.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Походы Петра Великаго съ донцами противъ крѣпости Азова. — Неудовольствія Петра на козаковъ. — Булавинскій бунтъ; походъ козаковъ въ Персію.

Со вступленіемъ на престолъ императора Петра I начинается новая эпоха для Россіи. Юный царь зорко всмотрѣлся во все нужды своего государства; онъ не оставилъ безъ вниманія козаковъ, которыхъ политическое устройство ему не понравилось. Награждая ихъ за службу и храбрость, Петръ не терпѣлъ ихъ своевольный духъ и безпорядки въ управленіи, и когда явился предлогъ, онъ подчинилъ козаковъ своей неограниченной власти. Съ царствованія Петра Великаго, началось для донскихъ козаковъ переходное состояніе отъ прежняго ихъ устройства къ настоящему положенію.

Въ первые годы своего царствованія, Петръ I стремился придвинуть Россію къ Азовскому и Черному морямъ. Входъ въ Азовское море открывался взятіемъ Азова, — той самой крѣпости, которую донцы завоевали въ 1636 г.; но не поддержанные московскимъ дворомъ, должны были ее оставить.

Въ 1694 году, Петръ посылаетъ противъ Азова значительную армію, подъ начальствомъ Гордона; вслѣдъ за нею является самъ; однакожь осадныя работы велись неукладно и экспедиція кончилась построеніемъ, около Азова, Сергіевскаго укрѣпленія, въ которое былъ посаженъ 3000 гарнизонъ, а также взятіемъ двухъ башенъ, гдѣ козаки, въ присутствіи государя, блистательно выказали свою храбрость ²⁾.

¹⁾ Тамъ же, Распросныя рѣчи атамана Василія Горбунова, 1694 г.

²⁾ Озладѣть каланчянскими башнями считалось необходимымъ. Царь вывѣдалъ охотниковъ изъ донскихъ козаковъ. За часъ до разсвѣта, козаки, подкравшись къ каланчѣ, прицѣпили къ желѣзнымъ воротамъ петарду; но какъ взрывъ ея не произвелъ желаемаго дѣйствія и ворота остались невредимы, то

Въ началѣ 1696 года, Петръ съ армією въ 55,000, подъ начальствомъ боярина Шенна и съ новостроеннымъ флотомъ, опять выступилъ къ Азову, имѣя при себѣ болѣе 5000 донскихъ козаковъ ¹⁾).

Стѣнивъ Азовъ съ сухаго пути и моря, Петръ I началъ предварительныя работы, которыя шли медленно.

Скучая продолжительною осадою, еще болѣе тяжкимъ трудомъ при возведеніи насыпи и уже чувствуя недостатокъ въ продовольствіи, Запорожцы условились съ Донцами ударить на Азовъ, въ надеждѣ увлечь и прочія войска. Доблестные вожди ихъ: наказный атаманъ Лизогубъ и войсковой атаманъ Флоръ Мишаевъ сами повели до 2000 удалцовъ на штурмъ. Быстро взобрались козаки на земляной валъ, сблизъ стоявшихъ тамъ Турокъ, спустились внутрь крѣпости и, живо преслѣдуя изумленного неожиданнымъ нападеніемъ непріятеля, едва не ворвались за нимъ въ каменный замокъ. Еслибы въ эту минуту двинули войска, Азовъ былъ бы взятъ.

Но солдаты и стрѣльцы не трогались изъ лагеря и козаки, не видя возможности удержаться въ крѣпости, возвратились на валъ, гдѣ утвердились въ угловомъ бастіонѣ.

Пользуясь удачными дѣйствіями донцовъ, Петръ рѣшился, не оканчивая осадныхъ работъ, взять городъ приступомъ, и хотя первый приступъ былъ отбитъ, но Азовцы сдали крѣпость и городъ на капитуляцію.

За всѣ службы козаковъ, Петръ прислалъ имъ милостивую грамоту, гдѣ, похваляя ихъ подвиги, пожаловалъ войсковыми клейнодами,

они домами разломали одну бойницу въ видѣ пролома и ворвались въ крѣпость и такимъ образомъ взяли первую калачу.

Вслѣдъ за этимъ, козаки новою доблестью не замедлили ободрить государя, огорченнаго неудачною осадою. Изъ орудій, найденныхъ въ завоеванной башнѣ, казаки открыли такой жестокой огонь по другой крѣпости на противоположномъ берегу, что начальствовавшій въ ней агъ, видя разрушеніе стѣнъ и, опасаясь приступа, покинулъ ее ночью и ушелъ со всѣмъ гарнизономъ. Исторія царствованія Петра Великаго, Н. Устрялова. Осада Азова. Томъ II, стр. 235 и 237.

¹⁾ Государь, оставивъ за собой боярина Шенна, съ сухопутными войсками прибылъ 9 мая въ Черкасскъ, гдѣ былъ обрадованъ удачнымъ поискомъ походнаго атамана Поддѣва, который взялъ съ боя два турецкихъ корабля и девять мелкихъ судовъ. Тамъ же, стр. 268. Сказаніе о взятіи Азова въ древней Россійской бібліотекѣ, XVI, 271 прим. II. Устрялова.

состоящими изъ серебрянаго чернача, бунчука, войсковаго знамени и шести станичныхъ знаменъ ¹⁾).

Устранявая политическія дѣла, Петръ не забывалъ и внутреннихъ; но если побѣды на Азовскомъ и Балтійскомъ моряхъ достались ему не дешево, то гораздо дороже обошлись побѣды надъ собственнымъ народомъ. Петръ желалъ измѣнить въ Россіи весь внутреній порядокъ въ государствѣ и самую домашнюю жизнь и при этомъ не щадилъ ни предразсудковъ, ни вѣковыхъ обрядовъ.

Крутыя мѣры государя встрѣтили неудовольствіе въ народѣ, выразившееся въ бунтахъ стрѣльцовъ. Въ нихъ казаки не участвовали; но и они не устояли, когда Петръ затронулъ ихъ личные интересы, началъ стѣснять ихъ вольности и уничтожать нѣкоторыя права и привилегіи, дарованныя донскимъ казакамъ, или увѣковѣченныя временемъ.

Никагда народъ не разстается равнодушно съ своимъ убѣжденіемъ; онъ рѣдко постигаетъ необходимость крутыхъ мѣръ для будущаго блага государства; онъ видитъ одно настоящее, и когда коснутся того, что онъ считалъ неприкосновеннымъ и святымъ, то онъ возстаетъ, не жалѣя тогда ни своей крови, ни своего имущества. Въ подобномъ настроеніи общества, стоить бросить одну искру, чтобы пламя охватило его...

Но обратимся къ самымъ событіямъ, приготовившимъ Булавинскій бунтъ.

Въ 1682 году послѣдовало первое запрещеніе принимать въ Войско Донское бѣглецовъ изъ другихъ губерній. Въ слѣдующемъ 1683 году учреждена застава на границахъ Воронежской губерніи и Войска Донскаго, для обыска казаковъ, возвращавшихся изъ Россіи.

Въ 1703 году посланы на Донъ чиновники, для приведенія въ гласность козачьихъ городковъ и для высылки изъ оныхъ на прежнія мѣста тѣхъ людей, которые зашли туда послѣ 1695 года, съ наказаніемъ каждаго изъ нихъ ²⁾. Атамановъ и казаковъ велѣно обязать подпискою, чтобы они не принимали впрямь бѣглыхъ людей, подъ смертною казною.

Не бывъ довольны запрещеніемъ принимать бѣглыхъ людей въ свои городки и высылкою оныхъ на прежнія мѣста, казаки еще болѣе

¹⁾ Грамота на Донъ 21 февраля 1706.

²⁾ Грамота на Донъ 1703 г. юля 11.

огорчились насильственными поступками чиновниковъ, которые, превышая власть, наказывали и высылали невинныхъ.

Вслѣдъ за этимъ, казакамъ запрещалось занимать пустопорожнія земли ¹⁾.

Около этого времени возникли ссоры донскихъ казаковъ съ городскими казаками Изюмскаго полка ²⁾. Главнѣйшая причина этихъ ссоръ, имѣвшая не малое вліяніе на возмущеніе казаковъ, было присвоеніе изюмскимъ полковникомъ соляныхъ источниковъ, находившихся во владѣніи донскихъ казаковъ, весьма для нихъ выгодныхъ. Въ это время бахмутскимъ ³⁾ станичнымъ атаманомъ былъ Кондратій Булавинъ, который отстаивалъ, какъ пользы своей станицы, такъ и всего Войска Донскаго, что произвело несогласія донцевъ съ изюмцами, доведенныя до верховнаго правительства.

Между тѣмъ изъ посольскаго приказа пришло предписаніе о забраніи, какъ у донскихъ, такъ и у изюмскихъ казаковъ соли въ казну и о продажѣ оной на мѣстѣ высшими цѣнами. Булавинъ, защищая интересы войска, собралъ въ 1705 году значительную партію казаковъ, напалъ на жителей, занимавшихся вываркою соли, близъ рѣчки Бахмутки, разорилъ всѣ строенія и заводы, забралъ всю готовую соль, казенную и частную, а также деньги и прочее имущество. Уничтоживъ потомъ всѣ бывшія въ тѣхъ мѣстахъ солонваренные заводы и причинивъ большіе убытки изюмцамъ, Булавинъ началъ самъ вываривать соль, не допуская иногородныхъ участвовать въ этомъ промыслѣ. Изъ адмиралтейства были присланы чиновники для разъясненія этого дѣла; но Булавинъ отвѣчалъ, что такъ-какъ изюмцы вываривали соль на землѣ имъ принадлежащей, то и не должно отъ него требовать удовлетворенія ⁴⁾.

Въ 1707 году присланъ былъ въ Войско Донское полковникъ князь Долгорукій съ отрядомъ русскихъ войскъ, для уничтоженія нѣкоторыхъ козачьихъ городковъ и вмѣстѣ съ этимъ начала вводиться различныя мѣры къ обузданію своевольства на Дону, что раздражало казаковъ.

¹⁾ Грамота на Донъ 1706 г. февраля 28.

²⁾ Городовые казаки поселены самимъ правительствомъ на границахъ Россіи съ Польшею, для воспрепятствованія набѣгамъ Татаръ. Они во многомъ имѣли сходство съ военными границами Австріи.

³⁾ Бахмутскій городокъ принадлежалъ войску донскому.

⁴⁾ Отписка войска донскаго въ посольскій приказъ 1706 года.

Пользуясь ропотомъ и неудовольствіемъ, распространившимся между донцами, Булавинъ рѣшился поднять знамя бунта. Склонивъ на свою сторону донецкій и по заповѣннымъ рѣчкамъ поселенные полки, Булавинъ отправился на р. Хоперь, гдѣ, по завѣщанію, было рѣшено убить князя Долгорукова и истребить бывший съ нимъ отрядъ въ 1000 человекъ, что и было исполнено на р. - Айдарѣ. Вслѣдъ за этимъ, Булавинъ разослалъ возмутительныя письма по козацкимъ городкамъ, убѣждая козаковъ принять участіе въ общемъ дѣлѣ. Письма Булавина разнесли пламя бунта по всей верхней части Дона и по рѣкамъ Хопру, Медвѣдицѣ, Бузулуку и Донцу.

Хотя изъ слѣдствія, произведеннаго о бунтѣ Булавина, видно, что войсковой атаманъ Лукьянъ Максимовъ принималъ участіе въ возмущеніи ¹⁾; но вслѣдъ за этимъ атаманъ разослалъ увѣщательныя письма не слушать клеветъ Булавина и не приставать къ возмутителямъ; однакожъ легковѣрная толпа не внимала увѣжденіямъ. Булавинъ, начальствуя 20,000 войскъ, состоящихъ наиболѣе изъ бѣглецовъ или вольницы, былъ намѣренъ идти къ Москвѣ; но атаманъ Лукьянъ Максимовъ, съ вѣрными престолу козаками, выступилъ противъ бунтовщиковъ и, разбивъ ихъ 6 октября 1707, заставилъ обратиться въ бѣгство.

Булавинъ бѣжалъ въ Запорожье, гдѣ, на глазахъ гетмана Мазепы, собралъ до 3000 человекъ, къ которымъ присоединились городовые козаки ²⁾. Съ этими силами бунтовщикъ вновь явился на Дону.

Войсковой атаманъ Лукьянъ Максимовъ, собравъ козаковъ, оставшихся вѣрными государю и присоединивъ отрядъ русскихъ войскъ въ 3000, откомандированный отъ азовскаго губернатора графа Толстаго, выступилъ противъ Булавина, но въ битвѣ 9 апрѣля 1708 года при рѣкѣ Голубой ³⁾, (близъ Голубинской станицы), былъ разбитъ. Затѣмъ Булавинъ взялъ хитростью укрѣпленный Черкасскъ, гдѣ былъ провозглашенъ войсковымъ атаманомъ.

Новый атаманъ писалъ государю, что собрались козаки по Дону, Донцу, Хопру и Медвѣдицѣ для перемѣны и выбора новыхъ стар-

¹⁾ Разказы изъ Русской исторіи, С. Соловьева. Русскій Вѣстникъ 1860 г. августъ. книжка вторая.

²⁾ Отписка войска запорожскаго къ Петру I, 6 августа 1708 г.

³⁾ Грамота на Донъ 3 мая 1708.

шинъ за то, что прежніе не отдали козакамъ царское жалованье (1). Но государь, узнавъ объ успехахъ Булавина, немедленно отправилъ изъ пограничныхъ войскъ и резервовъ до 20,000 войскъ, которые поручилъ гвардіи майору князю Долгорукову, близкому родственнику убитаго козаками.

Тогда война съ Швеціею была въ полномъ разгарѣ, а потому слѣдовало дѣйствовать энергически, тѣмъ болѣе, что Булавинъ ссылался съ Запорожцами о совокупныхъ дѣйствіяхъ (2). Въ наказѣ, данномъ Долгорукову (3), было сказано «взять Черкасскъ, послѣ чего слѣдуетъ ему, лежащіе по Дону казачіе городки до Донскаго оставить, какъ существуютъ, а лежащіе по Дону, Медвѣдицѣ, Хопру, Бузулуку и Иловлѣ сжечь и разорить до основанія; людей рубить, а заводчиковъ сажать на колъ и колесовать, ибо «писалъ государь,» сія сарышъ ничѣмъ кромѣ, жестокости, не можетъ быть унята; однако кто принесетъ повинную, съ тѣмъ поступать ласково.»

Булавинъ, оставаясь въ Черкасскѣ, въ ожиданіи подкрѣпленія отъ Запорожцевъ, которые стараніями князя Долгорукова и графа Толстаго не были допущены къ бунтовщикамъ, послалъ партію подъ начальствомъ Некрасова на Волгу. Эта партія пресѣкла судоплаваніе къ Астрахани; другая же партія, подъ начальствомъ Хохлача, выступила къ Азову навстрѣчу русскимъ войскамъ; но была разбита и обращена въ бѣгство.

Пораженіе Хохлача, имѣвшего 5000 вольницы, ослабило довѣренность и къ силамъ Булавина. По внушеніямъ графа Толстаго, жители Черкасска провозгласили, 7 іюня, атаманомъ Илью Зерщикова и,

1) Козаки также писали грамоту, въ которой увѣряли, что «князя Юрія Долгорукова убили не одинъ Кондратій Булавинъ; убили его съ общаго вѣдома, потому что у розыска поступагъ не по государеву указу; отъ тебя великаго государя мы шкуда не откладывались, твоихъ украинскихъ городовъ не разоряли и отнюдь разорять не будемъ, желая тебѣ служить по прежнему всѣмъ войскомъ донскимъ и всѣми рѣками всеусердно. И чтобы твои полководцы къ городамъ нашимъ не ходили, а буде они насильно поступать и въ какое разоренье учинять, въ томъ воля твоя: мы рѣку Донъ и со всѣми запольными рѣками тебѣ уступимъ и на пую рѣку поидемъ.» Разказы изъ русской исторіи, С. Соловьева.

2) Огниска Булавина и войска Донскаго къ войску запорожскому. 17 Мая 1708.

3) Дополненіе къ дѣліямъ Петра Великаго и грамота на Донъ 8 Апрѣля 1708. Рукописная исторія В. Донскаго, въ примѣчаніяхъ.

предводимые имъ, окружили курень, гдѣ находился Булавинъ. Послѣ неудачной попытки ворваться въ жилище и взять бунтовщика живьемъ, подвезли къ куреню пушки; но Булавинъ застрѣлилъ себя изъ пистолета. Трупъ его прислали въ Азовъ и съ отсѣченной головою повѣсиль за ноги у р. Каланчи; совѣтники же, обложенные око-
вами, отправлены въ Москву, гдѣ подверглись лютой казни (1).

Извѣстіе о смерти Булавина не укротило еще духа мятежа. Нѣкоторые изъ сообщниковъ бунтовщика, и особенно Некрасовъ, съ большими партіями нападали на регулярныя войска и на транспорты съ провіантомъ и другими припасами, но корпусъ Долгорукова съ вѣрными козаками дѣйствовалъ неуспѣшно на сухомъ пути, а вмѣстѣ съ этимъ изъ Азова, вверхъ по Дону, посланы были два корабля и двѣ галеры съ войсками. Большая часть мятежниковъ были схвачены; остался одинъ Некрасовъ, который, видя неизбежную гибель, бѣжалъ съ Дону на рѣку Кубань, принялъ подданство крымскаго хана и водворился на Таманскомъ острову, гдѣ, вмѣстѣ съ своими сообщниками, утвердился въ трехъ селеніяхъ, коихъ обитатели были донцы, бѣжавшіе съ своей родины, частью по расколу, частью отъ преслѣдованій русскихъ воеводъ (2).

Въ Булавинскій бунтъ казнено и убито до 7000 человекъ, уничтожены козацкія городки по рѣкамъ Донцу, Лугани, Айдару, Дербулу, Калитвамъ и по другимъ рѣчкамъ, впадающимъ въ Донецъ; также по рѣчкѣ Иловѣ по Иловинскій городокъ. Отторженные отъ козаковъ земли по Донцу отчислены во вновь-образованную Бахмутскую провинцію. Земли по Айдару присоединены къ Острогожскому козацкому полку, а верховья Хопра съ станицами Пристанскою, Бѣляевскою, Григорьевскою и прочими, причислены къ Воронежской губерніи.

Эти мѣры обуздали вольность козаковъ. Они стали безпрекословно исполнять царскіе указы и вмѣстѣ съ этимъ рачительнѣе заниматься хозяйствомъ.

Возмущеніе Булавина не мѣшало донскимъ козакамъ участвовать въ войнѣ Россіи съ шведскимъ королемъ Карломъ XII. Донцы удачно дѣйствовали подъ Лѣснымъ, но къ полтавскому сраженію не подошли (3).

(1) Дѣянія Петра Великаго. Томъ 2.

(2) Историческія свѣдѣнія о Некрасовцахъ.

(3) Исторія Войска Донскаго, Броневскаго.

Въ печати находятся три исторіи Войска Донскаго: Ригельмана, писанная

Въ 1711 году донскіе козаки участвовали въ бѣдственномъ походѣ Петра Великаго въ Турцію и находились подъ главнымъ начальствомъ графа Апраксина.

Вслѣдствіе извѣстной катастрофы при Прутѣ, гдѣ Петръ I съ 38,000 войска былъ окруженъ 200.000 непріятельскою арміею, Россія должна была возвратити туркамъ крѣпость Азовъ.

Взятая изъ этой крѣпости артиллерія послужила къ вооруженію ретраншаменту при Монастырскомъ урочищѣ, что не дозволяло козакамъ самовольно отправляться въ море для поисковъ; въ Черкасскѣ былъ расположенъ отрядъ русскихъ войскъ.

Въ царствованіе Петра Великаго было предположено, по мысли самого государя, прорыть каналъ, съ устройствомъ шлюзовъ, между Иловлею и Камышенкою, для соединенія Волги съ Дономъ ⁽¹⁾.

Вмѣстѣ съ этимъ, Петръ I обратилъ вниманіе на разведеніе по Дону виноградныхъ садовъ, на развитіе хлѣбопашества и, кажется, первый указалъ въ Войскѣ Донскомъ на каменный уголь, составляющій теперь неисчерпаемое богатство донскихъ козаковъ.

Послѣ шведской войны, козаки участвовали всеѣмъ войскомъ въ Персидскомъ походѣ и, паравитъ съ другими русскими войсками, много потеряли умершими отъ непривычнаго климата. Должно полагать, что въ этотъ походъ донскіе козаки потеряли большую часть возмужалаго

въ концѣ XVIII столѣтія, исторія Алексѣя Попова—въ 1814 г. и упомянутая исторія Броневскаго. Въ настоящее время всѣ онѣ не удовлетворяютъ требованіямъ науки, какъ основанныя или одна на другой, или на преданіяхъ и небольшомъ числѣ матеріаловъ, находившихся въ частныхъ рукахъ.

Рукописная исторія, къ которой мы часто обращаемся и къ которой приложены акты, безспорно есть лучшей матеріалъ; но въ ней событія общей русской исторіей перемежаются съ событіями касающимися донскихъ козаковъ. Пожаръ въ г. Новочеркасскѣ въ 1858 году уничтожилъ почти всѣ дѣла, и до этого времени никто не имѣлъ порученія собрать акты и повѣрить ими акты московскаго архива. Вышеупомянутая рукописная исторія находится небольше какъ въ двухъ экземплярахъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ. Мы имѣли ее только временно, акты же, приложенные къ ней, передали въ редакцію донскихъ вѣдомостей для напечатанія.

*) Исторія царствованія Петра Великаго, Н. Устрялова. Томъ II.

народонаселенія, что помогло въ слѣдующія царствованія совершенно унять ихъ вольный духъ ⁴⁾.

⁴⁾ Для очерка исторіи Войска Донскаго послѣ Петра Великаго нѣтъ достовѣрныхъ матеріаловъ. Мы разбирали архивы окружныхъ начальствъ Усть-медвѣдичскаго и Хоперскаго, также со вниманіемъ останавливались на статьяхъ г. Сениоткина (93); но все это можетъ пригодиться только послѣ тщательной разработки архива иррегулярныхъ войскъ, требующей много времени.

Военныя дѣйствія допцовъ противъ Пугачева, противъ Ногайцевъ и Черкесъ. Донскія вѣдомости 1835. Военный Сборникъ, 1860 г.

Николай Красновъ.

20 апрѣля 1861 г.

Г. Новочеркасскъ.

(НОВЫЕ)

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

«Память о нашем народномъ поэтѣ должна быть для насъ святыней. Чтить эту память—священный долгъ каждого, кто дорожитъ своею національною честью, своимъ достоинствомъ, своимъ добрымъ именемъ». Д'Израэли.

Безпечность и равнодушіе предшествовавшихъ намъ поколѣній къ памяти замѣчательныхъ людей своего времени были причиною того грустнаго явленія, что многіе изъ нашихъ общественныхъ дѣателей минувшихъ столѣтій, оставивъ по себѣ громкое имя передовыхъ личностей, остаются для насъ—потомковъ весьма мало извѣстными въ—отношеніи ихъ частной жизни, воспитанія, привычекъ, наклонностей, словомъ всего того, изъ чего можно бы было составить ясное понятіе о характерѣ лица, о его нравственной физіономіи. Не касаясь немногихъ дѣателей политическихъ, о которыхъ болѣе или менѣе подробно говоритъ исторія,—многое ли мы знаемъ о жизни нашихъ писателей, не говорю предшествовавшихъ вѣковъ, а хоть бы самаго близкаго къ намъ времени? Давно ли начали появляться въ печати краткія монографіи, имѣющія цѣлю уяснить характеръ литературныхъ дѣателей? По небрежности и равнодушію современниковъ, по неразвитости нашего общества, поэты, ученые, художники и, вообще, люди, трудившіеся втихомолку и двигавшіе впередъ общество, остались почти незамѣченными. «Но пора перестать смотрѣть на этотъ классъ людей, какъ на безполезныхъ членовъ нашего дѣловаго поколѣнія: въ мірѣ существуетъ не одна матеріальная дѣятельность, и чѣмъ рѣже встрѣчается дѣятельность умственная, тѣмъ она должна быть для насъ дороже». (*)

(*) Исторія литературнаго генія, д' Израэли.

Такими побужденіями руководствовался я, приступая къ изданію въ свѣтъ немногихъ матеріаловъ для біографіи покойнаго нашего поэта Тараса Григорьевича Шевченка. Онъ безспорно принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ дѣятелей послѣдняго времени.

Пока свѣжо еще воспоминаніе о дорогомъ намъ Кобзарѣ въ памяти людей, которые сталкивались съ нимъ въ разные періоды его жизни, нужно спѣшить сохранить малѣйшія черты изъ жизни самобытнаго народнаго поэта.

Жизнь такого человѣка, какъ Шевченко, имѣетъ великое значеніе для будущихъ поколѣній. Явленіе Шевченка не случайность: съ нимъ соединяется судьба цѣлыхъ милліоновъ народа; въ немъ какъ въ фокусѣ соединились духовныя силы всего крѣпостнаго люда; онъ выросъ изъ родной почвы, облитой потомъ и кровію нашего кормильца—крестьянина... Въ лицѣ поэта народъ наконецъ созналъ свое безотрадное положеніе и выслалъ его на арену просвѣщеннаго міра, въ средѣ цивилизованнаго сословія—повѣдать свѣту задушевные свои думы, тяготившія его втеченіе долгихъ лѣтъ. «Муза Шевченка, по словамъ Костомарова, «разодрала завѣсу народной жизни.» Жизнью своею, столько же сколько и поэзією, онъ заявилъ передъ судомъ образованнаго сословія вопіющую неправду крѣпостнаго права, разъяснилъ темныя преданія старины, осмыслилъ для насъ народную поэзію, народный бытъ, создалъ типы народнаго характера.

«Моя собственная судьба,» говоритъ самъ поэтъ, представленная въ истинномъ свѣтѣ, могла бы навести не только простолюдина, но и тѣхъ, у кого простолюдинъ находится въ полной зависимости, на размышленія глубокія и полезныя для обѣихъ сторонъ... Исторія моей жизни составляетъ часть исторіи моей родины.» (Изъ письма къ редактору «Народнаго чтенія».)

Поспѣшимъ же оказать свое посылное содѣйствіе будущему біографу Шевченка и поможемъ, по собраннымъ нами матеріаламъ, возсоздать во всей полнотѣ замѣчательную жизнь нашего народнаго поэта, котораго смерть знаменательно совпала съ великимъ событіемъ освобожденія его братьевъ—крестьянъ.

Въ настоящее время въ рукахъ моихъ находится переписка покойнаго поэта съ названнымъ братомъ его, В. Г. Шевченкою и

Нѣсколько замѣчательныхъ фактовъ изъ жизни поэта, сообщенныхъ мнѣ щирнымъ его пріателемъ, И. М. Сошенко. Думаю, что и мои краткія, отрывочныя замѣтки будутъ имѣть значеніе для біографіи Шевченка. Начнемъ съ этихъ замѣтокъ.

I.

Въ извѣстномъ письмѣ своемъ къ редактору «Народнаго Чтенія» поэтъ нашъ, въ первый разъ въ жизни, рѣшился «обнаружить передъ свѣтомъ *нѣсколько* печальныхъ фактовъ своего существованія»: онъ «не имѣлъ духу входить во всѣ подробности своей жизни»; при воспоминаніи его о своемъ прошедшемъ, у него «коснѣла рука и сжималось сердце». Эта задушевная исповѣдь, въ которой прочувствовано каждое слово, производитъ на душу всякаго, кто не истлѣлъ внутренно, глубокое, потрясающее дѣйствіе. «Сколько лѣтъ потерянныхъ! сколько цвѣтовъ увядшихъ! И что же въ самомъ-дѣлѣ поэтъ купилъ у судьбы своими усиліями—непогибнуть? Едва ли не одно страшное уразумѣніе своего прошедшаго.» Оно ужасно.

Краткая автобіографія Т. Гр. имѣетъ для насъ болѣе внутреннее, психологическое значеніе; чтó же касается внѣшней, фактической стороны ея, то въ ней пропущено много весьма интересныхъ подробностей, необходимыхъ для полнаго уразумѣнія симпатической личности поэта. Пробѣлы эти мы, поклонники его великаго таланта, обязаны пополнить, руководствуясь правдивыми разказами о немъ близкихъ ему людей.

На этотъ разъ я ограничусь по преимуществу свѣдѣніями, сообщенными мнѣ Сошенко, съ которыми поэтъ, по его собственнымъ словамъ, находился до смерти «въ самыхъ искреннихъ, братскихъ отношеніяхъ». (Сошенко зналъ Тараса въ лучшую пору его поэтической дѣятельности; поэтъ живо еще помнилъ тогда свое дѣтство: въ памяти его были еще слишкомъ свѣжи впечатлѣнія недавняго прошедшаго. Но къ сожалѣнію, Шевченковъ пріатель, у котораго и своего горя было довольно, многое-перезабылъ изъ слышаннаго).

Съ самаго ранняго дѣтства жизнь встрѣтила бѣднаго ребенка непривѣтливо, сурово. Матери онъ почти не помнилъ. На седьмомъ году лишился отца и остался на рукахъ мачихи, вмѣстѣ съ двумя сестрами: Яришой и другой—слѣпою. Здѣсь впервые онъ испыталъ много горя. Въ самомъ нѣжномъ возрастѣ лишенный любви и мате-

рпскихъ ласкъ, мальчикъ привыкъ сосредоточиваться въ себѣ самомъ, дичился людей и встрѣчалъ недоверчиво всякое привѣтливое обхожденіе съ нимъ родныхъ и сосѣдей. Мачиха, не влюбившая Тараса за его скрытный и упрямый нравъ, чтобы онъ не былъ на глазахъ, поручала ему лѣтомъ пасти телятъ и свиней въ окрестностяхъ Кириловки и Тарасовки. Поля, окружающія эти села, представляютъ несомнѣннѣ ровную мѣстность: степная даль заслоняется высокими могилами, которыхъ вообще довольно много въ Звенгородскомъ уѣздѣ.

Високіи ті могили
Стоять та сумують...

Съ ломтемъ сухаго хлѣба мальчикъ проводить цѣлые дни въ полѣ. Любимымъ его мѣстомъ для отдыха въ сильную жару была одна изъ такихъ могилъ. Онъ часто сидѣлъ подъ нею и безсознательно смотрѣлъ вдаль. Извѣстно, какъ эти первые впечатлѣнія дѣтства отозвались у поэта въ періодъ его зрѣлости, въ его лучшихъ произведеніяхъ:

Кругомъ его степъ, якъ море
Широке, синіе;
За могилою могила,
А тамъ—тільки мріе...

Къ Тарасовкѣ прилегаеть живописный прудъ, поросшій осокою и окаймленный стройными тополями. Проезжая съ Сошенкомъ еще въ 1849 году мимо этого пруда, мы невольно вспомнили превосходную балладу про тополию—лиху дѣлю:

По дїброві вітеръ віе,
Гуляє по полю;
Край дорѣги гнє тополю
До самого дѣлу...

и другую балладу «Утоплена», въ которой такъ поразительно хорошо переданъ таинственный разговоръ вѣтра съ осокою:

Прокїнетця, — тихесенько
Въ осокї питає:
»Хто се, хто се по сїмъ бѣці
Чѣше кѣсу? хто се?
Хто се, хто се по тїмъ бѣці
Рве на собї кѣсп?

и т. д.

Очевидно, краски для этих стихотворений заимствованы поэтом из родной местности.

Сестра Ярина передала нам один характерный факт из того же темного периода жизни Тарасовой. У квартиранта—солдата украдено два съ полтнкою ассигнаціями. Тотъ, разумѣется, надѣлалъ страшнаго шуму, чуть не разогналъ всѣхъ изъ хаты. На кого тутъ взвалить вину? Конечно, на сироту—горемыку. Избѣгая наказанія, по одному лишь подозрѣнію мачихи, мальчикъ ушелъ со двора, и скрылся въ далекомъ огородѣ, въ кустахъ калины. Тамъ онъ просидѣлъ четверо сутокъ. Сестра Ярина, боясь за участь брата, тщательно скрывала отъ домашнихъ его убѣжище и украдкой послала ему ѣсть, причемъ развлекала его разными игрушками. Тарасъ устроилъ себѣ въ кустахъ калины шалашъ, продѣлалъ около него дорожки и усыпалъ ихъ пескомъ; нарисовавъ на деревѣ родъ мишени, онъ упражнялся стрѣльбою въ цѣль изъ бузиновой пѣулки. На пятый день убѣжище Тараса было открыто. Его взяли на допросъ. Главнымъ слѣдователемъ по этому дѣлу былъ родной дядя Тарасовъ, Павло, по словамъ Ярины, «великій катиога». Истязаніе продолжалось около трехъ дней. Не выдержавъ пытки, мальчикъ, и то по просьбѣ сестры, подъ розгами, сознался наконецъ въ преступленіи, не имъ совершенномъ: деньги, какъ открылось послѣ, укралъ сынъ мачихи, спрятавъ ихъ въ дуплѣ старой вербы. Участіе, принимаемое сестрою въ жалкой участи невинно—терпѣвшаго мальчика, ея горячая къ нему привязанность и ея собственная горькая доля, объясняютъ намъ ту страстную любовь, которую питалъ къ ней покойникъ до послѣдней минуты своей жизни. Умирая онъ просилъ друзей своихъ не забывать сестры Ярины.

Къ тому же времени, или быть можетъ немного позднѣйшему, относится путешествіе Тараса съ сестрой на богомолье въ Лебединскій монастырь. Объ этомъ самъ поэтъ рассказывалъ Сошенку, который однажды понитересовался узнать, съ какого именно времени онъ сталъ думать объ украинской старинѣ? Рассказъ этотъ въ точности подтвердила и сама сестра. Лебединскій мужской монастырь обращенъ теперь въ приходскую церковь; въ двадцатыхъ же годахъ, хотя и считался третьестепеннымъ, но пользовался у народа особеннымъ уваженіемъ, такъ—какъ съ этимъ свитымъ мѣстомъ соединялось въ памяти народной преданіе о Коліивщинѣ (1768). Живы были еще въ то время старики, рассказывавшіе объ этомъ событіи, какъ очевидцы. Въ Лебединѣ освятили свои ножи гайдамаки. Былъ и между монахами ста-

рець, весьма словоохотливый, рассказывавшій богомольцамъ кровавую повесть о томъ, какъ гайдамаки покарали своихъ притѣснителей. Въ толпѣ богомольцевъ, окружавшихъ разказчика, никто не замѣтилъ тогда босоногого хлопчика, съ жадностію пожиравшаго слова монаха. Но сознаію самого поэта, съ этого именно времени заронилась въ его душу идея будущихъ «Гайдамакъ.»

Давно те минуло, якъ малá дитина,
Сиротá въ ридніні, я колись блукáвъ,
Безъ світи, безъ хлѣба, по тій Україні,
Де Залізнякъ, Гóнта зъ сваченимъ гулявъ.

Вѣроятно, нелюбовь къ Тарасу злой мачихи, постоянно его гнавшей, ускорила поступленіе его въ школу къ приходскому дьячку, въ «попихачи.» Сироту старались сбыть съ рукъ во что бы то ни стало. О пребываніи своемъ у этого пьяницы поэтъ довольно обстоятельно рассказалъ въ своей автобиографіи. Къ этому разказу можно только прибавить то, что дьячекъ часто морилъ его голодомъ. Слѣзная сестра Тараса припрятеть-бывало за обѣдомъ кусочекъ хлѣба и положить на условленномъ мѣстѣ въ саду. Улучивъ свободную минуту, мальчикъ по-за плетнями прокрадывался въ садъ и, схвативъ хлѣбъ, убѣгалъ въ школу, боясь попасться на глаза лютой мачихѣ.

Говоря о переходѣ своемъ отъ одного учителя къ другому, Тарасъ не упомянулъ еще объ одномъ малярѣ въ с. Стеблевѣ (Каневского уѣзда), куда онъ ходилъ, кажется, изъ Лисянки:

Ходивъ я та плакавъ, та людей шукáвъ,
Щобъ добру навчили.....

А потомъ уже пришелъ въ Тарасовку. Послѣ строгаго приговора дьячка—хитромантѣ, который нашелъ его ни къ чему негоднымъ, ни даже «къ шѣвству, ни бондарству,» скрѣпя сердце, мальчикъ возвратился въ родное село, къ брату своему Микитѣ и сталъ помогать ему въ хозяйствѣ, едва не сдѣлавшись пастухомъ ex professo, въ чемъ онъ находилъ какую-то прелесть. Но судьба готовила ему другое поприще.

«Помѣщику, только-что наследовавшему достояніе отца своего, понадобился мальчикъ, и оборванный школяръ-бродяга попалъ прямо въ тиковую куртку комнатнаго козачка». По разказамъ Сошенка, Тарасъ отъ брата не прямо попалъ въ козачки. Дѣло было не такъ. Новому барину потребовались разнаго рода дворовые, которыхъ онъ,

как истый аристократъ, желалъ имѣть спеціально приготовленными къ разнымъ надворнымъ должностямъ: кучера, форейтора, повара, лакея, конторщика, комнатнаго живописца (*) и т. и. Главному управляющему К...му было предписано набрать изъ крестьянскихъ дѣтей около дюжины мальчиковъ, годныхъ къ упомянутымъ должностямъ и представить ихъ въ Варшаву (по рассказамъ другихъ въ Вильно). И вотъ, по одному почерку пера, были взяты у родителей дѣти (не всѣ же они были сироты, подобно Тарасу) и приведены въ центральное имѣніе помѣщика, въ мѣстечко Олышану. Въ видѣ опыта, до отправленія къ барину, ихъ распредѣлили при господскомъ дворѣ по разнымъ должностямъ. Нашъ Тарасъ попалъ въ поваренки, подѣ команду главнаго повара-артиста: сталъ чистить костюлы, носить на кухню дрова, выливалъ помолъ, и проч. Въ такихъ непозытческихъ занятіяхъ, конечно, онъ не могъ найти ничего сроднаго съ своими природными влеченіями; а между тѣмъ страсть къ картинкамъ и книжкамъ не покидала мальчика ни на минуту. При всякомъ удобномъ случаѣ, онъ пріобрѣталъ за первый попавшійся грошъ какое-нибудь произведеніе суздальской школы у бродячаго коробейника, а если было не-за-что купить, то, изъ любви къ искусству, иногда покушался на воровство. Пріобрѣвъ довольно значительную коллекцію подобныхъ рѣдкостей, онъ прятался съ нею, отъ многочисленной дворни, въ саду. Въ густой чащѣ деревь, подальше отъ дома, онъ устроилъ себѣ родъ галлерей, наклеивъ на деревьяхъ свои картинки. Туда Тарасъ уходилъ пѣть пѣсни, разсматривать и копировать какого-нибудь Соловья-разбойника, или Кутузова. За такія упущенія по службѣ, онъ неоднократно былъ поколачиваемъ поваромъ.

Однажды Тарасу посчастливилось получить цѣлый двугривенный отъ одного заѣзжаго господина за вычищенные сапоги. Когда навѣстилъ его братъ Микита, онъ ему отдалъ весь этотъ благопріобрѣтенный капиталъ на дорогу. На проводахъ его тѣла въ Кіевѣ, Микита со слезами на глазахъ вспоминалъ объ этомъ: »Що то за добра душа була! Я таки ёго бивъ колісь маленькимъ, та й здорово бивъ, а вінъ, покійшикъ, оддавъ мені послѣдне.»

Когда кончилось испытаніе будущихъ дворовыхъ, составленъ былъ списокъ, съ обозначеніемъ качествъ и свойствъ каждаго мальчика: Тарасъ въ этомъ спискѣ былъ записанъ годнымъ «на комнатнаго жи-

(*) Въ то время у русскихъ баръ было въ модѣ расписывать покои *al fresco*.

воища». Эта перечисляемая ведомость, въ видѣ накладной, какая обыкновенно дается извозчикамъ, представляющимъ товары въ разныхъ мѣста Россійской имперіи, былъ отправленъ къ барину, вмѣстѣ съ его движимою собственностію.

Но, какъ намъ извѣстно, аттестація управляющаго не спасла Тараса отъ тиковой куртки: по какимъ-то особеннымъ соображеніямъ, помѣщикъ повернулъ его въ комнатные козачки. Къ-счастью, и эта новая должность была лишь временнымъ испытаніемъ; и на этомъ новомъ для него поприщѣ, какъ и на кухнѣ въ Ольшаной, страсть къ живописи его не покидала, причинивъ ему не мало горя. Кочующая жизнь барина по ярмаркамъ разныхъ западныхъ городовъ и мѣстечекъ, чуть ли не въ качествѣ ремонтера, окончилась, вѣроятно, съ производствомъ въ высшій чинъ, и Тарасъ былъ отданъ въ науку къ комнатному живописцу въ Варшавѣ. Хозяинъ, замѣтивъ въ своемъ ученикѣ необыкновенныя способности къ живописи и не будучи въ состояніи научить его ничему хорошему, кромѣ раскрашиванья потолковъ и стѣнъ, а иногда и заборовъ, былъ настолько добросовѣстенъ, что, по истеченіи года, пришедши къ барину за условленною платой, прямо высказалъ ему, какъ онъ понимаетъ крѣпостнаго юношу. По совѣту этого добраго маляра, Тарасъ былъ отданъ къ извѣстному въ то время въ городѣ портретисту, потому что знаменитаго дамскаго живописца скатеринскихъ временъ—Лампи. Наблюдая свои интересы, помѣщикъ разсчиталъ, что изъ способностей крѣпостнаго можно современемъ извлечь еще болѣе выгоды, если онъ будетъ порядочнымъ живописцемъ, и потому вошелъ въ условія съ Лампи, который не принялъ ученика къ себѣ въ домъ, а согласился на то, чтобы онъ былъ приходящимъ. Тараса пріодѣли получше и велѣли ему ходить на уроки.

Въ это время онъ познакомился съ одною хорошенькою швейей, и впервые созналъ и глубоко почувствовалъ свое человѣческое достоинство. Любовь къ этой полкѣ, принадлежавшей къ другой средѣ—съ независимымъ образомъ мыслей, имѣла сильное вліяніе на его забытую, загнанную, но глубоко впечатлительную природу. Эта первая привязанность, по сознанію самого поэта, облагородила его душу, возвысивъ его въ собственныхъ глазахъ. «Я въ первый разъ пришелъ тогда къ мысли,» разсказывалъ онъ Сошенку, «отчего и намъ, несчастнымъ крепачкамъ, не быть такими же людьми, какъ и прочіи свободныя сословія?» Любовь не обошлась безъ жертвы. Куханка Тарасова

потребовала отъ него отреченія отъ роднаго языка въ пользу польской національности: въ разговорѣ съ нимъ она другаго языка не допускала. Уроки, видно, шли очень успѣшно, судя по тому, какъ говорилъ покойникъ по-польски (*). Она не мало заботилась объ немъ: сама ему шила рубашки, гладила манишки и галстуки.

Для бѣднаго сироты открылся новый міръ. Но это мимолетное счастье, мелькнувшее волшебнымъ призракомъ среди нищеты и горя, не заставило его ни на минуту забыть свое безвыходное положеніе. Съ одной стороны, его горькое прошедшее, его неволя и жестокое обращеніе съ крестьянами управляющихъ и экономовъ, о чемъ онъ постоянно слышалъ отъ своихъ земляковъ, прїѣзжавшихъ изъ имѣнія, а съ другой стороны, вольная воля пановъ—счастливицевъ и независимость отъ произвола панскаго другихъ сословій, къ которымъ онъ не принадлежалъ, но къ которымъ онъ *могъ бы* принадлежать по своимъ способностямъ,—мысль эта страшно мучила его и повергала въ мрачное состояніе духа, близкое къ самоубійству.

Но Тарасъ нашъ не погибъ.

Помѣщикъ его вышелъ въ отставку и переехалъ на жительство въ Петербургъ. вмѣстѣ съ другими дворовыми людьми, Тарасъ отправленъ въ столицу по этапу, вслѣдъ за барининомъ (**). Такой способъ переселенія людей, несдѣлавшихъ никакого преступленія, внушенъ помѣщику излишнею предосторожностію, чтобъ они дорогою не разбѣжались.

«Въ 1832 году мнѣ исполнилось 18 лѣтъ и такъ—какъ надежды на мою лакейскую расторопность не оправдались, то онъ (помѣщикъ) внявъ неотступной моей просьбѣ, контрактровалъ меня, на четыре года, разныхъ живописныхъ дѣлъ цеховому мастеру иѣкому Ширяеву. Ширяевъ соединялъ въ себѣ всѣ качества дьячка спартаца, дьякопа—маляра и другаго дьяка—хиромантика; но несмотря на весь гнетъ тройственнаго его генія, я, въ свѣтлыя весеннія ночи,

(*) Въ 1839 году, въ Кіевѣ, Тарасъ Григорьевичъ познакомился съ одною панною у пріятеля своего Сошенка и охотно говорилъ съ нею по-польски. По мнѣнію этой польки, «*pan Szwerzenko bardzo dobrze mówi po-polsku, ale zawsze w jego mowie jest coś chłopskiego.*» Объ этомъ, смѣясь, рассказывать мнѣ самъ Тарасъ.

(**) За вѣрность этого факта можетъ поручиться г. З—ла, близкій пріятель Шевченка.

бѣгалъ въ Лѣтній садъ рисовать со статуей. Въ одинъ изъ такихъ сеансовъ познакомился я съ художникомъ И. М. Сошенкомъ (*).

Первое знакомство съ Сошенкомъ началось не такъ. Сошенко рассказываетъ объ этомъ иначе:

«Когда я былъ «въ гипсовыхъ головахъ» или нѣтъ, кажется, уже «въ фигурахъ» (1835—1836 г.), вмѣстѣ со мною рисовалъ братъ жены Шириева. Отъ него я узналъ, что у его зятя въ мальчикахъ служить мой землякъ Шевченко, о которомъ я еще слышалъ кое-что въ Ольшаной, находясь у своего перваго учителя С. С. Превлюцкаго. Я убѣдительно просилъ родственника Шириева, чтобы онъ прислалъ его ко мнѣ на квартиру. Узнавши о моемъ желаніи познакомиться съ землякомъ, Тарасъ на другой же день, въ воскресенье, отыскалъ мою квартиру въ 4-й линіи и явился ко мнѣ въ такомъ видѣ: на немъ былъ засаленный тиковый халатъ, рубаха и штаны толстаго холста запачканы были въ краску, босой расхристаный и безъ шапки. Онъ былъ угрюмъ и застычивъ. Съ перваго же дня нашего съ нимъ знакомства я въ немъ замѣтилъ сильное желаніе учиться живописи. Онъ началъ бывать у меня по праздникамъ, потому что въ обыкновенные дни и мнѣ было некогда и его хозяинъ не пускалъ. Во время такихъ посѣщеній, Тарасъ урывками рассказывалъ мнѣ нѣкоторые эпизоды изъ своего прошлаго и почти всегда завершалъ свои рассказы ропотомъ на судьбу.

«Меня до глубины души тронула жалкая участь молодаго человѣка, но помочь ему я былъ не въ состояніи. Да и чѣмъ могъ пособить его горю я, бѣдный труженикъ-маляръ, работавшій непрерывно изъ за куска насущнаго хлѣба, безъ связей, безъ протекціи, безъ денегъ? А спасти даровитаго юношу было нужно во что бы то ни стало.

«Въ это время я былъ хорошо знакомъ съ извѣстнымъ малороссійскимъ писателемъ Е. Гребенкою. Съ нимъ—то я прежде всего совѣтовался, какимъ образомъ помочь нашему земляку. Гребенка принялъ близко къ сердцу мое предложеніе, сталъ часто приглашать Тараса къ себѣ, давалъ ему для чтенія книги, сообщалъ разныя свѣдѣнія и проч. Потомъ уже я представилъ Тараса конференцъ-секретарю академіи художествъ, В. П. Григоровичу, съ убѣдительною просьбой—освободить его отъ жалкой участи.

Съ Гребенкой Тарасъ сталъ иногда бывать у придворнаго живо-

(*) Письмо къ редактору Народнаго Чтенія.

писца Венеціанова, который вмѣстѣ съ Григоровичемъ представили его В. А. Жуковскому».

Знакомство съ такими людьми не могло остаться безъ вліянія на развитіе молодого человѣка. Бесѣды, слышанныя имъ у нихъ въ домѣ, книги получаемыя отъ Гребенки быстро подвинули впередъ его образованіе. Пробывъ цѣлый день на работѣ, взятой хозяиномъ съ подряда и состоявшей въ покраскѣ оконъ, потолоковъ, а иногда и заборовъ, ночью, забравшись на чердакъ, онъ постоянно читалъ все, что ему понадалось въ руки. А память у него была изумительная. Поэтъ нашъ, по своему положенію, примыкаетъ къ разряду тѣхъ необыкновенныхъ людей, которые названы у д'Израэли поздно-воспитанными гениями—*sero sapientes*.

«Что гений воспитываетъ самъ себя, въ этомъ мы ссылаемся на собственное свидѣтельство всѣхъ членовъ этой великой семьи; но это самовоспитаніе идетъ не всегда удачно и многія гениальныя личности оканчиваютъ дни свои посреди обломковъ собственного таланта и съ убитой душой. Многіе изъ великихъ людей половину жизни своей истратили на то, чтобы вознаградить потерянное время или искоренить въ себѣ слѣды дурнаго воспитанія (*).»

Замѣчаніе это, въ нѣкоторомъ отношеніи, можно приложить и къ даровитой личности Шевченка. Лишенный въ дѣтствѣ элементарнаго образованія, облегчающаго трудный путь къ серьезному ученію, поэтъ—самоучка съ величайшимъ усиліемъ усвоивалъ научныя свѣдѣнія, безъ системы и порядка; но онъ преодолевалъ эти затрудненія, поставленныя ему на пути къ развитію прежнимъ ученіемъ на мѣдный грошъ у дьячка—спартаца,—и масса прибрѣтасмыхъ свѣдѣній не задавила его способностей: свѣтлый природный умъ поэта систематизировалъ эти свѣдѣнія, отячая между ними важное отъ неважнаго, не обременяя памяти бесполезнымъ хламомъ.

Тарасъ изучалъ Сошенка своими успѣхамъ. Желая ближе познакомиться съ направлениемъ его таланта, Жуковскій, далъ ему однажды тему: «описать жизнь художника». Неизвѣстно, насколько Тарасъ удовлетворилъ пытливость нашего знаменитаго романтика; извѣстно только то, что съ этого именно времени Жуковскій сильно началъ хлопотать о выкупѣ крѣпостнаго автора.

(*) Исторія литературнаго генія, д'Израэли.

«Около этого времени, продолжает свой рассказ Сошенко, въ один изъ каникулъ, я былъ приглашенъ управляющимъ домою Шевченкова барина Прехтелемъ, съ которымъ я познакомился еще въ Ольшаной, перебраться къ нему на Моховую улицу. Господа переехали на дачу. Тарасъ навѣщалъ меня и здѣсь. Посѣщенія эти весьма не понравились Прехтелю. Онъ возненавидѣлъ Тараса за его вольныя рѣчи и либеральныя бесѣды съ дворовыми людьми, которые и сами начали вольничать, уклоняться отъ работы и заявлять предъ дворецкимъ о своихъ человѣческихъ правахъ. Взбѣшенный Прехтель рѣшился прочить либерала—крепака. И вотъ, съ субботы на воскресенье, кучеру приказано было приготовить на конюшнѣ все, что нужно. На другой день, едва только пріятель мой показался на господскомъ дворѣ, его арестовали. Я вижу, что ляхъ шутить не любитъ, принявъ на себя роль защитника. Но какъ я ни просилъ этого варвара, ни что не помогло. Къ счастью, въ это время я писалъ портретъ жены его. (Прехтель недавно женился). Я къ ней. Едва—едва она могла упротить своего разгнѣваннаго супруга, который до—того расходился, что съ нимъ сдѣялся первый припадокъ. Не насытивъ своей мести, онъ даже слегъ въ постель. Этотъ казусъ стоилъ мнѣ не мало. Я падалъ до ногъ, сцѣскалъ раціцы и прочія шляхетскія штуки выкидывалъ. Но какъ бы тамъ ни было, а Тарасъ былъ спасенъ. Ему запрещено было видѣться съ дворовыми, подъ страхомъ жесточайшаго наказанія.

«Настала осень. Я переселился изъ палаты панскыхъ въ свою убогую квартирку, къ нѣмкѣ Марѣ Ивановнѣ. Тарасъ продолжалъ бывать у меня все чаще и чаще. Я замѣчалъ, что ему день ото дня становится все тяжеле и тяжеле. Въ это время изъ—за границы воротился Брюловъ. Малюя по цѣлымъ днямъ заборы, штахеты и крыши, Тарасъ по почамъ уходилъ въ Лѣтній садъ рисовать со статуи и предаваться любимымъ мечтамъ о свободѣ, а по праздникамъ не переставалъ заглядываться на великія произведенія живописи въ залахъ эрмитажа. Душа его рвалась въ академію. Въ это время онъ уже довольно удачно писалъ портреты акварелью. Баринъ и не прочь былъ исполнить желаніе Тараса, но, къ—несчастью, крѣпостнымъ людямъ заказанъ былъ входъ въ святилище свободного искусства. Причиною тому была несчастная судьба многихъ крѣпостныхъ живописцевъ, которые, получивъ образованіе въ академіи и возвратясь къ помѣщикамъ, не переносили ихъ обращенія, оканчивая жизнь свою самоубійствомъ — рѣза-

лись, вѣшался, топился (*). Выпускать же на волю способнаго челоуѣка не входило въ принципъ помѣщичьей власти: дѣйствія нашихъ помѣщиковъ клонились къ тому, чтобы какъ можно болѣе эксплуатировать трудъ и способности своего крестьянина. Находя для себя очень выгоднымъ имѣть въ домѣ хорошія картины, за которыя нужно бы заплатить хорошія деньги, они старались имѣть ихъ задаромъ, отдавая въ академію своихъ крѣпостныхъ.

«Мы привыкли къ этимъ обыденнымъ явленіямъ русской жизни. Къ чему не привыкаетъ челоуѣкъ? Но вѣдь это ужасно!.. Просвѣтите умъ, облагородите душу высокими помыслами свободнаго искусства, оставьте челоуѣка въ неволѣ и подчините его, наравнѣ съ дворовыми, всѣмъ прихотямъ барства?! Возмутительно. Мы увѣрены, что еслибы въ университетъ могли поступать тогда крѣпостные, то нѣкоторые изъ нашихъ помѣщиковъ не задумались бы посылать туда способнѣйшихъ крестьянъ, чтобы имѣть своихъ домашнихъ учителей, лекарей, механиковъ, агрономовъ и т. п.

«Состояніе души Тараса было въ это время ужасно. Узнавъ о томъ, что дѣло его освобожденія, задуманное такими вліятельными людьми, какъ Венеціановъ, Гр. Віельгорскій, Жуковскій, несмотря на все ихъ вліяніе, все-таки вперед не подвигается, онъ однажды пришелъ ко мнѣ въ страшномъ волненіи. Проклятая свою горькую долю, онъ не щадилъ и зюгоста-помѣщика, не выпускавшаго его на волю. Наконецъ, погрозивъ ему ужасною местию, онъ ушелъ отъ меня. Не знаю, что бы онъ сдѣлалъ, если бы дѣло о его выкупѣ не кончилось благополучно. По крайней мѣрѣ я сильно перетрусилъ за Тараса и ждалъ какой-нибудь бѣды.

«Сторговавшись предварительно съ помѣщикомъ (разсказываетъ самъ Шевченко въ своемъ письмѣ), Жуковскій просилъ Брюлова написать портретъ, съ цѣлью разыграть его въ лотереѣ. Великій Брюловъ тотчасъ согласился и вскорѣ портретъ Жуковскаго былъ у него готовъ. Цѣною этого портрета (2,500 руб. ассн.) куплена была моя свобода, въ 1838 г. апрѣля 22.»

О томъ, какъ принялъ Тарасъ первую вѣсть о свободѣ, Сошенко передаетъ слѣдующее:

«Получивъ работу отъ Пѣшехова — четырехъ евангелистовъ, я сидѣлъ въ квартирѣ и работалъ прилежно. Это было въ послѣднихъ

(*) См. біографію Тропинина. Русскій Вѣстникъ за 1861 годъ.

числахъ апрѣля. Я жилъ все на той же квартирѣ, почти въ подвалѣ огромнаго четырехъэтажнаго дома, у той же нѣмки Марьи Ивановны. Въ нашемъ морозномъ Петербургѣ запахло весною. Я открылъ окно, которое было вровень съ тротуаромъ. Вдругъ въ комнату мою черезъ окно вскакиваетъ Тарасъ, опрокидываетъ моего Евангелиста, чуть и меня не сшибъ съ ногъ, бросается ко мнѣ на шею и кричитъ: «свобода! свобода!» — Чи не здуривъ ти, Тарасе? — А онъ все прыгаетъ да кричитъ: «свобода! свобода!» Понявши, въ чемъ дѣло, я уже съ своей стороны сталъ душить его въ объятіяхъ и цѣловать. Сцена эта кончилась тѣмъ, что мы оба расплакались какъ дѣти.

«Съ того же дня, пишетъ Шевченко, я началъ посѣщать классы Академіи Художествъ и вскорѣ сдѣлался однимъ изъ любимыхъ учениковъ-товарищей Брюлова.»

«Похоропивъ своего товарища Безлюднаго, (продолжаетъ Сошенко), скончавшагося на моихъ рукахъ отъ чахотки, я страшно скучалъ. Работа не спорилась. Тоска меня измучила. Приближалась дождливая и сырая осень. Я предложилъ Тарасу перейти ко мнѣ на квартиру и жить вмѣстѣ. Онъ согласился. Въ это время онъ совершенно измѣнился. Познакомившись съ лучшими петербургскими домами посредствомъ Брюлова, онъ часто развѣзжалъ по вечерамъ, хорошо одѣвался, даже съ претензією на *comme il faut* ность. Словомъ, въ него на нѣкоторое время вселился свѣтскій бѣсъ. Досадно мнѣ было и больно смотрѣть на его безалаберную жизнь, несвойственную нашему брату художнику, живущему лишь для одного искусства. Такъ—то, думалъ я себѣ, понялъ онъ свободу, стоившую ему такой борьбы, такихъ страшныхъ усилій? Не разъ я принимался уговорить его, чтобъ онъ бросилъ развѣянную жизнь пустыхъ людей и серьезно принялся бы за живопись. «Эй, Тарасе, схаменись! Чомъ ти дѣла не робишь? Чого тебѣ нечистая нѣсить по тѣмъ гостямъ? Маешь таку протѣкцію, такого учителя.» Куда тобі! Шуба епіотова, ціпѣчки не ціпѣчки, шалі да часы, да извошки ляхачп... Закуривъ же мій Тарасъ; не буде зъ ёго нічого доброго!...

«Правда, по-временамъ онъ сидѣлъ и дома; но все-таки дѣломъ не занимался: то співав, то пише собі щось, та все до мене приставе: «а послухай, Соха, чи воно такъ добре буде?» Та й почне читать свою Катерину (онъ въ это время писалъ ее). Та одчепись ти, кажу, съ своїми віршами! Чомъ ти дѣла не робишь?»

Нападая на Тараса за уклоненія отъ прямого своего назначенія—

быть живописцемъ, Сошенко дѣйствовалъ тогда по убѣжденію, и съ своей точки зрѣнія былъ правъ. Ему казалось, что искусство требуетъ всего челоѵка безраздѣльно, что если избралъ живопись, такъ и занимайся ею одною, а если поэзія тянетъ, такъ брось живопись. Одно что пбудь.

«Не грѣшно ли было вамъ, Иванъ Максимовичъ, преслѣдовать Тараса за поэзію? Вамъ слѣдовало поощрять его занятія, а не бранить,» упрекали Сошенка его знакомые. «А кто жъ его зналъ, що зъ его буде такой великій поэтъ? А все-таки я стою на своемъ: що якъби вінъ покинувъ свої вірши, то бувъ би ще більшимъ живописцемъ.» Какъ видно, Сошенко дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ въ интересѣ своего искусства, а природа была сильнѣе его—она взяла свое.

«Страпное, однакожъ, это всемогущее призваніе, «пишетъ Шевченко въ дневникѣ своемъ. Я хорошо зналъ, что живопись моя будущая профессія, мой насущный хлѣбъ. И вмѣсто того, чтобъ изучить ея глубокія таинства, и еще подъ руководствомъ такого учителя, какъ безсмертный Брюловъ, я сочинялъ стихи, за которые мнѣ никто гроша на заплатилъ, и которые наконецъ лишили меня свободы, и которые, несмотря на всемогущее челоѵческое запрещеніе, я все-таки въ тихомолку кропаю... Призваніе—и ничего больше.»

Тарасъ жилъ съ Сошенко только четыре мѣсяца (съ осени 1838 года по январь 1839 г.). Несходство въ образѣ жизни и привычкахъ поселяло между ними разладъ и несогласіе, а замѣшавшаяся въ это дѣло племянница хозяйки ускорила окончательный разрывъ между земляками.

«У Марьи Ивановны жила племянница ея, сирота, дочь выборгскаго бургомистра, Марья Яковлевна, прехорошенькая нѣмочка. Нашему брату—художнику влюбиться нетрудно, и я полюбилъ ее отъ души, и даже, грѣшный челоѵкъ, подумывалъ было на ней жениться. Но Тарасъ разстроилъ все мои планы. Опъ быстро повелъ атаку противъ Маши и отбилъ ее у меня. Долго я скрывалъ свое неудовольствіе на ихъ близкія отношенія, наконецъ не выдержалъ. Разбранивъ Тараса, я выгналъ его изъ квартиры. Но тѣмъ не помогъ своему горю: Маша стала уходить къ нему на квартиру. Уже по выѣздѣ изъ Петербурга въ Малороссію, я узналъ сторопой, что въ Академію подана жалоба на Шевченка отъ какой-то пѣмки. Жаль мнѣ бѣдной Маши! Что-то съ нею теперь?...

«Скоро послѣ этого, отъ усиленной работы, я заболѣлъ глазами

и грудью. Доктора стали отсылать меня въ мой родной климатъ, и я, не дошедши до цѣли, долженъ былъ бросить Петербургъ, чтобы не послѣдовать за Безлюднымъ, и переселиться въ болотный Нѣжинъ учителемъ уѣзднаго училища на 4 рубля сребромъ мѣсячнаго жалованья. Узнавъ о моемъ отъѣздѣ, Тарасъ пришелъ ко мнѣ прощаться. Онъ чувствовалъ себя виноватымъ передо мною, принялъ братское участіе въ моемъ бѣдственномъ положеніи, и мы простились съ нимъ какъ добрые пріятели и земляки, какъ будто между нами ничего и не было.

«Въ 1846 году я видѣлся съ нимъ въ Нѣжинѣ и журилъ его уже не за то, что онъ занимается поэзіею на счетъ живописи, а за то, что печатаетъ такіе плохіе стихи, какъ «Тризна» (на в.-русскомъ языкѣ.)» (*).

Изъ всего того, что передалъ мнѣ Сошенко о первыхъ годахъ жизни Шевченка послѣ выпуска его на волю, можно вывести одно заключеніе, что у поэта нашего закружилась голова отъ немовѣрно быстрого перехода съ чердака грубаго мужика-маляра въ великолѣпную мастерскую величайшаго живописца нашего вѣка. «Самому теперь не вѣрится (писать онъ въ своемъ дневникѣ), а дѣйствительно такъ было. Я—изъ грязнаго чердака, я—ничтожный замарашка—на крыльяхъ перелетѣлъ въ волшебныя залы академіи художествъ!»

Свѣтскія удовольствія и артистическіе кутежи, отъ которыхъ удерживалъ Сошенко Тараса, но отъ которыхъ не могъ воздержаться и самъ великій учитель его, идолъ академической молодежи, Брюловъ, оставили слѣды на всю жизнь поэта и легли темнымъ пятномъ на дорогу намъ его память. «Кутнулъ и я на свой пай когда-то,» гороритъ самъ поэтъ въ дневникѣ своемъ (Основа, іюль 1861 г.).

«Зачѣмъ пьютъ, зачѣмъ кутятъ наши даровитые люди?» Человѣкъ съ умомъ и съ душою такого наглаго вопроса не предложитъ. Кабы не было тяжело, такъ не стали бы пить... Есть люди, которые не умѣютъ дѣлать уступокъ: имъ подавай или все, или ничего; при первой разбитой надеждѣ, они бросаютъ все, и съ какимъ-то злобнымъ наслажденіемъ разбиваютъ объ дорогу и свой идеалъ, и свои стремленія, и молодость, и силы, и жизнь.» (**).

Но не такъ думаетъ завистливая бездарность и пошлое высококо-

(*) О пребываніи Шевченка въ Кіевѣ, въ 1839 году, будетъ сообщено въ другое время.

(**) Статя г. Писарева, помѣщенная въ «Русскомъ Словѣ» за ноябрь 1861 г.

ріе людей, не признающихъ надъ собой ни чьего нравственнаго превосходства и бросающихъ изъ — за угла каменьями въ пророковъ земли своей. Не понимая глубокаго смысла ихъ вдохновенныхъ рѣчей, провозглашающихъ народу — «любви и правды чистыя ученья,» люди карьеры и денегъ, эти бездушные фарисеи, эти продажные блюстители народныхъ нравовъ, забываютъ ту простую истину, что у всякаго человѣка есть недостатки: почему же не быть имъ и у нашего Шевченка? Они не знаютъ того, что у такихъ исключительныхъ личностей, у такихъ огненныхъ натуръ, все громадно, необыкновенно; что ихъ нельзя мѣрять на свой аршинъ. Замѣчая лишь одни недостатки и не будучи въ состояніи возвыситься до пониманія высокихъ совершенствъ необыкновеннаго человѣка, они стараются уравнивать его личность съ собою, очернить его память, забросать грязью его могилу... Но это имъ плохо удается: справедливо-заслуженная слава Шевченка вырывается чистою и свѣтлою изъ ихъ грязныхъ рукъ и проникаетъ во всё слою общества, даже въ *простой* народъ, который такъ былъ любимъ поэтомъ, какъ не полюбить имъ ничего въ мірѣ... Бóльшей славы Шевченко не желалъ... да и можетъ ли быть бóльшая слава?..

Сава Ч.

Апрѣль 1862 г.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОБЪ ОТНОШЕНІЯХЪ ГАЛИЦКИХЪ РУСИНОВЪ КЪ СОСѢДЯМЪ.

(Изъ Галичины).

Въ статьѣ *Политическая безтактность* (*Современникъ*, сентябрь 1861 г.) указываютъ Русинамъ на то, что они пишутъ языкомъ великорусскимъ, и т. обр., отстраняясь отъ южнорусскаго племени, не могутъ рассчитывать на сочувствіе со стороны послѣдняго; что они во вредъ себѣ враждуютъ, а не сближаются, съ Поляками, бесполезно приобѣгаютъ подъ покровительство австрійскаго министерства и тѣмъ сами-себя ставятъ въ совершенно-изолированное положеніе; наконецъ, петербургскій публицистъ совѣтуетъ Русинамъ—оставить неосновательныя, дѣтскія жалобы на Поляковъ за прежнее порабощеніе и за настоящія мнимыя оскорбленія, (т. е. забыть свою исторію), не писать великорусскимъ языкомъ и всецѣло соединиться съ Поляками, которые, какъ полагаетъ авторъ, готовы, будто бы, сдѣлать всевозможныя уступки галиційскимъ Малоруссамъ. Можетъ-быть авторъ не думалъ прійти къ такимъ крайнимъ рѣшеніямъ, но онъ, къ сожалѣнію, пришелъ къ нимъ — и горько ошибся. Въ томъ, въ чемъ онъ увѣряетъ, — увы! — нельзя уже убѣдить ни украинскихъ, ни заднѣпровскихъ, ни галиційскихъ Малоруссовъ.

Галиційскіе Малоруссы, или Рутены (*Ruthènes*), какъ называютъ ихъ Нѣмцы и Поляки, хотятъ *быть и называться* Русскими и рѣшительно не желаютъ подчиниться руководительству *интеллигентной либеральной польской націи*. Почему? — Это понятно: стоить только поближе узнать, какъ понимаютъ русинскую народность эти руководители, — какія лжи распространяютъ о ней на Западѣ и у себя дома.

Галиційскіе Русины не пишутъ, да и не могутъ писать по-великорусски по той естественной причинѣ, что не знаютъ великорусскаго языка и не имѣютъ возможности изучить его. Русины пишутъ такимъ языкомъ, какой они успѣли выработать, принявъ въ основу свой народный языкъ и языкъ книжный-русскій, признавая этотъ послѣдній языкомъ не московскимъ, а общерусскимъ. Русины того мнѣнія, что

русскій книжный языкъ возникъ въ Южной-Руси и только усовершенствованъ Великоруссами, и современный литературный червонорусскій языкъ, по своимъ формамъ, безъ-сомнѣнія, ближе, къ малорусскому, чѣмъ къ великорусскому. Въ доказательство того, что Русины пишутъ языкомъ не великорусскимъ, мы приводимъ отрывокъ изъ перваго попавшагося намъ номера Львовской газеты *Слово* (№ 55): «*Отъ Коломи:* — «Ничого намъ не желати, якъ щобы вольно намъ было заглянути до актовъ намѣстничества и прочитати донесенія повѣтовыхъ начальниковъ. Истинно, въ каждомъ бецирку вопрошають войтовъ, въ якомъ языкѣ хотять громады, щобы съ ними переписоватися. И если бециркъ—форштегеръ есть полякъ, то громады жадають, щобы урядову переписку вести по-польски, а есть онъ Русинъ, то домогаются по-русски.» Разница этого языка съ великорусскимъ еще болѣе усиливается тѣмъ, что слова произносятся не такъ какъ они написаны, а по-южнорусски.

Если Русины не успѣли еще обработать своего языка,—за это нельзя винить ихъ. До 1846 г., языкъ Русиновъ не преподавался ни въ университетѣ, ни въ гимназіяхъ, ни въ нормальныхъ школахъ; Русины въ школѣ и въ семействѣ говорили по-польски, не знали ни своего языка, ни своей исторіи; ихъ преслѣдовали за русскую азбуку (гражданку) и заставляли писать кириллицею. Мы лично знакомы съ людьми, которымъ запрещено было печатать свои сочиненія гражданкою, знаемъ и такихъ, которыхъ преслѣдовали за употребленіе въ своихъ сочиненіяхъ вмѣсто *що—что*. Сочиненія, въ которыхъ находились какія-нибудь великорусскія слова, или выраженія, были запрещены; прекрасныя историческія изслѣдованія г. Петрашевича, изданныя «Русскою Матицею,» не позволено было печатать, потому что авторъ писалъ гражданкою. Мы видѣли учебную статью г. Петрашевича, написанную прекраснымъ русскимъ языкомъ, но она была изуродована редакціею официального русинскаго *Вѣстника* въ Вѣнѣ: редакторъ этого журнала, изъ излишняго усердія къ правительству, дѣлалъ прекурёзныя поправки... Этими преслѣдованіямъ подвергался русскій языкъ въ Галиціи, по просякамъ Поляковъ. Поляки употребляли всѣ усилія, чтобы заставить Русиновъ бросить родной языкъ и писать по-польски. Бывшій губернаторъ Галиціи, графъ Голуховскій, употреблялъ самыя рѣшительныя мѣры, чтобы замѣнить русскую азбуку латинской; для этой цѣли вызванъ былъ на-помощь Чехъ Иречекъ. Но Русины вынесли тяжкую борьбу за родное слово и, несмотря на всѣ преслѣдованія, писали на своемъ языкѣ.

Авторъ *Национальной Безтактности* видитъ, по его мнѣнію, гибельную для народа безтактность издателей *Слова* въ томъ, что Русины предоставляютъ обсужденіе политическихъ вопросовъ духовенству; онъ говоритъ, что духовенство не должно имѣть никакого участія въ мірскихъ дѣлахъ, что подобныя дѣла слѣдуетъ предоставлять свѣтскимъ людямъ. Эта избитая польскими публицистами мысль слишкомъ хорошо извѣстна Русинамъ. Русины, какъ извѣстно, не имѣютъ ни администраторовъ, ни дипломатовъ, ни юристовъ; весь образованный классъ народа составляетъ духовенство; всѣ ученые, за исключеніемъ немногихъ лицъ, принадлежатъ къ этому классу; большинство университетской молодежи, желающей остаться въ средѣ своего народа, должно посвящать себя богословскимъ наукамъ. Спрашиваемъ, если устранить духовенство отъ мірскихъ дѣлъ, кто же станетъ впереди народа? Авторъ, разумѣется, скажетъ, что духовенство не имѣетъ ничего общаго съ народомъ, что оно будетъ всегда дѣйствовать въ своемъ сословномъ интересѣ... Духовенство въ Галиціи не составляетъ замкнутого сословія; оно выходитъ изъ народа и живетъ среди его; оно не скрывается въ монастыряхъ, а ведетъ жизнь мірскую. Не нужно забывать и того, что галиційское духовенство—не католики, а ушіаты; оно стоитъ за греческій обрядъ, къ которому крѣпко привязанъ народъ, и вмѣстѣ съ нимъ стоитъ за народность, которая тѣсно связана съ греческимъ обрядомъ. Еслибы Полякамъ удалось уничтожить греческій обрядъ и славянскій богослужебный языкъ, (чего они добивались), то русинская національность уже, быть-можетъ, исчезла бы въ Галиціи. Борьба за обрядъ тѣсно связана съ борьбою за языкъ; Русины, можетъ быть, забыли бы свой языкъ, еслибы богослужебный языкъ былъ латинскій, что дѣйствительно и случилось съ тѣми Русинами, которые приняли католицизмъ; богослужебный славянскій языкъ и греческій обрядъ спасли русскую національность; за эту—то—уже не только церковную, но и народную—святую всегда крѣпко стояло и теперь стоитъ галиційское духовенство. Поэтому, какъ видите, интересы духовенства тѣсно связаны съ интересами народа. Можетъ быть, авторъ не придаетъ особеннаго значенія церковному обряду и полагаетъ, что съ этой стороны ничтожно участіе духовенства въ интересахъ народа. Русины понимаютъ это дѣло иначе: по словамъ лучшихъ галиційскихъ священниковъ, съ которыми я говорилъ объ этомъ предметѣ, они готовы до конца пострадать за греческій обрядъ. Они не видятъ возможности совмѣстить многосложную чисто—формальную обрядность

католическую съ духомъ греческаго богослуженія: къ чему, напримѣръ, католическіе звонки, паданіе на колѣна и т. п. Народъ хорошо понимаетъ богослуженіе на славянскомъ языкѣ,—и потому нѣтъ надобности напоминать ему посредствомъ звонковъ, что онъ долженъ дѣлать, при извѣстномъ священнодѣйствіи. Я пріематривался къ уніятскому богослуженію, и признаюсь, меня очень огорчала эта смѣсь католицизма съ православіемъ: уніятское духовенство вынуждено было принять всю обстановку католическаго богослуженія: та же жестикуляція, та же театральность, звонки, мши, шептанныя обѣдни, и т. п. Лучшіе священники сильно возстаютъ противъ этихъ незаконныхъ обрядовъ; они даже хотятъ носить бороды и греческую священническую одежду.

Есть еще другая, болѣе важная, причина, отчего галиційское духовенство такъ крѣпко стоитъ за обрядъ, за догматы и за церковныя учрежденія православной церкви. Польское дворянство (въ Галиціи, дворянство все польское и католическое) до-сихъ-поръ удержало право церковнаго патроната. Бывшіе намѣстники считаются ктиторами церковей, хотя, въ настоящее время, не принимаютъ никакого участія ни въ постройкѣ, ни въ починкѣ церковей: обязанность эта исключительно лежитъ на сельскихъ *промадахъ*. А между тѣмъ, безъ согласія дѣдича, бывшаго помѣщика, священникъ не можетъ получить прихода. Обыкновенно митрополитъ, или епископъ, предлагаетъ помѣщику нѣсколькихъ кандидатовъ на приходъ; помѣщикъ имѣетъ право выбрать того или другаго. Случается, что священникъ, если онъ не пользуется довѣріемъ дворянства, остается нѣсколько лѣтъ безъ прихода.

Насъ, пожалуй, спросятъ: отчего Русины преимущественно идутъ въ духовное званіе, а не посвящаютъ себя другимъ занятіямъ, болѣе необходимымъ народу при настоящихъ обстоятельствахъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ дать исторія народа. До настоящаго времени, Русины совершенно были подавлены Поляками; все административныя и судебныя мѣста были заняты преимущественно Поляками. Бывшій губернаторъ Голуховскій вездѣ сажалъ Поляковъ и рѣшительно устранилъ Русиновъ. Русинъ съ великимъ трудомъ могъ получить какое-нибудь мѣсто и легко терять его по какимъ-нибудь ничтожнымъ причинамъ. Эти-то затрудненія и ненадежность службы препятвовали Русинамъ искать другихъ занятій; имъ оставалось одно: идти въ духовное званіе. Австрійское правительство дало Русинамъ возможность образованія, въ семинаріяхъ и въ университетѣ, на богословскомъ факультетѣ. Императоръ Юсифъ II, желая противопоставить Русиновъ Полякамъ, покровительствовалъ пер-

вымъ; онъ образовалъ изъ имущества упраздненныхъ монастырей фондъ, изъ процентовъ котораго и теперь воспитывается до 300 Русиновъ въ семинаріи и въ университетѣ. Я спрашивалъ молодыхъ Русиновъ—студентовъ львовскаго университета: почему они не избираютъ другихъ занятій, а идутъ въ священники? Они отвѣчали, что не имѣютъ средствъ воспитываться въ университетѣ на свой счетъ, а по окончаніи университета не имѣютъ надежды получить обезпеченныя мѣста на службѣ, и потому имъ остается одно: служить народу въ званіи священника, которое одно можетъ дать имъ болѣе вѣрныя средства къ жизни.

Всѣ образованные Русины того мнѣнія, что имъ нѣтъ мѣста среди двухъ національностей: одной они должны служить пассивно, не принося никакой пользы народу; другая на каждомъ шагѣ стѣсняетъ ихъ дѣятельность, старается всѣми возможными средствами вредить ихъ частнымъ и національнымъ интересамъ. Въ бытность мою въ Галиціи, случилось такого рода дѣло: учитель Бѣлоусъ, извѣстный своими учеными трудами и своею самоотверженною любовью къ народу, былъ предложенъ въ директоры Коломійской гимназіи, основанной на счетъ городскихъ доходовъ. Общество коломійское, состоящее болѣею частью изъ Поляковъ и Жидовъ, отвергло назначеніе г. Бѣлоуса, потому только, что онъ Русинъ. Бѣлоусъ получилъ мѣсто директора при содѣйствіи Нѣмцевъ, по назначенію министерства. При этомъ, Поляки, разумѣется, предлагали въ директоры Поляка, хотя между лицами, предложенными съ ихъ стороны, и не было достойнаго и способнаго человѣка. Зачѣмъ же Поляки толкуютъ о равноправности обѣихъ національностей? Зачѣмъ стараются увѣрить Русиновъ, что они желаютъ имъ добра и хотятъ общими силами бороться противъ Нѣмцевъ за мѣстное самоуправленіе? Хороша автономія! Тогда ни одинъ Русинъ, навѣрное, не получилъ бы мѣста въ службѣ.

Национальная безтактность Русиновъ, по мнѣнію автора, состоитъ и въ томъ, что Русины не довѣряютъ Полякамъ, не хотятъ подчиниться просвѣщенному руководительству людей, которые искренно желаютъ имъ добра, готовы сдѣлать всевозможныя уступки русскому галиційскому народу.

Странно, что авторъ не понималъ отношеній Русиновъ къ Полякамъ: онъ, вѣроятно, не знаетъ, что народъ ведетъ здѣсь нескончаемую тяжбу съ бывшими своими помѣщиками. Въ Галиціи, при освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, помѣщики удержали исключительное право на лѣса и пастбища, съ обязанностию вознаградить крестьянъ за право

пользованія дровянымъ лѣсомъ и строительными лѣсными матеріалами. Разбирательство этого рода дѣлъ между помѣщиками и крестьянами поручено было такъ-называемымъ *Сервитутнымъ Коммисіямъ*; комисіи эти состояли изъ лицъ, назначаемыхъ правительствомъ; комисіямъ именно вѣнено было въ обязанность заботиться преимущественно объ интересахъ сельскихъ громадъ и руководить послѣдними. Но лица, которымъ правительство повѣрило крестьянскія дѣла, дѣйствовали рѣшительно во вредъ народа: частію оттого, что не понимали языка и интересовъ народа, частію и по другимъ причинамъ. Дѣйствуя къ выгодѣ помѣщиковъ, пользуясь невѣжествомъ уполномоченныхъ отъ громады, комисіи успѣли, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, предоставить крестьянамъ денежное вознагражденіе за право пользованія дровянымъ лѣсомъ и лѣснымъ строительнымъ матеріаломъ. Вознагражденіе это составляетъ всего не болѣе 53 крейцеровъ—28 к. серебр. въ годъ на семейство, или хозяйство, за строительный матеріалъ, и 22½ крейц.—12 к. за право пользованія дровянымъ лѣсомъ—валежникомъ. За эти деньги, по свидѣтельству свѣдущихъ людей, нельзя купить и одного добраго строеваго дерева. Извѣстно, что въ Галиціи помѣщики получили вознагражденіе за потерянное право на обязательный трудъ крестьянъ; выкупъ барщины палъ на всѣ сословія, не исключая и крестьянъ; у послѣднихъ были повышены подати, такъ-что крестьяне и не знали, что платили за свою свободу. Помѣщики, съ своей стороны, уступили крестьянамъ усадьбы и грунты, повидимому, безъ всякаго вознагражденія. Какъ видите, освобожденіе крестьянъ въ Галиціи совершалось очень мудро: крестьяне получили свободу и грунты, а помѣщики получили вознагражденіе за барщину,—и, кромѣ того, удержали исключительное право на лѣса и пастбища, удержали и другія права, тѣсно связанныя съ владѣніемъ землею, напр. право помола хлѣба (право имѣть водяныя мельницы исключительно принадлежатъ помѣщикамъ), право рыболовства въ рѣкахъ, орошающихъ грунты крестьянскіе и, наконецъ, право продажи вина: выходитъ, что помѣщики сохранили всѣ прежнія привиллегіи, а крестьяне остались безъ пастбищъ, безъ лѣса и даже не получили права полной собственности на уступленные имъ земли. Земельные участки, уступленные крестьянамъ, очень ограничены, maximum—не болѣе 15 морговъ (*) на семейство. При этомъ нужно замѣтить, что земля въ Галиціи не вездѣ одинаково плодородна. По берегамъ рѣкъ, грунты земли извест-

(*) Морга = почти ¼ десятины (0,23370).

ковый, покрытый булыжникомъ и, большею частью, возвышенный, что, какъ извѣстно, затрудняетъ обработку. Богатство Галиціи составляютъ лѣса и пастбища; страна покрыта прекраснымъ лѣсомъ: букомъ, слью и смерекою (особый родъ сосны). Далѣе: такъ—какъ надѣлъ землею былъ не личный, а посемейный (за семействами были оставлены тѣ участки, которыми они владѣли до освобожденія), то значительное число безсемейныхъ людей осталось вѣчными бобылями, батраками, безъ земли, безъ пріюта. Такимъ образомъ, въ Галиціи, уже образовался классъ сельскихъ пролетаріевъ, живущихъ поденною работою. Положеніе галицкихъ батраковъ ужасно: обыкновенно живутъ поденною работою у Жидовъ въ качествѣ дворниковъ, фурмановъ, цѣловальниковъ и т. п. Пользуясь стѣсненнымъ положеніемъ крестьянина, Жиды платятъ ничтожныя деньги за трудъ урочный, усиленный; батракъ работаетъ безъ отдыха, оставаясь вѣчно безъ семьи, безъ пріюта и часто безъ одежды. Случается, что безпріютный, загнанный батракъ получаетъ отъ Жиды $1\frac{1}{2}$ цванцигера (около 38 к. ср.) въ недѣлю; за эти деньги онъ одѣвается, кормится и нанимаетъ квартиру. Можете вообразить нравственное положеніе этихъ несчастныхъ людей. Батракъ съ трудомъ можетъ найти работу у земледѣльца; рукъ и безъ—того много для обработки ничтожныхъ участковъ земли; ремесла—вещь неизвѣстная Русину. Въ городахъ и мѣстечкахъ вся мелкая промышленность находится въ рукахъ Жидовъ и Поляковъ. Галиція наполнена Жидами. Всѣ болѣе доходныя статьи: корчмы, мельницы, шоссеиныя заставы, продажа хлѣба и разныхъ предметовъ первой необходимости находятся въ рукахъ Жидовъ. Въ Галиціи, Жиды успѣли пріобрѣсть земельную собственность, вѣроятно пріобрѣтутъ и другія гражданскія и политическія права, и теперь Жиды ужъ говорятъ, что будутъ, купно съ Поляками, возстановлять древнюю Польшу. Дѣятельность и предприимчивость Жидовъ въ Галиціи изумительны: они пробрались въ Карпаты, гдѣ безъ милосердія грабятъ простодушныхъ горцевъ. Бѣдный горецъ закладываетъ Жиду свое пастбище и пасетъ жидовскій скотъ на своемъ пастбищѣ за процентъ. Австрійское правительство явно покровительствуетъ Жидамъ: множество русскихъ Евреевъ спасаются въ Галицію отъ рекрутской повинности и отъ преслѣдованій закона: австрійское правительство охотно принимаетъ ихъ. Перебѣжавшій за границу Жидъ для безопасности обыкновенно придѣлываетъ искусственные *пейсы*.

Обратимся къ крестьянамъ. При надѣлѣ крестьянъ землею не было предварительно произведено ни кадастра, ни размежеванія:

крестьянскіе участки остались въ прежнемъ размѣрѣ и въ прежнемъ положеніи. Грунты крестьянскіе разбросаны и разбиты до-крайности; есть примѣры, что грунтъ, состоящій изъ 15 морговъ, разбитъ на 38 кусковъ, заключающихъ по $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{2}$ и цѣлому моргу; участки эти разбросаны въ разныхъ мѣстахъ; случается, что крестьянинъ имѣетъ въ полѣ 76 сосѣдей! Можете представить, какія неудобства терпятъ крестьяне при такой допотопной системѣ хозяйства,—да еще, при этихъ неудобствахъ, они не имѣютъ ни пастбищъ, ни лѣса!

Вотъ — какъ изображаетъ одинъ изъ корреспондентовъ газеты «Слово» бѣдственное положеніе Галиційскихъ крестьянъ: «Грунтъ расковалкованный (разбитый на куски) есть причиною неустанного (безпрестаннаго) затрудненія (хлопотъ) дѣтей и челяди сельской, такъ, же (что) не могутъ ихъ родичи и господа послати до школы и до церкви. Господарство безъ худобы обійтися не може; худобу, лѣтною порою, дѣти мусятъ водити на мотузкахъ, пасты по загонахъ, а конечне, худобина жива що-день поісти хоче, то и що-день тая работа есть для дѣтей, поки ажъ снѣгъ загоновъ не прикрые. Дѣти меньши — съ телятами, старши — съ коровами, господарь — съ волами, — если суть кони, то наймать съ кѣньми водять день-на-день по суголовкахъ (пригоркахъ), дорогахъ, загонахъ, подпасають чуже, и то на-искладнѣйше въ недѣлю, або въ свято, когда міръ на набоженствѣ (въ церкви), чинять покѣсть, що многи въ тѣи дни для допыльованья (сбереженья) своего застѣву, отъ церкви и отъ набоженства отрываетъ:—про тое мало кому стае часу ити до церкви, ити до школы. Тому всему зарадити можно легко чрезъ скомасованье грунтовъ рустикальных.» Крестьяне, получивъ свободу, оставлены на произволъ судьбы. Ни правительство, ни дворянство, не принимаетъ никакого участія въ ихъ бѣдственномъ положеніи. Не имѣя возможности собственными силами управитися съ безтолковою системою хозяйства, крестьяне стали совершенно равнодушны къ земельной собственности,—продаютъ свои участки Жидамъ и нѣмецкимъ колонистамъ. Между тѣмъ, крестьяне несутъ тяжкія повинности: кромѣ поземельной и другихъ податей, кромѣ всякихъ земскихъ повинностей, постройка и содержаніе церквей и сельскихъ школъ составляетъ исключительную повинность сельскихъ громадъ. Таково современное хозяйственное положеніе сельскихъ громадъ въ Галиціи!—Спрашиваемъ, можетъ ли существовать любовь и согласіе между польскимъ дворянствомъ и русскимъ народомъ? Пусть скажутъ защитники польскихъ интересовъ въ Галиціи.

что сделала для блага народа великодушная Польская нация? и какъ послѣ этого можно увѣрить Русинновъ, что Поляки готовы сделать имъ всевозможныя уступки!?

Скажемъ нѣсколько словъ о политическихъ отношеніяхъ Русской и Польской національностей въ Галиціи.

Въ 1846 году, во время революціоннаго движенія Поляковъ противъ Австріи, Русины дѣйствовали за-одно съ Поляками: вся довѣрчивая, увлеченная университетская молодежь, всѣ просвѣщенные люди между Русинами, исключая немногихъ опытныхъ людей, стали въ ряды Поляковъ. Народъ не зналъ о революціонныхъ замыслахъ дворянства; но когда движеніе сдѣлалось явнымъ, крестьяне начали рѣзать революціонеровъ-помѣщиковъ. Австрійское правительство воспользовалось ненавистью народа къ дворянству, не сочло нужнымъ остановить народный терроризмъ, и такимъ-образомъ успѣло безъ труда подавить это польско-русское движеніе. Надо замѣтить, что собственно рѣзня—знаменитая Галиційская рѣзня, которую Поляки приписываютъ Русинамъ, происходила не въ русскихъ, а въ *магурскихъ* округахъ, а именно: Тарновскомъ, Решельскомъ, Ясельскомъ, Бохельскомъ, Вадовицкомъ и другихъ. Только въ одной русинской деревнѣ (не помню точно названіи)—произошло столкновение между русинскими крестьянами и польскими революціонерами. Крестьяне хотѣли взять революціонеровъ, а тѣ начали стрѣлять въ народъ и убили нѣсколькихъ человѣкъ: тогда крестьяне переважали ихъ и представили правительству. Русинскіе крестьяне, какъ только началось революціонное движеніе, тотчасъ обнаружили недовѣріе не только къ Полякамъ, но и къ Русинамъ, которые держали сторону Поляковъ. Лицо, отъ котораго я слышалъ всѣ подробности этого дѣла, было самымъ дѣятельнымъ участникомъ въ революціонныхъ замыслахъ Поляковъ и современемъ расскажетъ эту темную исторію событій 1846 года.

Говорятъ, что Австрійское правительство вооружило крестьянъ—собственно Русинскихъ—противъ помѣщиковъ, употребило чернь орудіемъ для подавленія революціонныхъ замысловъ польскаго дворянства. Безъ всякаго сомнѣнія, правительство воспользовалось ненавистью и недовѣріемъ народа къ дворянству, но не оно вызвало эту ненависть.

Вотъ—какую пѣсню сложили Галиційскіе крестьяне въ память освобожденія отъ барщины:

Ой дай, Боже, здоровьчко нашему цареві
Та що зробивъ полетшинне нашему красві:

Ой дай, Боже, здоровечко та нашій царівні,
 О щожъ теперь та й мужаки изъ панами рівні.
 Пише цесарь той патенти межи свои люди:
 Ой молитця пану Богу—панщини не буде!
 Ой летіла зазуленька зъ зеленого гаю,
 Утікала панщинонька изъ нашего краю;
 Ой якъ она собі сіла та й трошки спочнула:
 Двигалася якъ свобода панщину тиснула;
 Ой якъ она утікала, пани ю ловили:
 »Ой вернися, панщиночко, ми тебе любили.«
 —Не вернуса, дурню пане, нічимъ вамъ невинна;
 Було жъ мене шановати—я вамъ була вірна;
 Було жъ мене шановати, міръ не збитковати:
 Вы не знали, якъ то гирько на хлѣбъ бѣдовати;
 Вы не вмѣли бо й косити, ваши жинки жати:
 Будеть ваша пшениченька въ полі зимовати!
 Минулися тії роки да тії гайдуки,
 Що носили *гаранники* та й ліскови буки!
 Минулося, шо ті пани, шо ті окомани,
Заливали въ печі огонь жинкамъ коновками.
 Йде чоловікъ на панщину зъ ціпомъ молотити,
 Ой-а они забігають, хотя его вбити (бить).
 Въ понедѣлокъ на панщину, въ вівторокъ панщина!
 Вже ся теперь, пане брате, панщина скінчила!

Пѣсня эта превосходно рисуетъ положеніе крестьянъ не въ одной Галиціи: въ такомъ же положеніи находились крестьяне и въ юго-западныхъ губерніяхъ.

Съ 1846 года, Русины прервали всякія связи съ Поляками: политическая безтактность Поляковъ, ихъ двоедушіе, неисполненіе обѣщаній, данныхъ, въ крайности, Русинамъ, рѣшительное недовѣріе народа къ польскому дворянству, — все это открыло глаза образованнымъ Русинамъ; они поняли, что не слѣдуетъ легкомысленно жертвовать роднымъ словомъ и русскою народностью узкимъ польско-національнымъ цѣлямъ.

Лицемерная австрійская политика не такъ тяжела и не такъ ненавистна Русинамъ, какъ главныя стремленія братьевъ—Поляковъ—подавить русинскую національность, заподозрить Русинновъ въ глазахъ правительства, обвинивъ ихъ въ коммунизмъ, въ наклонности къ схизмѣ и къ соединенію съ Россією. Przegląd писалъ, что передовые люди Русинновъ, за московскіе кресты и рубли, ведутъ народъ подъ кнутъ,

въ Сибирь, подъ власть Московскаго царя! Мы передаемъ эти слова буквально.

Не имѣя возможности обвинить Русиновъ въ измѣнѣ правительству, польскіе публицисты попыталсь иначе повести дѣло: попробовали, при помощи нѣкоторыхъ лицъ и нѣкоторыхъ статей, напугать Русиновъ, распространяя ту мысль, будто Малоруссы не сочувствуютъ Русинамъ; потому что они пишутъ великорусскимъ языкомъ и тянутъ къ Москвѣ. Но надо принять во вниманіе положеніе Русиновъ, положеніе дѣйствительно невыносимое: они ведутъ отрицательную борьбу, почти ничего не приобрѣтая въ будущемъ для своей національности. Такое безвыходное положеніе можетъ убить энергію и благородныя стремленія въ самомъ энергическомъ человѣкѣ. Необходимость обезпечить и желаніе выдвинуть свою личность, можетъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, самаго горячаго поборника народныхъ интересовъ сдѣлать орудіемъ какое-бы то нибыло правительство. Если и попадаются подобныя лица между Русинами, то, во всякомъ случаѣ, это—исключеніе. Народъ всегда сознавалъ свою національность и противопоставлялъ ее національностямъ польской и нѣмецкой и, хоть смутно, сознавалъ и сознаетъ свое сродство съ другимъ народомъ, близкимъ ему по вѣрѣ, языку и историческимъ преданіямъ. Я убѣдился въ этомъ, путешествуя по Галиціи. Я спросилъ 100-лѣтняго Горца (Гуцула), помнитъ ли онъ козаковъ; Гуцулъ отвѣчалъ: »козаки тіи люде, що боронили нашу віру відъ Татаръ«. Я сказалъ ему, что, можетъ-быть, Поляки защищали васъ отъ Татаръ. »Ні, возразилъ Гуцулъ: Поляківъ самихъ рабовали и жарили Татаре«. Я спросилъ: знаетъ ли онъ москалівъ; Гуцулъ отвѣчалъ: »козакъ, руснакъ и москаль: то одна віра; Полякъ, Німець, Жидъ, Вирмянинъ—тѣ друга віра; москалі, якъ приходили сюди, казали намъ: Ви *наша браття*.« Я встрѣтилъ этого Гуцула въ самой дикой и отдаленной горной деревнѣ (близъ Черной горы). Старикъ знаетъ Екатерину, которая, по его словамъ, посадила на царство Польскаго круля Попятовскаго Августа; помнитъ, когда Галиція была еще польскою провинціею; помнитъ пришествіе Нѣмцевъ въ ихъ дикія горы. Гуцулъ характеристично разсказывалъ о Нѣмцахъ: »Німці якъ пришли, то я тютюнъ привезли и лумера дали *гѣздамъ* (хозяевамъ): кожний *гѣзда* мусивъ носить лумеръ (своего дома) на шні.«

Сообщаю вамъ одно обстоятельство, показывающее, въ какую странную ошибку впадаютъ люди доброжелательные, но незнающіе поло-

женія дѣлъ, когда берутся защищать польское дѣло въ Галиціи. Редакторъ польской газеты «Слово», въ іюлѣ прошлаго года, получилъ грозное анонимное письмо, на великорусскомъ языкѣ, такого содержанія:

«Вы полагаете, что пишете языкомъ Галицко-русскаго простонародья; но вы ошибаетесь. Вы пишете почти чистымъ языкомъ великорусскимъ. Это замѣтила вамъ «Основа», которая старается писать дѣйствительнымъ языкомъ южнорусскимъ, хотя ее за то и преслѣдуетъ *Русскій Вѣстникъ* и нныя московскія и петербургскія (?) газеты. А жаль: языкъ Русиновъ очень поэтической и звучный, надо только понимать его и сочувствовать. *Вы распространяете* межъ народомъ идея коммунизма и *анархїи*, полагая, что есть путь спасенія для Русиновъ; но вы губительно ошибаетесь. Изъ всеобщей исторїи мы знаемъ, что человѣчество періодически многократно было потрясаемо жесточайшею борьбою между двумя элементами: съ одной стороны стояли и всегда торжествовали: порядокъ, собственность, прогрессъ и вообще цивилизація, съ другой стороны дрались на-смерть и всегда гибли: *анархїя, коммунизмъ, слѣпныя страсти темныхъ массъ народныхъ*. Эти-то страсти вы опять возбуждаете. Побойтесь Бога, пощадите народъ, которымъ хотите руководить».

Редакторъ «Слова» былъ пораженъ грубымъ тономъ и нелѣпностью содержанія письма, неизвѣстнаго великорусса. Дѣло, впрочемъ, объяснилось скоро: авторъ письма напечаталъ въ газетѣ *Przegląd: «Protest Słowianina»*. Авторъ протеста обвиняетъ Русиновъ отъ имени Славянъ въ порчѣ прекраснаго червоно-русскаго языка. Русины хорошо поняли, что это за Славяне, такъ-горячо отстаивающіе ихъ языкъ: оказалось, что авторъ анонимнаго письма и протеста—одно лицо. Русины знаютъ его имя и его отношенія къ Полякамъ, да и не трудно было открыть зтотъ секретъ: авторъ и самъ подписалъ подъ своимъ протестомъ —

Słowianin narodu polskiego,
Plemienia białorusińskiego.

Мы полагаемъ, что крайне нечестно и неблагоразумно клеветать такъ голословно на честныхъ людей. Русины глубоко были оскорблены подобными нелѣпными протестами и еще больше рѣзкою статьею петербургскаго публициста, которая явилась вслѣдъ за протестомъ и анонимнымъ письмомъ. Редакторъ «Слова» полагалъ, что авторъ анонимнаго письма и авторъ статьи «Национальная Безтактность» если не одно лицо, то безъ-сомнѣнія тотъ и другой одинаковыхъ

убѣжденій; но, безъ-сомнѣнія, между тѣмъ и другимъ—большая разница.

Русины ведутъ борьбу собственными силами, мало находя поддержки и сочувствія въ другихъ соплеменникахъ; западные австрійскіе Славяне не довольны на нихъ за то, что Русины, поддерживая министерство, будто бы повредили всѣмъ остальнымъ національностямъ, которыя добивались полной автономіи, стояли за федерацію. Но развѣ Русины могутъ одни поддержать Австрію и повредить дѣлу Славянъ? Во всякомъ случаѣ, имъ нѣтъ возможности составить съ Поляками одну народность и они вынуждены крайностью самозащиты держаться австрійскаго правительства. Русины требуютъ раздѣленія Галиціи на двѣ половины: Русскую и Польскую, видя въ этомъ единственный справедливый способъ примиренія; а Поляки на это кричатъ, будто передовые люди—Русины подкуплены Россією. Но мы хорошо знаемъ, въ какомъ положеніи находятся передовые люди въ Галиціи. Историкъ Зубрицкій, хорошо извѣстный своими трудами русскому обществу и русскому правительству, въ глубокой старости дошелъ до нищеты. Вотъ—что онъ говорилъ о своемъ положеніи: «Я имѣлъ небольшія средства и рассчитывалъ, что проживу спокойно до смерти, но рассчиталъ худо: я живу долѣ чѣмъ слѣдовало и теперь не знаю, какъ проживу послѣдніе дни жизни.»

ЕЩЕ ЗАМѢТКА ОБЪ ІУДЕЯХЪ.

Недавно «Русскій Вѣстникъ» принявъ сторону іудейскаго журнала «Сіонъ» выступилъ съ грозною филиппикой противъ «Основы» и въ особенности противъ г. Кулиша. Побужденіе было благородное, но Русскій Вѣстникъ былъ неправъ: ни Основа вообще, ни г. Кулишъ, не думали оскорблять и унижать еврейское племя, еще менѣе проповѣдывать противъ него ненависть: дѣло шло только о томъ, что *бывало и бываетъ*. Но всѣ образованные малоросіине и великоруссы не одобрятъ вотъ—такой выходки противъ іудеевъ. Явилась на петербургской спецѣ піеса г. Погоскаго «Легкая Надбавка.» Въ ней выведенъ петербургскій домовладелецъ—безжалостный эгоистъ, выталкивающий на улицу бѣдную вдову писателя. Въ афишѣ напечатано о немъ: *изъ нѣмецкихъ жидковъ*.

Кчему это бесполезное и неумѣстное оскорбленіе племени, столь часто напрасно—оскорбляемаго и поругаемаго? Нужно ли было это для хода піесы? Нимало. Домохозяинъ могъ быть нѣмецъ, французъ, великоруссъ, малоруссъ, татаринъ, также какъ и жидъ. Его жидовство почти только тѣмъ и ограничивается, что возвращаетъ о немъ афиша, напоминая подпись: *Се левъ, а не собака*, которую сдѣлалъ, подъ своей картиной, живописецъ, хотѣвшій изобразить льва: онъ никакъ не могъ нарисовать такъ, чтобы левъ не былъ похожъ на собаку... По всѣмъ своимъ пріемамъ, домохозяинъ—въ піесѣ г. Погоскаго—совершенный нѣмецъ и, какъ нѣмецъ, изображенъ удачно. Неужели же авторъ свернулъ на *жидовъ* изъ раболѣпнаго уваженія къ нѣмцамъ (*), между которыми есть сильные міра сего? Естественно, что безграмотный дворникъ, соблазняясь безсердечностію своего хозяина, называетъ его жидомъ; но умѣстно ли это для писателя, особенно еще народнаго? Нельзя не поблагодарить г. Зуброва, кото-

(*) Мы имѣемъ основанія думать, что г. Погоскій не руководствовался этимъ побужденіемъ. Ред.

рый, несмотря на то, что, сообразно напечатанному въ афишѣ, долженъ былъ играть *жидка*, не побоялся, однако, представить настоящаго нѣмца. Домохозяинъ—нѣмецъ—явленіе обыкновенное въ Петербургѣ, и ни одинъ умный нѣмецъ не оскорбится явленіемъ какого-нибудь Плюмфа, какъ не оскорбляется на своего Шиллера за его Вурма; ибо знаетъ, что если есть нѣмцы—негодяи, то есть и честные и благородные люди, поддерживающіе доброе имя своего племени. Къ чему же такой страхъ у славянина предъ именемъ нѣмца? къ чему такое безстрашное пошпаніе іудея, неудостоиваемаго даже полнымъ именемъ жидка, а осужденнаго довольствоваться кличкою жидка?

Н. Костомаровъ.

ВІВЦІ І ЧАБАНИ ВЪ ЧОРНОМОРІІ.

Після Турецького розмиру, ще за цариці Катерини, прийшли Чорноморці одъ Дністра на Кубанську землю. Заможніші зъ нихъ понаганяли всякої худоби: коней, скотини й овець. Вівці все були волоські, *кульмачувати*, и якъ міжъ козаками було волохівъ нетрохи, знаючихъ добре чабанське діло, то вони на отарахъ и порядкували. Теперъ Волохи попереводились, а порядки їхъ живуть до сего часу.

Въ жодній кочевній отарі мусить бути: лічманъ 1, чабанівъ 2 и гарбачий 1. Одва отара держить въ собі 10, а найбільшъ якъ 15 сотъ овець. Такий, бачъ, лікъ чабанський. Міжъ вівцями, для приводу, бува небагато кізъ и цапів - переднякі. Якъ що буде въ одного хазяїна такихъ отаръ чотирі-пять, то ставитця надъ лічманами отаманъ. При жодній отарі: гарба зъ одѣжою, посудомъ и харчами, и собакъ 10 або 15. Отари кочують по степахъ, и де прийдецца, тамъ и ночують. Зпершу, въ Чорноморіі, зімъ не було, то отари й кочували всю зіму; сіна косять и не думали. Підъ хугу, зхищались підъ комишами, якіхъ тоді було доволі, а тамъ и въ плавняхъ по грѣдахъ. А якъ набрело до насъ багачко москаля, то де та й зіма взялась: мовъ її зъ собою принесли. Отъ тоді вже стали хазяїни косять сіно, и якъ у степу підъ хугу не стало прихилища, то й почали для захисту робити коші зъ хурдниками и куріні для чабанівъ. Місто для того обераетця високе, щобъ вітеръ здувавъ снігъ зъ того місця. Коші робляцца круглі и четвероуглові зъ комишю. Першъ копають ривецъ глібомъ у коліно, а въ ширъ въ дві лопатки. Въ ривецъ ставовитця комишъ окориньками, въ повні, збиваетця тісно. Якъ виведетця стінка, то оббиваетця зъ боку неї земля дрючками сторчъ; потімъ заввишки по груді чоловічі, окрепляетця дідами прикрүченними въ прошивъ дерезю, або пареними тонкими тереноми. Таку огорожу не повалить ніякій

вітеръ. — Кру́гли коші луччі, и стоять кріпше. При коші, або въ коші, рóбитця хурдникъ для хвóрихъ овецъ, тожъ изъ комишú. Таки́мъ кошémъ отáра становитця посередь степу, щобъ вихідъ бувъ на всі сторони, одъ річки верстовъ у дві, або и въ пять. Отáра пье зімою черèзъ два, або черèзъ три дні, то й можна до води їй підходить; а якъ далéко річка, то щобъ бувъ колодязь або копань при коші. Зъ нихъ напува́етця щодéнно хурдá, бо въ хурді храмóта, — ходить далéко не зможé. Въ снiжну зиму, якъ нема́ кури́, отáра виходить въ степъ. Вівці нога́ми розгрібають снiгъ и пасу́тця; на нічъ приходять до кошá, и коли тихо, то ночують при ёму під стiною, а якъ хýга, то загóняютьця въ кошъ. Въ таки́мъ случа́ї сiно даéтця отáрі въ сýтки разъ, або черèзъ дéнь. Верхові, або горішні, вітри́ у насъ бува́ють са́ме зли́ші: дму́ть недiль по дві, або й по три. Якъ такий вітеръ дме по снiгу, або зъ снiгомъ, — отó хýга, — то вже отáри й не випуска́ють зъ кошá. Во́зють саньми́ їй сiно и тамъ въ коші розкида́ють. Такъ якъ вели́ка хýга перенóсить снiгъ и черèзъ комише́ву въ коші стiну, то вітеръ, запива́ючись, въ зати́шку, надъ кошémъ, крути́ть, а снiгъ осiда́е на отáру, и за зімню до́вгу нічъ можé її закрити́ снiгомъ на пропа́ле; тоді чабани́ якъ у дeнь такъ и вночі пильну́ють дуже. Вони жо́дeнь часъ *зкру́чують* (гонять кружкомъ) отáру въ коші; одъ сéго вівці, отрушúючись одъ снiгу, притопту́ють ёго́ підъ собою. Подума́йте собі, чанóве, що такъ чабани́ зъ отáрою бiгають и тиждeнь и два й бiльшъ, у дeнь и вночі, покi хýга не вгаму́етця; а одъ тако́го чáстого зкру́чування отáра въ коші притопту́е підъ собою снiгъ, кóтрий одъ то́го все рóбитця ви́ще и ви́ще. Гóре, якъ на коші бува́е комишъ низькорóслий! Снiгу зрóбитця въ кошáрі повно, и якъ хотъ одна́ вiвця пересáдить гóлову черèзъ комише́ву стiнку и скóчить за вітромъ, то й вся отáра одно́ по одному́ пiде скакáть: тоді її нíяка сiла не здéржить. Зпéршу вiвці скáчуть въ замiть, який підъ кошémъ бува́е, а якъ загата́ть самi собою врівні́ зъ стiною гáтку, то пiде вся отáра потоптомъ, — тóне въ снiгу, а тутъ її и замiта́е. Отó ка́жуть: *вiкрути́ло отáру зъ кошá*. — Отáкъ пропада́е худóба! Якъжé бува́ отáра бiде ходить въ тиху́ пору далéко въ степу, а схóивтця хýга, то и поженé отáру за вітромъ. Дóбре, якъ прибь́е її до яко́го хýтора підъ-зати́шокъ, або де підъ комишóви́ за́хисти, а якъ набредé впоперéкъ тако́ї бáлки, де наставитъ снiговихъ замéтивъ товсто, то вся отáра тамъ и застри́не, й занесé її снiгомъ. Въ таки́мъ случа́ї и чабани́ пропада́ють. Одъ дóброго призо́ру чабанського и одъ розумно́ї постановки кошá на мiсци, можна зберегти́ отáру безъ убитку. Зiмою на чабана́хъ лежить трудъ вели́кий, а найпáче въ хýгу. Хотъ хýга яка́, а вони́ мусять

у день двічі привезті сіна волáми и нагодувáть овець. Зимою жъ, такі, хочъ холодно, та сýхо. А отъ на провесні, абó въ осení, отáра кочúе и де прийдетця, ночúе; підъ ногáми мóкро, звéрху дощъ, нічъ довга, лягти мóкро: то вистоїть чабанъ сердега всю нічъ обпéршись на гирлягу. Скільки разъ воно ёму світáе! У сі то тёмні ночі найпáче клятий звіръ докучáе.

Отáра на нічъ *тирлúецця*; а кругъ неї *по дулéяхъ* розміщáютця собáки: дóбре, якъ найдетьця зъ чóго поробіти *дулéи*, а нічъ тёмна хочъ óко виколи, то отуть гáспидський звіръ обмáнюе, и чабанá и собáкъ: оцé зъ однóго бóку отáри наткнётця одíнь вовкъ, замáнить собáкъ за собóю, а тутъ де вíзметця дрúгий, абó й скільки вовківъ рáзомъ кинутця раптомъ мiжъ овець, одiбьóть кушáнку, — чабанъ не зúздритъ и коли, бо тiльки вiвці зполохнúтця, то отó вже кушáнка и пропáша: одiрвáли кляті вовкі и всю до щéнту побьóть; ажъ у день схаменётця чабанъ, то иочнé скрiзь по степú зберáть *партáли*.

Пропадáли кочові отáри й такъ, що якъ поженé її вiтеръ зимою въ хúгу протiвъ-ночі, та набредé надъ морський обривъ височénний, плигнé перéдне, то вся отáра й пропáла, — шшла плигáти въ пропáсть!...

Бувá въ осení, абó ранó весною, недóбрі люде запáлять степъ. Пужáръ зъ великимъ вiтромъ розiйдетьця шiроко, горiть стрáшно, вхпóйтця нiкуди, то дóбрі чабанi одпáлюютьця такъ: зостáвивши отáру підъ вiтромъ, нiзче не пускають свiй пужáръ, кóтрий за вiтромъ и покóтять дáльше. А якъ назáдъ одъ ёго протiвъ вiтру пужáръ иде на отáру тiхо, то чабанi й забивáють огóнь свiтами. Одiвши шiроке мiсто протiвъ отáри, перегóнять її на пожáрище и обхóдять по ёму за вiтромъ геть дáльше. Настигше першiй пужáръ зза вiтру и погорiвше до иужáрища — гáсне, а отáра спаслýся. Якъ-жé ледáчі чабанi прогáвлятця, абó не зúмиють сёго зробiти, то отáра згорiть. Якъ отáру обхвáтитъ дiмомъ, то вже не поженéшь її зъ того мiсця. У насъ по степáхъ бувáють трáви по по́ясъ чоловікові, то подúмайте: якiй, при сiльному вiтрі, стрáшний пужáръ мáе бúти?

Благословiтця нá весну, сóнечко пригрiвáе, щiкавица такъ и лiзе изъ землi, а першъ усёго просерéнь; затимъ проявляетьця горiщвiть. Завкiчався степъ, мовъ дiвчинка хороша. Далi пiшла вся рóстiна—ростé, якъ изъ водi лiде: удáривъ чабанъ зимiмъ лiхомъ óбъ землю. Овечáта пасúтця, тiлько чутъ якъ хрúмають; чабанъ, на сóняшному пригрiвi, примостiвши гóлову на кротóвицу, спить ажъ не тiметця. Мúхи ёму не докучáють, бо тодi ще нiякá нúжа не бувáе. Дiждáвшись великоднiя, всю

ніч протівь ёго готуе гарбачій: чурёки, бурёки, катламу, коржі зъ лёемъ, крутү кáшу, м'ясó печене по-волоськї зъ шербою. Якъ усё готóво, хочь опівночі, почнүть розгівлятьця, бо паску хазяівъ прислае до того за дешь, або й за два. Ідять та люлькї кўрять, ажъ покі сонечко геть підніметця и отáра самá стáне рушать зъ тїрла. Рўшила отáра на пáшу, пішли й чабанї за нею, набравши на весь день: коржівъ, катлами, чурёкївъ та бурёкївъ. Оце время сáме лўчче для чабанá. Дáлі настигае обкїть.

На обкїть вибїраетця місце недалёко одъ водї. Зпёршу копаютця рївці (якъ на кошъ) стушівъ на 30-ть, протягомъ одъ півночі на полудень. Вь рївці становїтця комїшъ, прятгаетця дїдáми—отъ и стїнка для зáгнїшку одъ горїшиёго вїтра, для малїхъ ягнїтокъ, якъ бўдутъ. Такїхъ стїнокъ двї, або й бїльшъ трѣба. Інші рóблять куткомъ, або виводать кружкомъ якъ маненькїй кóшикъ; скáзано—якъ кому подобаетця. Потїмъ бьютъ *сайаки*, взъ *четѣнъ*, рóблять *агѣль* зъ *роскóломъ*; на ёмў розбїрають отáру: барáшївъ и валахївъ окрѣме вь ялову, остáнетця *гросъ*.

Овѣчїй спускъ розщїтуетця такъ, щобъ обкїть бувъ зъ половини квїтня; а якъ великдень переходить вь цей мїсяць, то скáзана розбóрка овѣць трапляетця вь кївці березозóля, щобъ неважко бóло на кїтнїхъ овѣць. Розбóрка, покáзанна пїсля великоднã, бувá тїльки вь такї гóди, якъ великдень припадá вь березозóлі.

Гросъ тїрлўетця на нїч недалёко одъ агѣла и стїнокъ. Що *накóтитця* за нїч, рáнкомъ ягнїтка зносять чабанáми до якої нѣбудъ стїнки, зъ нїми їхъ маткї (вївці). Зїбранї вївці зъ ягнїтками, скїльки їхъ окóтїтця за сўтки пїдъ однїєю стїнкою, оставляютьця и приглядáютця чабанómъ. Коли ё такї вївці, що не даютьця ягнїтї *плякáтьця*, то забввши два сайгáки вмїстї, закладáють вївцю шїею пїдъ їхъ, а сайгáки звѣрху звязують. Оряштована вївця стоїть по-неволі, и ягнїтко плякáетця. Такъ дѣржать її дóти, покі вона ёго прїйме. Овѣць вимьятихъ вїллучáють вь *ялову*, а ягнїтко її плякáетця чабанómъ пїдъ другою вївцею молóшною. Такѣ ягнїтко пїнодї вьяжетця вовнїянимъ повїдемъ за нїжку до того ягнїтї, пїдъ якою мáтїрью вони обоѣ плякáютця. Близнáть, коли однá вївця не поплякá обóхъ, однó одберáетця и прїпускаетця до молóшнїшої вївці, и сїхъ ягнїть берўть на повїдець такъ якъ пѣршїхъ.

На дрўгї сўтки, кїтнїхъ ягнїть зносять пїдъ дрўгу стїнку, и рóблять тежъ.

На третї—тежъ самѣ. На четвѣрти, остѣрбавші ягнїтка пѣршїхъ сўтокъ, отгóнятця зъ вївцями на пáшу: оце зовѣтця *кисїрь*, а пїдъ порóжню стїнку набѣраетця зновъ обкїть. На п'ятї сўтки вигóнятця вївці зъ

ягн'ятками въ кисірь зпід другої стінки, а до неї набер'аютьця другі накітчата. И такъ воно йде порядкомъ цілий тиждень. Въ кисірі набер'єтця шматочокъ порядочний. На другий тиждень, кисірь зов'єтця *саг-м'ало*мъ и одх'одить д'альше одъ обк'оту; изъ новіхъ накітчатъ тимъ же порядкомъ набер'єтця другий *кисірь* цілий тиждень. Потімъ знову г'онять въ *сагм'аль*, а кисірь в'п'ять набер'єтця. Отакъ вед'єтця ажъ до кінця обк'оту. Тоді чабані заходжуютьця валаш'ать ягн'ячі бар'анчики, в котрі зъ їхъ кращі, оставляють на бар'ани. Наближа'єтця весняний Миколо'аї. Одбер'ають на роск'оли ов'єць, першъ ялову: бар'ани и ва'лахи, шматками; и стр'єжуть. В'истригши, выпускають; набер'ають другий шматокъ и той в'истрижують; тоді стр'ижуть ма'тку тожъ шматками, и такимъ спосо'бомъ днівъ черезъ к'ільки вся от'ара в'истрижетця. Стриг'ти приход'ять стр'ижай зъ слобідъ. Стрижують по п'івторі кошійки одъ руна, на срібло.

Обк'отили от'ару, постригли; теперъ щитають: старіхъ ос'обе, а ягн'ята ос'обе. Коли к'ітної в'івці було баг'ато, приміромъ сотъ дванадц'ять, або п'ятнадц'ять, то при обк'оті не спускають всіхъ въ одніъ *сагм'аль*, а зъ п'язнішої половини роблять другий шматокъ, бо зъ ягн'ятами при доб'рому обк'оті от'ара б'ільшае вдво'є, и такий великій *кол'оді* ходить б'уде ва'жко, и на ягн'ятокъ незго'дно: ягн'ята вийдуть худі, мирш'аві. Для с'єго, каж'у, и д'ілятця на два шматки, прибавляютьця чабані й гарба. Кінчивши щотъ, чабані набер'аютьця харч'ей и йдуть кочув'ать. Такъ якъ найд'утця въ шматкахъ в'івці такі ще, що кот'ятця після щ'оту (іхъ бува' ма'ло), то ягн'ята ті зов'уть *накітчата*, або *цурь-п'єки*.

Отъ сі шматки по обк'оті ход'ять въ розпашъ, якъ м'ожна т'іхше, щ'объ по траві не розг'убить ягн'ятокъ. Тир'люютьця на нічъ з'арання. На другий день не рушають зъ т'ирла, поки доб'ре не вгріе со'нце и не опад'є рос'а, бо одъ росі бува'є баг'ато храм'оти. Чабанамъ на літо да'єтця вд'оволь: доб'рий д'єготъ и синій ка'мінь. Якъ прояв'итця храм'ота, або настане ну'жа, то вкида'єтця черва. Чабані мусять за сімъ пильнува'ти: черву витагають джерм'алами, засипають ранку синімъ ка'менемъ, и мажуть д'єгтемъ, щ'объ м'уха не с'ідала.

Настало літо, зробилось въ день жарко. От'ара цілий день на т'ирлі недал'єко воді; ягн'ятка вже г'єть-то підбіш'али. Со'нце на західъ; от'ара нарив'єтця на па'шу. Чабані веч'єряють, да'лі справились якъ слідъ. Пішла от'ара; чабані сп'єреду на кр'ялахъ, лічманъ тожъ посередъ *кол'оді*, сп'иняють сп'єреду: бо сильніші в'івці, в'истоявш'ись въ день, идуть швидко, зривають т'ільки верхки зъ траві такъ, що ззаду, котрі в'івці сла'біші, а па'че ягн'ятка, не м'ожуть па'стися, бо поур'ле-

ноі трави вівці не істиме. Співняючи спереду колоду, дають їй розійтись вшпрь, и якъ розійдетця, такъ що одна одній не мішає пастиись, то вівці и запасутьца на місці; тоді лічманъ и чабані, що кричали та свистали спереду співняючи овець, зайдуть ззаду, щобъ підготувити тільки тихъ овець та ягнятокъ, які дуже одъ шматка зостаютьца. Отуть, на тихімъ ужé ходу, оди́нь чаба́нъ курви́че собі псню; дру́гий вітягъ за пояса сопілку, висвістуе яко́ї зна; трéтій надүвши козу (що грають), переки́нувши зукъ черезъ плечé, а рогівню взявши въ руки, затина́е *штүрі вірі сімь сотъ и чотүрі*; якъ чаба́нъ одіспа́въ вівці, то проки́нувшись, голосить за ними й пішовъ шукати; ось и забачивъ — далеко зма́ячвили овечата, радіе чаба́нъ, переверта́ на веселу пісню; роздивля́етця, ажъ то старі копі́ці сіна; упья́ть затуживъ, виграючі жалібно; ажъ ось и зновъ забачивъ вдалі овець, грае впьять весело, ще й на́дто; прийшовъ близько, ажъ то пожа́та въ снопахъ грéчка; залива́етця впьять грéць, на козі виграва́е своé лихэ го́ре; не сподіва́етця овець знайти; побачивъ зновъ, щось далеко рябіе; иде́, тужить, голову повісивъ и не вірить, щобъ можна бу́ло знайти вівці; коли се тиць! підня́въ го́лову, ажъ перéдъ нимъ ёго овечата! отоді еритичий синь зрадів! гра́е до танця и самъ зъ козо́ю танцю́е, ажъ волоки на нога́хъ розплүтались, мотляютьца. Отакъ чаба́нъ по́ти втіша́ютьца, мо́кі отара́наістця до́бре такъ, що й зъ місьця не ру́шить. Прихо́дить гарба́, отара́ отира́увалась, зору́е, и чаба́нъ поспу́ли. Підби́лось вго́ру со́нечко, опа́ла роса́, чинчиву́е отара́ до води. Отару́ треба поіть абб́ ранкомъ, абб́ вéчеромъ, а не въ де́нь, якъ дуже жа́рко, бо се на худобу недобре: вки́нетця хвороба. — Бува́ло, проявитця на отару́ хвороба, родъ гарячки, и гине́ дуже, то до́бри лічмані́ пою́ть отару́ ніччу, а днёмъ сто́ять на тирлі́. Напоі́вши въ но́чі, иду́ть на *пурна́ло*.

Після Спаса, абб́ цёршої Причи́стої, одбера́ютьца зъ ялової отари́ барани́, щобъ до спу́ску попра́вились. А де не одна́ отара́ въ ха́зіїна, тамъ барани́ одбера́ютьца зра́зу після́ Різдва, въ мя́сниці, абб́ въ пість, та й ма́ють свій окрімний шма́токъ до спу́ску. Перéдъ спу́скомъ отара́ щита́етця; ягвя́та вибера́ютьца о́собне на́ зиму и годю́тьца лу́чимъ сівомъ. Барани́ спуска́ютьца зъ вівцями́, чаба́намъ вида́етця на́ зиму одéжа: сорочкі́, штани́ хрящові́, штани́ іршани́, яргакі́, світя́, кожүхи́ й чо́боти.

Вдру́ге да́етця одéжа весно́ю, по обко́ті, на шоті́: сорочки́ й штани́ хрящові́, а одбера́ютьца у чаба́нівъ великі́ кожухи́ и знóшені чо́боти, щобъ до халя́въ (коли до́бри) приста́вить прішви́ на зиму, а годя́щі кожүхи́ впа́латать. Яргакі́ й світя́ зоста́вляютьца чаба́намъ на все літо́.

Втрєте даецца: сорочка й штани хрящові, передь Спасомъ, або Причїстою. Свирица на постолї даєтца на всю вєсну, літо й осїнь, а на зїму чоботи.

Барани спускаютьца після Пилипа, щобъ ягнїта котїлись, якъ трава зелєна и тєпло бѹде, вѣ половинї квітня. Після спуску баранівъ, обераютца мїсця на кошї; косять комїшъ; копають рївцї, поки земля немєрзла и строятъ їхъ такъ, якъ казавъ попєреду.

Опрїчъ волоськихъ овецъ, у насъ повелїсь и шлєнські. Зъ ними обходимось однаково якъ и зъ волоськими, окрїме що на баранячому спуску розбераютца и барани и вівцї. Породистїші барани спускаютьца сѣ породистїшими вівцями, а низчий розбѹрь — зъ низчїмъ. Перєвертнї (вїродки) продаютьца, або вирїзуютца на лїй. При обкѹтї за шлєнкою клопїть бїльшъ; прибавляютьца люди для догляду.

Хѹдъ отари на цапахъ.

Отара безъ цапівъ якъ дурнїа. Неможна її повести на греблю, або на роскїль, або де пройтї помїжъ нївами тонкою стїгою, якъ москалі ходять. Цапї привїчнї до рукъ, зваять чабанську мову, якъ їхъ клїчуть. Примїрь: отара на тїрлї, або вѣ роспашъ; виходить лїчманъ впередъ, клїче цапівъ такъ: *Гей цѹ! балабїй! Цѹ! цѹ! балабїй! цѹ!* — Цапї, дебъ не булї, идуть до лїчмана, вівцї за цапями. Лїчманъ идє й цапівъ ведє, приказуючи: *Гей цѹ! балабїй! Цѹ*—ведє кудї єму трєба. Отара витягаєтца вѣ струнку и можна її вести кудї трєба.

Сїль дають у насъ вівцямъ весною раннєю, мїшають зъ борошномъ, або дертю зъ ярого жїта, а якъ нема, то й озїме жїто годїтца. Дають вівцямъ сїль по обкѹтї, дають вѣ Спасївку и вѣ осенї. Сїль сїплють чабани зъ заполївъ стежечками, и якъ нарѹблять стежечѹкъ доволї, що отара безъ потѹлпу мѹже розмістїтьца, тодї тонкїмъ гѹлосомъ чабани кричать: *тпру, тпру, тпру, тпру*: (акъ на конєй). Вівцї на сєй гѹвїрь такъ и порѹснуть до сѹли, одно другого спережаючи. Вівцї клєйнятца на вѹхахъ: якї бувають клєйна, розкажѹ потїмъ, и зраакї приложѹ.

СВИДОКЪ, СКІЛЬКИ ВѢ ЧОРНОМОРІИ ХУДОБИ, СКІЛЬКИ ЗЕМЛІ Й НАРОДУ
КОЗАЦЬКОГО РОДУ.

Овєць волоськихъ	494,664	} 514,106.
— шлєнськихъ	19,442	
Кїзъ простїхъ	33,510.	

Свиноти	57,979,
Скотини рогатої, або товару.	239,001.
Коней табуннихъ.	55,095.

За щіру правду вибачте. Се взято зъ статистики, а статистика и у насъ пишеться, такъ якъ и у васъ.

Замітка. Опрічъ сії худоби, въ Чорноморіі є: буйвалівъ зъ 500 и верблюдівъ до 100.

А оцѣ вже певно:

Землі доброї	2,229,918	десят.	2,083	саж.
— неудобної	626,077	—	795	—
Всѣго	2,855,996	десят.	478	саж.

Народу:

Козаківъ: панівъ, духовѣнства и товариства	89,805.
Бабъ, молодйць и дівчатъ	86,288.

А всіхъ 176,093.

ЧАБАНСЬКИЙ СЛОВАРЬ.

Агѣль — кругла кошарка зъ четѣнь и сайгівівъ. Збоку четѣнь оди́нь, одводитця и прихляетьця впьять на місце, якъ хвѣртка, щобъ було кудй пропустять вівцю. Въ агѣль одбераетця хурда, вибераютця валяхй, чи барани, або ягнята — що треба.

Араші — війя у гарбй, а гарба на двохъ колѣсахъ, більшь — черкѣська.

Арьянь — козинне кисле молоко.

Арьяниця — барило на тежъ молоко.

Баранникъ — той чабанъ, що пасѣ барани.

Барило — звисно, — вѣзятця для води.

Барзій, барза — цапъ, або вівця: вся чорна, а грѣди білі.

Бликотѣря — дійна коза.

Барнакъ — кривуля на гирлізі. Гирліга бува нъ палици, барнака, паслянна и рѣхви.

Бурѣки — прісні шріжкй въ лоі печѣні.

Вакирйстий, а — баранъ або вівця, що буде вся біла, а кругомъ очѣй чорні латкй.

Воцана — рудá, зхожа на жóвтий восковий цвìть.

Вимьята — вівця зь порченимъ вимьямъ, що не може плякáть ягнáть.

Волоки — завязкi, що ними крèпитця постìль до ногi.

Верховий — в зоршній—зовеця сiверовосточний вiтеръ. (У насъ зь того краю рiчки течуть).

Гарба — гарба у насъ на двохъ колéсахъ висóкихъ; черкéські вiкóли не мáжуться.

Гарбачий — чабанъ, що глядiть гарбi. Вiнь вáрить iсти и чабанъ и собáкамъ.

Гайтанъ — поясъ съ цвяхóванимъ гаманóмъ, швáйкою, ножémъ и джермáлами.

Гакъ — тридцята часть. Було колись лiчманi брались плодiть отáру зь гаку: на годовóму шóтi брали тридцáту вiвцю оль хазяiна. Тепéрь сéго не вóдитця.

Гукъ — дiдка у кози, тii, що грають. Вона увьязуецця вь лáпу, и якъ грають на козу, то вiнь гудé однiмъ гóлосомъ; а ще грiмший гукъ гудé, якъ кiнець ёго устрóмитця вь порóжний глекъ.

Гирлида — пáлиця кóсого сáжня ввишь, съ барнакомъ, пáсклиномъ и залiзною рiхвою.

Грунтáля — поплiть дерезовий, абó свидовий по четéну звэрху — джутóмъ.

Грось — кiтна отáра, абó шматокъ, важкий.

Дидь — дiдомъ звётця и куль комишу вiтусь склáдений и перевéслани повьязанний, и страва-лемiшка крутá зь житнёго бóрошна.

Дулéй — постiлка, абó кублó для собáки. Дулéй мóстятця вь хóлодь, абó вь мóкру осiнь, кругóмъ отáри, шобъ собáки знáли свое мiсце.

Дiжнiця — побiльше вiдрá дiжечка. Вь пiсть заквáшують тiсто на кислi коржi.

Джермáла — щiпчики, якими чабани вичищáють червú у овéць, якъ заведётця вь лiтку.

Джули абó *джула*, — безвúха вiвця. Бувá такá порóда — джули вiвци.

Джидiря — горлянка зь легкiмъ, пичинкою и шáкшею у вiвци.

Заирáва — вiвця бiла, а шiворотъ чóрний.

Кунá — посудина для лóю.

Куинара — чабанська шапка.

Кáця — хворостина довга, прямá, на кiнци клóчка привязавá; за-

чепівши кацею за вівну, укрúчуєтця ключка, и такъ ловица и придер-
жуєтця порськá вівця, що гирлягою піймати її немóжна.

Кисёрь — окотівшієє вівці зъ малёнъкими ягнятами.

Курáйниця — бичóвка, що на гарбі тóпливо привьязуєтця. *Ку-
ра́й* — колючий бурьянъ.

Канкачъ — кришка деревьяна на казані.

Кійло — трава тёрса; вона жъ и *ковилá*.

Кіска — попліть нижній по четёву знизу кіскою.

Кошь — зимне пристанóвище для отáри.

Куца́нка — малий шматокъ овечáть.

Курá — тежъ, що метёлця.

Кульми́чъ — хвість волоської вівці, буває товстий, повень жиру,
важить хунтівъ до 5 й більшь.

Кульми́чува́та — дуже хвість товстий у вівці або барáна.

Коло́да — отáра якъ иде тисно, не въ-рòспашъ.

Лікъ — щотъ. Чабані до тисячі щитають якъ и слідъ, а потімъ ка-
жуть: дéсять сотъ, одина́дцять сотъ, пъяна́дцять сотъ, двáдцять сотъ,
и дáльше.

Низовий вітеръ — югòзападний.

Отáра — зовéцця отъ 1000 до 1500.

Отирлува́ть — поставить отáру кúпою на місці.

Пурня́ть, пурня́ю — ночний по́пасъ отáри літомъ.

Пірчунъ — козёлъ молодий.

Партáль — шматокъ овéчого смúха, одъ вóвчого недо́дка.

Роскі́ль — до агéла робля́тця крила изъ четёнъ и сайгáківъ. До того
четéна, що одводитця для пропуска вівці, привóдитця крило устéнкомъ,
щобъ одній вівці тілько пройти було мóжна. Отáра нагонитця міжъ крила
въ устéнокъ, и вівці проходять по-одинцю. Спосóбно їхъ такъ щита́ть и
виберáть якихъ трéба въ агéлъ.

Рігъ — рігъ носять чабані зъ синімъ каменемъ, якъ нюхарі табаку.

Рогівня — струмéнтъ, живé у козі тії що грають и есть рижокъ
кози́ний, насáжениий на кінéць дúдки для гóлосу.

Садма́ль — обкотівшаяся кочовá отáра зъ ягнятами.

Сайгáкъ — кігъ висóкий зъ чоловiка вви́шки.

Стінка — стінка робитця зъ комишú для зати́шка на обко́ті.

Собáрний — казанъ, або ялáкъ собáчий — для собáкъ.

Тазáнъ и тазáни — три пáлиці зъ ключкою, вгорі звязані, кінці въ
рòзквдъ, стáвлятця въ зéмлю; на ключку чіпляєтця казанъ для вáрива.

Триніль — цурка зъ затёнамъ на кінцяхъ, посередіні перев'язана бичовкою. Вона кінцями закладається въ прорізі задніх нігъ зарізаної вівці, а за бичовку піднімається тўшка, и привісивши до гарби, білується смухъ и розчиняється тўшка.

Тирло — місце збите отарою; місце, де почувала, або стояла, отара.

Тулукъ и тулунъ — кулемъ облуплена коза; вона дёржитця на всипище борошна, або соля.

Урма — пройдений слідъ отари по траві.

Хўда — завірюха.

Хурда — хворі або худі вівці.

Хурдникъ — пригородка въ коші, або окрѣме зроблена кошарка для хурди.

Цурь-пѣка — накітчата пізні, після весняного щоту.

Цо! цо! — клічка цапівъ.

Цапъ — козель валашаный, або завернутый.

Четѣнь — плѣтена решіткою стінка въ $1\frac{1}{2}$ арш. ширини, а вдовшь буває 4, або 5 арш.; хто яку вишлете.

Чіпѣць — те, що люде кажутъ *здірць*, а москаль каже — *сальникъ*.

Шакша — селезѣнька у вівці.

Шматокъ — частина отари, сотъ п'ять, шість.

Ялакъ — корито, собакъ годувать. Воно за́вждѣ прив'язане до гарби, такъ и волочитьця.

Ярка и ярота — торішне ягнї.

Я. К у х а р е н к о.

ИСТОРИЧЕСКІЯ АКТЫ.

ПИСЬМА МАЗЕПЫ КЪ ПЕТРУ I.

I.

Пресвѣтлѣйшій державнѣйшій царь государь мой всемилостивѣйшій!
Два препоныные вашего царского величества о походѣ военномъ указы, единъ отъ 18, а другій, собственно вашего жъ царскаго величества рукою, отъ 19 генваря зъ Даенцолъ писанный, купно въ единъ день, съ нарочнымъ моимъ куріеромъ, воспріялъ я съ покорнѣйшимъ почтениемъ подданскимъ; которые, раболѣпнѣ по должности моей исполняя, послалъ до всѣхъ полковниковъ ординансы мои, дабы перебравъ половину лутчаго товариства, немедленно зъ домовъ рушали и спѣшно шли за Кіевъ, где я, усмотривши удобное мѣсто, стану зъ войскомъ, и оглашу для обнадеживаня добрымъ, а для страху неустояннымъ Полякомъ, что съ всѣмъ вашего царского величества войскомъ реинменту моего Запорожскимъ въ томъ походѣ пребываю, въ который я самъ сего дня пятничного, генваря 30, зъ Батурина рушаю; за неизреченную вашего царскаго величества милость, что, милосердствуя о цѣлости народу своего и краю сего, изволилъ ваше царское величество пожаловать мене 4-мя полками пѣхотными для суккурсу противъ непріятеля, покорнѣ съ доземнымъ подножничнымъ поклоненіемъ вашему царскому величеству благодарствую. И гарнизонъ свой Поляки когда до Бѣлой Церкви пришлютъ и до мене съ тымъ отзовутца, невозбранно впущу оный туда до фортецы Бѣлоцерковской, а протчую Украинну, по указу вашего царскаго величества, держать буду и не отдамъ ей въ поссесію Полякомъ, до воли вашего царского величества. Прв семъ вручаю мя премилосердой вашего царского величества милости и призрѣнію, лобызая покорнѣ духомъ монаршую вашего царского величества десницу.

вашего царского величества
вѣрныи подданныи
и слуга нижайшій
Иванъ Мазепа гетманъ.

Зъ Батурина, генваря 30.
1708.

II.

Пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій царь государь мой всемилоостивѣйшій.

По указу вашего царского величества, рушивши я въ походъ военный зъ Батурина и переправивши Днѣпръ, поспѣшилъ до Фастова немедленнымъ маршемъ, где я войска реименту моего, которые могли въ нынѣшнее великое распутіе послѣдователнѣ мнѣ надлежащего себѣ мѣста достыгнуть, около Фастова розставленные пребываютъ, а половина войска, по повеленію вашего царского величества, для лготы своей въ домахъ осталася. Здѣ убо въ Фастови получалъ я отъ господина Сивявского, гетмана великого коронного, трыкратное писаніе, въ которыхъ желаетъ, дабы я далечайшимъ походомъ и самъ не турбовался и войска не трудилъ, того ради, что непріятельская вся потенція съ Полци вишла и маршъ свой до Литвы опредѣлила; токмо въ Великой Полци около Познана малая нѣкая партыя оставлена, на которую просятъ у мене суккурсу 6000 выборного войска туда жъ до Велвкой Полци, а мнѣ совѣтуетъ около Бѣлой Церкви стоять, смотря неусипно на поведенія бусурманскія, ибо получилъ онъ гетманъ (яко до мене самъ пишетъ) будто подлинную отъ значливыхъ корреспондентовъ вѣдомость; что поселя Турецкій, посылаемый до короля Шведского, всъ Станислава обѣщалъ имъ именемъ Порты въ помощь по первой веснѣ 40,000 Турковъ, а 60,000 Орды, и будто и писмомъ тую свою ассекурацію подтвердилъ. Я убо, безъ именного вашего царского величества указа, не зная, якъ тымъ суккурсомъ желаніе его, господина гетмана великого коронного, удовлетворить, ибо если въ такъ далекую сторону 6000 выборного войска пошлю, то подлинно въ нынѣшнее распутіе и крайнюю безкормицу, отъ коней упадетъ и пѣши поприходить, понеже отъ Днѣпра ажъ до Случи на сей пустынѣ не токмо сѣна, но и соломы невозможно достать, а и отъ Случи до Льова мало не тое жъ чинитца, для консястенціи войскъ обозовъ коронныхъ. Если убо тотъ суккурсъ до Велвкой Полци посылать я якоечпсло, такожде и мнѣ впередъ, тутъ въ Фастови стоя, что съ войсками дѣлать, прошу себѣ покорнѣ на тое монаршего вашего царского величества указу.

Исполняя вѣрнымъ подданскимъ мнѣ сердцемъ премошное. вашего царского величества повеленіе, приказалъ уже въ сотняхъ Засеймскихъ, къ велико-россійскимъ городамъ ближайшихъ, зъ городского товариства устроить компанію, которой събралось 750 человекъ, а въ прочіихъ полкахъ не починалъ еще тоей компаніи устроить, для того что едно

войско тутъ при мнѣ, а другое въ домахъ обрѣтается, да во время нынѣшняго состоянія, безъ указа вашего царскаго величества, и не смѣю.

По указу вашего царскаго величества, велѣлъ я для фамиліи господина Окгинскаго, старосты Жмудскаго, въ полку Стародубовскомъ въ городѣ Погари, дворы отвести и очистить. При семъ вручаю мя преимлосердной вашего царскаго величества милости, и его жъ монаршую десницу зъ доземнымъ поклоненіемъ покорнѣ лобызаю.

вашего царскаго величества
вѣрныи подданныи
и слуга наннижайшии
Иванъ Мазепа гетманъ.

Зъ Фастова, февруарь 26
року 1708.

III.

(Въ письмѣ къ великому государю гетмана Мазепа, которое прислано съ порутчикомъ Ушаковымъ, написано:)

Пресвѣтлѣйшии, державнѣйшии царь, государь мой всемилостивѣйшии.

Душею и сердцемъ въ печале моей обрадовался, когда отъ вашего царскаго величества, всемилостивѣйшаго моего государя, въ собственной препотеннѣйшей грамотѣ милостивое получилъ слово, обнадеживая меня вѣрнаго своего подданнаго, что ваше царское величество тѣ всѣ враждебныя навѣты вмѣнаешь во лжу и клевету. За которое преимлосердное вашего царскаго величества призрачїе, благосердствующее о мнѣ, повергая себя подъ монаршіе вашего царскаго величества стопы и оныя лобызая, покорно благодарствую, съ обѣщаніемъ евангельскимъ непоколебимой моей къ вашему царскому величеству вѣрности подданской, которую до кончины житія моего, хотя и краткого, невредженно сохранию, а враговъ тѣхъ, клеветущихъ на мя неправду, всячески, при помощи Вышняго, потщуся въ руки взять, съ которыми тако поступлю, какъ меня указъ вашего царскаго величества наставляеть.

По полученіи еще первого отъ вашего царскаго величества указу, послалъ я указъ мой до наказнаго полковника Стародубовскаго (понеже совершеннаго полковника Скоропацкаго нынѣ въ дому нѣтъ, но посланъ отъ меня до вашего царскаго величества,) дабы онъ со всѣмъ полкомъ Стародубскимъ шель къ Быхову. Токмо видится мнѣ, что лутче и безопаснѣе бѣ было, когда бѣ и Стародубовской и Черниговской цорубежныи полки близъ городовъ Малороссійскихъ на границѣ Литовской стапо, ли-

неже тамъ, около Быхова, многіе хоронги войска Литовскаго приближаются и волочатся; которые, яко непостоянные, Богъ вѣдаетъ, что думаютъ и съ какимъ наиѣреніемъ тамъ собираются, и естлибы оныя, изъясняя сокровенную свою внутри вражду, похотели нечаянное на помянутые regimentу моего полки учинить нападѣніе, а наши бы ихъ не одолѣли, то надежнее будетъ уступить и припертвися для оборонительного отпору непріятелемъ къ своимъ городамъ, гдѣ и я скорѣе бы войскамъ тѣмъ regimentу моего подалъ помощь; а за Быховъ далече будетъ суккурсъ посылать. То все премудрому вашего царского величества разсмотрѣнію и воли предаю, а самъ и паки до стоишь монаршихъ главу мою лицеzemнѣ приклоняя, покорно высокодержавную его десницу лобызаю.

Вашего царского величества

вѣрный подданный
и слуга наннижайшій

Ивавъ Мазепа гетманъ.

Изъ Хвастова.
Марта въ 9 день
1708.

IV.

Пресвѣтлѣйшій державнѣйшій царь, государь мой всемилостивѣйшій.

Еще прежде полученія отъ вашего царского величества премошного монаршого указа, якъ скоро провѣдалъ я о бунтовщику Булавину, что близъ Самары на урочищы Вороной въ клкксотномъ числѣ единомыслнаго своего гултайства обрѣтается, такъ тогожъчасу, по должности уряду моего радителной и непремѣнной къ вашему царскому величеству вѣрности, для промыслу надъ нимъ, ординовалъ туда полкъ Полтавскій и полкъ компаній; о которыхъ зближеню ся къ Самари онъ бунтовщикъ увѣдавъ, снать перестереженный отъ пасѣчниковъ, увойшолъ, оставя самыя токмо куревъ, и невѣдомо куда зъ гултайствомъ своимъ удалился. Однакъ я приказалъ такъ полковникови Полтавскому, яко и Компанѣйскому, зъ полками ихъ ити до Бѣлгорода въ совокупленіе зъ войсками Великороссійскими и по совѣту и приказу комендіера тамошнего воинскій о поиску того бунтовщика чинити промыслъ. А нынѣ, когда получихъ съ подобающею честію премошный вашего царского величества въ высокопочтеннѣйшомъ собственномъ монаршомъ писаніи указъ о посылкѣ тысячнаго числа войска regimentу моего подъ комманду господина майора князя Долгорукова, которому по указу вашего царского величества о поиску Булавина дѣло вручено, заразъ послалъ ординансъ мой съ нарочнымъ куріеромъ до вы-

шепомннутыхъ полковниковъ Полтавского и Компанейского, жестоко приказывая о якъ вискорѣйшее зъ полками ихъ поспешеніе до Бѣлагограда, и чтобъ тамъ, повинудя въ всемъ поманутомъ коммендіеру господицу маіору, по приказу и совѣту его, вѣрно, радѣтельно и охочо къ прислуге вашему царскому величеству воинскій чинилъ надъ Булавиномъ промыслъ.

О поведеніяхъ здѣшнихъ доношеніемъ моимъ не утруждаю вашего царского величества, понеже что-коллекъ получу, къ извѣщенію о томъ всемъ до господъ министровъ вашего царского величества всегда пишу, и надѣюсь, что они, по должности своей, о всемъ вашему царскому величеству, о чемъ пишу, доносятъ. Присемъ повергая себе до лица земли должничымъ моимъ поклоненіемъ предъ пресвѣтлымъ вашего царского величества престоломъ, высокодержавную его монаршую десницу покорнѣ духомъ лобызаю.

Вашего царского величества
вѣрный подданный
и слуга наимнижаншій
Иванъ Мазепа гетманъ

Зъ Бѣлой Церкви.
Мая 1, року 1708.

V.

Пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій царь, государь мой всеимлоствѣйшій. Въ самый день тезоименитаго вашего царскаго величества ангела, святаго апостола Петра, воспріяхъ съ должнымъ почитаніемъ благополучиѣ премошнѣйшую вашего жъ царского величества собственную грамоту, съ Санктъ Питербурха, черезъ нарочнаго куріера, отъ 14 іюня писаную, здѣ въ обозѣ за Бѣлою Церквою въ 70 верстахъ, понеже я по предложенюмъ мнѣ вашего царского величества отъ министра вашего жъ монаршего господина Гаврила Ивановича Головкина указу, рушилъ былъ зъ Бѣлой Церкви въ Полцу ку Волюню, для слученія съ королемъ Августомъ, если бы его до Полци намѣренный и оглашенный приходъ мѣлъ событися; а нынѣ, по тому жъ вашего царского величества указу, съ общаго воинскаго совѣту, въ числѣ воспомянутаго министра господина Головкина предложенюмъ, оставя воспріятый къ Полце маршъ, намѣренъ возвратитца по вѣдомостямъ настоящимъ къ Кіеву и тамъ, въ близости Кіева, до указу вашего царского величества стоять. Благопривѣтствую убо вашему царскому величеству покорнымъ сердцемъ; тезоименитаго ангела святаго апостола Петра, камешю соименитаго, желая усердіемъ истиннымъ подданскимъ, дабы тотъ камень вѣри оружіе вашего царского величества

на поражение полчищъ непріятельскихъ изострилъ, и горделиваго Шведскаго Голяфа обезглавилъ, а православную вашего царскаго величества августѣйшую монархію непоколебимымъ основаніемъ утвердилъ и во всѣхъ путехъ ваше царское величество сохранялъ, да но когда преткнеши о камень ноги твоея; а яко теперь, Божією помощію и щастемъ вашего царскаго величества, ординаванныи отъ мене полки Полтавскій и Компанейскій противъ вора Булавина получили надъ партією его бунтовничею одоленіе, тако и впредь, за молитвами тезоименитаго вашего царскаго величества ангела, да покорить камень крауголный сланный въ бранехъ Господь всякаго сущостата подъ нозѣ вашего царскаго величества, и всякъ падый на семь камень да сокрушится.

О унятіи Запорожцевъ отъ шатости, Богъ самъ вѣсть, якъ неусыпнѣ стараюся, труждаюся и всегда до нихъ пишу, устрашая жестокиимъ вашего царскаго величества гнѣвомъ и моею неласкою, а якъ до мене отписуютъ тые, я ихъ отписки, для вѣдома вашему царскому величеству, до двору вашего монаршего посылаю; токмо того у насъ досели не слышно было, чтобъ такое число, съ чтыри тысячи Запорожцевъ, въ слученіе зъ Сѣчи къ тому вору Булавину рушились, и хотя отъ его вора была къ Сѣчи подсылка на писмѣ прелестная, призывающая войско тамошнее въ помощь, которая и возмутила была легкомышленныхъ, обаче нынѣшній кошовый, исправивъ себе въ вѣрности и претѣившися аки зъ Савла въ Павла, прилежнымъ своимъ стараніемъ пресѣкъ тое возмущеніе и унялъ отъчасти шатость тамошнюю; о чомъ уже я до двору вашего царскаго величества писалъ и списки писма того прелестнаго змѣническаго и отписки запорожской послалъ. И нынѣ я не чаю, чтобъ такъ многое число Запорожцевъ къ проклятому Булавину шло зъ Сѣчи, развѣ кто тайно оттуду зъ гултаевъ пошолъ, а явиѣ не смѣютъ; токмо наибольшъ туда къ тому вору съ тыхъ своеволцевъ идетъ, которые, въ Сѣчи не пребывая, въ рѣчкахъ на добычахъ рыбныхъ зостаючи, кони крадутъ и купцовъ розбиваютъ, яко и теперъ недавнимъ временемъ нѣякійсъ гултай прозынаемый Гречка, бывшій атаманъ Волнянскій, прибравъ къ себѣ единомышленныхъ такихъ же, яко и самъ, гултаевъ зъ городовыхъ, а не зъ Сѣчовыхъ,—многихъ кушцевъ Полтавскихъ, зъ Криму зъ товарами возвращающихся, порозбивалъ и ограблялъ, а потомъ подъ Чигириномъ стадо конское занялъ и въ рѣчки полевые отогналъ; о которыхъ гултайхъ нынѣшній же кошовый провѣдалъ, велѣлъ ихъ ловить, хотя и не всѣхъ, и того Гречку, по правамъ войсковымъ, приказалъ въ Сѣчи, а другаго товарища его, въ Кодакѣ, для постраху повѣситъ, прочимъ же дер-

жить въ крѣпкомъ вязеніи и обѣщается ихъ до мене прислать, для извѣстія, хто въ городахъ зъ единомышленникомъ ихъ обрѣтается, о чомъ и листъ, писанный отъ его кошового до мене, послалъ я ко двору вашего царского величества.

Полковникамъ полтавскому и компанійскому и старшинамъ ихъ извѣстилъ я писаніемъ моимъ о милостивомъ вашего царского величества жалованью, захоочиваю ихъ тымъ къ неленивымъ большимъ военнымъ подвигамъ и отвагамъ, а и самъ быхъ не ленился противъ того вора Булавина со всѣмъ войскомъ пойти для искорененія и угашенія того внутренняго огня, если бы указъ вашего царского величества и нынѣшніе случаи, для сохраненія сего края, не удерживали мене. При семъ покорнѣ высокодержавную вашего царского величества десницу лобызая, до стопъ монаршихъ челоуъ бію.

вашего царского величества
вѣрный подданный
и слуга наивнжайшій
Иванъ Мазепа гетманъ.

Изъ обозу отъ рѣчки Роски
іюня 30, 1708 року.

VI.

Пресвѣтлѣйшій, державнѣйшій царь, государь мой всемилостивѣйшій. Собственно-ручный вашего царского величества указъ, получилъ я зъ должнымъ всепокорнымъ подданскимъ почитаніемъ, черезъ куріера моего, сего іюля въ 18 день, который, аки Божіе повеленіе, исполняя и во всемъ оному вѣрнымъ сердцемъ согласуя, буду некосненнымъ маршомъ, сколько силъ станеть, поспѣшать съ всѣмъ войскомъ къ Кіеву и уже самымъ дѣломъ, оставя воспріятый, для слученія зъ королемъ Августомъ, къ Полще путь, въ которомъ обрѣтался отъ Случи 10 токмо миль, возвращаюсь простымъ трактомъ на Шаволочь до Кіева, где прибывъ, учрежду тамъ гранизонъ людьми ренменту моего, по совѣту князя Дмитрія Голицина, и перебравъ лутчую конницу (хотя у городовыхъ козаковъ мало есть коней добрыхъ, но большъ худыхъ и до войны не удобныхъ, понеже, якими кони въ домахъ робать, тыми, ради нищеты своей, и въ походъ военный идуть), отпущу оную зъ компанією на службу вашего царского величества къ полкамъ великороссійскимъ, для разоренія неприятеля созади; зъ которою конницею радъ быхъ и я сердечне на службѣ вашего царского величества присутственнѣ зоставать для лут-

чего порядку въ чиненіи диверсій непріятелю, еслибы, при надходящей глыбокой, весьма знемошолой старости, педокгричная и хирокгричная болѣзнь препятствіемъ не была, для которой на кони труда понестъ не могу, и хотя мало верхомъ, мялю и другую, проѣду, то того много приболѣть мушу; однако жъ и въ такой немощи и болѣзнѣ не отрѣцалъ бымъ ся служить и услужить, хотя бъ мнѣ пришло на службѣ вашего царского величества, при боку вашемъ монаршомъ, лутче нежели где на сторонѣ, и житія пострадать; токмо тое благоразумному вашего царского величества разсужденію предаю, что если я, особою моею гетманскою, оставая Украинну, удалюсь, то велии опасаясь, дабы подъ сее время внутренее (отъ чего сохрани Боже) между здешнимъ непостояннымъ и малодушнымъ народомъ не проиышло возмущеніе, наипаче когда непріятель, исполняя враждебное свое намѣреніе, похочетъ тайнымъ якимъ нибудь образомъ прелестныя свои листы въ города подсылать; а я зъ здешнихъ не токмо мало, но и никого такъ вѣрнаго не имѣю и усмотрѣть такого коммендіера не могу, который бы сердцемъ и душою, вѣрнѣ и радительнѣ, вашему царскому величеству подъ сей случай служилъ, на подсылки непріятельскіе и на прелести его недримательнѣ смотритъ, остерегалъ и всячески пресѣкалъ; однако жъ ожидаю въ томъ именного вашего царского величества указу. Нынѣ же, по должности уряду моего и по обыкдой непорочной вѣрности, велѣлъ зъ канцеляріи войсковой, во всѣ вашего царского величества реименту моего малороссійскіе города, унѣверсалы выдать, утверждая народъ здешній въ вѣрности ку вашему царскому величеству и повеливая городовоу старшинѣ, дабы на подсылки непріятельскіе доброе око имѣли, прелестныхъ писемъ и унѣверсаловъ его, еслибы якіе были о провіантахъ, не слухали, оные презирали, отвращали, страхованій враждебныхъ не ужасались и къ прелестемъ заскательнымъ не преклонялись, имѣя по Бозѣ надежду въ непреоборимомъ вашего царского величества оружіи. А что впредь будетъ чинитца (дай Боже все благополучное), о томъ всегда не оставляю писать и доносить вашему царскому величеству, исправляя вся стропотная и сразвращенная въ пути гладкіе, и тако народъ здешній управляя, якъ мнѣ совѣсть христіанская, должность подданская и непорочная къ вашему царскому величеству вѣрность повеливаетъ и наставляетъ а нынѣ симъ моимъ покорнымъ писаніемъ благопривѣтствуя вашему царскому величеству, щастливаго въ аршею свою возвращенія, желаю вѣрнымъ сердцемъ, торжественнаго и побѣдителяго надъ врагами одолѣнія, себе же самого лицеземнымъ поклоне-

ніемъ до стоны ногъ монаршнхъ вашего царского величества поверганъ.
высокодержавную его десницу духомъ и истинною лобызаю.

вашего царского величества

вѣрный подданный и

слуга наимнижайшій

Иванъ Мазепа гетманъ.

Шъь обозу отъ Асламъ-городка.

Юля 18 дня 1708 року.

VII.

Пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій царь, государь мой всемилостивѣйшій.

Сего дня, августа 10, якого съ господиномъ Солововымъ капитанъ поручникомъ отправилъ съ городовыхъ полковъ лутчего перебранного войска 4,500. и два полки компаниі 800, товариства въ себѣ заключаючіе, для диверсін неприятелю къ Пропойску, а особно къ Смоленску два полки Переяславскій и Пѣжинскій въ 3,000-мъ числѣ, зъ которого 2,000 доброй шхоты, а 1,000 конницы, опредѣлитца и употребитца, получилъ я и съ должною честію воспріялъ черезъ куріера моего премошный собственноручный вашего царского величества указъ о посылкѣ 3000 или 4,000 войска рейменту моего въ Польшу къ прежданей съ полковниками Кіевскимъ и Бѣлоцерковскимъ ординованой партіи. Тое убо вашего царского величества повеленіе, безъ всякаго умедленія исполнить потщуся, токмо покорнѣ вашему царскому величеству съ доземнымъ поклоненіемъ держаю доносить, что прочіи рейменту моего полки городови и компаниійскіи въ различные мѣста на службу вашего царского величества розосланы; а именно: Кіевскій съ тамобочными малолюдными полками переборными въ Польшу, Стародубовскій и Чернѣговскій въ Пропойску, Полтавскій съ компаниєю на Дону, Гадяцкій въ фортецы и при фортецѣ Печерской, а при мнѣ осталось городовыхъ пять полковъ, съ которыхъ два полки, Пѣжинскій и Переяславскій, отправлены къ Смоленску, а полкиты тысячи переборного съ тылъ же пять полковъ товариства ординовано съ двома полками компаниі до Пропойска; при мнѣ же зъ городовыхъ самыхъ недорослей и на худѣйшихъ лошадахъ осталось 2,800, которыхъ своимн очима видѣлъ господинъ Солововъ, да 2,000 сердюковъ и една короговъ компаниі, кромѣ великороссійскихъ шхотныхъ полковъ, въ которыхъ болшь надъ 2,000 не зберетя, яко сами полковники сказывають, понеже всѣ полки не полные; и того ради, развѣ полкъ Гадяцкій двотысичный, взявъ съ фортецы Печерской и придавъ къ нему 1000-чу тыхъ недорослей, отправлю вскорѣ до Польшу, ибо разсуждаю, что тотъ полкъ

Гадацкій, когда буду самъ стоять по указу вашего царского величества при Кіевѣ, не надобень будетъ до фортецы Печерской. А до полковниковъ, Кіевскаго и Бѣлоцерковскаго, давно уже я послалъ двоихъ знатныхъ особъ и нынѣ посылаю третяго, чтобъ тое войско, по желанію господина Сѣвляскаго, запровадили якъ найскорѣй къ господину Потѣю, я надѣюсь, что третій мой посланецъ найдетъ тое войско суккурсовое съ воспоминаutumъ господиномъ Потѣемъ въ слученіи. И сіе вашему царскому величеству, всемилоствитѣйшему моему царю и государю, при доземномъ поклоненіи, подъ стоны пожныя низлагаемомъ, покорнѣ допещи, высокодержавную его жъ монаршую десницу духомъ лобызаю и премилосердому вашего царского величества призрачїю навсегда себе вручаю.

вашего царского величества
вѣрнѣй подданный
и слуга
наинижайшій
Иванъ Мазепа гетманъ.

Пѣзъ обозу отъ Русанова
августа 10
року 1708.

VIII.

Пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій царь, государь мой всемилоствитѣйшій. Высокопочтеннѣйшую вашего царского величества собственноручную грамоту, черезъ нарочного курьера мнѣ врученію, воспрїяхъ съ должнымъ гоноромъ, на которую при доземномъ поклоненіи покорнѣ отвѣту: войско конное, съ разныхъ полковъ городовыхъ перебраное, по указу вашего царского величества, отправилъ я уже давно съ господиномъ капитаномъ-порутчикомъ Солововымъ къ Пропойску подъ комменду Скорошадского, полковника Стародубовскаго, придавъ два полка надежной компаніи въ 800-мъ числѣ, о чомъ до вашего царского величества прежде сего пространно я писалъ, и росписи тоей конницы воспоминаutumъ господиному капитанъ-порутчику вручилъ, въ которыхъ именно изображено, коликое число того войска отправлено. Полковника Гадацкаго въ двотысячномъ числѣ полку его козаковъ, взявъ за фортецы Печерской и придавъ ему еще тысячу полную недорослей, отправую также, по указу вашего царского величества, къ Полоняному, а оттуду велѣлъ ему туда итти, куда случай военный позоветъ и гетманы коронныи повелятъ; и до прежняго войска, подъ коммендою полковниковъ Кіевскаго и Бѣло-

церковского, въ Польшу ординованого, послалъ третьяго куріера моего, приказывая, дабы безъ всякаго умедленія въ слученіе къ господину Потѣю ишли; о которомъ войску сего дня получилъ вѣдомость, что давно съ тыхъ реку (?) переправило и городъ Луцкъ поминуло и надѣюсь, что до сего времени шло случитца зъ господиномъ Потѣемъ.

О себѣ покорнѣ вашему царскому величеству доношу, что, по указу вашего жъ царского величества монаршомъ, воспріалъ походъ отъ Кіева ку Пѣжину, и буду стоять, до воли и указу вашего царского величества, недалече отъ Кіева за одинадцать миль въ среднѣхъ Украины; токмо подъ нозѣ вашего царского величества главу мою доземнымъ челобитіемъ повергши, покорнѣ прошу такого милосердія и указу, дабы мнѣ повелѣно было два полка, Переяславскій и Пѣжинскій, отправленные къ Смоленску, воспать зъ походу возвратить, зъ которыхъ бытъ могль и гарнизономъ фортецу Печерскую учредить и при себѣ оставить, ибо неслестнѣ, по самой истиннѣ, пишу, что въ малолѣдствіи самъ остался, яко и прежде сего до вашего царского величества писахъ, и господинъ Соловой своими очима видѣлъ; а тое войско, если указъ будетъ возвратить, можетъ куріеръ мой въ маршу постигнуть, ибо тутъ оноу мусило черезъ десять день умедлить, пока зъ домовъ козаки зъ борошенными запасами возвратилися, которыхъ, черезъ полгода въ походѣ со мною пребывая, лишлися были, и сего дня получили вѣдомость, что тые два воспомянутые полка пришли уже къ рекѣ Сейму и стали переправлятца.

Въ городахъ всякую опасность къ отпору наступленія непріятельскому (отъ чого Боже сохрани) приказалъ и увѣрсалы мои розослалъ, дабы всюду пашни зъ поля свозили, молотили и въ ямы хранили, также дабы города укрѣпляли, и до всякой готовности къ защищенію цѣлости своей пребывали, а я особнѣ бодрое око и ухо буду имѣти на прелестные непріятельскіе писма, если бы оныхъ была якая подсылка. При семъ себе самаго милосердному вашему царскому величеству прирѣнью и милости монаршой навсегда вручаю и высокодержавную его десницу покорнѣ лобызаю.

вашего царского величества
вѣрный подданный
и слуга наинижайшій
Иванъ Мазепа гетманъ.

Зъ обозу отъ Русанова
року 1708. Августа 16 дня.

ПЕРЕДЪ СВІТОМЪ.

(ДУМА.)

Дóвго, дóвго не світáе...
Утомівся світу ждáти,
А все ёго не видáти,
И відъ краю и до краю
Ясні не́бо чóрні хма́ри
Застилáють, укривáють,
Всі зіроньки поховáлись...

Розійшлися хма́ри, и зі́шлися —
Загремíло — заблискáло,
И зновъ тёмно въ небі стáло...
Сумно въ оди́но́кій хáті —
Ні съ кимъ, ні съ кимъ розмовляти...

Чого́ крию́ть хма́ри не́бо?
Нащо зóрі наші ясні,
Наші тихі світи, гáснуть...
Яке ли́хо, яка́ ка́ра!
Защо́ гíнемъ — пропадаемъ?
Чого́ со́нце забарíлось,
Лю́дямъ тёмнимъ не посвітитъ?..

Постій, дру́же! вже світáе;
Со́нце хма́ри розганáе...
Помоли́ся, дру́же, Бо́гу
За Вкраїну на́шу вбо́гу,
Щобъ ті хма́ри не верта́лись,
Щобъ на світі та при світі
Ввироста́ли її діти,
И, якъ бра́тіки, коха́лись.

М И Х А Й Л О Ч А Й К А .

БИБЛЮГРАФІЯ.

І.

Старосвѣтскій бандуриста. Составилъ *Николай Закревскій*. Москва. 1861. Въ 8-ю д. Стр. VIII и 628.

Опытъ южнорусскаго словаря. Трудъ *К. Шейковскаго*, въ 4-хъ томахъ. Выш. 1-й, А — В. Кіевъ. 1861 г. Въ 8-ю д., стр. XVI и 223.

Слишкомъ 60 лѣтъ минуло со времени появленія въ свѣтъ перваго произведенія на народномъ южнорусскомъ языкѣ. Много съ тѣхъ поръ было говорено у насъ о народѣ, о его языкѣ и литературѣ, но до сихъ поръ не появилось у насъ ни одной грамматики ⁽¹⁾, ни одного сколько-нибудь полнаго и дѣльнаго словаря, который бы познакомилъ ученый міръ и просвѣщенное общество съ богатствомъ матерьяла этой огромной вѣтви славянскихъ языковъ, — тогда какъ славянскій западъ почти для каждаго, даже второстепеннаго, своего нарѣчія уже издалъ и грамматику и лексиконъ. Благодаря близости къ Западу нашего червопорусскаго нарѣчія, только оно одно давно уже обладаетъ двумя, хотя и не совсѣмъ достаточными, грамматиками; словаря же и этого нарѣчія не существуетъ.

Такая судьба южнорусскаго языка объясняется, во 1-хъ, тѣмъ, что наше образованное общество, согласно существовавшему доселѣ у него взгляду на плебеевъ, на простонародье вообще и на народъ малороссійскій въ-особенности, не чувствовало *практической надобности* въ мало-

(1) Граматику Павловскаго, 1818 г., нельзя считать грамматикою малорусскаго языка, хотя она и носитъ такое названіе.

россійскомъ языкѣ, и во 2-хъ — тѣмъ, что интересы лингвистическіе и вообще научныя незначительно были развиты въ нашемъ обществѣ.

Нужда творить вещи. Въ началѣ 18-го вѣка стверная Русь вошла въ близкія сношенія съ Европою, т. е. съ Нѣмцами: почувствовалась надобность въ знаніи нѣмецкаго языка, и не замедлило явиться «переложеніе съ Латинскаго на Россійскій языкъ Вейсманова нѣмецкаго лексикона» (С. Волчковъ 1731 г.); потомъ (въ 1744) 4-хъ язычный словарь Иеронима Мегизера, 6-ти язычный, составл. Григор. Политикою (1763), «Лексиконъ или Целляріусъ Нѣмецкій» Гелтергофа (1765 г.) и даже Богемо-Нѣмецкій словарь Томзиса. Такъ точно государственныя сношенія съ Польшею, съ Востокомъ и государственная мечта о Греческой имперіи вызвали появленіе словаря Польскаго (Кондратовича), Армянскаго (Холдарова), Новогреческаго (1783 и Архим. Меводія 1795 г.) и даже «Латино-Иллирическаго». Съ другой стороны, внутреннія потребности *государства* вызвали появленіе словарей «военныхъ», «морскихъ», «математическихъ», «минералогическихъ», «химическихъ» и т. п., а также географическихъ (Л. Максимовича, 1788), историческихъ, лексиконы разныхъ художествъ и т. п. Но едва ли не самыми живыми продуктами общественной русской жизни конца 18-го вѣка были словари: родословный Россійскій, съ «сокращеннымъ описаніемъ службъ благородныхъ Россійскихъ дворянъ», «поваренный или приспешинчій», «кондиторскій и дистилляторскій», «словарь натурального волшебства, въ которомъ много полезнаго и пріятнаго изъ естественной науки и магіи», а также словарь «танцовальный» и всего болѣе: «лексиконъ любовный», выдержавшій два изданія (С.Пб. 1768 и М. 1779 г.) — Но какая кому нужда была до языка не только Малороссійскаго, но и Великороссійскаго? Можно сказать положительно, что, несмотря на увлеченіе нашихъ ученыхъ конца 18-го и начала 19-го вѣка сравненіемъ языковъ, и стало-быть отчасти лингвистическими научными интересами, мы не скоро дождались бы словаря Россійскаго языка, еслибы не позаботилось объ этомъ правительство того времени. Благодаря ему, спустя 80 лѣтъ послѣ Петровскихъ преобразованій, Россійская Академія Наукъ издала свой знаменитый словарь; но затѣмъ минуло много, много лѣтъ; лингвистическіе интересы стали наконецъ сильно пробуждаться въ нашемъ ученомъ мірѣ; правительство, занятое болѣе важными заботами, на этотъ разъ не подало съ своей стороны голоса, возбуждающаго къ лингвистическимъ трудамъ, и только черезъ 63 года послѣ изданія перваго своего словаря Академія Наукъ

приступила къ изданію «словаря областныхъ великорусскихъ нарѣчій». Спустя 3 года она начала-было помѣщать на страницахъ своихъ «Извѣстій» плохенькій словарь Малороссійскаго нарѣчія; но занятая, вѣроятно, *болѣе важными* интересами русской науки, прекратила его печатаніе на буквѣ К, и вообще почему-то мало оказывала вниманія къ южнорусскому міру.... Только въ весьма недавнее время у нашихъ Южанъ проявилось желаніе говорить печатно на родномъ, понятномъ для народа, языкѣ, желаніе, въ высшей степени отрадное и, безъ сомнѣнія, самое благодѣтельное для успѣховъ просвѣщенія; ибо, если простолюдинъ-великорусецъ почти не понимаетъ нынѣшняго литературнаго языка и уже сильно чувствуется потребность создать особый отдѣлъ литературы для народа, то для малорусса этотъ языкъ просто — китайская грамота, въ томъ смыслѣ, что онъ хотя и бойко читаетъ на нѣмъ, но ничего, изъ чтенія, не выноситъ; притомъ же извѣстно, что ни на какомъ языкѣ нельзя высказываться такъ полно и свободно, какъ на родномъ, своенародномъ; а все это, равно какъ и лингвистическая разработка языка, восполняется явленіемъ литературы на родномъ, народномъ, языкѣ. Когда въ 1855 году, послѣ 6-ти лѣтняго невольнаго молчанія, это стремленіе снова стало высказываться, почтенная представительница Россійской науки, въ лицѣ одного изъ своихъ членовъ, встрѣтила его такимъ сочувственнымъ словомъ: «Нельзя для народа создать *насилъно (?) самобытную (?)* литературу, потому-что сами нынѣшніе представители ея — продуктъ русской цивилизаціи». (1) Почтенный академикъ почему-то забылъ на этотъ разъ, что Гусь, Кошитаръ, Шафарикъ, Палацкій и т. д. тоже продукты западной, нѣмецкой цивилизаціи, а Лютеръ — не нѣмецкой, какъ Петръ Великій — да и самъ академикъ — не русской. Впрочемъ, нельзя обвинять одну только почтенную представительницу Россійской науки, какъ за эту забывчивость при сужденіи о Малороссіи, такъ и за то пониманіе, будто все, или большая часть, произвольно, безъ разрѣшенія Академіи, исходящаго изъ общества, есть *насилъственное* стремленіе, несогласное съ интересами и стремленіями народа и государства: это *было* убѣжденіе *лучшаго* нашего общества; представительница русской науки въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, была только отголоскомъ мнѣній государственныхъ и высшаго общества, боящихся всякихъ новыхъ явленій вездѣ, а у насъ, гдѣ элементъ старовѣрескій — консервативный покаместъ сильнѣе чѣмъ

(1) Извѣстія Императорской Академіи Наукъ 1855 г.

гдѣ нибудь въ Европѣ, — тѣмъ болѣе. Подобныя мнѣнія существуютъ еще доселѣ въ такъ-называемомъ лучшемъ нашемъ обществѣ, между многими, повидимому—образованными, людьми. На почтенную Академію Наукъ мы тѣмъ менѣе вправѣ жаловаться за мнѣнія ея, подобныя высказанному выше, и за невниманіе ея къ языку, на которомъ говоритъ вся южная часть русскаго народа, что въ и самой россійской наукѣ, которой Академія представительница, доселѣ незамѣтно было стремленія изучать малороссійскій языкъ, и относительно всего малороссійскаго міра сохранялись какія-то дѣдовскія понятія. Нагляднымъ доказательствомъ этому можетъ служить слѣдующій фактъ: Въ то время, какъ трудолюбивый Миклошичъ, живя вдали отъ русскаго міра и по скуднымъ источникамъ изучая южнорусскій языкъ, сѣумѣлъ въ своей «Сравнительной грамматикѣ славянскихъ нарѣчій» составить довольно полную, хотя не безъ значительныхъ ошибокъ, этимологію этого языка и дошелъ до рѣшительнаго убѣжденія, что этотъ языкъ — есть самостоятельная отрасль славянскихъ нарѣчій, какъ языкъ Сербскій, Болгарскій, Чешскій, а не нарѣчіе языка Великорусскаго (1), искаженное Польскимъ вліяніемъ, — въ то время, говорю, даже нѣсколькими годами позже, лучшей нашъ русскій лингвистъ и словесникъ, первый обратившій вниманіе на огромное значеніе югозападной литературы XVII в. въ исторіи литературы сѣверовосточной, цитируя (въ ст. «Древніе русскіе подлинники», Атенеи 1858 г.) древніе наши (южнорусскія) вирши, — всѣ встрѣчающіяся въ нихъ не великорусскія и нецерковно-славянскія слова и обороты называетъ *польскими*, такъ какъ будто бы южнорусскаго языка и не существуетъ, или какъ будто почтенный ученый опасается или стыдится назвать ихъ южнорусскими. Такъ напр. выраженіе «Христа роспято», — тоже что въ пѣсняхъ «козаченька вбѣто, китайкою вкрито», — по его мнѣнію — польское; слово «взбачье» — тоже, «драбина», — лѣстница — тоже; между-тѣмъ-какъ «драбина» въ

(1) Vergl. Grammat. der Slavischen Sprachen v. Fr. Miklosich 1 B. 1852. Einl. p IX. »Indem ich die sprachen nach der nähe ihrer verwandschaft an einander reihe, behandle ich dann das Kleinrussische, das auf dem gebiete der wissenschaft, wie die untersuchung selbst darthut, als eine selbstständige sprache und nicht als ein dialect des grossrussischen anzusehen ist.

За исключеніемъ древне и ново-церковнославянскаго языка, онъ считаетъ основными языками слѣдующіе: 1) Болгарскій, 2) Сербскій, 3) Малороссійскій, 4) Великорусскій, 5) Чешскій, 6) Польскій и 7) Верхне и Нижне сербскій (сербскій.)

значеніи лѣстницы совершенно усвоено языкомъ малороссійскимъ, который имѣетъ и производныя слова: »драбчѣстий«
»полудрабокъ«, и проч. съ подобнымъ же значеніемъ. Види такія свѣдѣнія въ малороссійскомъ языкѣ уталантливѣйшаго русскаго лингвиста, Буслаева, можно подумать, что для *русской* науки Малороссійскій народъ все еще отщепенецъ Велико-русскій, оцоганенный Ляшскимъ вліяніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, далеко-ли наши представители русской науки и стараго и новаго направле-нія, и славянофилы и западники, и либералы и централизаторы, ушли въ своемъ взглядѣ на Малороссію и ея языкъ отъ взгляда какого ни-будь напр. почтеннаго автора »Топографическаго описанія Харьковскаго Намѣстничества«
1788 г., который говоритъ: »Сіе роковое отдѣле-ніе южныя отъ сѣверной, или Великой Россіи, преобразовало навсегда оныя жителей такъ, что изъ того явилась какъ будто бы иноземная какава нація; отъ сего произошелъ малороссійскій украинскій діалектъ, какъ *удѣль языка Славянскаго племени*«
(великая мысль по тогдашнему времени!)... Далѣе онъ продолжаетъ: »Въ тако-выхъ превратныхъ обстоятельствахъ необходимо было *древнѣйшему и коренному жильцу Россійскому перенестрить* прародительскій свой языкъ, переодѣться въ иностранное одѣяніе и во всемъ житейскомъ воспріять *подражательный видъ*; а при сохраненіи остатковъ родо-начальныхъ собственности воспослѣдовало *рожденіе разнообразной смѣси*, какова и донинѣ въ жителяхъ южной Россіи видится.« — Такъ туго и вяло идетъ руссійская наука впередъ по пути самостоятельныхъ изслѣдованій и приобрѣтенія ясныхъ убѣжденій! Мы еще слишкомъ молоды, и убѣжденія, вѣрованія и инстинкты дѣдушкины и бабушкины въ насъ сидятъ глубже, живутъ тверже, чѣмъ повопривитыя убѣжде-нія, понятія и стремленія науки, съ которыми мы только-что начинаемъ рождаться. Иначе, если бы даже справедливъ былъ только-что упомяну-тый нами взглядъ на Малороссію, то все же интересы современной нау-ки должны были бы вызвать въ нашихъ ученыхъ стремленіе ближе по-знакомиться съ такою курьезною смѣсью; но не тутъ-то было: дѣдов-скій взглядъ на Малороссію, ея провинціальное, отдаленное отъ центра *государственной* жизни положеніе, достаточны были для того, чтобы наши ученые специалисты, и сама почтенная представительница русской науки, признали себя вправѣ пренебречь такимъ громаднымъ фактомъ, какъ Малороссія, ея бытъ, исторія, образованность въ минувшіе вѣка и ея языкъ.

Все это почли мы нужнымъ сказать, конечно, не для пустого упре-

ка русской науки и ея почтеннымъ представителямъ за прошедшую ихъ ошлошность, а для того, чтобы смягчить нѣсколько попреки нашимъ Южанамъ въ бездѣятельности, которые нерѣдко слышались со стороны представителей русской науки, по убѣжденію которыхъ малороссіяне виноваты, что російскимъ филологамъ вовсе неизвѣстенъ, или мало извѣстенъ, малороссійскій языкъ. Какъ будто первый долгъ національныхъ писателей составить грамматику и словарь того языка, на которомъ они пишутъ, какъ будто народъ, говорящій своимъ роднымъ языкомъ, имѣеть нужду прежде всего написать грамматику и словарь этого языка; какъ будто, наконецъ, дѣло не русской науки позаботиться составленіемъ и того и другого! Понятно, что если окруженная нѣжными заботами правительства російская наука, обладая огромными матерьяльными и нравственными средствами, едва черезъ 80 лѣтъ послѣ пробужденія Россіи къ новой жизни, и то съ понуканіемъ просвѣщенной монархини, обратилась къ составленію словаря родного языка, и только черезъ 140 лѣтъ, вслѣдствіе уже собственно-научныхъ стремленій, занялась собраніемъ свѣдѣній объ областныхъ великорусскихъ нарѣчіяхъ, то не ей, не ея представителямъ, слѣдовало бы расточать упреки малороссіянамъ, національность которыхъ и національные труды которыхъ были доселѣ не только безъ всякой помощи, но въ загонѣ, и преслѣдовались не одними только насмѣшками или разсужденіями, подобными вышеприведенному, надъ національнымъ стремленіемъ, и вдобавокъ—не со стороны одной только науки російской...

Тѣмъ не менѣе, требованія нынѣшняго вѣка рано заставили любителей южнорусской народности обратиться къ изученію родного языка и приведенію въ извѣстность его разнообразнаго по нарѣчіямъ матерьяла; хотя, съ другой стороны, недостатокъ у этихъ любителей научной опытности, а равно и матерьяльныхъ средствъ, въ особенности же досуга, не давали имъ возможности привести свои труды къ желанному концу. Со времени оживленія дѣятельности въ южнорусской литературѣ, т. е. съ конца Севастопольской кампаніи, оживилась и работа надъ южнорусскимъ краемъ. Многіе изъ извѣстныхъ знатоковъ родного слова съ большимъ рвеніемъ принялись за составленіе словаря южнорусскаго языка. Въ 1855 году Академія Наукъ стала-было печатать словарь г. Чужбинскаго. Въ Харьковѣ, какъ извѣстно пишущему эти строки, въ 1858 году, уже былъ собранъ весьма объемистый словарь Малороссійскаго языка. Со всѣхъ краевъ Южной Руси доходили слухи, что такой-то и такой-то собрали значительный

словарь и продолжает собирать. Издатель «Ужинка» въ 1856 привезъ въ Москву большое собраніе словъ, собранныхъ его собственными трудами. Я посвящалъ значительную часть досуга своего на обработку этого словаря и довелъ количество словъ его до огромной цифры. Вместе съ тѣмъ, обратилъ вниманіе и на составленіе грамматики, надъ которою тоже долго и тщетно потрудился. Главною помѣхою для окончанія работъ, надъ словаремъ и надъ грамматикою, было то, что до сихъ поръ не было человѣка, который бы, съ основательнымъ филологическимъ образованіемъ, соединялъ въ себѣ *близкое* знакомство со всѣми южнорусскими нарѣчіями, и притомъ, во время окончательной, по-крайней мѣрѣ, обработки, находился посреди народа для постоянной проверки записаннаго матеріала. Каждый изъ дѣятелей украинской народности близко знаетъ одно—два нарѣчія, но не весь языкъ, въ полномъ его объѣмѣ. Этихъ же обстоятельствомъ объясняются и тѣ немилосердые упрёки въ незнаніи, даже въ искаженіи народнаго языка, которые достается слышать, отъ своихъ и чужихъ, украинскимъ-писателямъ; этихъ упрёковъ не избѣгъ и Квітка и Шевченко. О тенденціяхъ г. Максимовича и Н. Закревскаго относительно южнорусскаго языка и говорить нечего: это тенденціи, — какъ говорятъ — омоскалить южнорусскій языкъ, какъ тенденціи иныхъ—ополячить его. Г. Куцого запросто называютъ «творцемъ неукраинскаго литературнаго языка и перемалѣвщикомъ роднаго слова». Но вотъ, *Основа* и г. Кулішъ старались уклониться отъ всякой крайности, неомоскалить и неополячить родной языкъ, — но и они не избѣжали обвиненій: г. Шейковскій — новый, юный любитель украинской народности, входитъ въ такой азартъ при мысли о «топорности» языка г. Куліша, что печатно объявляетъ этого почтеннаго дѣятеля южнорусской литературы «некомпетентнымъ судьей» относительно малороссійскаго языка, потому-де, что «онъ мало знаетъ южнорусскій языкъ, *чтобъ не сказать болѣе*»; далѣе производить, на этомъ же основаніи, г. Куліша въ «Тредьяковскіе нашего времени», а журналу *Основы* даетъ *благодѣ* совѣтъ «основательнѣе изучить южнорусскій языкъ» (1). Говорю—*благодѣ* совѣтъ, потому что дѣйствительно каждому изъ насъ, неисключая *даже и самого* г. Шейковскаго, не мѣшаетъ, и очень таки не мѣшаетъ, основательнѣе изучить южнорусскій языкъ, да уже потомъ, коли наука впродъ пойдётъ, да не отпадетъ охота «лѣятьца», — читать поученія и другимъ, кто давно опередилъ насъ.

(1) Словарь Южнор. языка, Шейковскаго, стр. XIII, XV.

Я не намѣренъ защищать ни языкъ г. Куліша, ни языкъ *Основы* (если такъ можно назвать языкъ различныхъ сотрудниковъ этого журнала), но не могу не указать молодымъ моимъ собратамъ на солидный тонъ *Основы*, какъ на *благодѣ* примѣръ, достойный подражанія. Нашей братіи *не мѣшаетъ* хоть на время поучиться спокойствію и незаносчивости. Вѣдь до сихъ поръ, сколько мнѣ помнится, *Основа* ни разу не рѣшилась свысока осуждать чей-либо языкъ, вѣроятно потому именно, что считаетъ дѣломъ преждевременнымъ и легкомысленнымъ гремѣть бездоказательными приговорами, когда не создалась еще сколько нибудь опредѣленная мѣрка для суда. »Тѣхъ вода греблі рве« и »цѣвний кѣлосъ до землі гнѣтца, а пустий до-гори стерчить.« — Къ чему, подумаешь, эти торопливые и бездоказательные, юпитеровскіе приговоры надъ произведеніями южнорусской литературы, которые щедро расточаетъ г. Шейковскій — и гдѣ же? — въ-предисловіи къ словарю! Отчего авторъ словаря такъ видимо торопится высказать свои *новыя* мнѣнія и соображенія? Объяснить себѣ это возможно только при ближайшемъ знакомствѣ съ состояніемъ нашей литературы вообще и изслѣдованій по южнорусской народности и ея языку въ особенности. Здѣсь съ одной стороны почти нетронутая наукою почва, вызывающая на изслѣдованія, на разработку, съ другой — новостъ дѣятельности и юность дѣятелей, изъ числа коихъ нѣкоторые — люди безъ прочной, не только научной, но и просто жизненной, подготовки, да при томъ — пылкіе и характерные южане. Отсюда съ одной стороны — крайняя нетерпимость при рѣшеніи самыхъ мелочныхъ вопросовъ: употребленіе, напримѣръ, въ письмѣ *ъ*, *ы* или *и*, неправильное употребленіе или объясненіе малороссійскаго слова, неудовлетворительный слогъ новаго писателя — обыкновенно выводитъ этихъ дѣятелей изъ себя, какъ будто совершенно какое-то тяжкое преступленіе противъ истины, да притомъ нанесено этимъ личное оскорбленіе тому или другому изъ нихъ; съ другой стороны, естественное стремленіе дорожить своими убѣжденіями и стремленіе къ извѣстности, легче обыкновеннаго могутъ переступать границы благоразумія, и переходить въ стремленіе »славу переймати«, »на мідянн грѣші слави добувати«. Тутъ-то »що голова, то й розумъ!«

Впрочемъ, это судьба всякой зачинающей литературы и всякой работы: покажѣсть не выработается *общее*, обыкновенно случается, что

Всі покѣю щіро прагнуть,
 Та не въ одиць гужь всі тѣгнуть:
 Той направо, той наліво,
 А все браття: — тѣ-то дѣво!

Но мы отделились от своего дѣла.

Полтора года тому назадъ г. Кулішъ, получа свѣдѣнія о томъ, что многіе, какъ и онъ самъ, занимаются составленіемъ южно-русскаго словаря, обратился къ нѣкоторымъ изъ нихъ съ приглашеніемъ соединить собранные ими матеріалы въ одиѣхъ рукахъ для окончательной обработки и изданія. Несмотря на только-что упомянутое мною свойство нашихъ дѣятелей, вѣроятно, многіе согласились бы на это предложеніе, еслибы г. Кулішъ не предложилъ слишкомъ громадный планъ для будущаго южно-русскаго словаря, планъ, выполненіе котораго оттянуло бы появленіе въ свѣтъ этого словаря еще лѣтъ на десять; именно: г. Кулішъ предполагалъ создать словарь не только нынѣшняго малороссійскаго языка со всѣми его нарѣчіями и подрѣчіями, но и словарь нашего древняго литературнаго языка, имѣвшаго множество словъ, созданныхъ или образованныхъ въ XVI и XVII вѣкѣ въ духѣ малороссійской народности, или взятыхъ прямо изъ живой рѣчи того времени, но впоследствии утраченныхъ народомъ, или же существующихъ и доселѣ, но въ иныхъ формахъ. При этомъ, конечно, должны были быть соблюдены всѣ требованія новѣйшей лексикографіи. Подобный словарь тогда только былъ бы у насъ возможенъ, когда бы наша южно-русская литература была уже значительно разработана и существовали бы какіе нибудь словари областныхъ южнорусскихъ нарѣчій; но на древнюю юго-западную литературу только-что теперь обратили вниманіе и даже еще не приступили серьезно къ ея разработкѣ; самый объемъ и составъ ея не приведенъ еще въ должную извѣстность; съ другой стороны, словарей южнорусскихъ нарѣчій не только еще не существуетъ въ печати, но — кажется — и въ рукописяхъ, потому что первые составители словарей обыкновенно заботятся составить не спеціальныи словарь какого-нибудь нарѣчія, а общій—всего языка. Это послѣднее стремленіе господствуетъ и у южнорусскихъ дѣятелей, хотя общій (литературный) южнорусскій языкъ еще не опредѣлился и, стало быть, повидимому рациональнѣе было бы каждому составителю заняться составленіемъ спеціальнаго словаря родного ему нарѣчія. По дѣло-то въ томъ, что упрямая дѣйствительность всегда живетъ своимъ умомъ, очень рѣдко слѣдуетъ нашимъ рациональнымъ совѣтамъ, и въ послѣднемъ случаѣ предпочитаетъ начинать прямо съ общаго, и только мѣстами означать частность. Принимая все это во вниманіе, конечно, слѣдуетъ считать прекрасный планъ словаря г. Куліша преждевременнымъ, непрактичнымъ. Отчетливое выполненіе такого плана, возможное въ Герма-

нім относительно нѣмецкаго языка, едва въ настоящее время дѣлается у насъ возможнымъ (и то при огромныхъ усиліяхъ)—для Великорусскаго языка; ерго, рѣшительно невозможно для южнорусскаго, гдѣ—какъ мы выше уже замѣтили—не только еще не разработана древняя югозападная литература и весьма (?) разнящіяся между собою южнорусскія нарѣчія, но какъ то, такъ и другое не приведено даже въ должную извѣстность. Пока настоятъ крайняя нужда въ обыкновенномъ полномъ словарѣ живого южнорусскаго языка, хотя бы даже безъ отчетливаго указанія мѣстностей, которымъ принадлежитъ то или другое слово. Какъ бы ни было, но г. Кулішъ печатно наконецъ объявилъ о приготовленіи имъ къ изданію южнорусскаго словаря. (Остался-ли онъ при прежнемъ своемъ планѣ, или нѣтъ, пишущему неизвѣстно.) Вслѣдъ за тѣмъ, г. Шейковскій, авторъ »Быта Подолянъ«, объявилъ въ »Кіевскомъ Телеграфѣ«, что онъ приступаетъ къ печатанію южнорусскаго словаря. Но покажется г. Шейковскій готовилъ изданіе свое другой кіевлянинъ, Н. Закревскій, не предупреждая никого, напечаталъ своего »Старосвѣтскаго Бандуристу «сѣ»словаремъ малороссійскихъ идіомовъ«, словаремъ болѣе объемистымъ, чѣмъ какой-либо изъ словарей, прилагавшихся доселѣ къ малороссійскимъ изданіямъ.

Теперь, болѣе чѣмъ когда-нибудь, всякій трудъ относительно Малороссіи — благодать Божія. Какими бы недостатками онъ ни изобиловалъ, только проникнуть былъ бы вѣрою въ свое дѣло, а то (какъ бывало въ Запорожьи) — »перехрестись, та й до куріня!« Вотъ хоть бы, напр., сборникъ г. Закревскаго: по многимъ понятіямъ и матеріаламъ, ему слѣдовало бы явиться по крайней мѣрѣ лѣтъ 20 тому назадъ; но онъ явился въ 1861 году и, несмотря на нѣкоторые недостатки, оказывается трудомъ не только не лишнимъ, но даже весьма и весьма полезнымъ. Сборникъ этотъ весьма мало представитъ новаго для чело-вѣка, постоянно интересовавшагося Малороссіей и хорошо знакомаго съ тѣмъ, что писано было о ней; но много-ли у насъ такихъ людей? Правда, въ наше время явилось много людей интересующихся Малороссіей; но гдѣ имъ рыться по различнымъ изданіямъ для отысканія того, что малороссійскаго издано было въ свѣтъ? А здѣсь они встрѣтятъ, напри-мѣръ, собраніе всѣхъ, или почти, всѣхъ *изданныхъ* малороссійскихъ пословицъ и даже небольшое количество пословицъ, никогда не появлявшихся въ печати; здѣсь найдутъ они и порядочное собраніе загадокъ и собраніе общихъ (несовсѣмъ, правда, основательныхъ) свѣдѣній и понятій о малороссійской народности и языкѣ, и наконецъ словарь въ одинад-

цать слишкомъ тысячъ словъ. Польза такого труда несомнѣнна. Достоинства его равно и недостатки, (которыми онъ изобилуетъ), ясны для каждаго, съ перваго взгляда. Почтенный составитель »Старосвѣтскаго Бандуриста« полагаетъ, напримѣръ, что »приличнѣе и правильнѣе было бы называть малороссійскій языкъ — *нарѣчіемъ* русскимъ, такъ какъ оба языка суть вѣтви одного великаго Славянорусскаго племени, связанныя существенными узами, а именно: одинаковостью (единствомъ?) религіи и языка, въ которомъ, вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ, явились съ теченіемъ времени иные обороты и даже чуждые выраженія для языка Русскаго, «что,» несмотря однако на это различіе, языкъ обѣихъ отраслей остался въ *сущности одинаковымъ*, потому что какъ Великорусъ, такъ и Украинецъ, безъ труда другъ друга понимаютъ, *чего* не было бы возможно безъ одинаковости языка». Дѣйствительно, не неправильно было бы назвать южнорусскій, какъ и великорусскій языкъ, русскими нарѣчіями; но что вы будете дѣлать съ упрямою практикою! Вотъ, почтенный Шафаринъ чрезвычайно правильно назвалъ всѣ Славянскіе языки нарѣчіями; такъ бы кажется и слѣдовало ихъ называть, такъ иѣтъ: никто его не слушается, и мы поневолю продолжаемъ говорить: Польскій, Чешскій, Словацкій, Русскій (Великорусскій), Южнорусскій языкъ. «Бѣда, та и только: и тутъ нема намъ волі! Связали съ словомъ языкъ свое какое-то понятіе о степени самостоятельности, опредѣленности, о степени развитія личности нарѣчія, да и даютъ это названіе кому заблагоразсудятъ, а признать такую личностью они теперь готовы чуть не каждаго человѣка, не то что какое-нибудь разнорѣчіе! Впрочемъ, и доказательства, приводимыя г. Закровскимъ, не такъ прочны, чтобы въ этомъ случаѣ могли сколько-нибудь поколебать силу »употребленія,« практикн. Великороссіянинъ и Подніпровскій Южнорусъ понимаютъ другъ друга безъ большого труда; но въдь также безъ большого труда понимаютъ другъ друга не только Болгаринъ Серба пограничныхъ областей, но даже гдѣ-нибудь подъ Адрианополеми — Грека и Турка; Полякъ и Червонорусъ, или Южнорусъ сѣверозападной части Волыни, частію также безъ труда понимаютъ другъ друга. Изъ этого, конечно, слѣдуетъ многое, но никакъ не то, что Южнорусскій языкъ »приличнѣе и правильнѣе было бы назвать нарѣчіемъ. « Далѣе, нельзя согласиться и съ тѣмъ, что на южнорусскій языкъ, или нарѣчіе, должно смотрѣть, какъ на нарѣчіе недавно образовавшееся изъ Славянорусскаго, подъ вліяніемъ какихъ-то (повидимому недавнихъ) *политическихъ условій*, — вѣроятно, подъ вліяніемъ преимуществен-

но Польши, потому что (какъ далѣ увидимъ) составитель «Старосвѣтскаго Бандуристы» черезъ чуръ большое значеніе даетъ этому вліянію, хотя въ одномъ мѣстѣ (стр. 251) и говоритъ, что «Полякамъ не удалось обезобразить ни языка, ни вѣры Малороссіянъ». Языкъ, какъ и типъ народа, не скоро теряетъ свой основной видъ. Двухъ-сотъ лѣтъ даже сильнаго вліянія, смѣсп,—недостаточно для этого. Къ какому времени относитъ г. Закревскій то состояніе Южноруссовъ, когда они не отличались, или почти неотличались, отъ Великоруссовъ? Ко времени Ярослава I, Владиміра святого? Отвѣта на этотъ вопросъ г. Закревскій не даетъ. Въ XV вѣкѣ Малороссіяне являются намъ съ тѣмъ же типомъ и, судя по слѣдамъ вліянія народной рѣчи на литературный языкъ, съ той же физиономіею языка, какую онъ сохранилъ и доселѣ. Стало быть типъ и языкъ малороссійскій образовался прежде XV вѣка. Когда же? во время татарскаго ига, до XV вѣка? Но до XV-го вѣка вліяніе Польши на южнорусское племя не могло быть значительно. Стало быть, типъ и языкъ малороссійскій образовался, быть можетъ, подъ вліяніемъ Татаръ? Но вѣдъ ближайшее къ Ордынцамъ, великорусское племя, подвергавшееся даже сильной смѣси съ Татарами, сохранило, говорятъ, свой основной типъ и физиономію языка: какимъ же образомъ южнорусская половина Славяноруссовъ успѣла такъ жестоко пострадать въ такое короткое время? Одно изъ двухъ: или нужно согласиться съ удивительною гипотезою почтеннаго академика (г. Погодина), что Малороссіяне, хотя наиболѣе близкое изъ Славянскихъ племенъ къ Великорусскому и Русское же племя, но оно долго жило гдѣ-нибудь между Чехи и Лехи— у Карпатъ, и только въ XIII вѣкѣ явилось во святую Русь, или же Малороссіяне имѣли тотъ-же типъ и тотъ-же языкъ до Татаръ, даже тогда, когда кричали Перуну: «видпбай, бже!» Быть можетъ, время Хазаръ, Варяговъ, время Владиміра и Ярослава, оказало, въ-совокупности, нѣкоторое вліяніе на измѣненіе языка и типа Южнорусскаго, но немогло же оно, какъ и время борьбы съ Польшею, слишкомъ измѣнить ихъ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что образованіе Великорусскаго (вѣдъ не остался же онъ исконнымъ) и Малорусскаго типа и языка совершилось до прихода этихъ племенъ въ нынѣшнюю Россію, и быть можетъ еще во время зарожденія разныхъ Славянскихъ языковъ, т. е. во время распаденія Славянскаго языка на нарѣчія. Покрайней мѣрѣ, типы Даковъ на Траяновой колонѣ ясно говорятъ намъ, что въ I вѣкѣ нашей эры существовалъ уже совершенно особый типъ Великоруса и типъ Малоруса.

Кромѣ всего этого, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что несо-

всѣмъ справедливо сопоставляли Малороссійскій языкъ только съ Велико-русскимъ да съ Польскимъ. На самомъ дѣлѣ этотъ языкъ, послѣ Велико-русскаго, ближе всего подходит къ Словацкому и Чешскому, и *затѣмъ* уже къ Польскому языку. Если къ польскому Малороссійскій языкъ приближается только по корнямъ, по словамъ, т. е. по матеріалу рѣчи, то къ Словацкому и даже Чешскому и по корнямъ словъ и по законамъ фонетики, и даже по синтаксическому строю. Если бы наше образованное общество было также хорошо знакомо съ этими языками и западными южно-русскими нарѣчіями, какъ знакомо оно съ языкомъ русскимъ, польскимъ и кое-какъ съ ближайшимъ къ Великой Россіи нарѣчіемъ малорусскимъ, то оно давнымъ-давно отказалось бы отъ китайской тенденціи—считать все отъ срединной имперіи, перестало бы считать южнорусскій языкъ отщепенцемъ великорусскимъ, опоганеннымъ вліаніемъ Польши, и увидѣло бы въ нашемъ Южанинѣ совсѣмъ иной народъ, рѣзко отличающійся отъ другихъ славянскихъ племенъ, народъ съ своимъ особымъ типомъ, особымъ характеромъ и *языкомъ*, а не нарѣчіемъ; тогда, быть можетъ, оно стало бы объяснять близость малороссійскаго языка къ велико-русскому чѣмъ-нибудь въ родѣ девятистолѣтняго вліанія на оба нарѣчія церковно-славянскаго языка.

У почтеннаго составителя «Старосвѣтскаго Бандуристы, не рѣдко встрѣчаются и другія подобныя мысли. Такъ, напримѣръ, на стр. VII, гл. II «О Малоросс. пѣсняхъ» онъ говоритъ: «чтоже касается до такъ называемой древности нашихъ южно-русскихъ пѣсень, то онѣ, по моему мнѣнію (можетъ быть, и ошибочному) очень нестары. Весьма не многія принадлежатъ XVII в., или въ теченіи времени въ устахъ народа, вѣроятно, поновлены; *большая же часть сочинена въ прошломъ столѣтіи.*» А въ другомъ мѣстѣ («нѣсколько словъ о движеніи мелодіи», с. 133) прибавляетъ: «До тоническихъ стиховъ мы теперь не касаемся; потому что *всѣ Украинскія народныя пѣсни сочинены, по образцу Польскому, силлабическими стихами (?!).* Возражать на первую мысль довольно трудно, тѣмъ болѣе, что авторъ никакихъ доказательствъ не высказываетъ, а только прилагаетъ небольшое собраніе всѣмъ извѣстныхъ по разнымъ изданіямъ пѣсень, — собраніе, отличающееся *весьма плохимъ* выборомъ варьянтовъ и самихъ пѣсень. Однако и между этими новосочиненными пѣснями, и что ни-на-есть худшими варьянтами народныхъ пѣсень, вы встрѣтите опроверженіе мысли г. Закревскаго. Такъ напр. прекрасная пѣсня № 133 «Тройзілля» сохранила явныя слѣды мифологической древности. —Вторая мысль, что всѣ украин-

скія народныя пѣсни сочинены, по образцу польскому, силлабическими стихами, не заслуживаетъ и возраженія.

Подобныя убѣжденія управляли авторомъ и при составленіи «Словаря малороссійскихъ ідіомовъ». Всѣ слова невеликорусскія онъ, повидному, считаетъ заимствованными, преимущественно изъ Польскаго языка, какъ то: панъ, добродѣй, скриня, коваль и т. под.; какъ-будто оба русскіе языка не имѣютъ, напр., корней кры (скрыть, крыть), ку (ковать, кую), какъ-будто безъ участія польскаго языка одно изъ русскихъ нарѣчій не могло образовать такіа слова, какія не существуютъ почему-либо въ другомъ. Отсюда, съ одной стороны, весьма полезный приѣмъ при составленіи словаря — означать и соотвѣтственныя польскія слова, съ другой — односторонность и неправильное объясненіе (переводъ) малороссійскихъ словъ; какъ напр., рабованне, П. *Rabunek*, Пѣм. *Rauben* — *поработити, грабительство*; рабовати, П. *Rabować, rabować* — *поработать, грабить, опустошать*; между тѣмъ, тутъ же приводится примѣръ изъ старинной литературы: «Не для рабованья и обиранья городовъ нашихъ», и выше напечатана пѣсня № 20:

Годі, годі, козаченьку въ обозі лежатъ:
Ой, ходімо підъ Гусятницъ Жидівъ *рабовати*.
Та въ пятницю до-полудня Жидівъ рабовали;
А въ субботу въ Іванковцяхъ худобу збірали.

Да наконецъ русское и нѣкоторыхъ мѣстъ малороссійское *грабить*, малорусское *рабовати* (съ сохраненіемъ начальнаго *г*), ясно должно было бы указать, что слово *рабувати* имѣетъ первое значеніе не *поработать*, (*работать*), а *грабить*, и едва-ли гдѣ у насъ соединяется съ нимъ понятіе *поработы*. Такъ точно слово «прідки» (*прідки*) у него сближается не съ древнимъ славянскимъ и русскимъ «предокъ», *предки*, а съ Польскимъ *przodek*; откуда взято имъ и правоисаніе этого слова «продки», — какъ будто церковно-славянское и древне русское *e* не переходитъ въ южно-русскомъ языкѣ въ *и* мягкое. — Впрочемъ, неправильное объясненіе словъ у г. Закревскаго встрѣчается и безъ участія Польскаго языка. Такъ, напр., прочка онъ переводитъ: *прокъ, покой*, убѣжище. 2) удивленіе и т. д.; Между тѣмъ, какъ здѣсь же находятся у насъ слова: *прочане* — *захожіе, чужіе, выходцы*, и *прѣчки, прічки* — *уменьш. отъ прічъ* — *вопъ: »геть прічки відъ мене», »Противъ нічки помандрувавъ козакъ прічки»* или: *отъ здырства и утеменjenja бѣдныхъ люди, оставивши жилища, пошли въ прічку и въ заграничныя Панства.»*

Или: — *прирустити* переводится имъ: *утѣшать* вмѣсто пригро- зить, наказать и т. д.; слово *бакша* — 1) грядя на огородѣ 2) негод- ная трава; напр. бакшу полоти; *баки* — ротъ: Воно ёму ні въ чімъ не повірять и *баки* ёму забье; или сл. лящати (ажъ. по за ушами за- лящаю) — раздаваться (?); *намѳрки* — разсудокъ; *личманъ* — 1) особое состояніе людей въ простомъ быту (?) 2) родъ медалей, 3) П. licsman — сосчитанныя деньги, 4) счетоводъ и т. д.

О правописаніи г. Закревскій держится того мнѣнія, что такъ-какъ «существенное (и самое естественное) правило въ правописаніи есть то, чтобы оно основывалось на коренныхъ свойствахъ языка и было общепони- тнымъ, и какъ *правописаніе библейское* болѣе или менѣе извѣст- но уже всей Малороссіи, то согласно Церковно-Славянскому языку, при всякой перемѣнѣ (въ склоненіяхъ и спряженіяхъ) *удерживай корен- ную букву даннаго слова*, какъ бы она иначе ни выговаривалась. «Тог- да (по его мнѣнію) будетъ однообразіе и для каждаго понятно (?). Въ противномъ случаѣ, (продолжаетъ онъ) нѣтъ общаго *основанія* (?), а безъ него ни *Грамматики*, ни Словаря (1)» Вслѣдствіе чего г. Зак- ревскій держится того правописанія, которое хотѣли ввести г. Максимо- вичъ и нѣкоторые другіе: пиши *е, о, у, и* съ знаками ^, выговаривай *и, ы* и т. под. Такимъ образомъ, «и сѣно цѣле и козы сыты», заклю- чаетъ почтенный авторъ *Старосвьтскаго Бандуриста. Розумному досить*, а мудрствующему скажемъ, что при такомъ правописаніи Мало- россіянне будутъ читать всегда сообразно своему народному выговору.»

Такъ-какъ у насъ литературный языкъ еще не выработался, а стало быть не установились еще опредѣленные правила орфографіи, то вольно- му воля: каждый можетъ держаться какихъ угодно ему правилъ; но эта- то именно неопредѣленность и вызываетъ насъ въ настоящую минуту сказать о той орфографіи, которой держится г. Закревскій, двѣ, три не- большихъ замѣтки, такъ какъ здѣсь не можетъ быть мѣста большому трактату объ этомъ предметѣ.

Существенное, и самое *естественное*, какъ выражается г. Закрев- скій, правило въ правописаніи есть, безъ сомнѣнія то, чтобы писать такъ, какъ говоришь. Это правило строго соблюдали всѣ начальники письмен- ности и доселѣ его соблюдаетъ народъ, знающій только какое-нибудь опредѣленное начертаніе извѣстныхъ звуковъ, т. е. азбуку. *Иесте- ственное* же, или искусственное правило правописанія есть то, чтобы постоянно соблюдать старинный способъ изображенія въ письмѣ того или другого слова и употребленія того или другого звука, и не обращать

большого вниманія на существующее въ настоящее время произношеніе этихъ словъ и звуковъ. Слѣдую послѣднему правилу, литература всегда является не естественнымъ, а консервативнымъ элементомъ въ историческомъ развитіи языка. Благодаря такому свойству литературы у тѣхъ народовъ, гдѣ литературное преданіе жило непрерывно, произошли большія несообразности и затрудненія въ орфографіи. Англичанинъ учитъ по азбукѣ, что *a* произносится такъ-то, а *i* — такъ-то; въ письмѣ же ему приказываютъ писать *a* тамъ, гдѣ, по его мнѣнію, слѣдовало бы писать *e*, и простое *i* тамъ, гдѣ непремѣнно слѣдовало бы написать *ei* или *ai*, Французъ и доселѣ путается въ употребленіи въ письмѣ *ai*, *e*, *e tuel*, *ai* и *o* и т. д., какъ русскій человекъ въ употребленіи *ь*, *e*, *э*, *ъ*, удвоенія согласной и т. под. Согласенъ, что эти маленькія неприятности исторіи необходимы тамъ, гдѣ литературное преданіе сохранялось прочно, и такія маленькія неприятности, быть можетъ, даже не бесполезны были для старинныхъ составителей грамматикъ; но вѣдь въ малороссійской литературѣ преданіе прервано, создается литература новая, народная, а не чужеземная и не аристократическая: создается она не для избраннаго меньшинства, а для всего народа, которому грамота и просвѣщеніе не такъ-то легко даются: девятьсотъ лѣтъ вертитъ онъ въ рукахъ болгарскую (ц.-славянскую) грамоту и до сихъ поръ едва-едва (и то рѣдкій изъ среды егò) усвоилъ себѣ только ея азбуку, да нѣкоторые религіозные слова, — читать-то ее хотя и можетъ кое-какъ, но понимать — почти не понимаетъ и ни одного слова ея не напишетъ правильно. Стало-быть, условія новой южно-русской литературы, какъ и самая цѣль ея — облегчить для массы южнорусскаго народа средства и способы просвѣщенія, ставятъ ее въ иное положеніе, чѣмъ то, въ какомъ находятся всѣ другія литературы. Зная эти условія, зная, что ни наша зачинающаяся литература, ни южно-русскій народъ, не имѣютъ прочнаго, обязывающаго литературнаго преданія, довольно трудно понять, съ какой стати удаляться намъ отъ *естественнаго* правила орфографіи и стремиться обременять, запутывать ее (орфографію) искусственными, для большинства трудно доступными и бесполезными, правилами, основанными на производствѣ словъ? Развѣ для того, чтобы подражать другимъ и копировать чужую исторію даже въ отрицательныхъ ея результатахъ? *«Правописание Библейское,»* говоритъ г. Закревскій, *«богѣ или менѣе извѣстно уже всей Малороссіи: стало быть, согласно церковнославянскому языку удерживай коренную букву даннаго слова, какъ бы она иначе ни выговаривалась.»* Но Малороссіи богѣ

или менѣе извѣстно не *правописаніе*, а *изображеніе буквъ* Кирилловскаго и новаго, гражданскаго, письма. Хорошо, что г. Закревскому близко знакомо библейское правописаніе и самый языкъ церковно-славянскій знакомъ болѣе, чѣмъ родной;—ему легко, пиша по-малороссійски, помнить, какъ то или другое слово пишется по церковно-славянски и какія въ немъ коренныя буквы; но не всѣмъ же дана такая благодать: огромное большинство никогда такъ хорошо не владѣло древне-болгарскою грамотою и языкомъ, а въ послѣднее время и священное значеніе этого языка (какъ на Западѣ латинскаго) часъ отъ часу слабѣетъ. Какъ же быть этому бѣдному большинству? Вѣдь грамоту-то и правила правописанія мы теперь вырабатываемъ преимущественно для него, а не для гг. Закревскаго, Максимовича или для «Русскаго Вѣстника», «которымъ легко можно выучиться правильно писать и по-вѣмецки, и по-англійски и пожалуй даже по-китайски... Какъ это несчастное, менѣе всего доселѣ принимавшееся въ соображеніе, большинство можетъ догадаться, что *віця* было когда-то *овень*, что *дідь* было когда-то *дѣдъ*, или даже дядь, дьядо, и т. д., что *подія*, *добродій*, согласно церковно-славянскому правописанію слѣдуетъ писать *подья*, *добродьи* и т. под.; легко ли ему догадываться даже, что *стіл*, *піл*, *під*, *від*, *віз* суть собственно: *столя*, *поль*, *подъ*, *отъ*, *возъ*, что *за-міжъ* собственно *за мужъ*, *оірок*—*оурукъ*, *оурець* и т. под. Какъ онъ можетъ, да и какая ему польза—*удерживать коренную букву даннаю слова, согласно церковно-славянскому языку?* Не разумнѣе ли будетъ, при установленіи новаго правописанія, заботиться о томъ, чтобы *невозможности* принаравливаться къ инстинктамъ этого большинства и приближаться къ естественнымъ правиламъ орфографіи? Вѣдь и самъ г. Закревскій не можетъ исполнять своего предписанія и напр., мѣстоимѣніе *тотъ*, *та*, *то*, пишетъ не по ц.-славянски — *той* и т. д., а *тій*; стало быть, считаетъ необходимымъ въ иныхъ случаяхъ не слѣдовать ц. слав. орфографіи. «Безъ сохраненія библейскаго правописанія, «говоритъ г. Закревскій, «не будетъ *общаю основанія*, а безъ него ни *Грамматики*, ни *Словаря*. «Кажі, Грпцю, Богородицю! Развѣ Церковно-Славянскій языкъ не имѣетъ ни Словаря, ни Грамматики, ни общаго основанія? А вѣдь Славянскіе первоучители писали такъ, какъ говорили. Неужели почтенный издатель «Старосвѣтскаго Бандурнеты» доселѣ не сроднился съ мыслию, что всякій языкъ и безъ участія ученыхъ имѣетъ свой словарь, свою стройную грамматику, и что грамматика не есть наука, учащая народъ правильно говорить на родномъ его языкѣ? Мы не смѣемъ даже сомнѣваться въ томъ, что эта азбука совре-

менной филологія хорошо извѣстна г. Закревскому; а потому вышеприведенныя слова его объ общемъ основаніи, безъ котораго будто бы не возможны Грамматика и Словарь, объясняемъ себѣ такимъ-образомъ: авторъ доселѣ не оставляетъ «старосвѣтскаго» обыкновенія заботиться исключительно о пользахъ и удобствахъ (да и дѣйствительно ли еще это польза и удобство?) немногихъ избранныхъ и хорошо обеспеченныхъ, тамъ, гдѣ дѣло идетъ о пользѣ общей, всенародной: а потому, въ видахъ облегченія духовныхъ богачей, образованныхъ и ученыхъ людей, изучающихъ южно-русскій языкъ, предлагаетъ сдѣлать взлогъ на весь народъ — заставить его и теперь и впослѣдствіи писать согласно правописанію чуждаго и мертваго языка, — стало быть, учась грамотѣ постоянно заниматься *изученіемъ* едва-ли нужнаго ему языка, а свой родной искажать на образецъ этого языка. Это-го и значитъ по мнѣнію нашего почтеннаго кievлянина: «и сіно ціле и кози ситі», или, вѣрнѣе, и кози цілі и вовки ситі.»

Напрасно ищеть г. Закревскій общаго основанія для нашей орфографіи, грамматики и даже для словаря, въ ц. славянскомъ языкѣ и въ библейскомъ (какъ онъ выражается) правописаніи. Конечно, пишущій грамматику какого бы то нибыло изъ Славянскихъ языковъ, Малороссійскаго же тѣмъ болѣе, не можетъ не обращаться къ этому древнѣйшему изъ славянскихъ нарѣчій, для уясненія послѣдовательнаго развитія той или другой формы, того или другого звука, и въ этомъ смыслѣ можно отчасти принимать его какъ бы за общее основаніе (хотя и это не будетъ вполне справедливо); но каждый языкъ, въ какой бы вы его моментъ ни взяли, представляетъ самъ по себѣ отдѣльное, полное цѣлое, имѣющее свое собственное *общее основаніе*, свою опредѣленную, ясную грамматику и такой же словарь, такъ-что еслибы намъ и небылъ извѣстенъ ц.-славянскій языкъ, то все таки можно было бы составить отчетливую грамматику языка.

Стало быть—общаго основанія малороссійскаго языка всего разумнѣе искать въ самомъ этомъ языкѣ.

Иное дѣло, еслибы г. Закревской сказалъ, что мы доселѣ еще не вполне уяснили себѣ общее основаніе южнорусскаго языка, какъ совокупности всѣхъ южнорусскихъ нарѣчій, что мы ощущаемъ, стремимся къ тому, но за слабостью, быть можетъ, инстинкта централизаціи у южноруссовъ и за склонностью ихъ къ развитію личности, доселѣ еще не вполне имъ овладѣли: — въ этомъ случаѣ г. Закревскій былъ бы отчасти правъ. Дѣйствительно, до сихъ поръ еще не образовалось у насъ среды, связы-

вающей всё эти нарѣчія, не образовалось общаго (или вѣриѣе — господствующаго) литературнаго языка. Нынѣ употребляемый нашими писателями языкъ есть только нарѣчіе поднѣпровскихъ Южанъ и преимущественно подрѣчіе «дебичне», какъ называлъ г. Куцый языкъ этой стороны Днѣпра. Этому-ли нарѣчію, ближайшему къ великорусскому языку, суждено взять верхъ и лечь въ основу будущаго литературнаго языка, или какому нибудь изъ другихъ входящихъ въ него элементовъ, или же наконецъ каждое нарѣчіе будетъ имѣть свой литературный языкъ — одному Богу извѣстно. И такъ, дѣйствительно, для почтенныхъ старинныхъ грамматиковъ нѣтъ еще привычной, необходимой для нихъ, готовой опоры — общаго литературнаго языка, и имъ, чтобы не путаться, необходимымъ кажется «начинать отъ печки» — искать этой опоры, этого общаго основанія или въ литературномъ великорусскомъ, или въ позднѣйшемъ ц. славянскомъ языкѣ. Но современному филологу, изучающему южнорусскія нарѣчія, легко и безъ этихъ подпорокъ опредѣлять законы южнорусскаго языка и общее его основаніе. Понятная вещь, однако, что разумное уясненіе этого общаго основанія никакъ не удовлетворитъ желанію г. Закревскаго — не заставить всѣхъ употреблять одно и тоже правописаніе, не приведетъ къ желанному *однообразію*: покажѣтъ невыработался общій литературный малороссійскій языкъ, одни будутъ писать: *джерело, хоче, Би*, другіе — *джерело, хочить, Бу*, третіе — *жерело, хочеть, Бог* и т. д. — Впрочемъ, г. Закревскій кажется самъ допускаетъ это разнообразіе; да и заботится-то собственно не о томъ, чтобы привести это разнообразіе къ однообразію... О какомъ же однообразіи правописанія онъ говоритъ? А Господь его вѣдаетъ! кажется, объ однообразіи южнорусскаго съ литературнымъ великорусскимъ правописаніемъ, на сколько однообразіе это постижимо для образованнаго человѣка, — т. е. предлагаетъ сохранить ѣ въ концѣ словъ, ѣ, е, у, о, ы, какъ они употребляются въ великорусскомъ правописаніи, хотя въ южнорусскомъ языкѣ и переходятъ въ і и и и т. д.; въ иныхъ же случаяхъ, гдѣ трудно даже значками натянуть слово на великорусское и ц. славянское правописаніе, разрѣшается употреблять букву, соответствующую звуку въ томъ или другомъ малороссійскомъ словѣ. Изъ этого, конечно, въ сущности выходитъ не однообразіе, а разнообразіе и путаница: «та за те воно по учёному». — Мы уважаемъ исторію, уважаемъ и охранительный элементъ ея, а потому не можемъ не уважать и стремленія г. Закревскаго добыть для южнорусскаго правописанія историческую почву: эта почва болѣе всего благопріятствуетъ разумному и прочному раз-

виту, если принадлежит народу, составляет его прошедшее, если народъ, такъ-сказать, сидитъ на ней, какъ на корню; но какъ во многихъ другихъ, такъ въ-особенности въ этомъ случаѣ, не можемъ понять, съ какой стати, ради того, чтобы держаться чужой исторической почвы, обременять и запутывать исторію не только такими трудностями и несообразностями, какими тяготеяся и тѣ, отъ кого заимствуютъ эту почву, но, какъ обыкновенно бываетъ при пересадкахъ подобнаго рода, даже увеличивать ихъ? не понимаемъ и того, почему не слѣдуетъ принимать во вниманіе, прежде всего явныя удобства, способности и средства самого того народа, для котораго издаются законы, или вырабатывается правописание? Нельзя же предполагать, чтобы все это дѣлалось изъ боязни способствовать, въ противномъ случаѣ, разъединенію членовъ одной семьи: извѣстно — что Богъ соединилъ, того намъ не разлучить, хотя бы даже мы, съ г. Закревскимъ, изъ всѣхъ силъ старались объ этомъ. Естественныя коренныя стремленія общества и народа разрушать и не наши соломенные преграды. Да и въ самомъ-ли дѣлѣ нами признаваемое *правило* орфографіи ведетъ къ такому разъединенію? Если — *да*, то орфографія гг. Закревскаго и Максимовича еще болѣе ведетъ къ тому же. Мы выше замѣтили, что нашъ народъ исторически усвоилъ себѣ не правописание и не языкъ ц. славянскій, а только азбуку — знаки извѣстныхъ звуковъ. Чѣмъ легче народъ можетъ выучиваться грамотѣ, — т. е. не только складывать звуки, читать, но и понимать читанное, — тѣмъ болѣе у него средствъ къ просвѣщенію, а стало быть и къ сближенію съ великорусскою литературой, потому что выучившіяся хорошо читать (т. е. читать и хорошо понимать) на своемъ языкѣ, безъ затрудненія могутъ читать и понимать писанное на языкѣ родственномъ, тѣми же буквами, но по иной орфографіи. Правописание же, котораго держится г. Закревскій, правда, облегчаетъ великоруссу читать и понимать помалороссійски, но затрудняетъ и спутываетъ малорусса. «Розумному дѣситъ», заключимъ мы словами г. Закревскаго, а для «мудрствующаго» прибавимъ, что народъ читаетъ *такъ, какъ написано*, и коверкаетъ это написанное совсѣмъ не по правиламъ, — какъ вѣроятно предполагаетъ г. Закревскій, — напримѣръ: *кѣнь* (по правописанію г. З.) онъ прочтетъ не *кѣнь*, а *кѣн*, *добродѣнь* — *добродѣй*, *моѣи* — *моѣй* или *моѣи*; *воѣця* — *воѣця* и т. д.; потому что онъ привыкъ произносить буквы по принятой испоконъ-вѣковъ на Руси азбукѣ, не знаетъ надстрочныхъ знаковъ и тогда только слово церковно-славянское, великорусское и даже малорусское, написанное по способу г. Закревскаго, произноситъ правильно

помалороссійски, когда пойметъ его и произнесетъ, не смотря въ книгу; а понять-то ему написанное по этому способу очень трудно.

Стремленіе навязывать нашему языку такое запутанное и сбивчивое правописаніе и «по ученому» разыскивать общее основаніе южнорусскаго языка за тридевять земель, тогда-какъ оно передъ глазами, можно объяснить себѣ тѣмъ, что многіе наши патріоты выросли или окончательно воспитались вдали отъ своего народа, — тѣмъ, что даже и родной языкъ имъ, какъ и великоруссамъ, понятіе становится сквозь призму господствующаго нынѣ въ великорусской литературѣ правописанія. Свое собственное впечатлѣніе и свои средства они потомъ приписываютъ и народу: имъ кажется, что и для него такъ будетъ понятіе и легче читать и даже писать. — Разумѣется, когда выработается у насъ одинъ общій литературный языкъ, тогда этотъ языкъ, и безъ заботъ старосвѣтскихъ малороссійскихъ дѣятелей, стѣснитъ народъ опредѣленными, свойственными ему, правилами орфографіи; но тогда — дасть Богъ — это стѣсненіе не прійдется ему такъ солоно, какъ предложенное «Старосвѣтскимъ Бандуристою», потому-что грамотность у него конечно, уже разовьется въ значительной степени, и ему не будетъ такъ тяжело усваивать родныя орфографическія трудности.

Вотъ легкія замѣтки, которыя я почелъ необходимымъ сказать о проповѣдываемомъ г. Закревскимъ, и еще кой-къмъ, правописаніи.

Но какого бы изъ направлений, существующихъ между южнорусскими дѣятелями, ни держался г. Закревскій, какъ бы ни были ошибочны многія его мнѣнія, — все это не уменьшаетъ въ нашихъ глазахъ значенія и достоинства его книги, какъ сборника многихъ полезныхъ свѣдѣній и матеріаловъ. Въ настоящее время мы менѣе, чѣмъ когда-нибудь, можемъ давать значенія частнымъ мнѣніямъ и даже направленіямъ, которыми испещрено наше небольшое общество, и болѣе чѣмъ когда-либо обязаны цѣнить добросовѣстную передачу фактовъ и стремленіе облегчать пользованіе ими: а это-то именно и составляетъ цѣль и характеръ «Старосвѣтскаго Бандуристи». Недостаточность или невѣрность передачи и объясненія того или другаго факта, конечно, не есть слѣдствіе умышленнаго желанія исказить его, или нежеланія потрудиться лишній часъ, а слѣдствіе того же, отчего, быть-можетъ, авторъ примкнулъ къ направленію нашихъ «москвофиловъ» — это тридцати-трехъ-лѣтнее пребываніе вдали отъ родины.... Этимъ почтенный авторъ объясняетъ (на стр. 614) неполноту своего «словаря малороссійскихъ идиомовъ».

Этотъ словарь есть единственный въ всемъ сборникѣ самостоятель-

ный трудъ г. Закревскаго; все остальное (какъ мы выше замѣтили) есть собраніе въ одно цѣлое прежде изданныхъ трудовъ разныхъ собирателей, съ немногими добавленіями самого г. Закревскаго.

Собрать 11,127 малороссійскихъ ідіомовъ ⁽¹⁾ (безъ производныхъ словъ), хотя бы даже изъ печатныхъ источниковъ, объяснить ихъ и издать — трудъ почтенный, за который всѣ, занимающіеся изученіемъ малороссійскаго языка, въ-особенности великорусскіе филологи, немогутъ не быть благодарны г. Закревскому. Но эти 11 тысячь ідіомовъ (между которыми не мало словъ взято изъ недавно-изданныхъ писателей старой нашей литературы) едва ли составляютъ четвертую часть даже тѣхъ малороссійскихъ словъ, которыя угодно г. Закревскому называть ідіомами. Необходимъ новый, менѣе тощій, словарь.

«До готовой колоды добре огонь підкладати», заключаетъ г. Закревскій, желая счастья и успѣха своимъ преемникамъ по составленію южнорусскаго словаря. Но юное поколѣніе, въ лицѣ г. Шейковскаго, недождавшись появленія и этой «колоды», не только заявило печатно о приготовленіи къ изданію южнорусскаго словаря въ 36 тысячъ словъ, но даже издало недавно въ Кіевѣ 1-й выпускъ «Опыта южнорусскаго словаря на буквы А и Б.

Ал. Г а т ц у к ъ.

(1) *Идіомами* г. Закревскій называетъ здѣсь такія южнорускія и употребляемыя южноруссами слова, которыя, чѣмъ-либо, рознятся отъ великорусскихъ, или суть не великорусскія. Слова *польскія*, *нѣмецкія* и *латинскія*, даже неупотребляющіяся теперь, и быть можетъ, никогда неупотреблявшіяся у народа — какъ: Эвекта, Эррата, Экскуза, безъ разбора взятыя изъ старинной нашей литературы, онъ считаетъ въ числѣ малороссійскихъ ідіомовъ. По какому поводу г. Закревскій не пожаловалъ въ *идіомы* тѣ малороссійскія слова, которыя одинаково употребляются и у малороссіянъ, какъ у великоруссовъ и другихъ славянъ — неизвѣстно.

О ПОДВИЖНЫХЪ ЗВУКАХЪ ВЪ МАЛУРУССКОМЪ ЯЗЫКѢ ⁽¹⁾.

»Развитіе языка происходитъ мало-по-малу и всякое явленіе образуется аналогически по образцу прежнихъ.«

В. Гумбольдтъ. ⁽²⁾

І. Характеристическіе *признаки* малорусскаго и великорусскаго языковъ—въ одномъ мѣстѣ извѣстной диссертациі г. Каткова »объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка« (Москва, 1845.)—представлены—если можно такъ выразиться—въ яркомъ освѣщеніи. Считаемо необходимымъ привести эту краткую, но мѣткую, характеристику:

Г. Катковъ (*стр.* 92—93.) говоритъ: »оба элемента, *небный* и *зубной*, входя равно какъ въ систему гласныхъ, такъ и систему согласныхъ, и находясь между собою въ рѣшительной противоположности, оказываютъ ощутительное дѣйствіе на цѣлый характеръ діалектовъ. — Я отвелъ названіе гортанныхъ отъ буквъ, которыя названы у меня небными (тоже у Павскаго) ⁽³⁾, ибо гортань способна только къ произношенію дыханія чистаго или свободнаго. Но буквы небнаго порядка, не будучи собственно гортанными, могутъ, въ большей или меньшей степени, имѣть гортанный характеръ.—Вообще можно сказать, по крайней мѣрѣ въ кругу славянскаго языка, что преобладаніе небнаго элемента въ нарѣчіяхъ наводитъ на нихъ гортанный характеръ, и наоборотъ: пре-

¹⁾ Сочиненія, которыми мы главнымъ-образомъ пользовались при составленіи этой статьи: *Павловскаго* »Грамматика Малороссійскаго нарѣчія«. Спб. 1818., *Лозинскаго* »Grammatyka języka Ruskiego (Malo-ruskiego)«. Перемышль. 1846., *Миклошича*: »Vergleichende Grammatik der Slawischen Sprachen« (малорусскіе отдѣлы). Вѣна. 1852, 1. *Лавровскаго* »Обзоръ особенностей Нарѣчія Малорусскаго«—статья въ Ж. М. Н. П. 1859, июнь.

⁽²⁾ Введеніе во всеобщее языкознаніе, переводъ Билярскаго. Спб. 1859. стр. 82.

⁽³⁾ г (=g), г (=h), к, х.

обладаніе противоположнаго элемента губнаго ослабляетъ и стѣсняетъ въ цѣлой системѣ звуковъ дѣйствіе гортаннаго дыханія. — Въ такомъ сильномъ діалектическомъ отношеніи представляются намъ два вида русскаго языка: *малорусское* и *великорусское* (не во всемъ однако объемѣ) нарѣчій. Въ малорусскомъ преобладаетъ элементъ небной, въ великорусскомъ-губной; въ первомъ любимая гласная *i*, во второмъ *o*; первое доселѣ не рѣшается допустить губное придыханіе *ф*, во второмъ (за исключеніемъ *новгородскаго* и *рязанскаго* разнорѣчій, которыя сближаются съ малорусскимъ, а новгородское служитъ даже какъбы переходомъ отъ малорусскаго къ великорусскому) почти вовсе нѣтъ $г = h$.

II. Мы останавливаемся на переходѣ *o* въ *i*, — самомъ типическомъ въ малороссійскомъ языкѣ, ясно обнаруживающемъ преобладаніе въ немъ небнаго элемента надъ губнымъ въ системѣ гласныхъ, и задаемъ себѣ вопросъ: по какому закону происходитъ этотъ переходъ? Г. Лавровскій, въ своемъ «Обзорѣ особенностей нарѣчій малорусскаго» (Ж. М. Н. П. 1859. іюнь) развиваетъ мысль о неразрѣшаемости этого вопроса въ настоящее время.

На стр. 231—232, онъ говоритъ: «Звуки, относительно которыхъ высказано это правило (второе отличіе малорусскаго языка, у Шафарика — переходъ *o* въ *i*) представляютъ вопросъ совершенно еще не рѣшеннымъ». — *Нѣсколько ниже*: «Опредѣлить законъ, гдѣ допускается переходъ и гдѣ нѣтъ ему мѣста въ устахъ Малороссіянина, едва ли возможно при рѣзкомъ разнообразіи произношенія при однихъ и тѣхъ же условіяхъ».

На стр. 233: «Принимая въ соображеніе мѣстные говоры народныя, слѣдуетъ замѣтить, что *переходъ o* въ *i* *находится въ порѣ продолжающагося еще развитія* и далеко не установившагося».

Нѣсколько ниже: Какъ свойство, такимъ образомъ, еще не вполне развившееся, быть можетъ, потому самому оно и представляетъ такъ много неопредѣленности и, по-видимому, произвола въ глазахъ языковѣдца, отыскивающаго, для каждаго явленія въ языкѣ, опредѣленный законъ; между тѣмъ этотъ законъ легко обнаружится самъ-собою, когда явленіе достигнетъ полной зрѣлости и совершенно окрѣпнетъ.»

III (1). При флексіи словъ въ малороссійскомъ языкѣ обнаружили и обнаруживаютъ взаимодѣйствіе слѣдующія два противоположныя явленія:

(1) Въ «Обзорѣ особенностей нарѣчій малорусскаго» разсматривается переходъ *o* въ *i* особнякомъ. Въ предлагаемомъ краткомъ лингвистическомъ

1-е. Обнаженіе темы слова отъ окончанія или принятіе ея окончаніи, состоящаго изъ согласной и гласной, и аналогическое съ нимъ выпаденіе гласной, составляющей окончаніе или первый слогъ ея.

Имена м. и ж. родовъ, оканчивающіяся согласными, являются обнаженными отъ окончанія въ и.м. ед.

Имена ж. р. на *а, я*, и ср. на *о, е* въ род. *мл.*, глаголы первообразные, оканчивающіе тему согласными, — въ им. ед. *м.р. прошедшаго времени* (которое есть собственно причастіе, имѣющее им. ед. для каждого рода и им. мн. для всѣхъ родовъ). Тѣже глаголы принимаютъ въ пр. вр. окончанія *ла, ло, ли* (тѣр, тѣр-ла, тѣр-ло, тѣр-ли). Гласная *и* (*ы*)—окончаніе 2-го л. ед. пов. накл. и гласныя—первые слоги окончаній: *и-ю* (вин. падежа ед. именъ ж. р., оканчивающихся согласными), *а-ми* (тв. мн. всѣхъ родовъ), *і-мо, і-те* (1-го и 2-го лицъ мн. пов. накл.) выпадаютъ, если не останавливаютъ на себѣ ударенія (сип, сип-мо, сип-те; гиб-тю, грѣш-ми)

2-е. Сохраненіе или вставка е и о бѣлыхъ и, развишеся въ языкъ, по аналогіи съ нимъ, усиленіе е и о въ е=і и ѓ=і (¹)

очеркѣ—мы поставили этотъ переходъ на то мѣсто, какое онъ занимаетъ въ ряду другихъ аналогическихъ съ нимъ явленій. — Небной элементъ *і*, являющійся вмѣсто губного *о*, какъ его усиленіе и какъбы перезвукъ (*umlaut*), принадлежитъ къ системѣ гласныхъ, которыя мы называемъ *подвижными*. Эту систему составляетъ *е, о, т. н. бѣлые и е=і, ѓ=і*. Къ подвижнымъ звукамъ принадлежитъ также *ѣ*, звукъ колеблющійся между *е* и *у* (хѣдѣѣ, хо-дѣ-ла, и т. п. Пѣтѣва) Усиленіе *е* и *о* въ *е* и *ѓ* аналогично сохраненію или вставкѣ *е* и *о*—бѣлыхъ. Мы старались провести параллель между этими явленіями, насколько она проходитъ во флексіяхъ м.-л. языка.

Къ этому считаю лишнимъ сдѣлать еще слѣдующія два примѣчанія.

1) Къ именнымъ формамъ, образующимся флексіями, мы причисляемъ: падежи, какъ именнаго, такъ и мѣстоименнаго склоненій; къ глагольнымъ—наст. вр. (изъяв. накл.) и пов. накл. съ ихъ лицами. Кромѣ того прошедшее время съ его падежами.

2) Темы флексирующихся словъ оканчиваются или согласными или гласными. Въ послѣднемъ случаѣ, между послѣднею гласною темы и первою окончанія является согласная спайка *і* (іотъ). На этотъ *і* можно смотрѣть, какъ на послѣдній звукъ темы, и потому мы для упрощенія принимаемъ, что всякая тема оканчивается согласною.

(¹) Павловскій, на стр. 2-й, говоритъ: «о въ односложныхъ рѣченіяхъ произносится какъ *і*. напр. сѣм, пѣп, бѣг, стѣл; а ближайшіе къ Литвѣ и грубѣйшіе Малороссіяне выговариваютъ оное такъ, какъ у пле *ю*, *мѣшалъ будто съ і* (*Umlaut*), напр: кѣит, пѣип, рѣид, сѣиз'. Г. Лавровскій переходъ

Бѣглыя *e* и *o* сохраняются (въ им. ед. онѣ соотвѣствуютъ большою частою *ь* и *ъ*) или вставляются между двумя послѣдними согласными теми, обнаженной отъ окончаній или принимающей окончаніе, состоящее изъ согласной и гласной.

Коренные *e* и *o* (мы называемъ ихъ такъ для отличія отъ бѣглыхъ) усиливаются въ *ѣ* и *ѵ*, находясь между послѣдними согласными теми, какъ въ тѣхъ формахъ, въ которыхъ она обнажается отъ окончаній или принимаетъ окончаніе состоящее изъ согласной и гласной, такъ и въ тѣхъ, въ которыхъ выпадаетъ гласная, составляющая окончаніе или первый слогъ его.

Когда слово принимаетъ окончаніе, состоящее изъ гласной или изъ слога, состоящаго изъ гласной и согласной — ни вставки, ни усиленія гласныхъ не происходитъ.

Подтвердимъ наши положенія примѣрами:

1. *Им. ед.*: ко-зел, коз-ла; сон, сну; Д'ні-пер, Д'ніп-ро; цер-ков, церк-ва; кра-сен, крас-на; *род. мн.*: від-ро, ві-дер; мо-лит-ва, мо-ли-тов; *пр. вр.*: пер, пер-ла, пру; тер, тру; мер, мру, и проч.

2. *Им. ед.*: пѣч, пе-чи; нѣч, но-чи; Ка-нѣв, Канева; в-ѵи, в'о-на; *род. мн.*: се-ло, сѣл; зо-ря, зѵр; по-го-вѵр—по-го-во-ру; *пр. вр.* вѣз, ве-зу; во-лѵк, во-лѵк-ла, во-ло-чу.

Тв. на и-ю: пѣч-чу, нѣч'-чу, сѣл'-лю

тв. на а-ми: грѵш-ми (гро-ши); *нов. накл.*: стѵи, стѵи-мо, стѵи-те; дѵи, на пѵи, и пр.

Итакъ, усиленіе *e* въ *ѣ* и *o* въ *ѵ* малороссійскій языкъ стремится провести въ цѣломъ стрѵе своемъ параллельно (аналогично) сохраненію или вставкѣ *e* и *o* бѣглыхъ. Вслѣдствіе своей параллельности, эти явленія никогда не сходятся, т. е. *e* и *o* бѣглые никогда не усиливаются въ *ѣ* и *ѵ*.

o въ *i* представляетъ развѣвающимся посредствомъ *y* и *и*. Мы этого вопроса не касаемся.

Къ этому можно присоедиить еще замѣчаніе изъ статьи: »Г. возводи-телю къ общеславянскому коренному звуку« (Москвитиницъ 1843 г. № 5. На эту статью указываетъ Катковъ. Въ ней есть дѣльные замѣчанія оносит. перехода *o* въ *i*):

»Со стороны Великорусской, Сѣверцы (Черн. губ.) удерживаютъ *o*: кон', далѣе отъ нихъ къ Бѣлоруссамъ *o* переходитъ въ *y*, *yo*, *y* и *ю*: куип'; куон', кун' и кюн'; со стороны Польши, у Люблинцевъ, *y*: кун', а у Карпато-Руссовъ, со стороны Словаковъ, Мадьяровъ, Волоховъ и Поляковъ, въ одномъ мѣстѣ *y*, въ другомъ *y*и, въ третьемъ *ю*. (Франц. *и*), а въ четвертомъ *и*: рук, руйк, рюк, рык (рок—годъ).

Слогъ, происходящiе чрезъ соединенiе послѣдней согласной темы съ окончанiями—слогами, состоящими изъ *e*, *o* или *é*, *ô* и согласнымъ, можно разсматривать, какъ темы, обнаженныя отъ окончанiй и потому:

1.) Гласныя окончанiй: ем, ом (тв. ед.), ем, ом и ев ов, (тв. ед. ж. р. въ червонорусскомъ нарѣчiи) (1), еш, ег' или ет. (2-го и 3-го лицъ ед. числа наст. вр.) можно разсматривать какъ бѣглыя (соединительныя), сохраняющiяся вслѣдствiе обнаженiя темы отъ окончанiй: ко-нем, волом, ду-шев, ру-ков, ве-зеш, ве-зет'.

2.) Гласныя окончанiй *êv*, *ôv* (род. мн.) *ôm*, *ôx* (дат. и мѣст. мн. по червонорусскому нарѣчiю) (2) — какъ усиленныя, вслѣдствiе обнаженiя же темы отъ окончанiй (3).

Когда слогъ ов является съ окончанiемъ и (какъ въ дат. ед.) или *e* (им. мн.) тогда усиленiя *o* не происходитъ пес; псôv, псо-ви; козел, коз'-лов, коз-ло-ви; сон, снôv; пôж, по-жêv; ко'н, ко-нêv; во-лом, псôм, ли-сôx.

— Иногда *e* и *o* бѣглые при флексiи одного и того же слова играютъ и роль выпадающей гласной, — составляющей первый слогъ окончанiя, состоящаго изъ гласной и согласной:

1) жпец', жен'ця (срав. ко-нем, кон'-ми), швец', шев-ця, велиг'-ден', вел-ли-код'ня и пр.

2) о-вес, в'ôв-са; о-рел, в'ôр-ла; ко-пец', кон'-ця, о-вец', в'ôв-ця.

IV. По какимъ техническимъ и интеллектуальнымъ требованiямъ языка (которыя всегда сходятся между собою) происходятъ разсматриваемыя явленiя?

О вставкѣ *e* и *o* бѣглыхъ, Лознискiй, на стр. 36—37, говоритъ: „Samogłoski *e* i *o* zwykły się wkładać między spółgłoskami, które razem

(1) Эти окончанiя выродились въ червонорусскомъ нарѣчiи, вѣроятно, подъ влиянiемъ польск. языка, оканчивающаго этотъ падежъ на *a*.

(2) Относительно послѣднихъ двухъ окончанiй ссылаемся на Лознискаго и Миклошича.

Лознискiй, на стр. 47, говоритъ: *zamjast am* (дат. мн.) *uzywaja niektórzy om, ale tylko po miękkiej spółgłosce: ko-n'om, gos'-tom; Wagilewicz* *swierdzi, że w Halickiem często zamjast om-im mówją: wo-лом, псôм.*»

Миклошичъ (см. *Vormenlehre*) говоритъ: Рѣдки дат. падежи мн. чна *om: o-лом, коv'ом*, также рѣдки мѣстные мн. на *ix, ox: лiсix, во-лох, ко-п'ох*.

(3) То что мы сказали о флексическихъ окончанiяхъ, м. б. примѣнено и къ слово-образовательнымъ частицамъ: стек-ло, сте-кел'-це, по-кор'-ний, вло-но, слов'-це, сло-веч'-ко; го-ло-ва, го-лов'-ка, го-ло-воп'-ка. (Гласныя въ частицахъ *еч, оц* можно разсматривать какъ, бѣглыя). Тоже можно сказать и относ. предлоговъ, напр. без'в'ôд и пр., без'v'ôго в'ôд ного и пр.

wymówić trudno, gdy się zaś te spółgłoski rozdzielają lub na przybraną samogłoskę spływają, ustają ta trudność, a włożone samogłoski nazad się opuszczają: пес, пса; пі-сок, пі-ку и т. д. « Слова съ бѣглыми е или о, явившись обнаженными отъ окончаній или принявши окончаніе, состоящее изъ согласной и гласной, безъ сохраненія или безъ вставки этихъ бѣглыхъ гласныхъ, представили бы трудное для выговора стеченіе согласныхъ ⁽¹⁾. Бѣглыя е или о, сохраняясь или вставляясь между согласными теми, составляютъ изъ нихъ слогъ и тѣмъ-самымъ — если эти согласныя принадлежать къ слогу — разлагаютъ одинъ слогъ на два. Когда слово принимаетъ окончаніе, состоящее изъ гласной, или изъ слога, состоящаго изъ гласной и согласной, — роль бѣглой гласной принимаетъ гласная окончанія.

О переходѣ е и о въ ё и ъ, Лозинскій, на стр. 25—26, говоритъ: «е, gdy jest pierwjastkową głoską słowa i bywa ścieśnione, t. j. gdy się na niém następująca spółgłoska opiera, brzmi jak i: яч-мѣн', нѣс, пѣк, тѣк. Jeżeli zaś to ścieśnienie ustaje, t. j. opierająca się na e spółgłoska, od niego się oddziela, natenczas e swoje właściwe brzmienie nazad odzyskuje: яч-ме-ню, не-сла, пе-кла, текла. (Раскладка словъ: не-сла, пекла, текла на слоги: не-сла, пе-кла, те-кла—пятажка. Естественнѣе онѣ раскладываются на слоги: не-сла, пек-кла, тек-кла. Въ этихъ формахъ е сжатое не перешло въ ё, по ряду съ приведенными встрѣчаются такія формы, какъ во-лѣк-ла и т. п. Ненужно забывать, что переходъ е и о въ ё и ъ находится въ порѣ продолжающагося еще развитія). Przyczyna, dla czego e ścieśnione jak i brzmi, jest następująca: i potrzebuje ścieśnienia ust, gdy tymczasem e otwartemi wyrabja się ustami; każda zaś prawie spółgłoska wymaga ścieśnienia ust; jeżeli więc e kończy słowo lub sylabę, nic nie przeszkadza szerszemu otwarciu ust: те-бе; jeżeli zaś po e spółgłoska następuje i na niém się opiera, to przeszkadza otwarciu ust, jakiego e wymaga; tym sposobem ścieśnia usta przy wyrabianiu samogłoski e, a tak e na i przechodzi, które się ścieśnionemi wyrabja ustami» ⁽²⁾. Такое же объясненіе онѣ употребляетъ и для о сжатого.

⁽¹⁾ Трудны для выговора сочетанія собственно согласныхъ (mptae: з, к, б, н, д, т, и пр.), легки — сочетанія плавкихъ и т. п. полугласныхъ (i, x, e, ѳ, з, с, и пр.) съ собственно согласными (чорт, борщ и пр.)

Велякор. языкъ больше терпитъ стеченіе согласныхъ, чѣмъ малороссійскій. Свидѣтельствомъ тому могутъ служить между прочимъ тѣ односложныя слова, на которыя, какъ на особенность м.-р. яз. сравнительно съ велякор., указываетъ г. Лавровскій (лоб, рот и пр.)

⁽²⁾ Такое же объясненіе употребляется въ польскихъ грамматикахъ от-

На стр. 27, онъ приводитъ слѣдующее правдоподобное исключеніе: *e nie odmienia swego brzmienia gdy następuje spółgłoska r, która wygajając się li językiem nieprzeszkadza szerszemu ust otwarciu: верх, смерг', зер-но і т. д.* Тоже онъ относитъ отчасти и къ *o*.

Слова съ коренными *e* и *o* между послѣдними согласными темы — какъ въ формахъ обнаженныхъ отъ окончаній или принимающихъ окончаніе, состоящее изъ согласной и гласной, такъ и въ тѣхъ, въ которыхъ выпадаетъ гласная, составляющая окончаніе или первый слогъ его безъ усиленія этихъ коренныхъ гласныхъ, — представили бы сжатые слоги (исключеніе: *e* не стѣсняется звукомъ *p*). Гласные *e* и *o*, усиливаясь въ *ê* и *ô*, дѣлаютъ эти слоги легкими для выговора. Когда эти слова принимаютъ окончанія, состоящія изъ гласной или изъ слога, состоящаго изъ гласной и согласной — гласныя окончанія, составляя съ послѣднею согласною темы слогъ, тѣмъ-самымъ разлагаетъ сжатый слогъ на два слога:

И такъ, усиленіе *e* и *o* въ *ê* и *ô* происходитъ, какъ и вставка *e* и *o* бѣглыхъ, по требованію благозвучія малороссійскаго языка для облегченія выговора слоговъ.

V. Мы считаемъ нужнымъ сдѣлать свои замѣчанія на тѣ шаткія соображенія, которыя представилъ г. Лавровскій относительно перехода *e* и *o* въ *ê* и *ô*.

О переходѣ *e* въ *ê* въ «Обзорѣ особенностей нарѣчія малорусскаго упоминается мимоходомъ.

На стр. 231-й, г. Лавровскій говоритъ: »Довольно много есть словъ, гдѣ і смѣнило *a* и *y*, и еще больше случаевъ перехода *e* въ *i*, какъ *вѣл'*, *мѣжду*, *пі-ро* (пе-ро), *слѣз-но*. *E* въ словѣ *пе-ро* не есть звукъ сжатый, но *серединный* между *e* и *i*, какъ напр. въ словѣ *ме-ня* великорусскомъ.

О переходѣ *o* въ *ô*, г. Лавровскій, *для* приведены выше *оговорки*, говоритъ:

Во 1-хъ, на стр. 233: »Рядомъ съ переходомъ *o* съ удареніемъ въ *i*, малорусск. нарѣчіе заключаетъ въ себѣ множество словъ, въ которыхъ, при всей очевидности ударенія, *o* рѣшительно не допускаетъ перехода; и наоборотъ, не мало найдется и такихъ словъ, гдѣ подобный

носительно перехода сжатыхъ: *e* въ *é* (= *i*, *y*) и *o* въ *ó* (= *y*). Въ великорусскомъ яз. (тоже и въ польск.) усиливается консонантизмъ сжимающей слогъ согласной: *рѣв*, *ро-ва*, *роф*, *рва*; *лоб*, *лоба*, *лоп*, *лба* и пр.

переходъ существуетъ, хотя надъ о нѣтъ ударенія. Такъ Малороссіянинъ говоритъ: *без-мѡз-кий*, без-ро-гий, во-ша, год, го-лий, го-луб, го-мѡн, до-во-лі, до-сі, дох-лий, *дош-ка*, съ другой стороны: в'ѡк-но, в'ѡв-ця, гвѡз-док (о въ слогѣ док бѣглое) и т. п.

Изъ одиннадцати первыхъ словъ не подходятъ подъ нашъ законъ четыре. Но на ряду съ дох-лий встрѣчается и дѡх-лий, вмѣсто слова год употребляется чаще (въ Кіевс. губ.) рѡк, ро-ку. Остаются: без-моз-кий и дошка.

Во 2-хъ, на той же стр: »Можно развѣ отдѣлить одну часть словъ, выговоръ которыхъ однообразенъ и опирается на твердомъ началѣ первоначальной долготы гласнаго а, развившагося въ русск. языкѣ, въ силу его полногласія, въ два о: *это о на обонхъ мѣстахъ дѣстается неизмѣннымъ, хотя бы и было на немъ удареніе (?)*; отсюда: бо-ло-го, во-лос, во-ро-га, до-ро-га, го-лод, го-лос, хо-лод и др., да род. падежи мн. числа на ов-ев, которые безъ исключенія произносятся за ів. « Какъ въ живой народной рѣчи, такъ и въ »Сборникахъ« мы встрѣчали очень часто и им. падежи ед. ч. во-лѡс, го-лѡд, го-лѡс, холѡд и род. падежа мн. бо-лѡт, во-рѡт, до-рѡг и тв. падежа мн. (за) во-рѡтѡ-ми. Также мы встрѣчали во-лѡк (отъ влѣшти), че-рѡд (отъ чрѣда) и пр.

Въ 3-хъ, на той же стр. »Быть можетъ, сюда же слѣдуетъ отнести и односложныя слова, въ которыхъ о соответствуетъ глухому древнему ѡ, какъ лоб (лѡбъ), вонъ (вѡнъ), *идь о не терпѣтъ обращенія въ і (?)*, но, наравнѣ съ такими словами, не допускаютъ і и слова, въ которыхъ о совѣтъ другого происхожденія, какъ зоб, вор, хотя Малороссіянинъ всегда произноситъ бѡк, дрѡк и т. п. « На ряду съ лоб встрѣчается и лѡб; въ значеніи словъ воръ, воровать, употребляется (въ Кіев. губ.) зло-дѣй, крас-ти; слова вон и зоб намъ неизвѣстны.

Въ 4-хъ, на стр. 232 — 233: »Этотъ переходъ находится въ тѣсной связи не столько съ удареніемъ, сколько, вѣроятно, съ утраченною уже долготою и краткостію звуковъ гласныхъ. Намекъ на это дѣлаютъ косвенные падежи: при томъ же удареніи въ им. и род. съ слѣдующими падежами косвенными (т. е. при удареніи постоянномъ), о, измѣненное въ ѡ въ первомъ, удерживается во второмъ и далѣе; такъ, дрѡк, род. дро-ку; дѡл, до-лу. Только тогда ѡ остается неизмѣняемымъ во всѣхъ падежахъ, когда и въ им. нѣтъ надъ нимъ ударенія (т. е. при удареніи подвижномъ): в'ѡвця, в'ѡвці, в'ѡвцѣ ю.

М. Андріевскій.

30-го ноября 1861 г.

Кіевъ.

СТАТИСТИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ

ОБЪ УКРАИНСКИХЪ НАРОДНЫХЪ ШКОЛАХЪ И ГОСПИТАЛЯХЪ ВЪ XVIII ВѢКѢ.

Вопросъ о народныхъ училищахъ въ настоящее время является однимъ изъ важнѣйшихъ въ нашей общественной жизни. Послѣ прекращенія крѣпостнаго права, и общество, и правительство должны обратить на этотъ вопросъ едва ли не главное свое вниманіе.

До настоящаго времени, литература какъ-то мало касалась этого предмета; она обсуживала только частные вопросы народнаго образованія; главный вопросъ — на какихъ основныхъ началахъ должны быть заводимы народныя школы — былъ упущенъ. Между тѣмъ, правительство обнародовало свой «проектъ общаго плана устройства народныхъ училищъ», и теперь, болѣе чѣмъ когда нибудь, необходимо литературѣ заявить мнѣніе общества объ этомъ дорогомъ для насъ дѣлѣ и тѣмъ помочь правительству устроить его на такихъ началахъ, которыя бы могли принести дѣйствительную пользу народу.

Ввиду сказаннаго, мы считаемъ нелишнимъ представить здѣсь, *для свѣдѣнія*, статистическія данныя объ украинскихъ народныхъ школахъ, существовавшихъ въ прошломъ вѣкѣ. Нѣкоторыя соображенія, по поводу предлагаемыхъ цифръ, мы выскажемъ ниже; а теперь замѣтимъ, что онѣ взяты нами изъ ревизскихъ полковыхъ книгъ *сѣобочной* Украины (1), сохранившихся въ архивѣ бывшей Малороссійской Коллегіи (2).

(1) Украина лѣваго берега Днѣпра раздѣлена была, какъ извѣстно, на девять полковъ; въ архивѣ мы нашли книги только семи полковъ; стародубскія и гадяцкія — утеряны.

(2) Архивъ этотъ хранится при Черниговскомъ губернскомъ правленіи и включаетъ въ себѣ драгоцѣнные матеріалы для исторіи Украины XVIII в. Со-временемъ мы надѣемся подробнѣе поговорить объ этомъ архивѣ, до сихъ поръ почти неизвѣстномъ.

Число школъ обозначено, въ этихъ книгахъ; въ спискахъ дворовъ, свободныхъ отъ постоянной повинности; наряду со школами, обозначено и количество госпиталей (*шпита.ти*), въ которыхъ жили бездомные старики, нищие (*старці*). Находя свѣдѣнія объ этихъ госпиталяхъ также заслуживающими вниманія, мы помѣщаемъ ихъ здѣсь же.

1) Полкъ Нѣжинскій (1747 г.)

Сотни.	Горо- да.	Мѣстеч- ка.	Села.	Дере- вни.	Слобод- ки.	Школы.	Госпи- тали.
1) Первая полковая	}	—	9	1	—	11	10
2) Вторая		—	14	2	—	16	12
3) Третья		—	6	—	—	8	6
4) Мринская . . .	—	1	4	2	—	2	4
5) Олишевская . . .	—	1	4	—	1	6	4
6) Дѣвицкая . . .	—	1	5	—	—	8	7
7) Веркѣвская . . .	—	1	5	—	—	5	2
8) Прохорская . . .	—	—	8	—	—	8	8
9) Ивангородская . . .	—	1	4	—	—	5	3
10) Бахмацкая . . .	—	1	3	—	—	5	5
11) Ковотопская . . .	—	1	8	—	—	15	10
12) Борзенская . . .	1	—	11	—	—	14	9
13) Шаповаловская . . .	—	1	4	—	—	5	4
14) Батурина . . .	—	1	8	—	—	10	10
15) Новомлинская . . .	—	1	5	2	—	8	7
16) Кролевецкая . . .	—	1	6	—	1	11	11
17) Коропская . . .	—	1	9	—	—	13	13
18) Глуховская . . .	1	—	42	8	1	43 ⁽¹⁾	36
19) Воронежская . . .	—	1	8	—	—	14	14
20) Ямпольская . . .	—	1	4	—	—	8	7
21) Въ Нѣжинск. полку	3	14	167	15	3 ⁽²⁾	217	182

2) Полкъ Лубенскій (1745 г.)

Сотни.	Горо- да.	Мѣстеч- ка.	Села.	Дере- вни.	Слобод- ки.	Школы.	Госпи- тали.
1) Полковая . . .	1	1	33	7	—	28	7
2) Лукомская . . .	2	1	15	5	4	14	8

(1) Въ самомъ Глуховѣ число школъ не показано.

(2) Кромѣ слободокъ, въ ревизскихъ книгахъ показаны еще и хутора, но цифру послѣднихъ мы не сочли нужнымъ помѣщать здѣсь.

Сотня.	Горо.		Села.	Дере-Слобод-		Школы.	Госпитал.
	да.	ка.		внп.	кн.		
3) Чигриндубровская	1	2	10	4	1	14	8
4) Пириятинская	1	1	32	5	—	28	19
5) Чорнусская	1	1	12	—	—	11	7
6) Городисская	1	—	5	—	—	—	—
7) Сенчанская	1	—	11	1	—	15	12
8) Лохвицкая	1	—	13	6	—	5	4
9) Глинская	1	—	8	3	—	10	8
10) Роменская	1	—	32	5	—	29	18
11) Смѣлянская	—	1	4	—	1	10	10
12) Константиновская волость, влад. гр.							
Головкина	—	1	5	1	—	4	3
13) Берестовецкая во- лость, влад. его же.	—	1	1	1	—	2	2
14) Жуковск. волость.	—	—	2	—	—	2	1
14) Въ Лубенск. полку.	11	9	183	38	6	172	107

3) Полкъ Черниговскій (1748 г.)

Сотня.	Горо.		Села.	Дере-Слобод-		Школы.	Госпитал.
	да.	ка.		внп.	кн.		
1) Полковая	1	—	6	4	—	11	9 (1)
2) Бѣлоусская	—	—	9	10	—	4	3
3) Выбельская	—	—	5	4	—	4	3
4) Слабинская	—	—	6	5	—	3	2
5) Ронсская	—	—	10	11	—	9	9
6) Любецкая	—	1	8	27	—	14	5
7) Седневская	—	1	12	6	—	11	7
8) Городницкая	—	1	15	3	—	17	18
9) Березнинская	—	1	2	3	—	8	9 (2)
10) Столенская	—	—	4	—	—	5	5
11) Шинаяская	—	1	3	1	—	4	4
12) Менская	1	—	10	2	—	11	12
13) Вольнская	—	—	4	4	—	4	5
14) Сосницкая	—	1	9	1	—	13	13 (3)
15) Киселевская	1	5	7	—	—	8	8
16) Понорницкая	—	1	21	2	—	18	12
16) Въ Черн. полку.	2	8	129	90	—	154	124

(1) Изъ этого числа, въ самомъ Черниговѣ, 9 шк. и 9 госпит.

(2) Изъ этого числа, въ самомъ Березномѣ, 3 шк. и 6 госпит.

(3) Изъ этого числа, въ самой Сосницѣ, 6 шк. и 6 госпит.

4) Полкъ Переясловскій (1744 г.)

Сотни.	Горо- да.	Мѣстеч- ка.	Села.	Дере- вн.	Слобод- ки.	Школы.	Госпи- тали.
1) Первая полковая	1	—	12	3	—	10	—
2) Вторая	—	—	13	1	—	11	5
3) Трехтемировская	1	—	6	1	—	10	8
4) Воронковская . . .	—	1	8	2	—	9	5
5) Барышпольская . . .	—	1	6	2	—	8	8
6) Березанская . . .	—	1	8	2	—	9	—
7) Басаньская . . .	—	1	10	6	—	1	1
8) Быховская . . .	—	—	7	4	—	6	—
9) Яготинская . . .	—	1	10	2	—	12	1
10) Гелмязовская . . .	—	1	9	1	—	9	4
11) Золотоношская . . .	—	—	10	—	—	7	4
12) Кропивлянская . . .	—	1	5	4	—	4	4
13) Ирклѣвская . . .	—	1	11	7	—	8	4
14) Пѣщанская . . .	—	1	1	—	—	3	2
15) Домонтовская . . .	—	1	2	—	—	3	3
16) Бубновская . . .	—	1	3	—	—	4	2
17) Ліпляевская . . .	—	1	1	1	—	2	1
18) Чеховская волость	—	1	1	—	—	3	—
18) Въ Переясл. полку	2	13	123	36	—	119	52

5) Полкъ Полтавскій (1745 г.)

Сотни.	Горо- да.	Мѣстеч- ка.	Села.	Дере- вн.	Слобод- ки.	Школы.	Госпи- тали.
— Полтава	1	—	—	—	—	6	6
1) Первая полковая.	—	—	21	—	1	24	11
2) Вторая полковая.	—	—	17	2	1	15	5
3) Великобудиская	—	—	1	—	—	5	3
4) Решетилловская . . .	—	—	1	—	—	6	5
5) Старосанжаровская	—	—	1	—	—	7	3
6) Новосанжаровская	—	—	1	—	—	5	2
7) Бѣлицкая	—	—	1	—	—	5	3
8) Кобеляцкая	—	—	1	—	—	7	2
9) Сокольская	—	—	1	—	—	4	—
10) Кишенская	—	1	2	—	—	1	—
11) Переволочанская	—	—	1	—	—	3	—
12) Керебердянская . . .	—	—	1	—	—	5	1
13) Сехворощанская	—	—	1	—	—	—	—

Сотни.	Горо-		Мѣстеч- ка.	Села.	Дере-		Слобод- ки.	Школы.	Госпи- тали.
	да.	да.			вни.	ки.			
14) Маяцкая . . .	—	—	1	—	—	1	—	—	
15) Царичанская . .	—	—	1	—	—	1	—	—	
16) Китайгородская .	—	—	1	—	—	2	—	—	
17) Орлянская . . .	—	—	1	—	—	—	—	—	
18) Старосамарская .	—	—	1	—	—	1	1	1	
19) Въ Полтавск. пол.	1	1	55	2	2	98	42		

6) Полкъ Прилуцкій (1740 г.)

Сотни.	Горо-		Мѣстеч- ка.	Села.	Дере-		Слобод- ки.	Школы.	Госпи- тали.
	да.	да.			вни.	ки.			
1) Полковая . . .	1	—	31	2	—	27	20		
2) Журавская . . .	—	1	2	1	—	—	2		
3) Варвинская . . .	—	—	9	1	—	9	2		
4) Сребранская . . .	—	1	13	1	—	13	5		
5) Пваницкая . . .	—	1	5	—	—	4	4		
6) Пчанская . . .	—	1	7	—	—	7	6		
7) Монастырская . .	—	1	4	2	—	4	5		
8) Карабутовская . .	—	1	8	—	—	—	—		
9) Красноколядинская	—	1	8	—	—	5	9		
10) Въ Прилуцк. полку	1	7	87	7	—	69	53		

7) Полкъ Миргородскій (1741 г.)

Сотни,	Горо-		Мѣстеч- ка.	Села.	Дере-		Слобод- ки.	Школы.	Госпи- тали.
	да.	да.			вни.	ки.			
1) Полковая . . .	1	1	16	1	—	—	—		
2) Хорольская . . .	1	—	11	4	—	—	—		
3) Власовская . . .	1	—	1	1	—	3	3		
4) Кременчужская .	1	—	—	4	—	2	2		
5) Городисская . . .	1	—	2	4	—	3	4		
6) Потоцкая . . .	1	—	1	—	—	2	—		
7) Омельницкая . . .	1	1	—	1	—	5	4		
8) Голтыянская . . .	1	—	4	1	—	5	4		
9) Остаповская . . .	1	—	4	—	—	7	7		
10) Бѣлоцерковская	1	1	1	—	—	2	2		
11) Богацкая . . .	1	—	1	—	—	3	1		
12) Устивицкая . . .	1	—	1	1	—	2	1		
13) Яресковская . . .	1	—	1	—	—	—	—		

Сотни.	Горо-		Села.	Дере-		Свобод-	Школы.	Госпи- тали.
	да.	ка.		внп.	ки.			
14) Шишацкая . . .	1	—	1	—	—	3	1	
15) Сорочинская . . .	1	—	4	1	—	—	—	
15) Въ Мирг. полку .	15	9	48	18	—	37	29	

Примѣч. Въ полковой и хорольской сотняхъ, не смотря на такое количество селъ, входившихъ въ ихъ составъ, школъ не показано; трудно впрочемъ думать, чтобъ ихъ совсѣмъ тамъ не было; вѣроятнѣе, что число ихъ не внесено по какому-нибудь особому обстоятельству.

Что жъ это были за школы? Къ-сожалѣнію, мы не можемъ вполне разрѣшить этотъ важный вопросъ. Изъ ревизскихъ книгъ видно только, что это были приходскія школы, учреждавшіяся почти при каждой церкви (1). Обученіемъ въ этихъ школахъ занимались, какъ можно догадываться, приходскіе дьячки; по крайней мѣрѣ, при упоминаніи о той или другой школѣ, находимъ иногда прибавки такого рода: въ м. Веркиевкѣ, напр., «школа троецкая, а въ ней живетъ дячокъ Федоръ Ивановъ и при немъ псаломщиковъ два»; въ с. Демянцахъ (пересл. п.) «школа, в ней живутъ дячки прихожіе»; въ м. Новыхъ Млинахъ «школа при церквѣ Рождества Богородицы, в которой дякъ молодикъ». Иногда съ учителемъ помѣщались и ученики; такъ, при Яготинской школѣ, замѣчено: «в ней живетъ дякъ Матвѣй Захаровъ з школьники» (2). Другихъ свѣдѣній объ этихъ школахъ мы не имѣемъ; но, кажется, и этого достаточно для вывода того

(1) Въ ревизскихъ книгахъ школы эти постоянно называются прилагательнымъ того праздника или святаго, которому посвящена мѣстная церковь; напр. вѣжинскія школы названы — покровскою, успенскою, васильевскою, троецкою, сватоникольскою и т. д.

(2) О госпиталяхъ находимъ тоже мало подробностей; говорится только, что въ нихъ жили «старцѣ безгрунтовіе», иногда прибавляется и число ихъ, не превышающее, впрочемъ, пяти. Украинскіе старці иногда соединялись въ товарищества, обзаводились недвижимою собственностью, которою и распоряжались съобща, для поддержки своего убогаго житья-бытья. Вотъ отрывокъ изъ акта XVII в., поясняющій бытъ старцівъ: «на сотенный урядъ носовскій стали персоналитеръ Василь Герко, Иванъ Хорольскій, Юрко Демковскій, Семень Морозъ со всею братією своею, разныхъ шпиталей носовскихъ товариство убогихъ каликъ, положили—имѣючи соби отъ давнихъ рокъ легованный на убогихъ старцовъ носовскихъ и testamentомъ подтверженный по небожчику блаженной его памяти Ивана Мозыри — млынокъ», — и не въ состояніи будучи его поддерживать, они его продаютъ (Архивъ Н. А. Маркевича).

заключенія, что *всѣ эти школы существованіемъ своимъ обязаны самому народу*. — Правительственной инициативы тутъ быть не могло; устройству школъ могло способствоватьъ развѣ духовенство; но украинское духовенство XVIII в., завися само отъ народа, (1) своей помощью этому дѣлу могло только выражать добрую волю на то народа.

Куда дѣвались эти школы впослѣдствіи, объ этомъ, кажется, нечего и говорить: вмѣстѣ съ закрѣпощеніемъ украинскаго посольства и разными перемѣнами въ быту козачьяго сословія, онѣ исчезали мало по малу.... Память объ этихъ школахъ сохранилась, впрочемъ, и до сихъ поръ: въ нѣкоторыхъ старинныхъ мѣстечкахъ (напр. Олишевкѣ, козелецк. у.) — домá, гдѣ живутъ дьячки, называются въ народѣ и теперь «школами». Тóже самое какъ сообщилъ намъ В. Б. Антоновичъ, встрѣчается и въ Заднѣпровской Украинѣ, откуда можно заключить, что и тамъ были такія же школы.

Такимъ образомъ, фактъ о существованіи на Украинѣ, въ прошломъ вѣкѣ, народныхъ школъ, городскихъ и сельскихъ, важный самъ по себѣ, представляется намъ еще болѣе важнымъ по отношенію его къ настоящему вопросу о народныхъ училищахъ. Мы видимъ, что украинцы уже разъ

(1) Чтобы не распространяться объ этомъ, приведемъ слѣдующій случай подтверждающій сказанное нами: кievскій митрополитъ хотѣлъ назначить, въ 1729 г. священникомъ въ Н. Млины человека, котораго прихожане не желали; новомлинцы жаловались гетману, и вотъ что послѣдній писалъ, по этому поводу, къ митрополиту: «подали до насъ повторную супіліку знатное товариство, такожъ старшина сотиѣ новомлинской и з тамошними многими сотеннимъ товариствомъ и *посполитими*—и просили нашего повторне до вашего преосвященства писанія, чтобъ того намѣсницкаго зятя попомъ не посвящено, но *свободно бы имъ было, кою хотя много, пожелавши, избратъ* и за свидѣтельствомъ *людскимъ*, при обыкломъ прошеніи, на священство къ ихъ парохіи виправити - - Того ради мы, разсудивши тое ихъ бытъ слушное прошеніе, ибо его императорское величество, приутверждая ихъ права и обыкновенія прежніе малороссійскіе, повелѣлъ на всякую власть производить не насильно, но кого пожелаютъ, по избранію волними голосами, од кого бы народу обидѣ и разоренія не было; яко тежъ равнымъ образомъ и священники до церквей поставляются бывало за свидѣтельствомъ парохіянъ. Пишемъ о томъ до вашего преосвященства и предаемъ тое в благоразсмотреніе, что ежели не по ихъ желанію наслатъ въ ихъ парохію священника, то чрезъ тое болше нѣчто не слѣдуетъ, кромѣ однихъ неспокойнихъ заводовъ и ссоровъ, з чого не токмо не можетъ быть при церквѣ божественной яко благочиніе, но и весьма тое и Богу будетъ противно. Зтыхъ мѣръ благоволи, ваше преосвященство, к нимъ пастырски приарѣти и, не допуская ихъ в такое разореніе, вишепомянутаго дьякона имъ священникомъ не ставитъ.» (Арх. Марск. Коллеи, № 97)

заявили свою охоту къ грамотѣ, создавъ собственными средствами тѣ школы, о которыхъ мы теперь такъ хлопочемъ. Историческое невзгодье, ввидѣ крѣпостнаго права, не позволило развиваться этому дѣлу; но невзгодье это теперь миновало, и намъ нѣтъ причинъ сомнѣваться, что народъ, уже разъ имѣвшій свои школы, если и не чувствуетъ еще потребности въ возобновленіи ихъ, за разными хлопотами по случаю совершающейся перемѣны въ его экономическомъ быту, то скоро почувствуетъ ее и завести эти школы самъ. Словомъ, ввиду приведенныхъ фактовъ, не должно силою навязывать народу училища; иначе съ ними можетъ случиться то же, что мы видимъ въ школахъ, заведенныхъ здѣсь начальствомъ для дѣтей козачьяго сословія.... Мы обязаны *только помогать* народу въ этомъ дѣлѣ. То ли самое имѣетъ ввиду »проектъ устройства народныхъ училища« — предоставляемъ объ этомъ справиться тѣмъ, кого занимаетъ дѣло народнаго образованія (*).

А. ЛАЗАРЕВСКІЙ.

13 мая 1862 г.

С. Гиряка.

(*) Обращаемся ко всѣмъ, припимающимъ какое-либо участіе въ дѣлѣ народнаго образованія и благотворительности, съ усердною просьбою — сообщить намъ возможно подробныя свѣдѣнія о школахъ, госпиталяхъ, больницахъ и т. п., въ Украинѣ, — какъ за время до 19 февраля 1861 г., такъ и за последнее время. Всѣ эти свѣдѣнія — теперь въ-особенности — важны и любопытны. *Ред.*

ПО ПОВОДУ ЮЖНОРУССКАГО СЛОВАРЯ. (*)

(Письмо къ редактору »Черниовскаго Листка«.)

Позвольте, для общей пользы, открыть въ вашемъ »Листкѣ« кор- респонденцію по поводу Южнорусскаго словаря. Если редакція »Основы« сочтетъ нужнымъ (*готова*) принести пользу въ этомъ важномъ дѣлѣ, она можетъ перепечатывать статьи по этому вопросу, чтобы дать имъ большую гласность. Мало того, при объясненіи нѣкоторыхъ словъ нашего языка намъ будетъ нужна помощь червонорусскихъ писателей. Если »Основа« имѣетъ (*имплетъ*) читателей въ Галиціи, то перепечата- вание ею корреспонденціи по поводу Южнорусскаго Словаря прине- сетъ существенную пользу, вызывая червонорусскихъ писателей къ объясненію галицкихъ, непонятныхъ для насъ, словъ.

Никто не сомнѣвается въ полезности и необходимости словаря ка- кого бы то ни было языка, а тѣмъ болѣе—языка, богатаго словами, обо- ротами и формами, подобно нашему Южнорусскоку, могущему, кромѣ того, представить много данныхъ, для славянской лингвистики. Чѣмъ же объяснить то, что до-сихъ-поръ не появилось ни одного полного словаря этого языка? Я объясняю это историческими судьбами нашего народа. Какъ я сказалъ въ предисловіи къ »Словарию«, *»онъ всегда находилъ между сциллот и харибдою.«* Въ интересъ той и другой было не благоприятствовать его развитію. Нашъ народъ шелъ самъ, безъ пред-

(*) Несмотря на выраженное г. Шейковскимъ сомнѣніе въ томъ, пожела- етъ ли »Основа« принести пользу въ дѣлѣ южнорусскаго языка, мы спѣ- шимъ помѣстить это обращеніе къ лицамъ, которыхъ г. Шейковскій при- знаетъ способными—подать ему руку помощи. Замѣчательно, что въ числѣ ихъ не названъ г. Кулишъ, который, безъ всякаго сомнѣнія, обла- даетъ самымъ богатымъ запасомъ матеріаловъ для словаря, и который,—въ этомъ мы тоже увѣрены—доставилъ г. Шейковскому множество украинскихъ словъ въ своихъ сочиненіяхъ, но къ которому г. Шейковскій не благово- литъ. Мы дѣнимъ благонамѣренныя усилія г. Шейковскаго и, по мѣрѣ возможности, постараемся быть ему полезны; съ этою цѣлью мы начина- емъ совѣтомъ—прежде всего проникнуться духомъ мира, и любовь къ дѣлу поставить выше самолюбія, выше самонадѣянности, которая часто губила и губитъ самыя добрыя намѣренія. *Ред.*

водителей. Передовыя лица, выходившія изъ него, или уносились водоворотомъ сциллы, или терялись подъ вліяніемъ харибды.

Самый большій упрекъ за неразработку нашего языка долженъ пасть на II-е Отдѣленіе Академіи Наукъ. Оно больше сдѣлало для другихъ славянскихъ нарѣчій (разумѣется, изданіемъ памятниковъ), чѣмъ для Южнорусскаго языка.

Составлять словарь какого-нибудь языка (особенно такихъ языковъ, на которыхъ или очень много писано, или очень мало) — египетская работа. Педаромъ для составленія словарей группируются общества и академіи. Но такъ-какъ цѣлостный организмъ языка и духъ его скорѣе и легче можетъ быть охваченъ однимъ какимъ-нибудь лицомъ, посвятившимъ себя исключительно этому труду, чѣмъ цѣлымъ обществомъ: то почти всегда выходитъ такъ, что словари, составленные цѣлыми обществами, далеко уступаютъ словарямъ, составленнымъ однимъ какимъ-нибудь лицомъ. Въ доказательство этого, оставя въ сторонѣ словарь Як. Гримма, укажемъ здѣсь на словари нѣкоторыхъ славянскихъ языковъ: не *сербскій* словарь Вука Стефановича Караджича, *чешскій* Юнгмана, *польскій* Богумила Линде и Мронговіуса.

Занимаясь славянскими языками и видя большой пробѣлъ въ славянской лингвистикѣ относительно научной разработки Южно-русскаго языка, я поставилъ для себя задачу, по-возможности, на-сколько позволять мои средства и обстоятельства, содѣйствовать научной разработкѣ Южнорусскаго языка. Первый выпускъ «Опыта Южнорусскаго Словаря» уже вышелъ. Но, увы! ни обстоятельства, ни средства не благоприятствуютъ мнѣ: я долженъ былъ выпустить первый выпускъ *не-оконченными*. Знаю, что словарь можетъ быть только у того народа, у котораго сильно развито сознаніе *самостоятельности*.

Считаю своею обязанностію сказать нѣсколько словъ о недостаткахъ, которые встрѣчаются въ первомъ выпускѣ словаря, и о причинѣ ихъ.

Первый выпускъ сильно страдаетъ неполнотою. Несмотря на дополненія, сдѣланныя къ нему (стр. 161 — 176), у меня и теперь уже накопилось болѣе сотни словъ (въ первомъ помѣщено 1329 словъ), невошедшихъ въ первый выпускъ. Оно иначе и быть не могло: сразу всего сдѣлать нельзя. Къ-тому же вновь выходящія сочиненія на нашемъ языкѣ нерѣдко открываютъ новыя богатства его. Неменьше пострадала полнота перваго выпуска и оттого, что я старался, по-возможности, устранить изъ него историческій элементъ (я имѣлъ на то свои причины). Но такъ-какъ методъ лингвистики преимущественно историко-сравни-

тельный, то въ дальнѣйшихъ выпускахъ словаря я дамъ полный просторъ историческому элементу языка и постараюсь пополнить, въ этомъ отношеніи, и первый выпускъ. Относительно полноты словаря надо замѣтить вообще, что никакой словарь *живаго* языка не можетъ быть *полнымъ* и *оконченнымъ* (хотя они иногда и озаглавливаются такъ для красоты), потому что языкъ живетъ и развивается. Другой недостатокъ перваго выпуска, — который даже важнѣе предыдущаго, — это неполнота и неопредѣленность объясненія нѣкоторыхъ словъ (нѣкоторыя слова совсѣмъ не объяснены, потому что значеніе ихъ мнѣ неизвѣстно). Для объясненія подобнаго рода словъ мнѣ нужна сторонняя помощь; въ дальнѣйшихъ шпешмахъ я буду выставлять слова, значеніе которыхъ мнѣ или совсѣмъ неизвѣстно, или объясненіе которыхъ требуетъ болѣе полноты, точности и опредѣленности. Я совершенно согласенъ съ мнѣніемъ Як. Гримма, что *«словарь долженъ быть для всѣхъ, а грамматика для ученыхъ»*.

Если такъ, то объясненія словъ должны давать самыя понятія о нихъ, а не голыя представленія. Я считаю объясненія въ родѣ слѣдующихъ: родъ растенія, родъ кушанья, родъ игрушки и т. п. совершенно рутинными, но вмѣстѣ-съ-тѣмъ и неизбежными во многихъ словаряхъ. Эти объясненія должны быть замѣнены болѣе точными и опредѣленными описательными объясненіями. Избѣжать подобныхъ объясненій можно двумя способами: или нужно быть специалистомъ по всѣмъ отраслямъ человеческого вѣдѣнія (что совершенно несовѣстимо въ одномъ человѣкѣ), или нужно прибѣгнуть къ помощи другихъ лицъ. Я и прибѣгаю къ ней. Надѣюсь, что всякій, кому не чужды интересы нашего народа, будетъ содѣйствовать разъясненію Южно-русскихъ словъ. Я рассчитываю въ этомъ дѣлѣ особенно на помощь гг. Закревскаго, заявившаго себя очень почетнымъ трудомъ — изданіемъ болѣе 11,000 идиомовъ нашего языка, Срезневскаго, Бодянскаго, Максимовича, Гаццука, Ефименка и мн. др. Въ этомъ дѣлѣ можетъ принять участіе всякій, кому будетъ извѣстно значеніе хотя одного изъ предлагаемыхъ мною словъ; вѣдь *petit-à-petit l'oiseau fait son nid*, или по польской поговоркѣ: *ziarnko do ziarnka, to będzie miarka!*

Въ-заключеніе я прошу помѣщать отвѣты или въ «Листкѣ», или въ «Основѣ», чтобы не нужно было рыться въ разныхъ изданіяхъ.

Кіевъ.

К. Шейковскій.

ЗЪ НАРОДНІХЪ УСТЪ.

(Записано въ Слободській Україні, въ *Изюмьскімъ* повіті *Харківської* губернії).

I.

ОПОВІДАННЯ ЧУМАКА НАСТІ СОПУНКИ.

— Якъ чоловікъ умеръ, а діти позоставалися, то треба було якъ небудь їхъ годувати. Ніхто не pomoже. Отъ я й чумакувала. Я, було, чумакамъ їсти наварю, а вони коло мого воза, та коло во-лівъ, усе зроблють. Такъ я чумакувала.»

Настя, чумакуючи сімъ годъ, багато світу виходила, багато де-чого чула. Теперъ вона вже дуже старенька; живеть собі сама, у своїй хаті. Дочокъ подавала, сна оженила, уже й упучята на-зрості. И діти жъ и унучята її люблять, поважають. Якъ не побачисся зъ Настею—усе хвалить »Бога милосердного« за своїхъ дітокъ добрихъ, прихильнихъ, за сусідівъ приязнихъ.

Двір у неї великий. Дві хати у дворі. У в'одній сама живе, у другій синъ жонатий. Одъ хати до хати широка стежка вибита; се дівора вчащає до бабусі. Усе бігають та роспитують, чи не треба хмизу внести, або води чи не напосить зъ Дінця, чи що тамъ... У хаті, у Насті старої, чисто та любо. Икони старосвіцькі, Київської роботи, кругомъ уквітчані. Стілъ застелений чистимъ настільникомъ. По стінахъ на кілочкахъ рушники старосвіцькі, вишивані... А сама жъ бабуся така добра, такъ приязно усміхаєця—що й лихо, чи го-

ре,—запахешъ всяке, якъ увійдешъ до неї въ хату. А якъ загомонить — то все »Бога милосердного« згадує, все Бога дякує, або на помічъ призиває. Та й обертаєтця вона до Бога не такъ якъ инші. Вона не падає передъ нимъ якъ передъ якоюсь силою страшеною, невідомою. Пі; вона згадує Бога якъби згадала самого широкого, самого правдивого и доброго чоловіка,—такого чоловіка, що яка бъ не спиткала тебе нужда, або горе — клади на ёго сміло твою надію... вінъ визволить, вінъ поможе. Далсбі, якъ оце такъ вона загомонить що до Бога—то здаєтця що Богъ тутъ коло неї... а вона така спокійна та ясна... Ну, та нехай вона розкажує.

— «Ягъ я чумакувала, та приїхали у Мішківъ, та й стали за вгородами. А звірь и завівъ на горі. Отó ми побоялись, та й поїхали у ту слободу (тамъ и цёрква).

Отъ, Боже милостивий, стоїмó. А все въ одинъ дзвінъ дзвонять, усе въ одинъ дзвінъ дзвонять, наче по душі. А се було у почі. Ажъ вонó й справді дзвонили на сходъ душі: бариня вмирала.

Тутъ щось біжить зъ дзвонникомъ. Се батько, до дочкї що вмирає, такъ и турить, такъ и турить по дорóзі, та брязкотить.

А ми стоїмó. Люде плачуть по барині. Добра була; така добра ягъ мати.

Сидимó підъ возами, хрїстимось. А вонó на небесахъ ростворилось, паче дорóга яка: такъ видно, такъ видно! То її душá пішла. И грамотні кажутъ що то душá пішла, то її дорóга.

А ясно, ясно—даромá що нічъ.» —

— »Чула я, розказувала мені одна жінка, що ходила у Ерусалимъ.

Якъ ити, каже, у Ерусалимъ, то буде тобі море велике. Біля тогó моря єсть óстровъ великий, та могїла на тїмъ óстрові. Тамъ и рай и пекло. Та, каже, Боже милостивий, якъ ужé підїдешъ підъ те пекло: крикъ тамъ, гамъ,—крикъ и вгáву нема. Боже милий, Боже милий! И дэготь иде, и вода впитъ, гаряча зъ землі иде...

Такъ онъ—де теперъ пекло!.. А въ середині, каже, ажъ клеотить, та стóгне... Вонó вже ні-що, а—видно—пекло.

А доступїти, каже, до тогó пекла и за 10 верстóвъ не мóжно. Тамъ, каже, такъ гарячé, такъ гарячé, Боже милий! до ёго близько й набліжитись не мóжно. Вонó пекло, а підъ пекломъ тартарї. Не дай, каже, Боже, тудї попасти. Сохрани Боже!

А не втічешъ, ні, не втічешъ! —

— »Господь напусти напустивъ. Гадюки набралось у насъ такого багато, такого багато, що й землі за тимъ гадомъ не видно. И попівъ звивали, и молебні правили, и водою святою спрізь кропили, — ні, не помагае. Гадюкъ тихъ ажъ вішіть.

Отъ, одна молодіця й нараяла. Не давайте, каже, істи дітямъ, пехай вони молять Бога... А попівъ и дяківъ, каже, не треба. Отожъ и не дали дітямъ істи: послушали молодіцю.

А істи дітямъ, Боже, хочетця: звісно дівбора. То вони якъ почали моли́ть, якъ почали, якъ почали... Богъ и змилосердивсь. Знявъ ту напусти, и гадъ де дівся? Таки ні одной гадюки не зосталось. —

— »Якъ світъ зачався, то люде такъ Бóгу молились. Оце положитъ колбду, та *плиз!* Оце тобі, Боже! (Бóгу, бачъ, по переду). Та зновъ—*плиз* назадъ. Оце мині, Боже.

Такъ ось—якъ молились — и то Богъ приймавъ моли́тву...

Теперъ такий завіть. Що тобі есть одъ міра — живи́ и спаса́йся, — а не по пущахъ. У миру спаса́йся, то й Господь прийме до себе. А то отті, що у монастира́хъ ченці, поприставали де—які у розбишаки. а грамотні... а ченці! Бóгу, кажутъ, за насъ молютця. А на шляху хто йде—пооббірають, або ще й убьють... А то й по печерахъ! Ідуть було люде, а вони—де й візмутця,—позадуваяють свічки, та й обдеруть до пітки. Таки то ті пустельники, що за насъ грішнихъ Богу по пущахъ молютця.

А підъ М...лемъ, увійдешъ у церкву, то й бережи гроші въ кишени: ченці повиймають,—познаходють.

Тамъ жінки богомильні, яка кишені не постереже, то якъ вийде зъ церкви, (а въ кишені й пустісінько), стане та й плачитця на тихъ клятихъ. А й гладкі жъ ті ченці!... Черево такъ и несé попередъ себе,—а спаса́етця. Ще вінъ де—а черево ёго вже тутъ, біля тебе... якъ не задавить.

Добре зробивъ бувъ Потёмка, що порозганявъ ченцівъ зъ С.Г. «

Зайшла якось у насъ съ бабусею річъ про тихъ »княнокъ,« про тихъ богомілокъ »ізъ дальнихъ сѣверныхъ странъ,«—онъ що спомянувъ П. А. Кулішъ, у своїхъ »Українськихъ Незабудкахъ« (*).

Не до-вподоби вони нашіі Пасті. Такоі вона думки, що вони да-

(*) Основа, IX книж., стр. 8.

ремне тиняютьця скрізь по світу—наче до Бóга тільки й можно доступити, що зъ Ки́ва або зъ Ерусалиму. Вона думає, що до начальника якого трудно доступити, бо помішників у ёго багато—ціла орда; а до Бога, каже, можно обертатьця и изъ своєї хатини.

— »Я такъ думаю, що й Ки́въ при мині, й Ерусали́мъ при мині. Не треба туди ходіти. Тільки не забувай мо́литись и вранці, и ввечері.

Треба мо́литися попереду за всіхъ православнихъ християнъ, а тамъ мо́лись за дітокъ своїхъ, коли є. А за себе не мо́лись: Богъ того не любить, не прийме. *Нехай мо́де за насъ мо́лютця.* А тобі слідъ мо́литись за християнъ, та за дітокъ, а за свої гріхі треба тільки пла́кати, та просіть: прости́ мене́, Бо́же ми́лий, Бо́же милосе́рдний, за гріхі мої. Заберься у кутóкъ, та на самоті й плачь за гріхі свої. А не просі у Бóга нічо́го для себе. Не прийме Богъ твоєї мо́литви!»

ЯКЪ АНЦІБЛОТЪ ДРАЖНІВЪ БО́ГА.

»У старовину такъ бу́ло. Прийде чоловікъ найма́тьця, та й служить тільки за харчъ та за одѣжу. А літо настане, то йде собі куди зна́є.

А котóрий—то й десять, п'ятнадцять літъ служить тільки за одѣжу та за харчъ. Грошей не бра́ли.

А більше такихъ бу́ло, що якъ літо—пійшовъ собі! Есть у ёго ружбó—застрѣле зайчичка, або тамъ качку, або—що, та й живе, годѣтця.

А якъ зима — вінъ впа́ть у найми тільки за одѣжу, та щобъ не голо́дний бувъ.

Отъ, роска́зують, одинъ чоловікъ, изъ такихъ що найма́вся, йде по-падъ озеромъ стѣжкою, и рушничя́ вь ёго... а надъ озеромъ камінь великий, великий!

А тутъ гримъ помале́ньку: *гур, гур, гур! гур, гур, гур!* и хма́рка—біла хмаріночка мале́шка... и дивлюсь, ка́же, що мале́нька хма́рка, а гриміть.

Все: *гур, гур, гур! гур, гур, гур!*

Отъ я, каже, йду та дивлюсь туді (на камінь), а воно знай ворупштя на камені. Якъ гримъ дужче загриміть, то воно—блись! и сховається.

Отъ и ставъ я за кущемъ, и дивлюся: шо воно такє?

А воно, каже, якъ гримъ затріщійть—сховається; а якъ стіхне, а воно й становитця стовбула, противъ Бога бачъ... дразнить Бѳга.

Э, то лиха сила! Ягъже! Тільки гримъ стіхне, а воно й стане стовбула; а якъ гримъ—и сховається. Все дразнить Бѳга.

Отъ и ставъ я, каже, за кущемъ, та якъ стрѣливъ, та й убивъ ёго, а то бувъ Анціболотъ—собака, такъ якъ шапогъ чѳрний.

Отѳ убивъ, та й пішовъ собі стѣжкою. Якъ идє назустрічь чоловікъ, ні молодій, ні старій дуже. Иде—а ружѳо у ёго, такє гърне, такє гърне, самє золотє та срібне,—такє гърне ружѳо.

Отъ зустрівсь та й каже: Здрастуй, чоловіче добрий!

— Здрастуй, кажѳ.

— А поміняймось... (Ні, попереду такъ:)

— Дѳбре, каже, въ тебе ружѳо, чоловіче; а дѳбре воно тимъ, шо й берѳшь ёго—хрїстишь, и на кілочокъ вішаешъ—хрїстишь. (А и въ мене стоявъ москаль такій: берє рушніцю—хрїститъ, и владє—хрїститъ). Вона, казавъ, на помічь мині стане, якъ хрїстїтиму.»

— Поміняймось, каже, Бѳгъ.»

А то бувъ, бачте, самъ Бѳгъ.

— У тебе,—одказує чоловікъ,—ружѳо золотє та срібне, а мое каже, бачъ якє простє. Намъ не слідъ, каже, мінітись.

— Та ні-таки, поміняймось,—просить Бѳгъ. Я візьму твоє, а ти моє; а у годъ и розміняемось на сімъ самімъ мїсті.

Бачъ, каже, твоімъ ружѳомъ я переведу оттіхъ проклятихъ, шо мене дразнють,—онъ, каже, шо ти убивъ одного, анціболота, лиху тварь.

А мое ружѳо, каже, хочъ гриміть, такъ бє стіха. Не переведу моімъ лихѳу тварь, погану. А у годъ, у сей день, иді сією стѣжкою, и розміняемось упнїать.»

Отъ и помінялись (*).

Такъ вінъ ужє такъ ждє, такъ ждє того гѳду, якъ Бѳга. Якъ

(*) Се бъ то, бачите, мусивъ Бѳга позичити у чоловіка таке орудие, щобъ можно було ему помститця надъ тварью, шо дразнила его найгърше.

підє стріляти зъ тимъ ружжѣмъ, то й не вбєє нічого, а гримъ за-
гриміть.

Отъ и пройшовъ той годъ.

Идє вінъ тією стѣжкою, зъ тимъ ружжѣмъ дорогимъ,—якъ идє
ѣму назустрічъ впять—такі самъ Богъ, и несє єго ружжѣ.

»На жъ тобі, каже Богъ, спасібі тобі, твоє ружжѣ, а оддай моє.«

Отъ якъ розмїнілись, тоді Богъ и каже: »Теперъ будешъ усє
знати: де й гроші въ землі, де що тєе... Тільки не кажі людамъ
що все знаєшъ.«

А вінъ не втерпівъ—росказавъ. А якъ росказавъ, то не довго
й живъ—умєрь.

А якъ би не росказувавъ, то живъ би, мабутъ, и досі.«

ЯКЪ БОГЪ ПОУЧАВЪ ЧОЛОВІКА.

Богъ ходівъ по землі тридцять годъ. Теперъ вінъ ходить тільки
шість неділь, після Великодня.

Отъ, рубає чоловікъ дуба у лісі, та все зъ одного бѣку, все
зъ одного бѣку.

И приходить до єго чоловікъ... А то Господъ.

— »Здрастуй,« каже.«

— »Здрастуй!« Такъ, зъ сєрцемъ, одказує Богу.

— »Що се ти, чоловіче, робишъ? Ти, каже, рубаєшъ дуба, та
все зъ одного бѣку. Гляді, каже, щобъ не убивъ тебє дубъ сей.«

А вінъ:—»Такъ бѣде якъ Богъ дасть!« впять такі зъ сєр-
цемъ одказує Богу. »Чи вбєє, чи ні!«

Ну, слава жъ Бѣгу, що вінъ, хочъ изъ сєрцемъ, а помьянѣвъ
такі Бѣга: »такъ якъ Богъ дасть,« сказавъ. То Бѣгу й лєгше, що
той єго згадує.

Отъ Богъ и пішовъ собі, а чоловікъ рубає собі, та й рубає;
та все зъ одного бѣку. Пенякуватий мабутъ бувъ.

Тільки, якъ вже надрубавъ дѣже, дубъ похилився, та й при-
гнітивъ єго. Вінъ не вбивъ, а тільки пригнітивъ. Вже що той
чоловікъ не робивъ! И зємлю скромадивъ — ні, не видеритця зъ
підъ того дуба. Отъ, наче землі підъ нимъ вдалась, а дубъ на
ѣму трѣхп вихилився... такъ, що єму нічого й не болять—та не

видеритци. Лежавъ, лежавъ, а далі: »ой рятуйте, ой рятуйте, ой рятуйте! Кто въ Бѣга віруе—рятуйте!«

Отъ Богъ до ёго и прийшовъ.

— »Здрастуй, каже, чоловіче!«

— »Зрастуйте, пан'оченьку!« Та такъ уже любязно одказуе Бѣгови.

— »Що се ти тутъ лежишь?«

— »Та тутъ,« каже, »приходивъ до мене чоловікъ. Здрастуй, каже; и я ёму здрастуй!

— На що ти, каже, рубавешъ дуба все зъ одного бѣгу? Винъ тебе убѣе. А я ёму: буде такъ якъ Богъ дасть. Той чоловікъ пійшовъ своєю дорогою, а тутъ дубъ упавъ, та й мене пригнітивъ. Вірятуйте, пан'оченьку!«

Тоді Богъ узявъ одією рукою того дуба за верхівья (*) та й віслобонивъ чоловіка, та й каже ёму:

— Э, чоловіче, чоловіче! Дуже вѣжко Бѣгу изъ вами вѣштатисл. Винъ васъ направляє такъ, а ви своѣ правите. Вѣжко Бѣгу зъ вами вѣштатися. Ви самі себе не бережете. Изъ горі не встаєтє якъ ідете; глібоко бредитє, не боітєсь, а тѣнете; изъ горі не встаєтє убиваетєсь. Вѣжко Бѣгу изъ вами ворѣчатєсь.

Береженого, кажутє, и Богъ бережє. И Бѣгови радїстно якъ ви себе бережете.«

Оттакъ Богъ научавъ чоловіка. И справді: самі себе не берєжимо, а все на Бѣга, все на Бѣга. Деж—такі ёму зо всіма нами вѣштатися, всіхъ насъ доглядати (*)?«

Зайшла у насъ річь про понівъ. Дуже багато инші вимагають одъ людей за *требн*. Якъ же таки, зъ бідного чоловіка, на прикладъ кажу, за шлюбъ тягнуть пять карбованцівъ, та мішокъ пшениці,.. за молебень, *коли у церкві*, карбованця... за водосвятіє три золотихъ пятирублевихъ.—Хвалить Настя свого попа. »*Не гра-*

(*) Отъ у сімъ случаі, Богъ виходить у нашого народа міцнішее одъ чоловіка.

(*) Тутъ, златєця, нема віри въ предопредѣленіє.« Мабуть те »предопредѣленіє« тільки про панівъ.

бівітій, « каже; » а тимъ що загрибають—буде мука на тимъ світі.
Чула я:

— »Іздивъ апостолю святій на осляті. Апостолю, чи Григѳрій, чи Антоній.—Іздивъ, оглядає грѳбі, дозѳромъ. Такъ ёму Господъ давъ.

Іде разъ,—ажъ кість лѳжить на грѳбі, и голова, и усе до мас-лакá.

Отъ вінъ устáвъ изъ тогѳ осляті, прогромадивъ ямку и захо-вáвъ кость. Отъ на те й іздивъ той апостолю.

Отъ и впьять, у якѳ времья, іде вінъ туді вѳруге. Ажъ упьять та кість на версі. Отъ вінъ и каже: »Бѳже мѳлостивий! щѳ се за кість, що іі й земля не приймá?« А кість и каже: »Есть я пѳшь.«

— »Чомъ же тебѳ земля не приймá?«

»Такъ, каже, ми заробляемъ (*).«

Такъ онъ—якъ ті попі, останне загрибають. У ёгѳ вже й *прѳзвѳрхъ* є, (**) а все загрибає. Такъ и вимагають, такъ и ви-магають!«

II.

ПÁМЯТЬ ПРО СТАРѳВИНУ НÁСТІ СОПУНКИ И ПАРÁСКИ МОРОЗИХИ.

Прѳїхала до мене, у бесѳду, бабуся Пастя. та ще й не одна: привезла свою сусѳдку, Параску Морозиху.

— »Здрастуйте, каже, зъ недѳлею васъ. Чи здорові нѳчували?« (А се було вранці. Ввечері питають, чи здорові днѳвали)?

— »А я до васъ съ Параскою. Вона вамъ пѳсень заспѳває. Дарѳма що стара — а така ще моторна. Мині оце у пригоді стала. Ідемо по дворі, я й упала... та якъ би не вона, то й досѳ бъ ще лежала тамъ. Підвела, спасибѳ ій. Дай ій Боже, якъ упаде, то щѳбъ и ій пѳдвѳвѳ хто небудь!« (смієтця).

Параска трохи молодша одъ Пастѳ. И вона жъ такъ, якъ и Пастя, казенна, зъ одного села. Удовп оби-дві. Параска смутнѳйша одъ Пастѳ. Пастя п пошуткує, и посмієтця — а та все смутна, похмурна. Все спѳдпть рукою пѳдпернѳсь, все думає объ чѳмъсь, наче думка яка важка запала ій вѳ голову.

(*) Заробляемъ=заслугуемъ.

(**) Прѳзвѳрхъ є,=всѳго черезъ край.

Збіравсь и въ неї побувать у хаті, якъ просила, такъ не мавъ часу, — прозбїравсь.

Пастя попросила почастувать її (Параску) горілкою, (сама вона вже 15 годъ не пьє). — Якъ почастували — то вона трохи її повеселїйшала, и пісьню заспївала.

ОПОВІДАННЯ ПАСТІ ПРО ОРДУ.

— »Мого батька брата та була взяла Орда; а вінъ тамъ бувъ послушничкомъ у одного татарина 5 годъ, чи що. Ото якъ бувъ вінъ послушничкомъ, такъ той татаринъ поїхавъ, та й застрѣливъ гадюку (вінъ знавъ, бачъ, и яку). Та кїннемъ її трічи й спаривъ у в'окрїні, та й зварївъ у казанку. Ото, зварївши ту гадюку, вінъ и звїв її, и юшку вивъ та й послає мїти той казанокъ до річки, та приказує: »глядї, кунякъ, не кушай тутá, нічого не займай, пропаде твоя...« такъ вінъ и покуштувавъ крїхотки ті.

Отъ, каже; якъ покуштувавъ, дивлюсь: — кобила ирже, — кобила каже: »сїдай на мене, я тебе перепесу у твій край.«

А лошякъ, стрижякъ бувъ, та й каже:

»А я якъ буду?

А вона й каже: »пливи за мною, перепливешъ.«

Такъ я, каже, сївъ, та й переїхавъ. А *сїнъ* (татаринъ) лїгъ спочивати, покушавши, отой татарюга, а тамъ якъ схобитця, та до річки:

»Гей, кунякъ, я тобі щось скажу, вернїсь!«

— »Богъ изъ тобою!.. мнї Богъ волю давъ... не вернұсь!«

— »Та якъ підешъ у свій край, то не їжъ калїни. Пóки будешъ живїйї не їжъ, то будешъ усє знати. А якъ покуштуєшъ, то й не будешъ знбу знати нічого.«

Ото й приїхавъ братъ зъ неволи: кїнь принїсъ. Та такъ и хочетця єму покуштувати тїї калїни, такъ и кортїть єму.

Годъ не ївъ — то й усє знавъ: що якá трава говорить; якъ лїсъ плаче коли єго рубáють; що кóпї говорáть... усє, усє, усє знавъ. А тамъ, якъ покуштувавъ — то все забұвъ, нічого вже не знавъ.

И дядина мого батька була въ неволи. Вісімъ годъ послушничкою була... та такъ, каже, лахматїну де пайде, та приволоче —

тимъ и прикриває своє тіло. А то нічого нема, негодінені ходять, одягала того у Орді не було.

Та й лідина утекла. Їх трое й тікало. Ховались по бур'янахъ, по комишахъ—то що... А іли вони... отъ, кориніць який виковіряють,—то й ідять. Одна погризе-погризе, та й передасть другій, а та третій... Господи милостивий... натерпілись вони ліха!..»

Питаю у бабусі, чи сторожили у часъ границы, щобъ татарва не паскочпла зненацька?

— А якъже не сторожили:—сторожили, и хворпости ставили. Отъ про хворпости я й сама знаю, сама їх бачила.

— Щожъ то за хворпости були, бабусю?

— »Хворпости?..

А чотірі стовпи поставить, та й снѣзи повбиваєть, такъ якъ бѣвдуръ, та й солѣму набье, такъ—таки й напха пѣвну; та впьять, на верхъ тихъ деревинъ, та ще деревини, впьять чѣтверо... у гѣру... щобъ високо було. Та й впьять соломою набье. И впьять деревини, чотірі жъ, щобъ високо було.

Такъ отѣ якъ ужѣ поставить по 3 деревини, та якъ набье солѣмою, та й стоить воно, стоить.

Та якъ почує, що Орда настагає, то знизу й підпалить... а вона курить-курить, та горить у гѣру.

А ми було, каже батько, усѣ на гору вибігаємъ, та дівимось на ті хворпости.

То якъ далеко—онъ *Ямпіль* (*), а й то видно. Отъ якъ запалить, то всѣ й знають що Орда йде... на всю Україну видно!

А коло хворпѣста дорѣга йде, битий шляхъ... Бѣло тихъ дорѣгъ хворпѣсти знарошне становили... А якъ орда підступить до *Базмута* (**), такъ у насъ земля гудѣ та гудѣ, а собаки заразъ зачнуть гавкати... почують здалека—та й гавкають по гѣрахъ.

Отѣ й знають усѣ що Орда йде, и що вже близько.—А люде, якъ попадѣ їх Орда у пѣлі, то по копінцяхъ ховаютьця, а Орда заразъ и пускає стрілки такі. Звісно стрілка... летить, летить та й упадѣ... та й світитця... така-то ясна: такъ и ссѣє, такъ и ссѣє.

Отъ, яка тамъ людина й вихопитця, щобъ то стрілку ту собі узяти, а Орда й пізнає, де люде ховаютьця, та й забирає у полѣць...»

(*) Дваццять верстовъ.

(**) 35 верстовъ.

Хворюсти ті, розказували люде, довго ще маячили по степахъ и по горахъ нашихъ. Люде їхъ не займали. Нашъ народъ поважає и береже всяку старовину. Тимъ—то й бабі Насті довелось подивити на ті хворюсти.

Отъ, на прикладъ тому, що якъ народъ нашъ береже старовину, розкажу про каламайковий поясъ. Почувъ я що у в'одного убогого казенного чоловіка єсть старий каламайковий поясъ. Засплаю до ёго сватівъ—щобъ то купити той поясъ. Казавъ давати таку ціну—якъ вінъ схоче. Такъ щожъ? не продавъ, та й не продавъ. Самъ ходить московськімъ поясомъ підперізауппй, а той, старосвіцький, повязує тільки у яке свято, а то въ скрищі держить, хоронить. И вже на тому поясу, казали, и дірки є, такъ щожъ? не продавъ:—береже!

Розказувала ми́ні Параска Морозиха:

— »У нашого дідуся (запорожець бувъ) такє ору́жје було, що й на грудяхъ мідне, и на спині мідне; то якъ пуля вдарить, то й одскоче, а якъ стукне, то тільки: *торохъ—торохъ* (*)! А дідъ високий бувъ, високий!—Пістолей четверо, и шабля була... такъ шаблю поламали недавно, та поробили пожі, а оди́нь зломочо́къ, товщенький такий, брали на весілле...« Такъ баба Настя заразъ іі й налаяла: »Якъ такий, ду́шко, не берегти було ту шаблю... На що ви іі поламали?...«

Далі попросили ми Параску заспівать якої старосвіцької піснї. Довго вона одмовлялась, а тамъ и заспівала про *неволю*. »Нагадали ви ми́ні розказуючи про Орду« —сказала вона до баби Насті.

Та зъ неволі пта́шка сви́ще,
Охъ собі вблужику йще;
Крїлля-пір'я переби́ла,
Ой по кліткамъ літавши.
Да крїлля-пір'я переби́ла,

(*) Повинні бути латя. П. Смальковський, в' »Історія Новой Сїчи,« розказує на стр. 331 т. 1: »Въ древности Поляки выучили козаковъ носити нагрудники или легкіє панцири и желѣзные штыки съ перомъ павлиньимъ или птушьимъ; по товариство брони не любило...« Ні, видно у Запорозців панцирі були до пізніішихъ часівъ. Парасці не видумать сєго, бо вона зроду не бачила ніякого панцирного війська.

Охъ по кліткамъ літавши,
 Свій гострий нісь притупіла
 По щолгамъ (*) клювавши.
 Видишь же (бачишь, сказати по-простоу) мене
 крізь клітку,

Якъ рибочку крізь сітку.
 Мавъ я собі хорошую піщу,
 Ой все медъ та ситиу—
 А теперъ я мію
 Одинъ хлібъ со водбю;
 Мавъ я собі хорошую постіль—
 Ой пуховію періну,
 А теперъ я мію
 Однімъ—одну рогожину.»

Пісні наші у насъ теперъ мало співають. Все московські; або й наші, та на московський голосъ. Рідко почувешъ, щобъ хто завівъ нашу пісню, та на нашъ же голосъ.

Москалі, що повиходили въ чисту,—понаучували парубоцтво салдацькихъ пісень,—що співають зъ гвалтомъ и крикомъ, и щобъ походний тактъ бувъ. — Ажъ дивитьця сумно, якъ инший парубокъ, и очі заплющить, и уха руками собі позатуляє, — весь перекривитця, та виводить:

»Охъ, у лузіхъ, у лузіхъ...«

Бувъ я разъ на весілі: звали старшимъ бояриномъ. Спроти по-бралися. Та якъ завели дріжки:

Охъ, и радъ-же-бъ я, дитя мое,
 До тебе встати, тобі порядокъ дати,
 Да сира могіла двері залагла,
 Оконечко заклепіла...«

та на якійся московський ладъ!.. то хочъ изъ хати тікай... саме у пору. Хата невеличка, народу тискъ... а пісня... ажъ у в'ухахъ лящить. А тамъ, якъ повели молодихъ, у їхъ хату, такъ парубоцтво и завело:

Поле чистое, турецькоію,
 Ми когда тебѣ поля прайдемъ...«

(*) »Миші співають: По щолгамъ клювавши.«

Старі сердютця на молодихъ за сі пѣснѣ, — такъ щѣ зробишь?
Мѡда така, одказують! Щѡбъ нагадати Парасці ще яку пѣсню, про-
 читавъ я їй «думу о вдовѣ и трехъ сыновьяхъ» (*). Прослухала,
 а далі й каже: »ну, и я вамъ заспѣваю. Голосъ її—якъ дитину ко-
 лишуть:«

»Мати сїна колихала,
 И день и нїчъ не вспляла,
 Та думала щѡ добрий бѣдетъ.
 Ажъ вінъ удавсь пьянїченъка,
 А ще й къ тому костриченъка (*),
 И въ кѡсті грае, й програваетъ,
 А свою матіръ проганяетъ.

»Иди, нене, прїчъ одъ мене,
 Бѣдутъ, нене, гѡсті въ мене,
 У жупанахъ, та въ каптанахъ;
 А ти, нене, въ сирячїні,
 У пѡдранїй запацїні.»

Пїшла жъ ненька тїмляючись,
 По—пїдъ тїнню валяючись.

»Де хатка тепленька,
 Дитїна маленька
 Тудї жъ пїду ночувати
 И дитїну колихати.»

(А той синѡгъ, изъ хорѡшими людьми богачами нагулявся
 (такъ вона завсегдѣ буваетъ), пѡки й каптанъ обїдрався).

Та тоді вже й прѡситъ:

»Та йди жъ, нене, впѣять до мене;
 Бѣду тебѣ шанувати,
 Буду тебѣ й хлїбомъ годувати.»

(Такъ вона вже сказала):

»Не пїду вже, сїнку, до тебе;
 Горїй, сїнку, та своїхъ дїтѡкъ годуї;«
 (Бо баче, щѡ вже синѡгъ горїе)

»А я вже бѣду у добрыхъ людѣй проживати,
 Бѣдутъ людѣ мене шанувати.»

(*) Зап. о Ю. Р. т. 1, стр. 19.

(*) Сердитенькїй.

А у насъ, якъ ма́ти, колишучи дитя́, співа́е—то пла́че, пла́че...

Се пісня давня.

А тепе́рь такъ пісе́нь співають:

Гуде́ть-гуде́ть у, у, у, у... та кикъ!

Звісно—моско́вська мо́да.

Такъ, якъ—о́ть соба́ка гавкае, такъ тихъ пісе́нь тепе́рь співають...«

Попосміялись ми надъ тою московскою модою, а тимъ часомъ бабуся *Настя* нагадала де-що про Орду.

— »Ба́тько ми́ні роска́зувавъ: якъ Орда́ бра́ла, то іде́ тата́ринъ ко́немъ. А такі́й чолові́къ, па дере́вниці, уті́кавъ. Зъ рі́ховкою дере́вни́ка. Та уті́каючи, й лі́зе че́резъ тинь, та й заві́зъ дере́вни́кою, а самъ у кро́пиву го́ловбу́ю, у го́родъ.

А тата́ринъ, побачи́вши що та дере́вни́ка ви́ткнула́сь зъ го́роду, дума́ що то ружжо́, та: »не пу́къ Ива́нъ, не пу́къ; я ні, вь ме́не не́ма́ пу́къ; я не пу́къ Ива́нъ!«

А ви́н ле́жить, бо́йтця ё́го, щобъ ви́н не вби́въ, а тата́ринъ зляка́вся дере́вни́ки, та й уті́къ. Такъ и лопону́въ ко́немъ, якъ уздрі́въ дере́вни́ку. Дума́въ, бачъ, що то не дере́вни́ка, а ружжо́, а то—такі́ дере́вни́ка зъ рі́ховкою.«

— »А то, бабу́ся ми́ні роска́зувала: о́то якъ Орда́ бра́ла, такъ по́роді́лля вь ха́ті зо́стало́ся, а тата́рка й уві́йшла́. Прибра́ла трѣ́хи тамъ,—такъ і́сти жь во́на хо́че, тата́рка, та не́знае́ чо́го? Такъ во́на напра́вила: »полі́зь, ка́же, у я́му (*), тамъ поі́си, та во́зьмешъ и ми́ні при́несешъ, и я і́сти хо́чу.

Во́на, бачъ, полі́зла бра́ти, а ця ха́зяї́нка, бачъ, і́ї стовбу́ла́ и поста́вила у кѣ́хву (та́къ вже і́ї Богъ наві́въ). Тамъ во́на, та́я тата́рка, и залила́сь. А ха́зяї́нъ, бачъ, при́йшовъ, та й ба́чить що кі́нь е́сть (о́тъ що тата́рка при́хала). Збро́я усе́ сере́бряна—позо́лочена, а кі́нь до́брый—до́брый. Та й гово́рить: »ти жь мене́ занана́сти́ла.« А во́на, бачъ, ха́зяї́нові́ й гово́рить: »не жу́ри́сь; онъ пі́ді́ подпві́сь у я́мі; тамъ тата́рка залила́сь.«

Тоді́ вони́ кѣ́ника оби́бра́ли, та й пу́сти́ли (бо і́мъ не тре́ба бу́ло ко́пі), а збро́ю со́бі забра́ли, бо бу́ла, кажѣ́, сере́бряна.

А кі́нь вдари́вся по слі́ду до-до́му.«

(*) Се бѣ то—у погрі́бъ.

Се, мабутъ, невеличкий зломочокъ якогось давнѣго широкого оповѣданія. Бабуся часто жалкувала що теперъ стара, багато де-чого позабувала.» Чомъ ви ранше не прихали,—було питає:—більше бъ почувли; а то теперъ яка въ насъ пам'ять? Старі вже!»

Питавъ я у баби, чи не чутъ у народі чого про Хмельницького Богдана, якъ вінъ визволявъ Україну зъ—підъ Лядської кормиги? Такъ ні...

»Про Хмельницького нічого не чути, а отъ про Семѣна Палія люде у насъ гомонять. Отъ и про Мазѣну розсказують, та я, старі, вже забула.

Теперъ Петръ знає, а я не знаю. Старі: вже забула (*).

А мій батько, то все про Потѣмку розсказує. Якъ-що, то вінъ заразъ про Потѣмку тогб. А отъ, хибі про Гаркушу—такъ то вона розскаже.

— »Я Гаркушина унѣка, Петрова дочка, (почала Морозиха), а ёго звали Іваномъ Степановцемъ. А бувъ вінъ такий, що й кўля ёго не брала, и шабля не рубала (и мечъ, каже, не вѣзьметь). И хочъ якѣ вѣйсько було на ёго йде, а вінъ якъ заговорить, такъ и удила попадають зъ коней. Вінъ вмівъ, бачте, замовляти. Якъ же у серцяхъ бувъ, то якъ замовить, то й зъ коней попадають.

Вірно, вінъ гадюки івъ, бо такѣ знавъ. Тоді такі люде були, що все знали. И батько вмівъ замовляти, а вже ми, діти, не знаємъ.

Гаркуша, Іванъ Степановичъ, не злюбівъ своєї жінки, та й кїнувъ її, и зъ дітками зъ малѣнькими покїнувъ.

Вона запечалилась та й умá трѣнулась. Отб жъ вона якъ задумалась, а въ неї зубъ и заболівъ; тоді вона изсѣкала шнурѣчокъ изъ бѣлі, та й зачепїла, та й тогб зуба вїрвала, та ще щѣлина повредила. Отъ вона й трѣнулась.

А дїдъ тѣе усѣ знавъ, хочъ бувъ де! Отъ якъ вінъ взнавъ, що її не благополўшно, та й самъ прихавъ. Прихавъ, та й питає: »чогб се ти задумалася?« А вінъ и самъ знавъ чого вона задумалась. Вона й умá трѣнулась, а вінъ знавъ, та тїльки такъ питає.

А вона жъ стала, кажу, неблагополўшна. Було сорѣчку зшїе, та такъ и ходить.

Іи и въ погрібъ закидали, и до зпáхурогъ возїли—не помогло.

(*) Петра не довелося почути. Не мавъ часу.

Отó, якъ вінъ спитавъ, а вона заразъ и стїшилась. (Тутъ баба Морозиха задумалась трохи). А вони були, ті Запорóзці, та й *варяги* гáрні. Усіжъ міста вінъ знає; дé що лежить, дé що стоїть, усі міста знає, наче самъ положивъ... Онъ, скільки ружжівъ, скільки чо́гò у тїй могїлі підъ Славьянскімъ покладено, усé знавъ...

А вмеръ вінъ, дідусь, хороше. Я знаю, де ёго й поховали. Угорóді у насъ й поховали.

Сімъ годъ вони ходили вже непóмнящі та й переставились...

...А здоровий народъ були сі Запорóзці!..«

»А то, ось послушайте, (изняла рїчъ Нáстя Сопунка), отó, якъ Потёмка розоривъ Святогóрщину, и Запорóзцівъ пороспускали... Я не знаю, чи їхъ пороспускали, чи вони вїслужились, чи якъ вже такъ було—не знаю, не скажу тогò... Ну, якъ їхъ тамъ пороспускали, то й до насъ прийшовъ у хутіръ, полковникъ запорóзский Ромáнъ. Висóкий—висóкий та лїсий. Тільки ёму й волосся що на потїлиці. Та й убогий же. У ёго тільки й великого було, що ймя полковникъ. А убрання у ёго не було ніякого. У мужицькій свїті й ходивъ. У ёго й волосівъ не було. Вони скрізь тинялись жити, —отъ и до насъ прийшовъ.»

Щожъ вінъ робивъ у васъ, бабусю?

— Що робивъ?—Горїлку пивъ. То ёго й роботи було (засміялась).

Оженився вже старімъ—старімъ, а жінку взявъ молоду та прехорóшу. Жінку ёго полковничихою й звали. По ёму вже: вінъ полковникъ—и жінка полковничиха.

Разъ ёго сусїда розсёрдила. Позвавъ її чоловіка горїлку пїти. Отъ вона ёго й розсёрдила за те, и чоловіка не пустила.

Такъ вінъ сїв на причїлку, та якъ пугу́кнувъ трпчі... такъ: пугу́, пугу́!—такъ такъ стáлось, що її чоловікъ та ставъ запóбемъ пїти.

У полковника бувъ синъ Терешко, а у Терешка синъ Грицько. А Грицька вже вбивъ чоловікъ на Чорну́хнїй слободі, онъ що за Багму́томъ.

Наемень іхавъ на пошти, и поштарь поганя. А Грицько й іде па зустрічъ зъ горшкáми. Горшкі везлі. Отъ поштарь той и каже наёмцеві: »шо ти за наёмецъ, що вози́ зъ горшкáми не поперевертаешъ?« Отъ наёмецъ и схотівъ ті вози́ перевернути.

Тоді Грицько узявъ кнєгъ, та іде: »оберни́, ка́же, оберни́!«

То наѣмець ёго й вбивъ, а самъ утікъ. А Грицько бувъ дуже приятний чоловікъ,—добрий та розумний.

Двоє дітей и жінка zostались після ёго.

А наѣмець той не пішовъ вже въ наѣмці. Егб треба було на Сибірѣ, а вінъ пообіцавъ одкупитись... та й досі платить жінці й дітямъ дѣсять цѣлковихъ у годъ, та разъ приславъ три чѣтверті пшоніці, та ще подушне платить зо хлопчика, и платитиме 20 лѣтъ, до зрѣсту до пѣвного того хлопчика.

Отá, що знаєте, Олександрá, що до васъ приходить, то Грицькова жінка.»

Се, здається, уже другий судъ громадський, намъ відомий (*). Громада розсудила, що до суду вдаватись не треба. Судъ присудивъ би заслатъ того наѣмця у Сибірѣ, а діти Грицькові все бь таки остались безъ заступника. Нікомубъ було за ними клопотатця. Звісно, що зможе вдова? Отъ и присудила громада, щобъ той наѣмець та ставъ дітямъ Грицьковимъ за отця (**).

III.

ДЕ—ЩО ЗЪ БЕСЕДИ ЗЪ НАСТЕЮ СОПЇНКОЮ И ЗЪ ДАНИЛОМЪ ГЕРАСИМОВИЧЕМЪ ГАРБУЗЕМЪ.

Прочувъ я, що въ сусідній слободі казенній, живеть чоловікъ старий—древній Д. Г. Гарбузъ, и що тому чоловікові уже надъ сто лѣтъ. Хотівъ—бувъ поїхати до ёго — такъ кажуть, що педужь лежить — сподівається смерті.

Ажъ такъ, у яке время, приходить одна молодниця зъ тої слободи, и каже мнѣ: «Клявся вамъ Данило Герасимовичъ Гарбузъ, и просивъ до себе.»

— Йо? Хлоба одужавъ? А казали жъ, що вже на Божій дорозі.

— Та одужавъ на яке время. Ідте бо швидче; казавъ що дождатиме васъ.

Зібрався я, побігъ. Заїхавъ за Настею, щобъ то зъ нею увійти у хату до Гарбуза,

Увійдимо. Хата простора, гарна. Усе въ хаті якъ слідъ. Прямо противъ дверей сидить, у білому кожусі, дідъ сивий... на долівці біля

(*) Див. «про злодія у селі Гаківниці.» Листъ IV съ хутора.
Основа 1861, IV кн.

(**) Наѣмець той, оце недавніми часами, вмеръ.

Їго граютця дітки маленькі. На лавці, біля віконця, сидить молодича, пряде. Перехристились, кланяємось господарямъ. Просать у хату. Я до діда. Питаю про здоровье.

— »Яке мое здоровье, одкаже. Старий дуже. Нема надъ мене старійшого на цілий округъ. Мині вже 102 годи.—Уже не знаю, на що Богъ мене держить? Слабий... яка зъ мене користь? Тільки лежу та охаю. И сна вже немає. Зовсімъ якъ мала дитина. — И вітромъ повалить! На що тільки Богъ мене держить? Уже давно пора вмерти.«

— »Богъ то знае, на що васъ держить. Ви кажете, яка зъ васъ користь? Отъ же й я чувъ, що до васъ приходять совітуватьця, ради просить... а ви кажете—яка зъ васъ користь? Ви молодяхъ научпте, на добро наставите.«—Вмовляю старого.

— Э, такъ молоді й слухатимуть насъ старихъ! Старий свое, а молодий свое. Ти ему те кажешъ, а вінъ свое править. Ну, та я не хочу гнівить Бога... вінъ знае—на що держить. Его святая воля!« одкаже старий, кладучи хрестъ и обертаючись до иконъ.

— »А я якъ почувъ, що ви занедужали, то боявся що й не побачу васъ. У недузі вже, кажу, яка розмова. А мпні дуже хотілось побачитця зъ вами, та роспитать де що про старовину нашу.«

— »Э, чомъ васъ раніше не було тутъ? Теперъ я старий: де мні усе згадати?«

— »Та що згадаете, те й розкажіть. Отъ я вже де-що записавъ; отъ и одъ Насті... а тутъ и ви що розкажете. Дяковатиму вамъ.«

— »Та добре; чомъ не розказать. Що згадаю—розкажу.« Отакъ гомонимо зъ старимъ, а дитвора все до діда, все до діда. Перебивають розмову. Дідусь то одного візьме до себе, у кожухъ, то другого підсадить на лавку, то зновъ зъ лавки спустить... бачу, що тутъ не можно буде записувать. Зазиваю діда до себе.

— »Э, дежъ таки мні дійти до васъ. Я й пзъ хати самъ не вберусь. Черезъ порігъ не перелізу.«

— »Та про се не турбуйтеся. Аби бъ була охота, а то й приїдемо за вами. Скажіть тільки—коли приїздить?«

— »Ну, коли такъ, то й добре. Якъ припште за мною, то й приїду.«

На другий же день приїхала Настя Сопунка и привезла съ собою діда. »Якъ буде ласка, кажуть, то ми у васъ п заночуємо. За нами одна пікому плакать.«

— »Отъ и добре. Я сѣму радъ. Пообідаємо, та якъ спочиньте, то й поговоримо; а я—таки и папіру наготовивъ. Буду записувать за вами.«

— »Та ми боїмось, щобъ не надокуцпти вамъ.«

— »Отъ, Бо—зна—що кажете!«

— »Ну, дай же вамъ, Боже,« каже Настя, що просите, що слухаете старихъ людей, та ще й запишете наші речі. Теперъ такъ настало, що молоді люде тільки сміютця надъ нами. Отъ якъ почнемъ що небудь—якъ воно велось у старовину, то й сміютця.

»А ви приїздіть до насъ, та привізіть горілочкы, та почаствуйте кого треба, то вамъ и пісень заспівають запорозькихъ, и розкажуть все що треба. Вибачайте, що я такъ—таки й кажу, по—прóстому. Воно вамъ лучче, та й людянькь веселійшъ співати. Отъ, почаствуйте, лишень, старого, то й вінъ, даромá старий, а яку небудь пісню и нагадає.«

— »Я годівъ 10, и лучче, чумакувавъ,« каже Гарбузь. »Тоді й пісень співавъ, а теперъ що? Теперъ я старий, и голосомъ не виведу.«

— »Та ну—бо, старий! Випьешъ чарку, то й виведешъ,« перехопила Настя.

— »Чарку горілки, або й другу, не гріхъ випити; а гріхъ чоловіка налаяти, гріхъ чоловіка осудити, або отця—пеньки не поважати. А горілки чарку не гріхъ випити,—вона на здоровье. Коли дасте, то й випью...

Не люблять теперъ насъ, старихъ,—та ніде дітись, Богъ держить...

Хороше я живъ. Синівъ три—оженивъ; пять дочокъ—пооддававъ. Тоді й баба умерла... Попобивъ би я її щобъ не вмрала, щобъ не кидала мене самого...

Ой, бедá, бедá безъ баби жити. Спасибі Бóгові милосердному, вона въ мене по чужихъ нивахъ не ходіла... Я й не зазнаю, щобъ у худихъ сорочнахъ ходивъ; а теперъ Богъ ёго знає, якъ и будеть?

Хороше я живъ. Ні въ ко́го грошей не позичавъ... Благодарить Господа милосердного; а теперъ якъ—то воно буде—незнаю... Що дасть Господь милосердний?

Бедá, бедá жити безъ баби... На що Богъ мене держить на світі?

Поки бу́ла баба, то й діти слухали мене, а теперъ, бодай не

казати! Вь мене три сині. Тількижъ одгь чоловікь якъ слідъ. Одинъ, мёншьелький, отъ що зо мною живеть. То й тільки й знае Господа милосердного. То й тільки й знае що вь ёго есть батько. А ті два... ну, то вже!.. Ото, якъ занедужавъ, такъ вони й не прийшли, навидатьця не схотіли... чи живий батько, чи вже... О, Боже милий, Боже милий!.. Я жь іхъ и грамоті вивчивъ, и воликівъ давъ,.. та що: усе, усе... жили бъ гарно!

А то, онъ, старшенький, и звівсь ні пашо. Теперъ, якъ повчивъ его оцімъ ципкомъ, та якъ побачивъ що не то... то й охачувся трохи. Теперъ жалкуе... Не вернетця!«

(Теперъ, познакомивши, якъ зумівъ, чительника зь сімъ дідомъ, я буду записувать тільки де-що зь его розмови, не вьяжучи одного оповідання ёго зь другимъ.)

— »А на Самарі живъ самъ Запорожець. Отб до Багмута, та до Мароиполя скрізь запоробзька землі. А вь Славянському, а вь Райгородку жила Орда.»

— »У Слободі, у Лимані бувъ приємъ. Отъ яка слобода Лиманъ (невелика), а бувъ приємъ. Тоді такі городі були. Мій батько козакомъ бувъ, а тамъ якъ повернули іхъ у гусарію, то й ёго взяли у гусарі. А приємъ бувъ у Лимані.»

(Про хворобсти и дідъ знавъ.)

»Отъ якъ тоді було. На хворобстахъ якъ запалить бочгій, то й знай, що Орда йде. Отъ якъ запалить ті хворобсти, то й тігій у лугъ (*). То тамъ и ховаютьця,—не то день, а й цілий тиждень висидить. Орді боялись. А противъ городка та стоявъ стовпъ земляний, зь дёрню. 10 саженой заввішки бувъ той стовпъ. И то одъ Орди.

А Славянський звався тоді Тіръ, або Торъ. Тамъ жила Орда. Тоді тамъ соляні озера та заводи були.»

Москалівъ тоді й не було тутъ; и не побачишь було москалі,

(*) На правімъ боці Дінця підіймаютьця крейдяні гори, а на тімъ боці лугъ.—Тому лугу й кіпця не було видно. Тільки де-не-де по ёму річечки та озера вишскувались, та хутори вза-дерева визирали.

Теперъ и не пізнати того луга.—Зь легкої пауської руки почали усюди лісь вирублювати. Тамъ, де попереду стояли віковішні дуби, та берести, та липи,—тамъ теперъ и хмису не дають гараздъ піднятьця,—рубать та продають. Чувъ я самъ, якъ люде зають паувъ, що дурно лісь переводять. Теперъ таке настало, що вишній державецъ продає свій лісь за півцип.. аби бь розвьязатця зь нимъ! Таке-то. Затого весь лісь у Харьківщині переведуть.

а все наши: *руський народъ, руський народъ*, а москаля тутъ не було. Се земля хахляцька, съ-покопъ-віку, а не московська. Тутъ була *Гатьманщина*. Се наші землі були—а москаликівъ и не було. Тільки козаки та Запорозці. То Запорозці було звать насъ *Гатьманці*, а ми їхъ *Запорозцями*... Якъ небуло москалей, то лүчче жили. Се Л... ви и понавбзили їхъ сюди. Та такіяжъ погані були ті москалі: волосся ёму роскудбчапе, пика не вмїта, та такі неприбрані... та такъ и сїдають обїдати. Та й лопають же, Господи!..

Надъ нашу мбву й нема лүччої. А пїди—Россїи захопї—вже не той щотъ. И тобї правди не скажить, не тїлько що!

Онъ ходїли ми въ Воронїжъ. То де нашъ народъ живётъ, то гарно й говорять, а де москаль... ге! хочъ покїнь. Такї!«

»У Катерипославський губерни якъ була, то бачпла Нїмцівъ, (росказуе Настя). А Нїмці ті Каштелицькі, та такі розумні та умні. По нашому говорють такъ хороше, и хлїбъ по нашому печуть, и варють по нашому. Господи милосердїи! які то розумні! И живуть гарно. У кожного й колбдязъ на дворї, та насбсами й набувають собї вбду. Въ стїнї така дїрочка мапєцька. Нїмець набуе, а вода зъ тнї дїрочки и ллетця, и джорчть... Гарно живуть...«

— »Якъ зазнаю, (казалъ Д. Г. Гарбузъ), то лїсь продавали: копá визъ.

Вївцї зъ ягнємъ—два съ копою.

Корбва съ телїмъ—12 рублївъ, а то й 10,8. Подушного платли 30 к.«

Якъби не брали у полбнъ Ордї, то вона бъ и досї тутъ *фигурвала*. У Рай-городку жъ и домъ їхъ бувъ—тамъ той неприятель живъ. И дбми въ ёго були, и ворбта серебрани.

Отъ якъ я ще малїмъ бувъ, то тамъ у Рай-городку було знахбдять, на самїхъ пїскахъ, черепбчки зъ серебромъ: тамъ вїпъ и живъ. А пїскї ті ложбпнгами хуже помбсту сёго. Якъ идешъ то ажъ дзвїнїть пїсокъ той. Тамъ було кровопролїтне.

А то тамъ находили ще плбщики одъ стрїлъ. Такї погарббванї.«

»Прєжде, якъ зазнаю, такъ упадє зїмá якъ дощъ на молодикү,

та й розгане. Та отъ, якъ взяли Кримъ, такъ зъ тої пори п зима стала.

А за Дѳномъ нікогда въ свѳтѳ, було, й непобачишь снѳгу. Оттакъ було. Тѳльки слава, що зима, а то тепло. На Рѳздво баби мазали хати *около, около!*

— »Объ Рѳздва ходѳли на рѳчку прѳти у в' однихъ сорочкахъ. Й Бѳгу. Се я самъ знаю. Отъ яка була зима тодѳ.

А якъ же Катерѳна завладѳла Крѳмомъ, то вже й зима стала.

Та отъ, якъ Храпѳузъ приходивъ, (я ще бувъ тодѳ отдатчикомъ) такъ тодѳ, зима була дѳже холѳдна. Снѳгу такого було багато... хати скрѳзь позапѳсно, позабивало. Лѳде лѳзли въ хату крѳзь димарѳ. Багато скотѳни пропало. Навувать не можно було; де тамъ,—и носа витнуть зъ хати *страшно*.—А Дѳнець тодѳ бувъ узѳнький — узѳнький. Все плѳсами. Перескѳчити можно було. Теперъ не такий свѳтъ...—Отъ шовковниці у васъ е у садку?«

— Нѳ, нема.

— »Эге жѳ! А то й у насъ були. Були всѳкѳ: п червѳні, и бѳлі на ягѳдкѳ. А теперъ шовковницъ и не вѳдно (*).«

IV.

Ну, казала баба: заспѳвать вамъ. Слухайте жѳ. Сама чумацька.

»Ой хто вѳ Крѳму не бувавъ
Перекѳпа не видавъ.
Перекѳпський комендантъ
Запорѳзцямъ даѳ знать:
»Годѳ вамъ, Запорѳзці,
У Калачахъ стоѳть,

(Калачѳ—городъ тапѳ)

А бѳжить до Салгѳрѳ
Чумачѳнькѳв рѳтуватъ.«
Ой прибѳгли до Салгѳрѳ,
Ажъ лежать наші чумаки,

(*) Та не тѳльки шовковниці—а то й сади переводѳця. А зъ садами и лѳсами, и пасѳки пропадають. В. К.

Ой лежать наші чумаки
 А де два, де чотирі.
 А казавъ князь Долгоруѣвъ
 Що не здіме Орда рѣвъ,
 А Орда рѣки изняла,
 (Та) Чумаченьківъ забрала.
 Ой погналі чумака
 На три бѣтїі шляха,
 На три бѣтїі шляха,
 Та въ четвѣртї озерá. <

Отъ вамъ ще:

Та повій, вітре буйнѣсенъгий,
 Зъ востѣчного моря.
 Менѣлося та бурлáченъкамъ } двічі.
 (Та) По-за Дѣномъ воля. }
 Було шумно, по *чулáнахъ* (*)
 Тепѣрь стало тїхо;
 Було добре, та по-за Дѣномъ, } двічі.
 А тепѣрь стало лихо.
 Парувáли та бурлáченъки
 Все волі рябїї,
 Малювáли бурлáченъки } двічі
 Все возї новїї.
 Та наїхали та реведони (**)
 Бурлáкъ у службу братї:
 »А що будемъ, та милеє браття, } двічі.
 Думати—гадáти?
 »Та гудї жъ будемъ, та милеє браття,
 Будемо писатьця?
 Запїшмось у пáнськое } двічі.
 Будемъ панівъ знáти.
 »Запїшмось у казѣнное—
 Будемъ подáть давáти,
 Будемъ подáть давáти, } двічі.
 Та й у службу будуть братї.

(*) *Чулáни*—хлїви, такъ якъ доми по-за в' Дѣномъ.

Д. Гарбузъ

(**) Пашї співають *ревизбли*—ревизоры.

А тогді такъ було: записитця у пана, та зъ такою умовою, щобъ у службу не ддавали, то й не ддадуть. А тихъ, що у казенні записувались, зъ тихъ и въ службу брали. То було якъ некручина, то й тікають казєнні до панських, — та вже не поможешъ.»

Я прочитавъ діду — »Наймичку« Шевченкову. Дідъ заплакавъ. »Правда,« каже, »чиста правда. Та якъ гарно! Боже, якъ гарно. Се кованимъ словомъ?« (*)

V.

ПАМ'ЯТЬ ПРО СТАРОВИНУ МИХАЙЛА КОЛЕСНИКА.

Одного вечора кажуть мнї, що питає мене якїсь чоловікъ. Вихожу. Стоїть чоловікъ вже немолодий, білий волосъ на голові почпає виліскуватця. Вуси довгі, у низъ падають; висока смушкова шапка у руці (**). Иде мнї на зустрічъ, руку подає. Привітались. »Що? правда тому, що ви про старовину розпитуєтесь?«

— »А якъже, кажу: правда.»

— »Такъ отъ я вамъ розкажу, а ви записіть. А то скоро всі позабувають, якъ було намъ жити у ту старовину.»

Прощу ёго до себе. Посідали.

»Отъ яка наша старовина, починає Михайло Колесникъ: — — —

Михайло хочъ и не чумакувавъ, алежъ багато волочивсь по світу, заробляючи собі копійчяну на старість. Панявся вінъ на одній байдакъ крамарській — и плававъ по Чорному и по Середньому морю годівъ зъ 5, чи-що. Бувъ, каже, и на Кавказі, и въ Турції, и въ Італїї. »Топувъ,« розкажує, »скільки разівъ, а все Богъ милосердний спасавъ, не давъ пропасти.»

(*) Стихами. Д. Г.

(**) Вже въ нашій стороні мало видно смушковихъ шапокъ. Москалі понавозили пливовихъ. Пливові хочъ и гнїлі — та дешевше, а тутъ ще убожество! Отъ и купують, — а більше мїняють.

У насъ багато людей ходять по чорноморськихъ городахъ, та ще на Дівъ, на заробітки. Якъ тільки худоба пропала, то вже лучче кидати своє господарство—и йти на заробітки. Розказували миші, що якъ хто схоче, изъ казеннихъ, узять билетъ, той мусить поставитъ старшимъ півъ—відра горілки (1 р. 25 к. на ср.) »за согласіє«, та писареві, окрімъ того що за билетъ, съ копу серебряну за працю треба поступитця. Тоді, якъ се сполнивъ, началство удоволинивъ—ти й станешъ вільнимъ козакомъ... Иди собі, заробляй, щобъ и собі було, та щобъ було чимъ покловитця кому слідъ, якъ вернешся. Михайла я просивъ, щобъ вінъ заспівавъ миші яку старинну думу, бо сказали що знавъ. Такъ ні. Усі, каже, поперезабувавъ.

Узявъ я Записки о Южной Руси, П. А. Куліша, и прочитавъ ёму про козака Голоту и про Гаижу Андибера. Дакувавъ вінъ дуже за те, що прочитавъ—а тамъ и самъ заспівавъ миші думу про «Робійника Перейіноса». Сю думу я списавъ и доставлю її опісля у в'Основу. А теперъ подаю ёго оповіданне, про те, якъ Запорожці пішли изъ Січі до Турка.

»На сконці Жеребця (*) могила в. Въ тій могилі усі документи запорозькі закляті лежать. Запорозці зъ досади їхъ тамъ сховали и закляли. Усе орудне, казна, сукна, усі товари дорогії, злато и сребро, пушки, одѣжа, все покидали и закляли у тій могилі. Казані мідні, гармاتی и гроші,—усе покидали Запорозці. Та могила якъ—разъ на грانیці Запорожжя (**). А зъ Чорної могили грانیца пішла на сей бікъ Дінця икъ Изюму. Кболо пбшти, у в' Изюмі, и дбсі стоить мурований стовпъ и пень сплелений, обгорілий: и то грانیца. Се все були запорожецькі зѣмли, отъ де ми живемо...

Якъ зосталась Катерина самá на царстві, удовою, такъ грахвъ Румянцовъ бувъ у неі первий чоловікъ. Вінъ всімъ правивъ, якъ хотівъ, вона ёму довірилась. Що схотівъ гр. Румянцовъ, те й

(*) Річка пезелка; вливаецця у Донець пелалеко одъ Славьянского.

(**) У папа Скальковського, на его карті въ »Исторіи Новой Сѣчи«, грانیца Запорозька сюди не сягае. А у Миллера, у ёго »Историческихъ сочиненіяхъ о Малороссіи «Малороссіявахъ,» отъ-що читаемо на стр. 42:

»А внутри земли, около Изюма и на верховьяхъ рѣкъ Тора и Базмута, російскихъ жителей »Запорожцы« отогнали, сказывая, что кто тамъ жить хочетъ, то и долженъ имѣть отъ запорожскаго войска позволеніе и платитъ имъ оброкъ.«

робивъ. Вона не поперечила ёму. Отóжь гр. Румянцовъ и совітує Катеріні: »Козакі Запорóжецькі — не християне, не богомільці. Запорóжець, каже, ожéнитця на одній сестрі, а якъ умрэ вона, такъ берé за себе другу жъ сестру, рідну. Вони, каже—совітує, нехрищені:—вйжинемо їхъ.«

А булó се такъ:

Пані схотіли взятъ оці зéмлі собі на дёржаву, бо земля добра, и річки в, и лісу чимало,—а тоді булó ще більшъ. Отъ, по усіхъ гóрахъ тутъ бувъ лісь, а тепёръ вже нема... то панамъ дуже хотілось завладати сією землёю. Такъ Запорóжецька! Самі жъ вони не посміли просіти Катеріну—царицю, а сказали тому гр. Румянцову, щобъ той попросивъ. Отъ Румянцовъ графъ и просить. »Мамо, каже: Запорóзці нехрищені, не богомільці, вйженемъ їхъ, а зéмлі оддамó панамъ у дёржаву. И тобі лучче, та й намъ бóуде вигоднійшъ.« А Катеріна й питає: »дежъ динемъ Запорóзькихъ козаківъ?« А вінъ їй убезпéчивъ: »знайдуть, каже, дé дитись. У тебе, мамо, землі мно́го,—то нехай собі шукáють; а сю оддамó панамъ.« Отóжь Катеріна й послухала, та й приказала Запорóзцямъ шукать собі землі у другімъ місті. »И справді, каже, у мене їй мно́го.«

Якъ почули Запорóзці такій ма́тушкинъ приказъ, такъ и заплакали. »Ну, кажуть, коли такъ,—такъ не треба намъ твоєї землі; нехай при тобі вона й бóуде; а ми, кажуть, вже вйшукали собі зéмлю у Турка, у *Темнію Лузі*. Вінъ намъ бóуде ба́тькомъ, а тепёръ ти намъ не ма́ти.

Проща́й, ка́жуть:

Якъ за́йдемъ за Дунай,
То до-до́му й не дума́й.

Хочъ загликáтимешъ—не прійдемъ.« А тоді у нихъ полковникувáвъ *Бóндарь*,—*Гладкий*,—по пісьмéнному. Сей Бóндарь знатнийъ великий бувъ. Отóжь якъ прійшовъ до нихъ ма́тушкинъ приказъ, щобъ переходили на другі зéмлі, тоді Запорóзці заховали все свое добро у Чорну могíлу, а Бóндарь той и заклáвъ ёго, зъ досади. А тутъ одъ царі́ці зновъ приказъ: прислáти до столиці депутатівъ. Бóндарь и вйправивъ свільки—тамъ козаківъ до Петенбурху, та й наказáвъ: »гледіть же, козакі, скажіть царі́ці Катеріні, що се наші зéмлі.«

Приїхали ті депутати до столиці, а царїця ї звеліла їмъ настановити обідъ. А гр. Румянцовъ наказавъ, щобъ поклали їмъ ложкї у три аршини, и щобъ вони, тими ложками, обідъ обїдали. «И царїця, каже, буде дивитьця, якъ будуть козаки Запоріжєцькі тими ложками обідъ обїдати. А якъ пообїдають, каже, то нехай собі віютця кудї схочуть.»

Посїдали за обідъ. Побріали ті ложкї що у три аршини, та ї почали Запорозці годувать тими ложками одинъ другого.

А царїця, якъ побачила, то ї каже:

»Та ї недурні жъ сі Запоріжці! Бачъ, що вигадали! А я, каже, думала,—якъ тутъ справитьця зъ тими ложками?

Ото, якъ почули Запорозці, що матушка сказала, то ї кажутъ до неї: »ми, матушко, хрищені!«

А вона тоді:

»А ти жъ казавъ, гр. Румянцовъ, що вони пе хрищені...?«

Отъ Запорозці ї прісютця: чи не можна бъ їмъ на їхъ зємляхъ zostаватись?

А вона ї каже: »ні, козаки Запоріжєцькі, ні, не можна. Сю зємлю вже панамъ оддано.«

Тоді Запоріжці заплакали, та ї пішли до Турка.

Якъ прийшли вони до Дунаю, то Бондарь, полковникъ, нарвавъ травї, та ї кинувъ черезъ себе у Дунай.

И козаки нарвавши травї покидали у Дунай.

Такъ травя, що вкинувъ у річку Бондарь, поплила противъ фїлі, а травя, що покидали козаки, та пішла за водою.

Тоді Бондарь и приказує: »слухайте жъ мене! Розстелїть пїтників, та ї становьте на нихъ коней, та ї переправляйтесь!«

Козаки послухали, бо Бондарь бувъ великий знатникъ (*), та постановивши коней на пїтників—попереправлялись.

А Катерїна, якъ почула, що Запоріжці помандрували до Турка, у Темний Лугъ, такъ заразъ и побїгла до Новосїлиць, де була переправа.

(*) Се велике слово. Видно, и теперъ нашъ народъ не вдовольнитця тимъ, що ватажокъ матиме чинъ великий, або вестиме рїдъ свій, хочъ одъ Мусїа. Народъ спспитає, чи е въ ёго розумъ? Коли е, то ї слухатиме залюбки, а ні, то ї »дурень еси« такому ватажкові скаже.

Якъ же побачила, якъ Запорѳзці переправляютьця, що на однімъ цїтнику—двадцятѳро коней,—такъ и закрїчала:

»Гей, гр. Румянцовъ, гр. Румянцовъ! Ти жъ казавъ, що вони нехрищенї; ти жъ, каже, совїтувавъ—виженемъ їхъ!—Отъ и послухала тебе—та якб вїйсью занастїла! Теперъ вже, звїсно,

»Якъ зайшли за Дунай—
То до дому й не думай!
Вже не закличемъ їхъ до себе.«

Гр. Румянцовъ заразъ сїв на паракѳду, та й подравъ у Петенбургъ:—перелягався. А Запорѳзці й досї живуть у Турка, у Тѳмнимъ Лузі. Ихъ тамъ 40,000 (*), и ся земля їхня, а не наша.

А Катерїна й закликала їхъ зновъ до себе: такъ Бѳндаръ, ще якъ вони переправлялись, заспївавъ їй пїсню:

Великий свїтъ, сударина матушка,
Послухала графа Румянцова,
И одъ панївъ великую напустъ напустїла.
Перве вїйсью було—славне Запорожецьке
Та й занастїла.
Якъ зайшли, кажуть, за Дунай,
То до дому й не думай,
Вже теперъ не завернешъ.

Такъ и дїло було, такъ и дїло було.

Такъ и Катерїна сказала:

»Правда, правда, що занастїла! правда, правда, каже, що не завернешъ.«

А вже жъ: зѳмлю оддала панамъ, а їхъ насїдало тутъ... отъ якъ самї бачите.

А земля ся була Запорожецька.

Отъ и Святогѳрщина, и Изюмъ—се все Запорожецькї землї.

Вс. Коховський.

(*) Див. опов. Таранухи. З. о Ю. Р., т. 1-й стр. 141:

...»А опїсля, якъ побачили, що Москва вже все позабирала, то сіло їхъ (Запорожцївъ) сорокъ тисячъ на човни, та й поїхали до Турка.«

VI.

ТРИ ПАНИ.

(Оповідання козака).

И. А. Домонтовичу.

Питаєте ви мене: чій се двіръ що високи осокпри,—якого пана? Отъ-же й не скажу вамъ,—дарма що й родивсь и хрестивсь тутъ. Вінъ вже й худобу сю давно купивъ, та усе ніякъ не вимовлю; вінъ изъ Німцівъ, то бакъ якъ ёго зовуть? чи Розігнавъсь, чи Розідравсь, чи Розікравсь,—такъ якось. Ся худоба колись-то Хведченкова була; тихъ Хведченківъ я добре знавъ, у мене й родичъ у дворі бувъ—кумъ, Сергій—писарь: а теперъ такъ, коли-не-коли, повзъ панській двіръ йдешъ, а у двіръ не наvertsається: сей Німець усіхъ помаймававъ, — такъ мені тамъ ані людшини знаёмої, ані діла ні якого нема.

Я й старого Хведченка добре знаю—Ондрія Степановича; справедливий панъ бувъ,—и на всю губу; у ёго ще три села було: Шереметівка, неподалеку, та десь підъ Чорніговимъ два. Людей більшъ ніжъ надъ тисячу душъ було. Тисяча чотиреста; чи що? Кумъ Сергій казавъ, та я забувъ вже.

Ондрій Степановичъ ще й маршаломъ бувъ. Було, якъ на полюванні іде, то біля ёго панівъ та панківъ голоп'ятнихъ,—такихъ, що йде у чоботяхъ, а пучки на піску й знать,—сяла; усі ёму такъ у вічи й двилитця, чи не загадає чого. Становий та справникъ було якъ прийдуть, то коней ажъ коло шинку покинуть, а у панський двіръ пішки йдуть.

Гульня була у Ондрія Степановича невиводня. Разъ-у-разъ панівъ повний домъ; п'ють, у карти гуляють, танцюють, музика грають (у Ондрія Степановича и музика чоловіка двадцять було). Що судови пани,—такъ, здається, и жили у ёго; наши козаки, було, по тижню, зъ запряженими кінями, у підводі стоять. Легше було на стійку у стапъ, підъ москалівъ, іхати, ніжъ у панський двіръ: бо тамъ хоча знаешъ коли одбудешъ, а тутъ—зъ двора не ідъ, бо часомъ пани заразъ іхатимуть, и скотина негодована стоить, и самому то-жъ хочъ пропадати, коли яка Божа—душа, зъ дворовихъ, не нагодує. Такъ вже и трапляють було підводчики, щобъ якъ-небудь самъ папъ убачивъ, що візъ запряжений стоить, то вже загадає и сіна дати и на-

годовать підводчика. Тільки не кажп, що горілку пьєшь, а то тобі таку коновку внесеуть, мо, кварть пзо дві, та й прислугують випити; а якъ хто не випьє, якъ ще самъ панъ підносить, то часомъ и канчука коштує. Запекуватий панъ бувъ! що було загадає кому, то вже слухай; у пельку загадає лізти, такъ и лізь. На-віки той пропащій, хто ёго у чому не послухає: и у пеклі відъ ёго не сховаецця; а якъ хто послухняний, що все каже: *сейчасъ будетъ*, та *слушаю-сь*,—отъ то ёму й душа любезна. Хочъ, приміромъ кажучи, мій кумъ Сергій: зъ дворовихъ байструківъ вінъ; зъ самого малку за поинхача при кучеряхъ бувъ,—такъ и самъ вінъ надіявся, що не минати ёму московскои мунциі: «лапнешъ,—було каже,—себе за чубъ, а думка така, бути тобі голеному, та стриженому,»—а и не довелось; теперъ купецъ, та чотирі доми у городі,—лісомъ та хлібомъ торгує. А черезъ що? Черезъ те, що розумний та послухняний бувъ... Саме зачули про некруцький наборъ. Сергій добре знавъ, що бути и ёму у некрутахъ. Ось біда и навчила:

Падумавсь вінъ, та й почавъ по саду ходити, щобъ де зуспіти пана. бо у домъ до пана лакеі не допустили-бъ. Ажъ йде Ондрій Степановичъ проти Сергія, а той и не зякався, дарма,—що панъ дуже грізний бувъ. Уклонивсь, та й каже: «Я, пане, до вашої милости: будьте ріднимъ батькомъ мені сироті.» Ондрій Степановичъ якъ гримне на ёго: «чого тобі треба?» Розсердивсь, значить, що надокучають. «Позвольте,—каже,—пане, женитись.» Той и зовсімъ розлютувався. А сей и не тікає: «такп,—думає,—діждусь свого: перейде твое серце.» Бивъ ёго, бивъ Ондрій Степановичъ, а далі й попитавъ: «на кому-жъ ти хочешъ женитись?» «А тоді саме у будинкахъ ажъ три дівчини важки ходили. И не перелічпшь, що тоді байструківъ у дворі плодилось! бо дівчатъ меньшъ тридцяти ніколи не було. Одни клими пятнадцатеро ткало.

Отъ Сергій сей й знає, що панъ не любить, щобъ накрткн изъ дітьми ходили,—дарма що тіі діти більшъ одъ ёго-жъ и були. Заразь, якъ котра важка, або зъ дитиною, то за кого-небудь зъ дворовихъ парубківъ заміжъ й отдає, або до батька на село прожене; а иншихъ, новихъ та молодшихъ, у двіръ наберуть.

Сергій и каже панові: «яку ви, пане, порадите: на те ви нашъ панъ; на кому загадаєте, на тому й ожениюсь; де вже мені самому обирати? якъ ви скажете, такъ и буде,» та ще пана у руку поцілувавъ. Підобрився панові. Той и загадавъ на Стесі женитися (а сю Стеху панъ більшъ одъ другихъ любивъ). Оженився Сергій. Панъ двадцять

пять карбованців на весіллє подарував п зробивь Сергія помошником у кляшника, що пашню доглядав. Розживсь трохи Сергій. Хату ёму у дворі одвели; вже почали ёго и Петровичемъ по хрещеному батьку звати. Жінка дитя привела,—такъ справникъ изъ попадею хрестили. Такъ сёго ще малю Сергієві: надумавсь вінъ, якъ би усе панське добро до своїхъ рукъ загарбати. Подруживсь изъ кляшникомъ; жида знайшли, у горюді, якого—сь; кучера, що колись що—дня годувавъ Сергія товченкамъ, поєднали. Понакладали повни вози мішками изъ панськимъ борошномъ, та й налагодились, щобъ у ночі одвезти па панськихъ коняхъ, стаєнихъ, до жида у горюдь. Сергієві того тільки й треба. Подъ-вечіръ прийшовъ вінъ у домъ, та й каже лакеямъ, щобъ пустили до пана. Тіи не пускають, такъ Сергій вибатькувавъ ихъ, та хотівъ самъ на-впростець йти; тіи ёго за руки. Вінъ такий гвалть зчинивъ, що самъ панъ вибігъ. »Що се таке?« питає. Лакеі й кажуть: »пьяний Сергій прийшовъ,—бунтуєтця.« »Ні,—каже Сергій,—я, Ондрій Степановичъ, не пьяний, а прийшовъ вамъ донести про те, що у васъ у дворі робитця,—якъ вашоі милости добро переводять,« та й розказавъ усе панові. На сей часъ справникъ у дворі бувъ; и я тогді у підводи третій день пропадавъ, такъ бачивъ, що робилось тогді. Чоловікъ зъ двадцять при мені били, що вони й не винні зовсімъ; кучера и кляшника на Сібіръ завдали, ще й катъ поровъ, а Сергія поставивъ панъ за кляшника и за старшого надъ усіма. Зъ сёго часу заживъ Сергій. Туди далі мене старшиною надъ чотирма селами поставили; тогді ще сіхъ старість у кожному селі не було,—тільки одни соцькі; такъ Сергій у мене й діти хрестивъ. Що попогуляли ми изъ имъ, що за привітлива душа була; и теперъ, якъ трапитця у горюді бути, такъ питає и частує мене, наче свою рівню: дарма що вінъ на увесь повіть купецъ, а я—козакъ простий. . .

Лютий, дуже лютий бувъ Ондрій Степановичъ; безневинно чоловіка було обезвічити; одначе крепакамъ не погано було, бо землі у їхъ була сила. У иншихъ зъ-давнихъ-давенъ вола була, а други у папа по-випрощували. Набільшь тіи, що дочки та сестри у дворі були. И пособлявъ—таки Ондрій Степановичъ своимъ крестиянамъ. Пожежа станєтця, не доведи Господи,—такъ вінъ хату нову поставить; а законъ у ёго такий: зъ чиеі хати почалось, тому пятьсотъ різокъ, хоча-бъ и підпалено: »не роби,—каже було старий панъ томучоловікові,—собі ворогівъ, такъ и не підпалють тебе.« Козаки то—жъ ни—чимъ худимъ ёго не згадають; тільки підводи черезъ судовихъ гостей обридли. Та ще, хи—

ба, якъ попадетця скотина у спаші, такъ и тогді—у перше дурно отдадуть, а вже вдруге бережись, бо якъ коняці, такъ и гриву и хвість острижуть, а якъ воли, то хвість одрубають; а сёго здирства ніколи не було, щобъ за спашь гроши брати. Овдрій Степановичъ ще й вилаявъ за се Сергія: »не панське,—каже діло,—зъ мужика гроши брати.« Ще за се ёму люде дякують, що церкву збудовавъ; хоча баню громада залізомъ укрила за свої гроши, якъ вже вінъ умеръ, та все—жъ таки и стіни вінъ постаповивъ и иконостасу зробивъ. Теперъ и подивитись любо; неначе село не те, якъ церква нова, та ще така гарна, якъ у насъ, що я такої по селахъ и не бачивъ, хіба тільки у Києві та Переяславі такі церкви.

Якъ умеръ Овдрій Степановичъ, такъ се село досталось синові ёго Михайлу Овдріевичу; инші села на другихъ братівъ упали. Ми сёго пана, ажъ покi приїхавъ панувати, ніколи не бачили. Его батько до себе не приймавъ. Мені казавъ кумъ Сергій, що черезъ те, що паничъ якъ вивчивсь десь у школі, у Петербурсі здаеця, такъ почавъ бунтоватись, та за се цілий годъ у турні сидівъ,—такъ старий панъ зненавидівъ ёго.

Якъ умеръ панъ, такъ и почали усі турбоватись, що се за паничъ такий,—бо вже почувли, що ёму досталось. Великого лиха сподівались, бо усі чули, що зъ паничемъ було. Голосили навіть инші: »острожняку,—кажуть,—на поталу достались; де й дітись намъ біднимъ? перезеже вінъ насъ на гречку.«

Ось и діждалсь: приїхавъ паничъ.

Загадавъ вінъ зібрати громаду. Посходились; ось вінъ и обьявивъ їмъ, що робитимуть вони по три дні у тиждень; що діти на панщину не ходитимуть, черевати жінки тожъ; що бою більшъ не буде, а за велику провинність підъ арештъ сажатимуть, та записуватимуть у книгу якусь. Ще сказавъ їмъ, що якъ що треба, то щобъ па-впростоць йшли до ёго: »я—каже,—затимъ приїхавъ, щобъ вамъ усімъ добре було.« Зробивъ обідъ; страви наварил, що й не поісти; а горілки—тільки по чарці й дал.

Порозходились люде, та й не знають, чи радіти, чи дивоватись, бо зразу нерозчовпали, що се за проява така; а туди далі й постерегли, що се такий панъ, що ёго на усячній можно одурити. Житте сімъ панщанамъ при ёму таке було, що усі козаки завидували. Насъ и у підводу, и на стійку, пішихъ на греблю; а зъ їхъ казенній одбучи ні якої, бо такъ ще за старого Хведченка велось: той би становому и голову стявъ, колибъ той осмілюсь ёго людей займати. Чому-бъ, здаеця, не жити тихо сімъ крепакамъ? такъ ні: зажпрливи дуже; за тежъ їхъ и

Бігъ покаравъ, що такого пана та кривдили дуже. Косять, або жнуть такъ, якъ мокро горить; доведуть до того, що почне жито висипатись; тоді й кличе паничъ, (бо бачить, що усе пропаде), щобъ хто хоче йшовъ зъ половини жати. Й зъ сіномъ те-жъ саме. На панщині тільки дні переводять, а до папа за землею лазять. У пшного й такъ день на тридцять; ні, сёго мало: йде щобъ ще виплакати. Прийде до пана, знебожитця: »Дайте, пане, землі, бо въ мене зовсімъ мало.« Папичъ и покличе Сергія »у кого,—штає—земля, що жалюця що мало. Той и налічить папичеві: »у того, та у того,—вони ще зъ батьківъ владіють; у сёго чоловіка справді мало.« Папичъ и загадає одрізати де-небудь одъ панської, а Сергію звісно вже підмоторичепъ, басавринокъ получивъ.

Ще не минуло й двохъ годъ, якъ Одрій Степаповичъ вмерли, а Михайло Одрієвичъ почали господарювати,—та ажъ гідко подивитись на панський двіръ: штахети обурени, хати облуплені, тини тожъ повалились, плантації бурьяномъ позаростали, топчеки несправні, винниця зовсімъ стала, бо мідяни труби покрали—продови души. Такий разгардіяшъ, що не доведи Господи. Та ще хочабъ панцане за пана Бога молили, а то зъ ёго жъ и глузують: »отъ,—кажуть,—на наше щасте Бігъ дурня піславъ.« Та ще лютують за те, що пізволивъ дівчатамъ, за кого схоче, замижъ йти. Наші парубки козачи заразъ и почали сватати, бо панська дівка більшъ до роботи привична, та й чоловіківъ рідъ поважатиме, що її зъ крепацтва визволили. У мене три сини жошатихъ, а сама краща та невістка, що зъ панськихъ,—и не лукава и до роботи охоча,—а зъ тими двома ничого и не зъорудуешъ.

Якъ давъ папичъ таке пізволення, такъ паньски парубки и побутовались, навигъ чоловіка вбили,—дружка у весілі, бо за їхъ козачки не йдуть, паньски тожъ. Почувъ паничъ про се, та й обьявивъ, що якъ козачка за ёго крестянина піїде, то на панщину не ходитиме; такъ и то не йдуть. Думка така: »покі ти живъ, такъ добре, а якъ часомъ помрешъ, да якому-небудь египетнику достаємось, тогді—що?« Тільки зъ козацтва и йшли що спроти, та на виду зовсімъ погани, або при якому каліцтві, або тії, що попрошечувались. Кріпко стереглись наши дівчата паньскихъ паробківъ, бо той, якъ попадесся де, не помилує: «теперъ,—каже,—добре знаю, що за мене піїдешъ.»

Добре и я знавъ сёго панича, та хто й не знавъ ёго? Лекарювавъ вінъ; а у насъ село велике, такъ разъ-у-разъ або до ёго за порадою йдуть, або якъ хто міцно не здужає, то покличуть Михайла О-

дрівича, він п прийде у хату,—скажуть, що робити, та ще й лікарства пришло. Кумъ казавъ, що у ёго на сі зілля сила грошей сходила, усе по городахъ куповавъ, а зъ людей нічого було не візьме. Пшпій або курку принесе, або яблука, у кого є, або вівса ворочокъ, щобъ по-спроможності, хоча чимъ-небудь, оддячити; такъ не приймає. И у мене, нехай вінъ у худе місце не вступить, дочку вигоівъ. Зовсімъ пропадала... що я сімъ знахарямъ усячини попередававъ,—нічого не пособляло; а якъ вінъ давъ якийсь коломарчикъ, вона й одужала.

Та й не сімъ однимъ пособлявъ вінъ людямъ. Складала у насъ пожежа у—ночі. Пятнадцять хатъ, усе козачихъ, згоріло, та ще саме вбогши люде; вінъ п імъ грошей давъ. Кумъ казавъ, що панъ свої часи продавъ на сей случай.

У насъ люде ёго ведьмакомъ називали: »се,—казали,—вінъ не гоїть, а чахрує: ёму нечиста сила пособляє; тимъ вінъ ніколи п у церкву не ходить, п не сповідаєця ніколи.« Ну, за се правда: скількі тутъ не живъ вінъ, а ни разочку у церкву не заглянувъ. Казавъ я вамъ, здаєця, що баня на громадськи гроши вкрита. Якъ збірала сі гроши, мпій дядько тогді титарювавъ, приходить до ёго: »Дайте — каже,—пане, на церкву, що вашъ батюшка, царство небесне, збудовали; треба її докінчати.« Думавъ дядько, що вінъ такий щедрий, тэкъ багато грошей дасть.

»Нема у мене засвпхъ грошей«—каже паничъ, та й поховавсь у другу хату. Дядько стоїть та жде. Запримітивъ се паничъ та й передавъ ёму керезъ лакея одного карбованця, да ще загадавъ сказати, що на церкву більшъ ані шага не дасть, що й се, по-дурному, карбованецъ пропавъ.

Чи Бігъ паничеві за се не пособлявъ, чи черезъ ёго велику добрість такъ сталося,—вже не знаю: тільки почувли ми, що пшпій панъ отъ-сей пімець Хведченківе добро купивъ. Сергій казавъ мені, що се село ще Ондрій Степановичъ у казни заставили п що-годъ платили у казну ажъ тисячу карбованцівъ, а синові де вже було платити; такъ не питаючись ёго, казна й продала.

Якъ зачули про се панські люде, пішовъ репестъ по усёму селу. Бачуть, що не перелівки. Годі панувати, та пана одурювати. Позходились, почали радитись, а туди далі п пішли до пана п гроши понесли. »Беріть,—кажуть,—пане, сі гроши. Коли мало, ще принесемо,—аби тільки ви надъ нами панували.« Усміхнувся зразу Михайла Одрівичъ. »Вже пізно,—каже имъ,—не мої ви;« а далі якъ за-

лаче—п люде плачуть. »Не вміл ми усі шануватись,«—каже вінъ. Де яка панська скотина була—п тую имъ подарувавъ, та того-жъ дня п поїхавъ. Чувъ я, що теперъ вінъ у Петербурсі, у менистерні,—генеральскій чинъ заслуживъ. Щасти ёму, Боже. Нихто на ёго не заплачетця, хіба тільки крепаки инши, що теперъ пристановища не мають,—такъ п ті нехай на свою пусту голову жалкують.

Михайло Ондрієвичъ поїхавъ, а на другий день приїхавъ новий панъ: п имя у ёго таке, що невимовлю. Білявий, сухорлявий, жінка изъ імъ п дітей ціла купа. Діти тожъ таки біли, якъ п вінъ. Переночувавъ вінъ, а на другий день п почавъ по полямъ їздити. Якъ дізнавсь, що самі лучши землі у людей, то привізъ землеміра та й поодрізувавъ собі, а людямъ оддавъ що найпоганіше, та й то не багато. Почали було люде турбоватись, такъ на той часъ москалі стояли, пішла езекуція. Що сі москалі робили, то я продивсь п хрестивсь,—такого не бачивъ. Ни жінка, ни дівка відъ ихъ не вбережетця, хіба у наши хати, козачи, тікає. Зпшчили бъ людей чисто; такъ уже самъ сей німець перепросивъ, щобъ ослобонили людей.—Мо я въ іого такп трохи Бога есть; або про те подумавъ, що якъ оскубуть людей зовсімъ, то ёму вже нічого буде скубти. Утихомирлись люде; слухають та тільки плачуть, не то—що Михайла Ондрієвича, а п Ондрія Степановича згадуючи.

И здаетця, сей німець на заєви дні ихъ не займавъ, такъ якъ колись при Ондрію Степановичу було, що инколи носилъ три тяжні роблять,—а погодили зовсімъ люде. Вінъ изъ людми такъ робивъ, якъ у приказці: *не бѣ, не лає, та ни про що не дбає*.

Зновъ ставъ панський двіръ такий, якъ при старому панові, а що скоту позаводивъ німець, такъ п не перелічишъ; наробивъ молотилокъ, машини усяки; винницю зъ цегли нову поставивъ, на двісті пудъ. Хліба у ёго у-четверо проти того, якъ при Ондрію Степановичу було. Не взяла ёго нечпста матп,—розумний, та й хитрий,—катержний.

Тільки—що чутка пішла про сю волю, вінъ заразъ у губернію поїхавъ, вернувъ казні заставу, бо безъ сёго, кажуть, не можно було,—та й давъ усімъ людямъ волю. Покликавъ ихъ, та й подававъ имъ листп. »Вольни вже ви,—годі на папщину ходити.« Дивуюцца люде: чи не збожевільивъ,—думають,—пашъ панъ. Ажъ такъ що збожевільивъ! заразъ п почавъ людські ґрунти пзъ хатами козакамъ продавати. Силу грошей зібравъ, бо у панськихъ людей городи були великіи, а козачи розплоднились,—тіснота. За день города по півтораста карбоващівъ платили. П мене надішвъ: теперъ хоча просторъ, а то

ніде було п хлівця поставити; а у мене три сипи дома, а четвертий у москалях; може колісь якъ не вб'ють, и вінъ вернетця.

Повигонивъ німець людей зъ села. Тягаютьця и теперъ по сусідахъ, та по старцяхъ, а де—яки на вільни степа пішли, та у Кримъ, бо відти татари повиходили. Звісно, якъ схочуть, то найдуть собі пристановище; та чи то жъ легко батьківскій курінь кидати?

Здивовалсь и ми, якъ зробивъ таке німець, бо зроду такого не чули, щобъ усіхъ людей випустити на волю. Якъ, — думаємо, — повертатиметця вінъ? ажъ ухопить ёго чортяка? Понаймавъ наймитівъ, наставивъ хатъ, засіває стільки-жъ, якъ и до того сіявъ, а люде зъ копи жнуть. Лихо и намъ изъ сімъ паномъ. Не подарує вінъ ничого; попадетця скотина у спаші, такъ-або иди просити, щобъ скотину забравъ собі, або якъ почнуть тебе по судахъ тягати, такъ мало сёго, що попоходишъ верстовъ за тридцять, мо разівъ десять, не тільки що скотини рішнєся, ще и останню копійчину, яка єсть, втруснєшъ.

Вже нихто не вкраде у ёго. Такихъ гаспидськихъ душъ понаймавъ, що й сплять и бачать; платить вінъ имъ багато, за те—жъ и пльнують вони, та й роблять за грохъ.

Митро Омельковичъ.

27 Лютого 1862 року.

ВАЖНѢЙШІЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ

1) ПОЛТАВСКАГО ГУБЕРНСКАГО ПО КРЕСТЬЯНСКИМЪ ДѢЛАМЪ ПРИСУТСТВІЯ.

Объ издержкахъ на переселеніе удаляемыхъ изъ обществъ временно-обязанныхъ крестьянъ. Вслѣдствіе представленія начальника губерніи объ издержкахъ на переселеніе удаляемыхъ изъ обществъ временно-обязанныхъ крестьянъ, главный комитетъ, 21-го сентября 1861 г. опредѣлилъ: 1) что при удаленіи изъ обществъ, по мірскимъ приговорамъ, временно-обязанныхъ крестьянъ, независимо отъ того, будетъ ли составленъ приговоръ по непосредственному усмотрѣнію общества, или же вслѣдствіе предложенія помѣщика, издержки на снабженіе удаляемыхъ одеждою и кормовыми деньгами, на все время слѣдованія ихъ, до мѣста назначенія, должны быть относимы на счетъ самыхъ обществъ, которые обязываются заплатить въ семь случаевъ и всѣ числящіяся на удаленныхъ крестьянахъ недоимки; 2) что если удаленіе производится безъ мірскаго приговора, вслѣдствіе просьбы помѣщика, по рассмотрѣніи оной въ уѣздномъ мировомъ съѣздѣ и съ разрѣшенія губернскаго присутствія, то всѣ издержки на снабженіе удаленныхъ одеждою и кормовыми деньгами, должны быть относимы на счетъ помѣщиковъ, которые обязаны заявлять о готовности принять на свой счетъ упомянутыя издержки въ своихъ прошеніяхъ объ удаленіи крестьянъ изъ обществъ, безъ чего и самыя прошенія не должны быть принимаемы къ рассмотрѣнію; и 3) что всѣ издержки по переселенію временно-обязанныхъ крестьянъ, опорооченныхъ судебными приговорами и которыхъ общество не пожелаетъ принять въ свою среду, должны быть относимы на счетъ казны.

На основаніи этихъ правилъ, приговоры обществъ и ходатайства помѣщиковъ объ удаленіи временно-обязанныхъ крестьянъ, если притомъ не представлено надлежащей суммы на покрытіе издержекъ на переселеніе удаляемыхъ, удовлетворенію не подлежатъ. Если же нѣкоторые изъ крестьянъ дѣйствительно не могутъ быть терпимы въ обществѣ по вреднымъ своимъ дѣйствіямъ, то общество и помѣщикъ, не желая принять на свой счетъ расходовъ по переселенію, могутъ преслѣдовать такія вредныя дѣйствія судебнымъ порядкомъ. (Пост. Полт. губ. прис., 23 ст. 1861 г. Полт. губ. вѣд., 10 янв. 1862 г. № 2).

О переводъ прогульныхъ дней на денежную недоимку. Прогульные дни могутъ быть переводимы въ денежную недоимку не прежде, какъ по введеніи въ имѣніи уставной грамоты. (Пост. Полт. губ. прис. 25 октября 1861 г. Полт. губ. вѣд. 10 янв. 1862 г. № 2).

О надѣль землею крестьянъ, записанныхъ по ревизіи за однимъ помѣщикомъ и получающихъ полевой надѣль изъ земель другаго помѣщика. 1) Крестьяне, водворенные на землѣ одного помѣщика, но получившіе полевой надѣль изъ земель другаго, сохраняя въ пользованіи своемъ прежніе усадебные участки, должны, при составленіи уставной грамоты, получить полевой надѣль изъ земель помѣщика, въ имѣніи коего они водворены. Этотъ надѣль долженъ быть по объему равенъ тому, коимъ они пользовались до настоящаго времени изъ земель другаго помѣщика. 2) При таковой обмѣнѣ, должно быть соблюдаемо правило, установленное 61 ст. Мѣстн. для Малор. губ. полож., а именно, чтобы взаимнѣ отходящихъ отъ крестьянъ земель, изъ отводившихъ съ смежныи съ нихъ угодьями участки, равняющіеся по возможности достоинствомъ тѣмъ землямъ, кои отъ нихъ отходятъ. 3) Если помѣщикъ, на земляхъ котораго водворены крестьяне, не имѣлъ возможности по малоземелью отвезти въ пользованіе крестьянъ количество полевыхъ угодій, равное тому, коимъ они пользовались до настоящаго времени, изъ земель другаго помѣщика, то крестьянамъ предоставляется право сохранить въ пользованіи своемъ, состоящую нынѣ въ ихъ пользованіи полевую землю съ уплатою или отработкомъ слѣдующихъ за оную повинностей тому владѣльцу, коему принадлежитъ состоящая въ ихъ пользованіи земля; но въ такомъ случаѣ помѣщикъ, на земляхъ коего эти крестьяне имѣютъ усадебную осѣдность, вовсе освобождается отъ обязанности надѣлять ихъ полевой землею и при составленіи уставной грамоты исключаетъ ихъ изъ числа подлежащихъ надѣлу полевой землею; помѣщикъ же, изъ земель коего эти крестьяне получаютъ полевой надѣль, включаетъ ихъ въ число подлежащихъ надѣлу землею. (Пост. Полт. губ. прис. 11 окт. 1861 г. Полт. губ. вѣд. 3 янв. 1862 г. № 1).

Срокъ увольненія отъ работъ беременныхъ женщинъ. Больные крестьяне, а также женщины на спосѣ и въ продолженіи 6-ти недѣль послѣ родовъ, не могутъ быть высылаемы на работы. (Пост. Полт. губ. прис. 30 окт. 1861 г. въ Полт. губ. вѣд. 17 янв. 1862 г. № 3.)

О назначеніи на работы женщинъ одиночекъ. Вслѣдствіе жалобы женщинъ Драбовской экономіи князя Барятинскаго, что очередь работъ ихъ назначена управленіемъ въ тѣ дни, когда очередь мужей ихъ, что порядокъ этотъ тяготителенъ, въ-особенности для одинокихъ женщинъ, у которыхъ въ семействѣ нѣтъ другихъ лицъ женскаго пола, чрезъ что дѣти и хаты ихъ остаются безъ присмотра,—поставлено, что женщины (одипочки) не должны быть назначаемы на работы въ одно время съ ихъ мужьями. (Пост. Полт. губ. прис. 11 окт. 1861 г. въ Полт. губ. вѣд. 3 янв. 1862 г. № 1).

О правѣ временно-обязанныхъ крестьянъ принимать къ себѣ на жительство всѣхъ лицъ съ законными видами. Вслѣдствіе жалобы уволеннаго отъ обязательныхъ отношеній двороваго человѣка на воспрещеніе бывшаго его владѣльца, проживать ему у отца своего—временно-обязаннаго крестьянина того же владѣльца, губернское присутствіе просило мировыхъ посредниковъ обратить на это обстоятельство вниманіе, и въ подобныхъ случаяхъ разъяснять кому слѣдуетъ, что временно-обязаннымъ крестьянамъ закономъ не воспрещается принимать къ себѣ для жительства не только родныхъ дѣтей, но даже и по-

стороннихъ лицъ (Пост. Полт. губ. прис. 11 окт. 1861 г. въ Полт. губ. вѣд. 3 янв. 1862 г. № 1).

О надѣлѣ землею семействъ, члены которыхъ не все хотятъ имъ воспользоваться. По возбужденному вопросу о томъ, что если, на основаніи ст. 6 Пол. о устр. дворовыхъ людей, отецъ, имѣя право на надѣлъ земли, пожелаетъ имъ воспользоваться, а его сыновья, состоя въ услуженіи у помѣщика, не пользовались землею и нынѣ не пожелаютъ оной получить, то могутъ ли быть послѣдніе не надѣлены землею и оставаться до истеченія обязательнаго срока при семействахъ, съ припискою потомъ куда пожелаютъ,—положено, что при введеніи уставныхъ грамотъ, въ означенномъ случаѣ, все семейство приписывается въ расчетъ надѣла на сельское общество, а принять участокъ сверхъ бывшаго уже не можетъ быть обязательнымъ для семейства (Пост. Полт. губ. прис. 30 окт. 1861 г. Полт. губ. вѣд. 17 янв. 1862 г. № 3).

О заплатахъ, въ некоторыхъ случаяхъ, личныхъ повинностей денежною. По возникшему вопросу о томъ, нельзя ли крестьянъ, отправляющихъ хозяйственныя должности, взамѣнъ личнаго отбыванія казенныхъ и общественныхъ повинностей, обложить денежною повинностью,—опредѣлено: что, по цѣлѣвию въ виду закона, предположеніе это не можетъ быть приведено въ исполненіе; но если кто изъ должностныхъ лицъ пожелаетъ, то можетъ вмѣсто себя ставить другаго работника, по найму, для отбыванія казенныхъ и общественныхъ повинностей, или войти въ добровольныя соглашенія съ обществомъ объ уплатѣ за слѣдующія съ него повинности деньгами. (Пост. Полт. губ. прис. 30 октября 1861 г. Полт. губ. вѣд. 17 янв. 1862 г. № 3).

О причисленіи къ крестьянскому надѣлу угодій, находившихся въ пользованіи, до утвержденія Положенія, у прикащиковъ и другихъ должностныхъ лицъ. Предводитель дворянства полтавскаго уѣзда передалъ въ губернское присутствіе жалобу на полтавскій мировой съѣздъ временно-обязаннаго двороваго помѣщика Жуковой, Федора Ткаченка, слѣдующаго содержанія: онъ, Ткаченко, бывши крѣпостнымъ помѣщикомъ Маріи Жуковой, жилъ въ ея имѣніи въ Харьковской губерніи, а въ 1833 году, по волѣ владѣльца, переселивъ полтавскаго уѣзда въ деревню Войшовку, гдѣ онъ отъ нея получилъ въ надѣлъ пахатную и сѣнокосную земли въ трехъ мѣстахъ, въ количествѣ 7-ми десятинъ и отбывалъ за оную повинность. По смерти же помѣщицы Маріи Жуковой, по раздѣльному акту 1837 года, Федоръ Ткаченко достался Елисаветѣ Жуковой и, по ея назначенію, состоялъ прикащикомъ, съ чѣмъ вмѣстѣ пользовался и землею въ означенномъ выше количествѣ, и земля эта, находясь въ 3-хъ мѣстахъ, при раздѣлѣ отошла въ одною мѣстѣ брату Елисаветы Жуковой, Виктору Жукову, а въ другомъ—сестрѣ ея, Екатериинѣ Крикотецъ. Весною 1861 г. владѣлица Елисавета Жукова отобрала отъ Федора Ткаченко землю, въ пользованіи его находившуюся, вспаханную уже подъ яровой посѣвъ въ доставшейся ей части 4½ десятины, а равно не позволила пользоваться землею въ частяхъ В. Жукова и Е. Крикотецъ. Федоръ Ткаченко жаловался на такое отобраніе земли мировому посреднику г. Сулимѣ и просилъ возвратитъ ему въ пользованіе ту землю, а также удовлетворитъ его за вспаханіе подъ яровой посѣвъ на истекшее лѣто 4½ десятинъ, отобранныхъ Жуковой, за проработанныхъ имъ и 13 лѣтнею дочерью его въ настоящую весну ежедневно 4 недѣли и надѣлитъ его усадьбою. Посредникъ своимъ рѣшеніемъ положилъ: землю, отобранную помѣщицей Жуковой, оставитъ въ ея пользованіи. По жалобѣ на это рѣшеніе Полтавскому уѣздному мировому съѣзду, съѣздъ утвер-

даль рѣшеніе посредника, на томъ основаніи, что земля была надѣлена Ткаченкѣ, какъ прикащику, вмѣсто жалованья, а потому землю эту нельзя считать надѣломъ.

Губернское присутствіе, съ своей стороны, находило, что на основаніи ст. 11 и 36 Мѣст. Малор. Полож., тѣ угодья, которыми пользовались, до утвержденія Положенія, прикащики и другія должностныя по хозяйству помѣщика лица, также точно принадлежатъ къ крестьянскому надѣлу, какъ и всѣ другія земли, состоявшія въ пользованіи крестьянъ, а также, что мѣстное положеніе о крестьянахъ устанавливаетъ отношенія крестьянъ къ тѣмъ только помѣщикамъ, которымъ они принадлежали какъ крѣпостные, а не къ другимъ помѣщикамъ, у которыхъ они могли пользоваться землею на другихъ какихъ-либо основаніяхъ,—опредѣлило: 1) землю, которою крестьянинъ Федоръ Ткаченко пользовался въ прошедшемъ 1860 году, собственно въ имѣніи Елисаветы Жуковой, признать его надѣломъ и возвратитъ въ его пользованіе. 2) Землю, которою Ткаченко пользовался въ имѣніяхъ В. Жукова и Е. Крикотецъ, возвратитъ въ пользованіе помѣщика Жукова и Крикотецъ. 3) Исполненіе сего рѣшенія, т. е. точное опредѣленіе и отведеніе земли, оставляемой въ пользованіи Ткаченка, а также разрѣшеніе просьбы его о вознагражденіи за паханіе $4\frac{1}{2}$ десятинъ земли поручитъ Полтавскому мировому съѣзду, и 4) Пригласитъ мирового посредника Сулиму ускоритъ разбирательство просьбъ Ткаченка о вознагражденіи его за ежедневную работу его съ 13 лѣтнею дочерью, а также о надѣленіи его усадьбой (Пост. Полт. губ. прис. 8 ноября 1861 г. Полт. губ. вѣд. 24 янв. 1862 г. № 4).

Переселеніе крестьянъ помѣщикомъ Перекрестовымъ безъ ихъ на то согласія. Вслѣдствіе жалобы временно-обязанной крестьянки Целаген Черюбай на помѣщика Василія Перекрестова за переселеніе ея съ мужемъ изъ миргородскаго уѣзда въ другое имѣніе зеньковскаго уѣзда и за требованіе съ нихъ работъ, отъ которыхъ они по лѣтамъ своимъ должны быть освобождены, и на мирового посредника И. В. Чарныша за неудовлетвореніе просьбы ея по сему предмету, — губернское присутствіе сообщило посреднику, чтобы онъ распорядился воспретитъ г. Перекрестову переселять крестьянъ безъ ихъ на то согласія; а жалобу крестьянки Черюбай передать для разсмотрѣнія въ мѣстный мировой съѣздъ (пост. Полт. губ. прис. 17 окт. 1861 г. Полт. губ. вѣд. 3 янв. 1862 г. № 1).

Переселеніе помѣщикомъ Нечаевымъ крестьянъ безъ ихъ на то согласія и самовольное уменьшеніе ихъ надѣла. Мировой посредникъ 5 участка золотошоскаго уѣзда г. Орѣховскій довелъ до свѣдѣнія присутствія, что помѣщикъ Нечаевъ въ мѣстечкѣ Еремѣевкѣ, послѣ объявленія манифеста, началъ переселять крестьянъ и уменьшать находящіеся въ ихъ пользованіи грунты, застроявая таковыя новыми избами для переселенія, каковыя дѣйствія Нечаева имъ уничтожены и прекращены на дальѣйшее время. Кромѣ того г. Нечаевъ въ 1860 году разломалъ 22 крестьянскихъ избы и жившихъ въ нихъ 12 домохозяевъ размѣстилъ къ сосѣдямъ, а 10 построилъ новыя избы съ надѣломъ грунтовой земли по $\frac{1}{4}$ десятины, тогда какъ они до того имѣли надѣлъ по 1 десятинѣ; устроенныя избы поставлены на такой мѣстности, которая ежегодно весною заливается водою. На грунтъ крестьянина Орлянскаго приказалъ въ 1860 году поставитъ еще 4 избы. Огородивъ такимъ образомъ у крестьянъ грунты, въ размѣрѣ одной десятины у cadaго, г. Нечаевъ не далъ имъ въ замѣнъ другихъ земель, чрезъ что лишилъ крестьянъ въ настоящее время сѣнокоса,

который они жили на своихъ грунтахъ. Губернское присутствіе, находя распоряженіе посредника, относительно воспрещенія г. Нечаеву переселять въ настоящее время крестьянъ и уменьшать ихъ надѣлы, правильнымъ, — опредѣлило: сообщать объ этомъ г. Орѣховскому, поручивъ ему принять законныя мѣры къ восстановленію надѣла, коимъ крестьяне, водворенные на земляхъ помѣщика Нечаева, пользовались въ 1860 году, предоставивъ начальнику губерніи сдѣлать надлежащее распоряженіе по предмету переселенія въ 1860 году крестьянъ помѣщикомъ Нечаевымъ (Пост. Полт. губ. орг. 17 окт. 1861 г. въ Полт. губ. вѣд. 3 янв. 1862 т. № 1).

2) ЧЕРНИГОВСКАГО ГУБЕРНСКАГО ПРИСУТСТВІЯ.

О личной работѣ крестьянъ, не пользующихся усадьбою и полевой землей. Въ разрѣшеніе представленія присутствія, министръ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ, что отбываніе личной работы, въ пользу помѣщика, не пользующимися ни усадьбою, ни полевой землею крестьянами не мелкопомѣстнаго имѣнія, впредь до введенія уставной грамоты, можетъ быть допущено только съ ихъ на то согласія, ибо крестьяне эти имѣютъ право немедленно выйти изъ мірскаго общества и приписаться въ другія сословія (Пост. Черн. губ. прис. 15 янв. 1862 г. въ Черн. губ. вѣд. 12 февр. № 7).

Разъясненіе правилъ о подсудности дѣлъ о маловажныхъ кражахъ, волостнымъ судамъ. Волостные крестьянскіе суды, на основаніи 1-го прим. къ 102 ст. общ. полож., обязаны принимать къ разбирательству и рѣшенію дѣла о маловажныхъ кражахъ временно-обязанныхъ крестьянъ, когда цѣна украденнаго не превышаетъ 30-ти рублей и когда это учинено въ первый или второй разъ безъ всякихъ увеличивающихъ вину обстоятельствъ, хотя бы подобнаго рода проступокъ учиненъ былъ противъ помѣщиковъ или лицъ другихъ сословій, если только сіи послѣдніе обратятся съ жалобою въ волостной судъ (Пост. Черн. губ. прис. 22 дек. 1861 г. въ Черн. губ. вѣд. 22 янв. 1862 г. № 4).

О выборѣ крестьянами уполномоченныхъ для объясненій съ помѣщиками. Помѣщикъ Н. А. Кобеляцкій въ запискѣ, переданной въ губернское присутствіе, предлагалъ, между прочимъ, чтобы, для соглашенія крестьянъ съ помѣщиками по приглашенію послѣднихъ, относительно перехода на оброкъ, выкупа, разграниченія угодій и т. п. предметахъ, крестьяне избирали отъ себя уполномоченныхъ изъ домохозяевъ, болѣе зажиточныхъ, а потому, относительно говоря, и болѣе развѣтныхъ, по указанію волостнаго старшины, вмѣсто того, чтобы являться для этого цѣлою громадою, съ которой говорить одному лицу, какимъ является передъ нею помѣщикъ, не только трудно, но рѣшительно невозможно, — присутствіе постановило, что, на основаніи 36 и 48 ст. прав. о прив. въ дѣйств. полож., не представляется возможнымъ установить правило, по которому крестьяне жили бы право входить въ объясненія съ помѣщиками не иначе, какъ черезъ своихъ уполномоченныхъ, избираемыхъ по указанію волостнаго старшины; тѣмъ болѣе не возможно допустить этого послѣдняго ус-

ловія, заключающагося въ указаніи обществу волостнымъ старшиною лицъ, долженствующихъ быть избранными въ уполномоченные, ибо такого рода вмѣшательство должностныхъ лицъ, нарушая свободу избранія, парализовало бы значеніе выборнаго начала. Съ другой стороны, признавая удобства сношенія помѣщиковъ съ крестьянами посредствомъ уполномоченныхъ, присутствіе нашло, что подобнаго рода сношенія въ отдѣльныхъ случаяхъ могутъ производиться съ согласія на то крестьянъ (Пост. Черн. губ. прис. 22 дек. 1861 г. въ Черн. губ. вѣд. 22 янв. 1862 г. № 4).

Разъясненіе правилъ о мѣрахъ взысканія съ неисправныхъ крестьянъ. Въ слѣдствіе представленія мирового посредника Александровскаго участка, сосницкаго уѣзда, о томъ, какія онъ долженъ принять мѣры, чтобы понудить крестьянъ къ выполнению заключаемыхъ ими съ помѣщиками, по добровольному согласію, условій на счетъ работы на заводахъ и вознаградить владѣльцевъ за нарушение крестьянами этихъ условій, такъ какъ мѣры, къ коимъ могутъ прибѣгать мировые посредники, въ этомъ отношеніи крайне ограничены. — постановлено: мѣры, кои мировой посредникъ проситъ указать ему, въ совершеніи достаточномъ количествѣ предлагаются Положеніемъ, и не могутъ не быть извѣстны каждому, хотя немного знакомому съ его содержаніемъ. Достаточно упомянуть о ст. 23, 30, 31, 32, 80, 81 и 82 Полож. о губерніи и уѣзд. по крест. дѣл. учрежд. Эти статьи, опредѣляя кругъ дѣйствій мировыхъ посредниковъ по судебнo-полицейскому разбирательству, предоставляя имъ право присуждать крестьянъ къ денежному взысканію, для нихъ даже весьма тягостному, указывая на средства, коими они могутъ располагать для производства этого взысканія, обязывая мѣстную полицію оказывать содѣйствіе мировымъ посредникамъ, предоставляя послѣднимъ право подвергать взысканіямъ и смѣнять временно или окончательно сельскихъ или волостныхъ должностныхъ лицъ, неисполняющихъ ихъ требованій, — до-того исчерпываютъ всю совокупность мѣръ, что трудно добавить ихъ какими нибудь еще особенными указаніями (Пост. Черн. губ. прис. 22 дек. 1861 г. въ Черн. губ. вѣд. 22 янв. 1862 г. № 4).

Объ участіи въ мировомъ сѣздѣ посредника, на дѣйствія котораго принесена жалоба въ мировой сѣздѣ. По возбужденному вопросу о томъ, можетъ ли тотъ посредникъ, на рѣшенія или дѣйствія котораго поступила въ мировой сѣздѣ жалоба, участвовать въ разсмотрѣніи и рѣшеніи оной, — постановлено, что устраненіе посредника отъ участія въ рѣшеніи можетъ быть сдѣлано только по требованію одной изъ спорящихъ сторонъ и не иначе, какъ на основаніяхъ, изложенныхъ въ ст. 34 полож. губерн. и уѣзд. по крест. дѣламъ учрежд., ибо дѣла въ мировыхъ сѣздахъ рѣшаются единогласно или по большинству голосовъ, и посредникъ, на рѣшеніе котораго принесена жалоба, является только какъ представитель того или другаго мнѣнія (Пост. Черн. губ. прис. 8 янв. 1862 г. въ Черн. губ. вѣд. 3 февр. № 5).

О правѣ дворовыхъ людей на надѣль и усадьбу, предоставленную имъ помѣщикомъ вмѣсто денежнаго содержанія. Мировой посредникъ Есманскаго участка глуховскаго уѣзда представилъ въ присутствіе переписку, возникшую по отзыву помѣщика Федора Александровича о выдачѣ его дворовому чело-вѣку Антону Гулякѣ увольнительнаго акта безъ его на то согласія и по заявленіи Гулякою нежеланія принять увольнительный актъ на томъ основаніи, что онъ пользуется полевымъ надѣломъ, который и желаетъ сохранить, на одинаковомъ съ крестьянами основаніи. При этомъ Гуляка пояснялъ, что овъ

пользовался, для продовольствія своего семейства, участкомъ въ 3 дес. земли и частью сѣвокоса, а также устроенною помѣщикомъ усадьбою; а помѣщикъ Александровичъ, съ своей стороны, объяснилъ, что онъ жепатыхъ дворовыхъ людей надѣлялъ землею по одной десятинѣ въ руку, чтобы такимъ образомъ избавитъ отъ заботъ одѣвать замужнихъ женщинъ, и не входить ни въ какія мелочныя хлопоты по ихъ содержанію, и что на этомъ основаніи и Гуляка пользовался 3-хъ десятиннымъ надѣломъ; впоследствии же Гулякѣ поручено было управлять имѣніемъ, но такъ-какъ онъ оказался несправнымъ, то и былъ удаленъ отъ должности, наговорилъ ему, Александровичу, дерзостей и по просьбѣ своей получилъ вольную еще до обнародованія манифеста, которую вѣроятно потомъ уничтожилъ.

Представляя эту переписку, посредникъ просилъ разрѣшить слѣдующіе вопросы: 1) можетъ ли Антонъ Гуляка, по случаю пользованія надѣломъ землей, опредѣленной ему со стороны владѣльца взамѣнъ снабженія семейства его одеждою, быть включеннымъ въ число такихъ дворовыхъ людей, которые, по ст. 6 полож. о двор. людяхъ имѣютъ право, на участіе въ пользованіи полевыми надѣломъ на одинаковомъ съ крестьянами основаніи, и 2) въ случаѣ признанія за нимъ сего права, должна ли быть оставлена за нимъ и включена въ общее число крестьянской усадебной осѣдлости запираемая имъ усадьба, устроенная владѣльцемъ, или же слѣдуетъ оставить оную въ распоряженіи помѣщика. При докладѣ этого отношенія посредника, членъ присутствія А. Лизогубъ, между прочимъ, изложилъ слѣдующее: 1) «Устройство дворовыхъ людей въ имѣніи помѣщика Александровича издавна имъ введено сообразно съ желаніями, потребностями и понятіями дворовыхъ людей въ Малороссіи. Идеалъ семейнаго быта для нашего двороваго совершенно сходенъ съ бытомъ крестьянина. Ему нужна своя отдѣльная хата, съ тою же чистотою внутри, съ тою же обстановкою снаружн, и если нѣтъ поля, то по крайней мѣрѣ огорода; ему необходимо свое отдѣльное хозяйство, своя корова, домашняя птица и особенно кабанъ или свинья, — безъ сала малороссіянинъ почти существовать не можетъ. Застольщину наши дворовые ненавидятъ. Въ желаніи помѣщиковъ доставить дворовымъ всѣ удобства и выгоды, которыхъ они такъ жаждутъ, заключается причина надѣла землею семейныхъ дворовыхъ людей; а желаніе сохранить свои цѣтлы, огородныя овощи и садовыя растенія отъ истребленія домашними животными дворни, побудило многихъ помѣщиковъ отводить семейнымъ дворовымъ людямъ отдѣльныя усадьбы на селѣ. Такое устройство быта дворовыхъ людей доказываетъ особенную попечительность о нихъ помѣщиковъ и къ сему разряду можно причислить порядокъ, водворенный помѣщикомъ Александровичемъ въ его имѣніи. 2) Изъ объясненія г. Александровича и изъ собственнаго показанія Антона Гуляки видно, что онъ во зло употреблялъ довѣріе къ нему его престарѣлаго владѣльца, оказался неблагодарнымъ за всѣ къ нему милости и благодаренія и не могъ основательно надѣяться на какую либо награду. 3) Помѣщикъ Александровичъ, вѣроятно, по добротѣ своей, желавшій даже незаслуженною наградою удалитъ отъ себя строптиваго и невѣрнаго слугу, выдалъ Гулякѣ отпускную до обнародованія Высочайшаго Манифеста; та отпускная не была Гулякою представлена, но въ полученіи таковой онъ самъ сознается. А потому А. Лизогубъ полагалъ: просить мирового посредника истребовать отъ Гуляки выданную ему отпускную, и если она имъ уничтожена, то сямъ самымъ обнаруживается злоумышленіе Гуляки, и онъ подлежитъ выдачѣ ему увольнительнаго акта, безъ его на то согласія, и не-

медленному его удаленію изъ имѣнія г. Александровича • Губернское же присутствіе большинствомъ голосовъ опредѣлило: дворовый человекъ помѣщика Александровича, Антонъ Гуляка, имѣя право быть включеннымъ въ число такихъ дворовыхъ людей, которые по ст. 6 Полож. о двор. людяхъ, имѣя право на участіе въ пользованіи полевыми надѣломъ, на одинаковомъ съ крестьянами основаніи, долженъ сохранить занимаемую имъ и устроенную владѣльцемъ усадьбу, которая и должна быть включена въ общее число крестьянской усадебной осѣдлости. (Пост. Черн. губ. прис. 27 янв. 1862 г. въ Черн. губ. вѣд. 19 февр. № 8).

О правѣ посредниковъ относительно уничтоженія приговоровъ сельскихъ обществъ. Вслѣдствіе представленія мирового посредника Пануровскаго участка, стародубскаго уѣзда, о разрѣшеніи вопроса: имѣть ли право посредникъ, по убѣжденію въ томъ, что приговоры обществъ составлены подъ влияніемъ должностныхъ лицъ, уничтожать эти приговоры, хотя бы они составлены были съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ на этотъ предметъ правилъ,—опредѣлено: право сельскихъ сходокъ и порядковъ составленія и въ некоторыхъ случаяхъ уничтоженія приговоровъ, ясно опредѣлены въ ст. 47—87 общ. полож. Что же касается предлагаемаго посредникомъ вѣдательства въ дѣла общественаго управленія, то вѣдательство такого рода едва ли можетъ быть допущено, такъ какъ оно, будучи несогласно съ правилами Положенія о крестьянахъ, могло бы имѣть неблагопріятное вліяніе на развитіе и примѣненіе идеи общественной самодѣятельности (Пост. Черн. губ. прис. 29 янв. 1862 г. въ Черн. губ. вѣд. 19 февр. № 8).

Объ оцѣнкѣ лѣсныхъ порубокъ свѣдущими людьми, не обязывая ихъ руководствоваться такою вѣдомства государственныя имущества. По представленію мирового посредника Мостнищскаго участка козелецкаго уѣзда, о томъ, чтобы при оцѣнкѣ лѣсныхъ порубокъ свѣдущіе люди руководствовались такою, установленною по вѣдомству государственныхъ имущества,—постановлено: что показаніе свѣдущихъ людей не можетъ служить единственнымъ и исключительнымъ руководствомъ для мировыхъ посредниковъ въ оцѣнкѣ ущербовъ и убытковъ, и вѣтъ никакихъ препятствій къ тому, чтобы мировые посредники принимали при этомъ въ соображеніе и лѣсную таксу вѣдомства государственныхъ имущества; обязывать же руководствоваться этою такою свѣдущихъ людей, показанія которыхъ должны имѣть единственнымъ своимъ источникомъ внутреннюю добросовѣстность и безпристрастіе,—не признается возможнымъ, тѣмъ болѣе, что знаніе таксы едвали, въ большей части случаевъ, можетъ быть доступно поселянамъ, изъ среды которыхъ, главнымъ образомъ, призываются свѣдущіе люди. (Пост. Черн. губ. прис. 3 февр. 1862 г. въ Черн. губ. вѣд. 26 февр. № 9).

Незаконное пользованіе крестьянскими работчи. Вслѣдствіе жалобы временно-обязанныхъ крестьянъ помѣщицы Ксении Сахиновской на подпоручика Павла Курбацкаго за принужденіе ихъ къ работамъ въ его пользу, на основаніи заключеннаго съ ними владѣльцею ихъ контракта, по которому они наняты были для работъ ему, Курбацкому, тогда какъ срокъ тому контракту давно уже миновалъ,—постановлено: предоставить предсѣдателю присутствія сдѣлать распоряженіе къ прекращенію незаконнаго употребленія Курбацкимъ издѣльной повинности временно-обязанныхъ крестьянъ помѣщицы Сахиновской. (Пост. Черн. губ. прис. 29 янв. Черн. губ. вѣд. 19 февр. 1862 г. № 8).

3) ЕКАТЕРИНОСЛАВСКАГО ГУБЕРНСКАГО ПРИСУТСТВІЯ.

Объ увольненіи изъ обществъ сельскихъ должностныхъ лицъ и о правѣ вдовъ пользоваться, по приговору общества, земельными участками. Сельскія должностныя лица, въ случаѣ отказа ихъ отъ надѣла землею, могутъ наравнѣ съ прочими крестьянами имѣющими на то право по 8 ст. мѣст. полож.. погучать увольненіе изъ общества; вдовы же, не имѣющія въ семействѣ своемъ ни одной души мужескаго пола, оставаясь, по введеніи уставныхъ грамотъ, на попеченіи общества, могутъ, по приговору сельскаго общества, пользоваться земельнымъ участкомъ, отбывая за него повинности, приговоромъ же опредѣляемыя. (Пост. 23 января 1862 г. въ Екат. губ. вѣд. 3 февр. № 5).

О пользованіи оставшими нижними чинами принадлежащими имъ усадьбами. Дозволеніе нижнимъ чинамъ оставаться въ своихъ усадьбахъ должно зависѣть отъ общества крестьянъ, если они живутъ въ чертѣ земель, отведенныхъ крестьянамъ въ пользованіе, или попрежнему отъ помѣщика, когда усадьбы ихъ устроены на земляхъ, оставшихся въ непосредственномъ распоряженіи владѣльца; самыя же усадебныя постройки, буде онѣ приобрѣтены на собственные средства или достались имъ по законному наслѣдію, составляютъ ихъ неотъемлемую собственность, и въ случаѣ, если ни общество, ни владѣлецъ не пожелаютъ имъ предоставить, по взаимнымъ согласіямъ, усадебную оцѣдку, то такія строения должны быть спосимы или продаваемы въ трехъ мѣсячный срокъ, со дня объявленія имъ о выселеніи. (Пост. 23 янв. 1862 г. въ Екат. губ. вѣд. 3 февр. № 5).

Предоставленіе мирового посредника объ ограниченіи переселеній временно обязанныхъ крестьянъ съ помѣщичьихъ земель въ села государственныхъ имуществъ. Мировой посредникъ III участка Екатеринбургскаго уѣзда входилъ въ губернскаго присутствіе съ представленіемъ о томъ, что значительно легчайшая плата за пользованіе землями государственныхъ имуществъ, въ сравненіи съ платою за пользованіе землями помѣщичьими, увлекаетъ временно обязанныхъ крестьянъ и заставляетъ ихъ даже прибѣгать къ самымъ уступкамъ своихъ хатъ въ пользу помѣщиковъ, лишь бы получить дозволеніе къ переселенію въ села государственныхъ имуществъ; признавая такое направленіе временно обязанныхъ крестьянъ опаснымъ для прочности и самостоятельности ихъ сельскихъ обществъ, могущихъ такимъ образомъ выпустить изъ среды своей самыхъ зажиточныхъ членовъ и содѣлаться несостоятельными въ отношеніи ихъ обязанностей къ правительству и владѣльцамъ земель,—посредникъ просилъ опредѣнить ту возможную пропорцію выпуска крестьянъ изъ общества, которая устранила бы изложенное имъ опасеніе. Губернское же присутствіе, не находя съ своей стороны достаточныхъ основаній входить съ представленіемъ къ высшему начальству объ измѣненіи существующихъ на этотъ предметъ правилъ, оставило изложенное ходатайство посредника безъ послѣдствій. (Пост. 23 янв. 1862 г. въ Екат. губ. вѣд. 3 февр. № 5).

О правѣ управляющихъ имѣніями отправлять дворовыхъ людей для наказанія въ полицію. По возникшему вопросу о томъ, вправѣ ли управляющіе имѣніями отправлять дворовыхъ людей для наказанія въ полицію,—опредѣлено: признавать за ними такое право только тогда, когда они имѣютъ законныя

довѣренности на управление имѣніями, въ противномъ случаѣ, они могутъ дѣлать это только при участіи посредника. (Пост. 23 янв. 1862 г. въ Екат. губ. вѣд. 3 февр. № 5).

О пособіи малоземельнымъ владѣльцамъ и крестьянамъ. Екатеринбургской губернской предводитель дворянства, въ отношеніи своемъ губерискому присутствію, изложилъ, что дополнительными правилами о мелкопомѣстныхъ владѣльцахъ, въ положеніи 19 февраля, предоставляются какъ землевладѣльцамъ, такъ и крестьянамъ различныя льготы и облегченія. Положеніе малоземельныхъ землевладѣльцевъ, въ имѣніяхъ коихъ, при значительномъ числѣ душъ, пропорція земли такъ мала, что, за надѣломъ крестьянъ, останется незначительная часть всѣхъ угодій въ пользованіе землевладѣльца, заслуживаетъ вполнѣ вниманія правительства. Вообще же число малоземельныхъ владѣльцевъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Екатеринбургской губерніи весьма незначительно, за исключеніемъ Новомосковского, Верхнедѣпровскаго и частью Павлоградскаго уѣздовъ. Во многихъ этихъ имѣніяхъ, различныя неудобства, какъ то: узкость дачъ, недостатокъ водопоевъ и пр. служатъ причиною бѣднаго состоянія землевладѣльцевъ и крестьянъ. Въ Новомосковскомъ уѣздѣ большая часть имѣній, расположенная по берегамъ рѣкъ Дѣпра, Самары и Орели имѣютъ почву неплодную, песчаную, перемежающую съ солонцами. Въ такихъ имѣніяхъ было бы несправедливо выдѣлать крестьянамъ только одну удобную землю, оставивъ владѣльцамъ неудобную; а сдѣлать крестьянамъ нарѣзку изъ общаго количества, — значитъ поставить ихъ въ положеніе довольно затруднительное, потому что и при полномъ законномъ надѣлѣ, 4 десятины, съ песками или солонцами, не дадутъ средствъ къ скудному даже существованію. При этомъ предводитель предлагалъ малоземельными владѣльцами считать всѣхъ тѣхъ, у коихъ всей земли менѣе 4½ десят. на душу, что согласно и съ постановленіемъ бывшаго губерискаго комитета; также тѣхъ, у коихъ особенныя неудобства, какъ-то узкость полосы земли, недостатокъ водопоевъ, особенно дурное качество почвы песчаной или перемежающей съ солонцами, не позволяютъ надѣлать крестьянъ даже половинымъ, противу указаю, надѣломъ одной удобной земли. Общее число такихъ имѣній въ Екатеринбургской губерніи не можетъ быть слишкомъ значительно. А потому онъ полагалъ, что пособіе малоземельнымъ владѣльцамъ и крестьянамъ, поселеннымъ на ихъ земляхъ, можетъ состоять только въ разрѣшеніи обязательнаго для крестьянъ переселенія на казенной земли, при пособіи правительства, или частныхъ владѣльцевъ, съ коими они войдутъ въ добровольное соглашеніе, причемъ въ послѣднемъ случаѣ переселеніе должно совершиться на счетъ тѣхъ, кои принимаютъ къ себѣ людей малоземельнаго владѣльца.

Губериское присутствіе, вслѣдствіе сего отношенія, просило председателѣй мировыхъ сѣздовъ, чтобы они, обсудивъ на сѣздахъ возбужденные вопросы о пособіи малоземельнымъ владѣльцамъ, представили соображенія сѣздовъ и списокъ малоземельныхъ имѣній, признавая возможнымъ ходатайствовать о причисленіи къ малоземельнымъ владѣльцамъ лишь тѣхъ, которые со включеніемъ земли, слѣдующей въ надѣлъ крестьянамъ, имѣютъ въ своемъ владѣніи удобной земли менѣе 4 десятины на душу по 10-й ревизіи. (Пост. 27 янв. 1862 г. Екат. губ. вѣд. 10 февр. № 6).

О правѣ мировыхъ посредниковъ принимать къ своему разсмотрѣнію дѣла по жалобамъ крестьянъ на помѣщиковъ. Мировой посредникъ III участка Екатеринбургскаго уѣзда представилъ на разрѣшеніе мирового сѣзда слѣду-

юція обстоятельства: 1) временно-обязанная крестьянка, имѣвша наследниковъ Домодеовскихъ, принесла жалобу на одного помѣщика, причинившаго ей побой на лицу до крови. По 29 ст. полож. о губ. и уѣзд. по крест. дѣламъ учред., въ дѣлахъ между помѣщиками и крестьянами, мировой посредникъ присуждаетъ потерпѣвшему убытокъ вознагражденіе, а въ дѣлахъ по проступкамъ подвергаетъ виновныхъ взысканію по 32 ст. того же Положенія. Возникаетъ вопросъ, возбужденный уже на одномъ изъ мировыхъ съѣздовъ *протестомъ* со стороны помѣщиковъ, что въ дѣлахъ подобнаго рода не подлежатъ они разбирательству мировыхъ учреждений, но положительно не разрѣшенный, обязанъ ли мировой посредникъ принимать къ разбору подобныя жалобы, когда обиженная сторона за побой безъ увѣчья будетъ просить денежнаго вознагражденья: 2) Сельскій староста, Кондратій Жуковскій, принесъ жалобу на того же помѣщика (*), побившаго вышеозначенную крестьянку, о нанесеніи ему собственноручно тяжкихъ побоевъ такъ, что цѣлую неделю онъ былъ боленъ. Обида эта, какъ нанесенная должностному лицу сельскаго управленія, подлежитъ, на основаніи 24 ст., разбирательству мирового посредника, или по 35 ст. вѣдомству общихъ губерн. и уѣздн. постановленій. Екатеринославскій мировой съѣздъ, для прекращенія могущихъ возникнуть недоразумѣній, рѣшился подробно разобрать вопросъ о томъ: какія дѣла и въ какой степени подлежатъ вѣдѣнію мирового посредника и какія вѣдѣнію общихъ судебныхъ мѣстъ. По ст. 24 полож. губ. и уѣзд. по крест. дѣламъ учред., вѣдѣнію мирового посредника подлежатъ, между прочимъ, разборъ и рѣшеніе жалобъ временно обязанныхъ крестьянъ на помѣщика, а по ст. 54 и слѣд. разбирательству и рѣшенію предшествуетъ предложеніе посредника прекратить дѣло миромъ. Это приводитъ къ выводу, что каждая жалоба о такомъ предметѣ, по которому дѣло можетъ по закону быть окончено миромъ, принимается посредникомъ, и обѣимъ сторонамъ предлагается окончить дѣло миромъ, или третейскимъ разборомъ. Затѣмъ, въ случаѣ неуспѣха примирить враждующихъ, посредникъ разбираетъ и рѣшаетъ дѣла самъ, если они, по ст. 29, 30 и 39, подлежатъ его вѣдѣнію, — или передаетъ въ уѣздный судъ, по ст. 33 того же положенія. По дѣйствующимъ же законамъ, миромъ или оставленіемъ безъ ходженія прекращаются только тѣ дѣла (XV т. уголовн. зак. книга II ст. 41 и 42 и книги 1-й ст. 173), которыя подлежатъ разсмотрѣнію суда не иначе, какъ вслѣдствіе жалобы обиженнаго, исключая случаевъ, означенныхъ въ ст. 440, 2076, 2083, 2083, 2105, 2106, 2118 и 2120; въ законахъ уголовныхъ книги 1-й улож. о пак. сдѣланы пояснительныя примѣчанія къ тѣмъ отдѣламъ, гдѣ изложены проступки и преступленія, преслѣдованіе которыхъ можетъ быть не иначе, какъ по жалобѣ истца. Поэтому легко опредѣлить въ каждомъ данномъ случаѣ, можетъ ли дѣло быть коучено миромъ. Переходя затѣмъ къ частнымъ случаямъ, предложеннымъ мировымъ посредникомъ Вѣльченкомъ, мировой съѣздъ нашель: а) по ст. 25 общ. полож., крестьяне не могутъ быть подвергнуты никакому наказанію иначе, какъ по судебному приговору или по законному распоряженію постановленныхъ надъ ними правительственныхъ и общественныхъ властей; сверхъ того, по ст. 124 того же полож., сельскіе старосты, на время службы, освобождаются отъ тѣлеснаго нака-

(*) Напрасно Екатеринославскій мировой съѣздъ и губернскае присутствіе скрываютъ фамилію этого достопочтеннаго поборника насилія и кулачной расправы, которой, къ счастью, и не полагается въ учрежденіяхъ по крестьянскому дѣлу.

занія; б) нанесеніе тяжких побоевъ стоитъ въ улож. о наказ. подъ отдѣломъ о непосредственныхъ личныхъ оскорбленіяхъ, и наказаніе за него опредѣляется ст. 2086 и 2087. Въ концѣ отдѣла сдѣлано примѣчаніе, изъ котораго, особобразно съ ст. 41 кн. II угол. зак., видно, что дѣло это можетъ быть окончено мирою; слѣдовательно подлежитъ вѣдѣнію мирового посредника, для склоненія обѣихъ сторонъ къ миру; по въ случаѣ неуспѣха въ этомъ, должно быть передано въ судебное мѣсто, потому что опредѣленное ст. 2086 и 2087 угол. зак. о наказаніяхъ, взысканіе не можетъ быть, по положенію, присуждено мировымъ посредникомъ; в) если же побои крестьянину Кондратию Жуковскому нанесены по какимъ нибудь отношеніямъ къ должности его, сельскаго старосты, и замѣняя просьбу объ удовлетвореніи законнымъ порядкомъ, были выраженысь своеволія, то такое дѣйствіе и наказаніе за него опредѣляется 312 ст. книги 1-й, угол. зак., и не принадлежитъ къ тѣмъ обидамъ и оскорбленіямъ, которыя преслѣдуются не вначе, какъ по жалобѣ истца; слѣдовательно дѣло не можетъ быть кончено миромъ. По этимъ выводамъ, основаннымъ на законахъ, мировой съѣздъ опредѣляетъ: 1) просить посредника Бѣльченка удостовѣриться, были ли побои нанесены Кондратию Жуковскому какъ частному лицу, и въ такомъ случаѣ предложить обѣимъ сторонамъ окончить дѣло миромъ; или же они были слѣдствіемъ какихъ либо неисполненныхъ имъ по должности требованій; въ этомъ послѣднемъ случаѣ вообще, равно какъ и въ первомъ, если претензія не окончится миромъ, дѣло по жалобѣ должно быть передано въ Екатеринбургскій уѣздный судъ на его распоряженіе. 2) Относительно крестьянки помѣщиковъ Ломаковскихъ поступить по изложеннымъ здѣсь выводамъ; и 3) представить объ изложенныхъ здѣсь соображеніяхъ въ губернское присутствіе. Губернское присутствіе, съ своей стороны, находя соображенія мирового съѣзда и примѣненіе имъ къ настоящему случаю законовъ совершенно правильными, постановило: напечатать заключеніе съѣзда, для руководства прочимъ мировымъ съѣздамъ въ подобныхъ случаяхъ. (Пос. 5-го февр. 1862 г. въ Екат. губ. вѣд. 17 февр. № 7).

О постройкѣ усадебъ для крестьянъ, немѣющихъ усадебныхъ осѣдлостей. Вслѣдствіе возбужденнаго вопроса о томъ, кто долженъ строить усадьбы для крестьянъ, немѣющихъ теперь усадебныхъ осѣдлостей, а живущихъ въ экономическихъ постройкахъ, или у другихъ крестьянъ въ сосѣдяхъ, губернское присутствіе, по полученіи заключеній по сему предмету уѣздныхъ мировыхъ съѣздовъ, взявъ во вниманіе затруднительное положеніе бездомныхъ и немѣющихъ усадебныхъ осѣдлостей крестьянъ, большею частью несоставившихъ себѣ никакого состоянія и обезпеченныхъ средствъ, съ другой стороны настоятельную и неотлагаемую необходимость немедленнаго устройства и обезпеченія ихъ хозяйственнаго быта, а также затрудненія, съ коими сопряжено бы было для землевладельцевъ устройство усадебъ для всѣхъ вообще бездомныхъ крестьянъ,—постановило: раздѣлить такихъ крестьянъ на двѣ категоріи; на крестьянъ, составляющихъ отдѣльные семейства и хозяйства, и крестьянъ одинокихъ, возвращающихся въ свои семейства, какъ нераздѣльные члены ихъ. Въ первомъ случаѣ, т. е. къ крестьянамъ, составляющимъ отдѣльные семейства, должны быть примѣнены всѣ условія и правила для обязательнаго переселенія крестьянъ, изложенныя въ ст. 84, 85, 86 мѣст. полож.; одинокіе же крестьяне, возвращающіеся въ свои семейства, не пользуются никакими льготами, такъ какъ быть ихъ можетъ считаться обезпеченнымъ относительно помѣщенія (Пос. 14 марта 1862 г. Екат. губ. вѣд. 24 марта, № 12).

4) ПОДОЛЬСКАГО ГУБЕРНСКАГО ПРИСУТСТВІЯ.

О правѣ мировыхъ посредниковъ подвергать тѣлесному наказанію временно-обязанныхъ крестьянъ. Министру внутреннихъ дѣлъ сообщены были копія съ приведенныхъ уже въ исполненіе постановленій подольскаго, и кievскаго присутствій, о томъ: могутъ ли быть временно-обязанные крестьяне подвергаемы тѣлесному наказанію, по распоряженію мировыхъ посредниковъ, за несправное отбываніе, въ пользу помѣщика, издѣльной повинности и пелька на работу. Вопросъ этотъ подольскимъ губернскимъ присутствіемъ разрѣшенъ отрицательно, на томъ основаніи, что мѣры обезпеченія исправнаго отбыванія повинностей и порядокъ взысканій опредѣлительно указаны въ 218 и послѣдующихъ статьяхъ положенія для губерній: Кіевской, Подольской и Волынской и, по смыслу этихъ статей, за несправное отбываніе крестьянами повинности ни мировому посреднику, ни волостному суду тѣлесное наказаніе не предоставлено. Напротивъ того, по мнѣнію Кіевского губернскаго присутствія, пелька крестьянъ на барщину, по назначенію сельскаго старосты, безъ уважительныхъ причинъ и несправное отбываніе ими издѣльной повинности есть *ослушаніе и проступокъ* противъ Высочайше утвержденныхъ положеній о крестьянахъ, и потому въ случаѣ жалобы помѣщика, мировые посредники, на основаніи 29 и 91 ст. полож. о губ. и уѣзд. по крест. дѣл. учр., имѣютъ право подвергать сельскихъ начальниковъ за послабленіе крестьянамъ взысканію, а ослушниковъ изъ крестьянъ, кромѣ вознагражденія помѣщику, и тѣлесному наказанію, приступая къ оному, какъ къ самой сильной мѣрѣ, только въ необходимыхъ случаяхъ, и послѣ употребленія другихъ средствъ, мѣсчисленныхъ въ ст. 32 тѣхъ же правилъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, сообразивъ оба постановленія, съ своей стороны нашелъ, что по смыслу ст. 218, 219 и 220 мѣст. пол. для губ. Кіев. Под., и Вол. ни за пельку крестьянъ на работу, ни за несправное отбываніе ими барщины они не могутъ быть подвергаемы тѣлесному наказанію. Къ наказанію этому, согласно ст. 29 и 32 полож. о губер. и уѣзд. по крест. дѣл. учрежд., крестьяне присуждаются только за проступки. Посему если, при отбываніи издѣльной повинности, или при высылкѣ на работу, крестьянами будетъ совершено такое дѣйствіе, которое составляетъ проступокъ, то въ этомъ случаѣ мировые посредники имѣютъ право подвергать виновныхъ наказанію, на основаніи означенныхъ 29 и 32 статей. (Пост. Под. губ. пр. 27 дек. 1861 г. въ Под. губ. вѣд. 6 янв. 1862 г. № 1).

О правахъ дворовыхъ людей, отказавшихся отъ надѣла. Дворовые люди, пользовавшіеся земельнымъ надѣломъ до обнародованія положенія 19 февраля 1861 года, могутъ вынѣ отказаться отъ пользованія тѣмъ надѣломъ и оставшіеся послѣ нихъ участки, если принадлежали къ мірской землѣ, должны быть возвращаемы міру на общемъ основаніи, а если къ фольварковой,—помѣщику; что же касается до личныхъ правъ дворовыхъ людей, которые отказомъ отъ надѣла возвращаются сами собою въ тотъ разрядъ крестьянъ, къ которому по ревизіи приписаны, т. е. къ которому они по происхожденію своему принадлежатъ, то они должны пользоваться всѣми правами, предоставленными этому классу крестьянъ. Высочайшимъ положеніемъ объ устройствѣ дворовыхъ людей и въ томъ числѣ и льготами, по ст. 32 этого положенія. (Пост. Под. губ. пр. 27 дек. 1861 г. въ Под. губ. вѣд. 6 янв. 1862 г. № 1).

О срокѣ, съ котораго, за введеніемъ уставныхъ грамотъ, должно счи-

татъ за крестьянами повинности по новому Положенію. Въ случаѣ перехода, съ согласія помѣщика, крестьянъ на оброкъ, онъ считается за ними со дня перехода ихъ на оброчное положеніе, если впрочемъ по добровольному соглашенію помѣщика съ крестьянами не будетъ назначенъ другой срокъ. Если же крестьяне заявятъ желаніе перейти на оброчное положеніе, а помѣщикъ не согласенъ пустить ихъ на оброкъ, въ срокъ, опредѣленный 209 ст. мѣст. полож., то крестьяне могутъ перейти на оброкъ по истеченіи года со дня заявленія своего желанія, согласно 213 ст. того же положенія, но и въ этомъ случаѣ оброкъ долженъ считаться за ними со дня дѣйствительнаго перехода на оброчное положеніе; до того же времени обязаны отбывать издѣльную повинность со дня введенія грамотъ по положенію 19-го февраля. Что же касается крестьянъ, состоящихъ на смѣшанной повинности, то на основаніи 214 ст. того же мѣстнаго положенія, имъ предоставляется перейти на чистый оброкъ, въ уставной грамотѣ опредѣленный, немедленно по введеніи ея въ дѣйствіе; а потому въ случаѣ перехода крестьянъ со смѣшанной повинности на чистый оброкъ, если по добровольному съ помѣщикомъ соглашенію не будетъ назначенъ особый срокъ, то и оброкъ долженъ считаться за ними со дня введенія грамоты. Наконецъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьяне не изъявляютъ желанія перейти на оброкъ, они должны, со дня введенія грамоты, отбывать издѣльную повинность, въ размѣрѣ, опредѣленномъ положеніемъ 19 февраля. (Пост. Под. губ. прис. 7 февр. 1861 г. въ Под. губ. вѣд. 24 февр. № 8).

СОВРЕМЕННАЯ ЮЖНОРУССКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Незнание народа, невниманіе къ дѣйствительности, ведетъ къ печальнымъ послѣдствіямъ. — Ложное пониманіе нѣкоторыми мировыми посредниками и сельскими начальниками своей обязанности. — Старая привычка. — Беспорядки въ губерніяхъ. — Участіе женщинъ. — Домашнія расправы съ волостными старшинами. — Стояніе горой за *своихъ*. — Не-пуганая ворона куста боится. — Запрещеніе собираться у шивковъ *только* для пьянства. — Дѣйствительно ли опасны *превратныя толкованія*? — Предписаніе губернскаго присутствія. — Мнѣніе г. Скарятина о выкупѣ. — *Предупредительное* предписаніе г. Министра В. Д. по поводу приближающагося лѣта. — Дѣйствительная опасность для нашей хлѣбной торговли. — Причины упадка хлѣбной торговли на югѣ. — Соперничающія страны. — Наши средства сообщенія. — Препятствія, встрѣчаемыя во время подвоза хлѣба къ портамъ. — Трутни изъ человеческой породы. — Русское общество пароходства и торговли. — Письмо г. Палеолога. — Жалобы. — О задачахъ предстоящей реформы акціонернаго законодательства. — Общественныя пожарныя команды. — Общества взаимнаго страхованія. — Земскіе банки. — Открытіе кредита свеклосахарнымъ заводчикамъ. — Пора думать о сельскихъ банкахъ. — Опыты воздѣлыванія нѣкоторыхъ хозяйственныхъ растений. — Разныя извѣстія.

Кто *дѣйствительно* знакомъ съ народомъ, съ его вѣрованіями и понятіями, на которыхъ держится его частная и общественная жизнь, тотъ не станетъ оболъщать себя разными несбыточными надеждами. Сидя за книгами въ четырехъ стѣнахъ и отуманивая себя какой-нибудь призрачной идеей, гоня отъ себя житейскій опытъ и правдивый голосъ дѣйствительности, можно, пожалуй, вообразить себя Богъ-знаетъ-какіе политическіе и соціальные виды въ народѣ: — да много ли пользы отъ

этого, для кого-бы-то-нибыло, и въ-особенности для самого народа? Въ-место того чтобы трудиться для него терпѣливо, настойчиво, — смиренно довольствуясь тѣмъ, что удастся принести ему хоть малую, но дѣйствительную, засушную пользу, многіе у насъ только тѣшатъ себя собственными идеалами, до которыхъ народу дѣла нѣтъ, которыхъ онъ не пойметъ, не приметъ, отъ которыхъ онъ не ждетъ себѣ добра и не скажетъ самаго простаго «спасибі»... Но такая еще страшная пропасть раздѣляетъ у насъ «письменныхъ» отъ «неписьменныхъ», необразованныхъ отъ образованныхъ, простыхъ отъ не-простыхъ, — такъ мало еще знаютъ народъ самые преданные ему люди!

Чтобы скорѣе выйти, наконецъ, изъ этого печальнаго положенія, изъ этого губительнаго непониманія и раздвоенія общественнаго, намъ, теперь больше чѣмъ когда-нибудь, необходимо знакомство съ жизнью, съ народомъ; правда, хотя бы самая горькая и прискорбная правда, плодотворише всякихъ, самыхъ сладостныхъ, мечтаній. Она одна можетъ навести нашъ умъ и дѣятельность на прямую дорогу: лихорадочныя, мечтательныя увлеченія только губятъ силы и нерѣдко навсегда удаляютъ лучшихъ людей съ поля дѣйствительно-полезной борьбы. Охраняя себя отъ безплодныхъ порывовъ, посвящая себя на самый простой — не-блестящій — трудъ для народа, хотя бы, наиримѣръ, на обученіе грамотѣ, — мы гораздо скорѣе сблизимся съ нимъ, чѣмъ становясь на высоту и возглашая оттуда, какъ пророки, неосуществимыя истины.

На эти размышленія не разъ наводили насъ нѣкоторыя исключительныя явленія, — впрочемъ на Сѣверѣ, а не на Югѣ; дѣятельность украинскихъ народолюбцевъ представляется намъ въ многомъ свѣтѣ, на иномъ, болѣе вѣрномъ, пути; благодаря, между-прочимъ, тому, что, въ южно-русскомъ обществѣ, сельскія начала и сельскіе интересы преобладаютъ надъ городскими, — наши Южане гораздо проще въ своихъ отношеніяхъ къ народу, гораздо ближе къ дѣйствительной жизни, нежели нѣкоторые сѣверные наши братья. — Спѣшимъ, однакожъ, оговориться, что эти размышленія по-поводу послѣднихъ — не заушная пѣсня, а призывъ къ обновленію, къ отрезвленію, которое скорѣе всего наступаетъ отъ уразумѣнія дѣйствительности.

Подойдемъ ближе къ дѣйствительной жизни и безпристрастно оценимъ — что въ ней совершается.

Въ положеніи самомъ благопріятномъ для изученія дѣйствительной жизни стоятъ теперь мировые посредники; честный трудъ ихъ на пользу

общую запишет исторія, запомнить народъ; но какъ часто и у нихъ встрѣчается непониманіе народа, неуваженіе къ нему, неумѣнье стать на его точку зрѣнія, — съ которой только и можно просто, терпѣливо и кротко довести его до разузнанія своего положенія и своихъ новыхъ общественныхъ отношеній. Сколько и между мировыми посредниками, и между другими сельскими начальниками, людей, неизмѣнно сохранившихъ, по воспоминаніямъ мимошедшаго крѣпостнаго права, идеальную вѣру въ плодотворность и долговѣчность образумленія посредствомъ вещественной силы! А между тѣмъ—это очень опасное средство,—опаснѣе самой застарѣлой болѣзни, особенно въ нашемъ Югозападномъ краю, гдѣ отношенія усложнились и запутались самой исторіей, гдѣ убѣжденія и взгляды окрѣпли, благодаря народному опыту и характеру: оно не только вгоняетъ старую болѣзнь внутрь, но и создаетъ новую, которая — раньше или позже — непременно отзовется. Это физиологическо-нравственный законъ, законъ природы, который надо признать, чтобы во-время избѣгать его страшныхъ послѣдствій.

Все это невольно приходитъ на мысль по поводу *введенія* уставныхъ грамотъ.

Вотъ созвалъ «посередникъ» громаду, для прочтенія условій, на основаніи которыхъ крестьяне должны продолжать свое существованіе совмѣстно съ помѣщикомъ. Громада молчитъ... Крестьяне слушая — не слышатъ, не понимаютъ, и не желаютъ того, что тамъ написано. Не то!.. не того имъ хочется... *Случный часъ* закрылъ все передъ ихъ глазами... *Случный часъ*, — думаютъ они, — дастъ намъ то что нужно... Но начальство говоритъ: не будетъ того... «Отъ, мѹка! отто морока!» думаютъ они. — «Э, що бѹде, то бѹде!» говоритъ одинъ изъ нихъ... Начинаютъ переглядываться, перебрасываться полусловами, полуфразами... «Такъ якъже, братці? Чи такъ?» озывается староста... «Якъ?» — «Та ось, якъ панъ каже...» «Ні, сѣго не бѹде!» — «Чому? хйба що?» — Говоръ усиливается, становится смѣлѣе, явственнѣе, рѣзче — и вотъ вся громада, какъ одинъ человѣкъ, гремитъ: «несогласні на грамоту!..» — —

Подобнаго рода безпорядки вызываются иногда несправедливостью и другими печальными явленіями. Законъ, напримѣръ, говоритъ ясно, что если крестьяне отказываются подписывать грамоту, то посредникъ обязанъ самъ составить ее, безъ участія всѣхъ, непосредственно-заинтересованныхъ въ дѣлѣ сторонъ. Такъ итъ, видите ли: хоть съ палкой въ

руках заставлю подписать, да таки будетъ у меня грамота составлена по добровольному соглашенію, и подписана. Какія милыя, навныя понятія!

Недавно-случившееся, въ такомъ родѣ, возмутительное происшествіе привидѣніемъ стоятъ передъ нашими глазами въ настоящую минуту.

Послушайте, гг. посредники, и будьте судьями. Есть село М., въ уѣздѣ П. и губерніи П. Самъ владѣлецъ, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, не управляя своимъ имѣніемъ, которое находилось въ рукахъ старухи-матери, провѣтривающей ассигнаціи, да чистящей золото: въ этомъ состояла вся хозяйственная дѣятельность ханжи-старухи. Заправлялъ главнымъ образомъ всѣми дѣлами любимецъ-управляющій и все шло по-старому. Если случится, что кто-нибудь изъ крестьянъ занесетъ жалобу баринѣ на управляющаго или на сосѣда—княгиня призоветъ того и другого и, накормивъ обомъ орѣхами да рожками, отпустить съ Богомъ, увѣривъ ихъ, что ссориться грѣшно. Не смотря на такой судъ и расправу, крестьяне жили мирно. Становой божился, что за 20 лѣтъ своей ревностной службы онъ вни одного изъ м—евскихъ даже не высѣкъ, не то, чтобъ что-нибудь.... Но вотъ настала весна 1861 года. Прочитали манифестъ, прочитали и Положеніе. Въ М—евкѣ заговорили о волѣ, о панахъ, о надѣлѣ. Тутъ крестьяне, вспомянувъ о нѣкоторыхъ своихъ претензіяхъ, говорили, что теперь по-крайней-мѣрѣ можно и на помѣщиковъ жаловаться. Собралось ихъ человекъ тридцать и задумали они подать прошеніе «прямо до царя; та щобъ гонецъ не заіздѣвъ у губернію, бо завернуть». Собираютъ по 15 к. ср. съ души, ищутъ писаря. Между тѣмъ, въ декабрѣ, настало время введенія грамоты. Приѣхалъ посредникъ, началъ читать о надѣлѣ земли, объяснивъ имъ сначала правила Положенія. Не успѣлъ онъ прочитать и половинны грамоты, какъ громада крикнула: «несогласні на грамоту! за що ми будемъ отбувати повинності, або платити оброкъ, коли та земля й такъ наша!» Посредникъ думалъ-было уговаривать ихъ, но, видя себя окруженнымъ громадою, около 300 человекъ, счелъ за лучшее на этотъ разъ удалиться. На другой день онъ позвалъ къ себѣ четырехъ человекъ, въ полной увѣренности, что ихъ легче можно уговорить, чѣмъ всю громаду. Но явились всѣ и потребовали его къ себѣ. «Кто васъ позвалъ сюда?» говоритъ онъ. — «Ми й безъ зву прийшли.» «Зачѣмъ?» «А ось послушаемъ, що ви будете казати тутъ....» «Законъ не дозволяетъ ходити

толпою безъ призыва начальства «...» Хиза що?.. Снова посредникъ началъ имъ толковать о необходимости принять грамоту, и снова получилъ прежній отвѣтъ. Кончилось тѣмъ, что посредникъ прогналъ громаду вонъ, а на другой день донесъ обо всемъ губернатору. Назначенъ чрезвычайный съездъ. Приѣхали чины, собрали громаду, заговорили о грамотѣ. Крестьяне не соглашались. Имъ напомнили объ экзекуціи, о наказаніяхъ — ничто не помогало. На другой день послали, конечно, за военной командой, пришла рота, опять приѣхали чины; снова, безъ всякаго разбирательства, заговорили о грамотѣ, и снова тотъ же твердый, непоколебимый, короткій, но ясный отвѣтъ. Но — при посредствѣ военной команды, грамота была подписана; не смотря на то назначено слѣдствіе: главные зачинщики и виновники преданы суду. Четыре человѣка въ тюрьмѣ, тринадцать подъ надзоромъ. Крестьяне рѣшились ни-зачто не выдавать своихъ, и нужно было по пяти часовъ допрашивать каждаго, чтобъ добиться самыхъ простыхъ отвѣтовъ. — — Всѣ несчастія, всѣ преслѣдованія, подобныя описанному, приписываются панамъ, а не царю: — и это не мѣшаетъ принять къ свѣдѣнію... Да и не странно ли въ самомъ дѣлѣ слышать о подобномъ *добровольномъ соглашеніи* при посредствѣ военной команды?.. — —

Въ газетахъ объявлено о безпорядкахъ, бывшихъ въ губерніяхъ: Харьковской, Полтавской, Кіевской, Подольской и Екатеринославской. Замѣчательнѣйшіе изъ нихъ происходили, во-первыхъ, въ селѣ Словогородѣ, имѣніи князя Голицына, Харьковской губерніи. Крестьяне возбуждаемые подстрекателями, распространившими толки, что будетъ другой манифестъ о волѣ, рѣшились громадою ни на что не соглашаться до истеченія двухъ лѣтъ, и не принимать ни въ какомъ случаѣ уставной грамоты; причемъ угрожали прибить волостнаго старшину, который увѣщевалъ ихъ и разувѣрялъ въ ложныхъ толкахъ, — надѣлали ему дерзостей и оскорбленій. Затѣмъ, войдя съ буйствомъ въ волостное правленіе, гдѣ находились арестованные волостнымъ старшиною, по распоряженію ирроваго посредника, три человѣка крестьянъ изъ главныхъ подстрекателей, силою освободили ихъ. Послѣ безуспѣшныхъ мѣръ убѣжденія, въ имѣніе была введена военная команда и прибылъ штаб-офицеръ корпуса жандармовъ, убѣжденіями котораго порядокъ возстановленъ. Затѣмъ, отбывавшіе арестованныхъ крестьянъ и сами арестованные, всего 8 человѣкъ, подлежащіе, за самовольныя дѣйствія, военному суду, переданы въ вѣдомство земской полиціи, а 7 человѣкъ, принимавшіе участіе въ

подстрекательствѣ только по увлеченію, подвергнуты полицейскому наказанію.

Во-вторыхъ, въ мѣстечкѣ Мошнахъ, княгини Воронцовой, Кіевской губерніи. Здѣсь крестьяне арестовали волостнаго старшину, ставили его и волостнаго писаря, губернскаго секретаря Зогульскаго, на колѣни на разбитые острые киришичи, морили ихъ голодомъ, укрывали нѣсколькими тулунами, а женщины плевали имъ въ глаза; сына волостнаго старшины, шестнадцати-лѣтняго мальчика, который пришелъ навѣстить отца, привязали къ столбу и заставляли на это смотрѣть отца; а сестру его, подъ предлогомъ обвиненія въ колдовствѣ, привязали за косу къ возу и волочили; связали веревкою сборщика податей и, наконецъ, имѣли намѣреніе ставить означенныхъ лицъ на горячую сковороду, а потомъ утопить. Къ военной силѣ не довелось, однакожъ, прибѣгать, для прекращенія беспорядковъ: прибытіе войска обратило буйную толпу въ бѣгство, но при этомъ главные виновники (мужчины и женщины) были арестованы, при содѣйствіи полиціи и частныхъ лицъ. О семъ нынѣ производится строгое слѣдствіе.

Поводы къ этому второму проявленію неудовольствію со стороны крестьянъ намъ неизвѣстны. Только, судя по оффиціальному донесенію, оно было весьма значительно, когда въ числѣ арестованныхъ находятся и женщины, плевавшія въ глаза волостному писарю и старостѣ, на которыхъ обрушились все неудовольствія крестьянъ. Что касается до волостныхъ старшинъ, то многихъ изъ нихъ крестьяне подозреваютъ въ стачкѣ съ помѣщиками и часто сами расправляются съ ними; только эти расправы бывають, обыкновенно, болѣе мирны. Такъ, напримѣръ, въ «Сѣверной Почтѣ» сообщаютъ, что крестьяне Липовецкаго уѣзда, Кіевской губерніи, въ м. Сарнѣ, числомъ до пятидесяти, наказали публично плетью, на площади, помощника волостнаго старшины, Трофима Кузьмича, отъ чего Кузьмичъ изувѣченъ. Предполагають, что причиною наказанія было подозрѣніе въ томъ, что помощникъ старосты тянулъ за помѣщика и шелъ противъ своихъ. За своихъ громада стоитъ горой, и часто идетъ наперекоръ всемъ распоряженіямъ помѣщиковъ и даже посредниковъ, — что опять бываетъ причиною постоянныхъ непріятныхъ столкновеній между двумя сторонами. Крестьянъ врядъ-ли можно безусловно обвинять за это. Мы уже упоминали, что они до-сихъ-поръ не могутъ дать себѣ яснаго отчета въ своемъ положеніи, выяснитъ цѣль своихъ нервныхъ вздрагиваній. За то, если причина какого-нибудь не-

приятнаго для нихъ дѣла станетъ имъ очевидна, — они дѣлаются упорны, и трудно бываетъ сбить ихъ съ дороги, на которую они стали. Въ одномъ изъ засѣданій Черниговскаго мирового съѣзда, кажется 3 и 4 апрѣля, читано было прошеніе опекуна надъ имѣніемъ княжны Прозоровской, помѣщика Николая Капцевича, которымъ онъ ходатайствовалъ объ отправленіи на поселеніе временно-обязаннаго крестьянина, экономіи княжны Прозоровской, Шеляга, за неоднократное подговариваніе крестьянъ Локнистенской экономіи къ неповиновенію и разнымъ беспорядкамъ и за собраніе имъ схода; причѣмъ Капцевичъ объяснялъ, что онъ объ этомъ обращался уже къ мировому посреднику, но что «громада присудила Шелягу не просить у него, Капцевича, прощенія; а на исключеніе, изъ среды себя, общество не согласилось.» Мировой съѣздъ, впрочемъ, не рѣшилъ этого дѣла; оно снова пошло къ мировому посреднику для разъясненія всѣхъ обстоятельствъ и представленія мировому съѣзду своего заключенія.

Для того, чтобы выяснитъ свое положеніе, крестьянамъ чрезвычайно полезно сходиться между собою, но только не на формальныхъ сходкахъ, а такъ, частнымъ-образомъ, гдѣ бы, безъ всякаго начальства, можно было потолковать другъ съ другомъ по душѣ. Такимъ мѣстомъ служили иногда шинки. Могутъ ли быть опасны эти обычные собранія? А между тѣмъ нѣкоторые посредники смотрятъ на нихъ со страхомъ, и видятъ тамъ бунтъ, гдѣ простое волненіе, ни для кого неопасное, и болѣе естественное теперь у крестьянъ, нежели, напр., у помѣщиковъ. Помѣщикъ можетъ, пожалуй, разобрать дѣло и въ-одиночку, по печатному, — а крестьянинъ — какъ онъ уразумѣетъ свое положеніе, не столковавшись съ братьями, которымъ только и вѣрить, потому что только ихъ однихъ вполне понимаетъ. Гораздо скорѣе можно возбудитъ беспорядки разными стѣсненіями и ограниченіями, — чего, вѣдь, не хотятъ сами посредники. Кстати о сборщикахъ въ шинкахъ. Мировой посредникъ участка *Каневскаго* уѣзда вошелъ съ представленіемъ въ губернское присутствіе по этому поводу. Онъ пишетъ, что многіе волостные старшины и сельскіе старосты, вмѣсто наблюденія, чтобы крестьяне не занимались пьянствомъ и не распространяли при этомъ нелѣпныхъ толковъ, сами участвуютъ съ крестьянами въ попойкахъ по корчмамъ, прожигиваютъ тамъ дни и ночи и, будучи въ петрезовомъ видѣ, превратно толкуютъ Положеніе 19 февраля. Остановимся на минутку на этихъ послѣднихъ словахъ. Пора ужъ понять, что многіе, и не изъ крестьянъ,

не знают вполне всѣхъ подробностей новаго Положенія, а крестьяне знаютъ его только въ самыхъ главныхъ, общихъ, чертахъ. Превратное толкованіе неизбежно не только при самомъ приступѣ, но и долго послѣ того, пока не установится и не уяснится въ головахъ большинства новое начало въ жизни. Такъ неужели же бояться поминутно такихъ толкованій? Пусть толкуютъ, пусть сами уразумѣютъ въ чемъ дѣло; пусть безъ постороннихъ внушеній и непрошенныхъ услугъ сами дойдутъ до яснаго пониманія. Вѣдь въ случаяхъ, на которые указываетъ г. мировой посредникъ, толки эти не обнаружались такими худыми послѣдствіями, которыя потребовали бы немедленнаго вмѣшательства власти? А если итъ, такъ вѣдь и не слѣдуетъ вмѣшиваться въ частную жизнь крестьянина; вмѣшиваться въ нее — значить умышленно усиливать раздраженіе, постоянно стоять съ ненавистной палкой передъ его глазами... Гдѣ же тутъ здравый смыслъ, логика? — —

Что же полагаетъ сдѣлать г. мировой посредникъ для прекращенія этихъ превратныхъ толкованій? А вотъ-что: «воспретить крестьянамъ находиться въ корчмахъ долѣе опредѣленнаго закономъ времени, а также разослать, отъ имени начальника губерніи, черезъ мировыхъ посредниковъ, печатные приказы волостнымъ старшинамъ и сельскимъ старостамъ, чтобъ они не допускали сборищъ крестьянъ въ корчмахъ съ единственною цѣлью пьянствовать, (какъ — съ единственною цѣлью пьянствовать? А то съ какою же еще цѣлю имъ собираться? Вотъ вы явно себѣ противорѣчите) и при этомъ распространять нелѣпые толки; а тѣмъ болѣе не участвовали бы съ ними сами, что служить худымъ примѣромъ и не соответствуетъ возложенной на нихъ обязанности... Вотъ что опредѣлило губернское присутствіе: «Такъ-какъ свобода дѣйствій и независимость отъ прежняго экономическаго надзора, которую нынѣ приобрѣли временно-обязанные крестьяне, дѣйствительно иногда употребляются ими во зло и во многихъ мѣстахъ замѣтно сильное развитіе въ народѣ пьянства, то предписать становымъ приставамъ, чрезъ посредство уѣздныхъ полицій, чтобы они, сообразно существующимъ на сей предметъ узаконеніямъ, усилили надзоръ свой къ пресѣченію этого зла, а равно не допускали бы сборищъ передъ корчмами и подвергали бы установленнымъ штрафамъ виновныхъ за продолженіе распивочной продажи даже 11-ти часовъ вечера и за производство оной въ воскресенье, храмовые и праздничные дни до окончанія божественной литургіи. Мировые же посредники обязываются съ своей стороны *внушать* волостнымъ

старшинамъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, что ихъ прямая обязанность блюсти за добрымъ поведеніемъ крестьянъ и служить имъ въ томъ примѣромъ; что же касается тѣхъ сельскихъ начальниковъ, которые замѣтно будутъ потворствовать беспорядочному ихъ поведенію и пьянству, а тѣмъ болѣе сами будутъ въ томъ замѣчены, то объ удаленіи такихъ отъ должностей представлять губернскому присутствію.

Въ официальныхъ извѣстіяхъ, — общаго обзора событій и мѣръ, принятыхъ послѣ прекращенія срока добровольнаго соглашенія, — пока нѣтъ; но, повидимому, можно думать, что мартъ ничего не измѣнилъ въ положеніи дѣла, и что ни *случный часъ*, ни толки о выкупѣ не перемѣнили своего характера. Коснувшись выкупа, нельзя обойти молчаніемъ одну небольшую статейку г. Скарятинна (86 № С. П. Вѣд.). Въ этой статейкѣ г. Скарятинъ старается доказать всю основательность и удобство способа, предложеннаго законоположеніемъ 19 февраля, и касающагося именно выкупа. Вопросъ поставленъ такимъ образомъ: на чьей сторонѣ лежитъ обязанность выкупа, то-есть, кто долженъ заплатить помѣщикамъ за землю? Хотя, по Положенію, это относится къ помѣщикамъ и крестьянамъ, какъ непосредственнымъ участникамъ въ дѣлѣ, однако г. Скарятинъ думаетъ, что въ выкупѣ должно участвовать все государство, такъ какъ отъ существованія крѣпацтва страдали все сословія... »Но... и вотъ это крошечное «но» портитъ все дѣло. «Но, къ сожалѣнію,» замѣчаетъ г. Скарятинъ, «весь вопросъ заключается менѣе въ справедливости, нежели въ возможности (*что это такое?*); передъ которыми стираются и которымъ уступаютъ *все-возможныя справедливости (?)* въ свѣтѣ... Россія такъ еще бѣдна капиталами, что купить у помѣщиковъ землю на *свой* счетъ и подарить ее крестьянамъ, было бы для нея *непозволительнымъ мотовствомъ* да и невозможно, потому что такой суммы взять ей рѣшительно нѣгдѣ. — Да вѣдь отъ этого страдаетъ 25 милліоновъ людей? — »Да, страдаютъ, что же дѣлать? На нѣтъ — и суда нѣтъ.» —

А между тѣмъ-близится лѣто, наступаетъ пора работъ, покосовъ, жнитва, молотьбы, и проч. Что-то оно скажетъ? Правительство сдѣлало уже слѣдующее *предупредительное* распоряженіе, читанное въ засѣданіи Харьковскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Это—предисаніе министра внутреннихъ дѣлъ на имя начальниковъ губерній: «По случаю скорого наступленія времени открытія полевыхъ работъ, считаю долгомъ обратить вниманіе вашего превосходительства

ва точное исполненіе издѣльной повинности. Безотлагательныя, указанныя въ законахъ, мѣры къ прекращенію всякихъ попытокъ со стороны крестьянъ уклоняться отъ работъ могутъ удержать крестьянъ отъ дальнѣйшей неисправности и тѣмъ предупредить могущіе произойти убытки не только для помѣщиковъ, но и для самихъ крестьянъ, которые своею неисполнительностью подвергли бы себя или напрасной тратѣ времени, или денежнымъ штрафамъ за прогульные дни. Соотвѣтственно сему, покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, сдѣлать надлежащія распоряженія. Распоряженія эти, какъ видно изъ протокола засѣданія, ограничились тѣмъ, что губернское присутствіе проситъ гг. мировыхъ посредниковъ о безотлагательномъ примѣненіи нѣкоторыхъ, перепечатанныхъ въ протоколѣ, статей Положенія. — —

— Въ последнее время, и крестьяне начинаютъ замѣчать, что вообще наша хлѣбная торговля приходитъ въ упадокъ, и что много убытковъ понесли земледѣльцы въ последнее время. Вообще кредитъ нашей хлѣбной торговли начинаетъ мало-по-малу подрываться. Вотъ образецъ ходячихъ мнѣній по этому поводу: «хлѣбопашество не вознаграждаетъ положеннаго на него труда земледѣльца и причиняетъ постоянные убытки промышленникамъ; падаетъ овцеводство, какъ довольно тѣсно связанное съ хлѣбопашествомъ; Венгрія, Северо-Американскіе Штаты, Дунайскія Княжества, Турція — являются все болѣе и болѣе опасными соперниками, грозясь окончательно убить нашу хлѣбную торговлю; въ перспективѣ у насъ — огромные запасы хлѣба, гнѣюшаго въ амбарахъ; наконецъ, такое положеніе не можетъ долго продолжаться и, въ соединеніи съ наступившимъ безденежемъ, грозятъ одною изъ тѣхъ страшныхъ пертурбацій общественной жизни, волновавшихъ Западъ, на которые со страхомъ указываютъ люди, стоящіе на сторонѣ мирнаго исхода дѣла.» Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, странное противорѣчіе! Оффиціальныя отчеты, напримѣръ, одесской таможни, выставяя довольно краснорѣчивыя цифры, тѣмъ самымъ утверждаютъ, что наша отпускная торговля не только не падаетъ, но, наоборотъ, идетъ прогрессивно, такъ какъ прошлогодній отпускъ превышалъ отпускъ 1860 года почти на миллионъ четвертей. Чѣмъ же объяснить такое очевидное, громадное противорѣчіе?

Надо замѣтить, что въ 1860 году ни Франція, ни Англія не могли похвалиться урожаемъ. Неудовлетворительныя жатвы естественнымъ

образомъ повели къ тому, что спекулянты сдѣлали значительныя закупки зерноваго хлѣба, несоответствовавшія дѣйствительной потребности. Такого рода промахъ спекулянтовъ произвелъ быстрое пониженіе цѣны на хлѣбъ. Одесскіе капиталисты, закупившіе значительные запасы его на мѣстѣ, должны были или продавать хлѣбъ въ убытокъ для себя, или остаться совсѣмъ безъ денегъ. Первому, кромѣ указанной причины, весьма много способствовало преждевременное зафрахтованіе судовъ, такъ что почти по-неволѣ приходилось везти хлѣбъ, кто не имѣлъ желанія заплатить даромъ деньги за несостоявшійся провозъ. Если, слѣдовательно, принять во вниманіе это обстоятельство, эти, такъ-сказать, вынужденныя хлѣбныя операціи, то окажется, что въ дѣйствительности отпускъ хлѣба почти не превышалъ торговлю 1860 года. Значить, опубликованныя цифры, въ-сущности, ничего не выражаютъ; промышленность все-таки падаетъ, и надо искать средства хоть сколько-нибудь поддержать ее. Какія же препятствія стали въ-упоръ естественному развитію промышленности? Гдѣ искать этой развѣдающей силы, этого подземнаго крота, подгачивающаго наши корни? Въ общихъ чертахъ причины этого явленія указаны нами въ мартовской лѣтописи; указаны на-столько, на сколько *могли* мы это сдѣлать, не касаясь многихъ частныхъ. По отношенію къ занимающему насъ вопросу, именно хлѣбной промышленности, онѣ могутъ быть нѣсколько сведены съ ихъ общей точки, могутъ быть *обособлены*. До послѣдняго времени, мы были главными поставщиками хлѣбовъ на европейскіе рынки. Но между-тѣмъ-какъ мы, вполне увѣренные, что этого рода монополія есть наше существенное право; которое никогда не будетъ отъ насъ отнято, продолжали итти потихоньку, шагъ за шагомъ, старымъ путемъ, — наши конкуренты усиливаютъ свою промышленную дѣятельность, все болѣе и болѣе убѣждаясь, что мы или не хотимъ, или просто не умѣемъ пользоваться выгодами своего положенія. Наконецъ, наши соперники нашли возможность продавать хлѣбъ и лучше и дешевле нашего, и мало-по-малу начинаютъ переманивать нашихъ покупателей на свою сторону. Возможность доставлять хлѣбъ дешевле явилась вслѣдствіе быстрого развитія пароходства по Дунаю и его притокамъ; кромѣ того, разпространяются не по днямъ, а по часамъ, желѣзныя дороги, и когда будетъ готова строящаяся кюстенжійская дорога, упирающаяся въ Дунай и идущая потомъ по долинѣ р. Серета до Яссы съ развѣтвленіями въ разныя стороны, тогда нашей торговлѣ будетъ изо дня въ день грозить конеч-

ный упадокъ. — Въ то время, какъ у насъ доставка четверти хлѣба изъ сѣверной, на примѣръ, или средней Бессарабіи къ одесскому порту обходится отъ 2 р. 50 к. до 3 р. 50 к., — по упомянутой дорогѣ, говорятъ, она будетъ стоить не болѣе 1 р. 50 к. Да и теперь уже вывозъ хлѣба изъ конкурирующихъ намъ странъ годъ-отъ-году увеличивается — въ ущербъ, слѣдовательно, нашей торговлѣ, что можно видѣть изъ слѣдующихъ цифръ, найденныхъ нами въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» (№ 27); цифры эти означаютъ количество отпускаемаго изъ Триеста (самаго опаснаго соперника нашимъ черноморскимъ портамъ) хлѣба; для большей наглядности мы беремъ отпускъ за нѣсколько годовъ:

въ 1857 году вывозъ простирался до	383.160	четв.
— 1858 » » » »	514.400	»
— 1859 » » » »	651.880	»
— 1860 » » » »	628.360	»
— 1861, послѣ открытія желѣзной дороги отъ Офена до Триеста	941.720.	

Изъ этой таблицы видно, что со времени открытія желѣзной дороги отъ Офена до Триеста вывозъ увеличился на 50%; несмотря на то, въ триестскихъ магазинахъ къ 31 числу декабря оставалось еще на складѣ до 235.760 четвертей. Кроме того, надо замѣтить, что подвозы по желѣзной дорогѣ могли начаться не раньше іюня, такъ-что еслибы они начались съ января, то отпускъ 1861 года навѣрное въ три раза превысилъ бы отпускъ 1860. Какъ уже замѣтно начинаютъ обнаруживаться послѣдствія этой конкуренціи, можно видѣть, кромѣ вышесказаннаго, еще изъ того, что (по словамъ того же № «Одесскаго Вѣстника») одинъ царижскій домъ, вѣроятно, принявъ на себя обширную поставку и совершивъ одну или двѣ закупки въ Одессѣ, отказался вполнѣ отъ всякихъ сношеній съ Одессою и нашель, что ему гораздо выгоднѣе получать хлѣбъ прямо изъ Венгріи, сколько потому, что товаръ получался изъ первыхъ рукъ, столько же ради скорости и дешевизны доставки и ради лучшаго качества пшеницы...

«Ради скорости и дешевизны»... Оглянемся на наши средства сообщенія и на тѣ помѣхи, которыя встрѣчаетъ промышленникъ, а въ особенности бѣдный земледѣлецъ, чумакъ подвозя хлѣбъ къ южнымъ портамъ... Въ этомъ очеркѣ мы руководствуемся статьями г. Фидлера, дѣйствительнаго члена общества южнорусскаго сельскаго хозяйства, постоянно зани-

мающагося (какъ онъ самъ говоритъ) отправкою хлѣба въ торговые города, считающаго себя дѣятельнымъ хозяиномъ и хорошо знакомаго съ разными злоупотребленіями, которыя приносятъ всему краю большой убытокъ (Харьковскія Прибавленія, № 2 и 3). Прежде всего надо сказать, что въ Таганрогѣ, Одессѣ, Бердянскѣ, Мариуполѣ, то есть въ городахъ портовыхъ, назначено правительствомъ, приблизительно по 10.000 десятинъ (а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и несравненно больше) выгонной земли для пастбы скота, на которомъ доставляютъ сюда товары до милліона и болѣе подводъ. Мѣра весьма необходимая, особенно если принять во вниманіе дороговизну корма и нежеланіе фурщикова пускать скотъ на сбитую, тѣсную толку. Между тѣмъ, градскія думы, вѣроятно изъ особеннаго усердія къ интересамъ своихъ городовъ, отдаютъ эти выгонныя земли въ аренду мѣщанамъ и купцамъ подъ хлѣбопашество и сѣнокосы, не зная повидному, что черезъ это страдаетъ цѣлая страна, а въ томъ числѣ и покровительствуемые ими города. Вотъ вы нанимаете фурщикова доставить хлѣбъ туда-то; хорошо, если ваше мѣсто недалеко отъ портоваго города, потому что въ противномъ случаѣ вамъ приходится платить, можно-сказать, громадныя цѣны, увеличивающіяся вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ далеко не пропорціонально увеличенію разстоянія. Фурщики знаютъ, что имъ придется платить за проѣздъ по мостамъ, за гати, водопой. Кромѣ того, колонисты, греки, ногайцы, черезъ владѣнія которыхъ проходятъ обозъ, не упускающіе случая поживиться на чужой счетъ, дерутъ съ чумаковъ огромныя цѣны за пастбу и водопой и очень часто прибѣгаютъ къ насильственнымъ мѣрамъ, зная, что вѣдь не обойдется же скотъ безъ корма. Часто на чумака, пустившаго попасись воловъ, налетаютъ со всѣхъ сторонъ объѣздки, отбиваютъ скотъ, заставляютъ выкупать за огромныя цѣны и иногда просто угоняютъ пару-другую воловъ. Подобный случай былъ недавно съ транспортомъ помѣщика М. А. Антонова, и ни полиція, ни разныя мѣстныя власти, занятая, безъ сомнѣнія, гораздо важнѣйшими дѣлами, не замѣчаютъ, или стараются не замѣтить, этихъ невинныхъ *шалостей*. А тутъ еще, пріѣхавши на мѣсто, приходится платить страшныя цѣны за прокормъ, вслѣдствіе постоянного скопленія огромнаго числа скота, переносить разныя притѣсненія властей откупаться отъ нихъ: — все деньги и деньги... Какъ же тутъ, зная, что предстоитъ впереди, не брать большихъ цѣнъ чумакамъ?... Вѣдь надо и себѣ что-нибудь оставить за хлопоты; не отдавать же послѣднюю трудовую копѣйку за удовольствіе пройтись нѣсколько, можетъ быть, сотенъ верстъ, мажариться на солнцѣ, вы-

мокнуть на дождь, пить изъ лужъ воду (какъ это случалось нѣсколько разъ видѣть пишущему настоящія строки), да къ тому же быть въ остальныхъ мѣстахъ жестоко обиженымъ за то, что не хотѣлъ развязать тощую «кишеню». «Вотъ и дождь онъ въ три-дорога (авось, мождь, хоть что-нибудь да останется!), а хлѣботорговцу, хочешь-не-хочешь, приходится платить.

Но вотъ, наконецъ, удалось довести хлѣбъ до мѣста. Вдругъ налетаютъ со всѣхъ сторонъ такъ-называемые *кулаки* (г. Фидлеръ именуетъ ихъ *трутнями*); налетаютъ обыкновенно они верстъ за десять, за пятнадцать отъ города, начинаютъ кланяться, снимаютъ шапки, торгуются, даютъ небольшіе задатки, обѣщаютъ огромныя цѣны и ведутъ, наконецъ, продавцовъ къ себѣ на дворъ. Обстановка перемѣняется: появляется другое лицо подъ именемъ настоящаго хозяина, и начинается переторжка; обещанныя цѣны сбавляютъ до невозможности; волю угнаны въ степь кулаками, ворота заперты, чумака одурень и потерялъ голову. Начинается ссыпка хлѣба очень часто, надо замѣтить, безъ согласія владѣльца; ссыпаютъ огромными мѣрами, огребая широкимъ греблемъ, сдѣланнымъ въ видѣ дуги, обсчитываютъ на вѣсахъ, и чумака окончательно обмануть. Идетъ онъ въ полицію жаловаться: тамъ требуютъ *законныхъ* доказательствъ, оныхъ не имѣется; свидѣтели есть только у противной стороны, изъ ихъ же шайки; денегъ нѣтъ, чтобъ дать приличную взятку, потому оиять, что противная сторона слишкомъ сильна, дѣйствуя соединенными капиталами... и плюнетъ бѣдняга на свой искъ, махнувъ рукою... Хотя г. Леонидъ Спигановъ (Харьк. приб., № 5) и возражаетъ противъ возможности подобнаго надуванія чумака — владѣльца, однако мы не видимъ подтвержденій подобнаго возраженія, и все-таки остаемся при прежнемъ мнѣніи о полиціи и кулакахъ, хотя, можетъ-быть, эти послѣдніе и приносятъ известную пользу. Конечно, владѣльцевъ — помѣщиковъ они такъ не надуютъ уже по тому одному, что они помѣщики, и въ-особенности потому, что при такихъ партіяхъ, какъ говоритъ самъ г. Спигановъ, бываетъ всегда довѣренное лицо, обыкновенно знакомое хорошо съ подобными предѣлками кулаковъ и полиціи... Ну, а крестьянинъ-то, *мужикъ*? Неужели вы будете стоягъ на томъ, что ему дешево обходятся эти операціи, что онъ благодарить судьбу?? не жалуется?

Такимъ образомъ недостагокъ удобныхъ путей сообщенія, — поэтому и дороговизна подвоза, — дороговизна вообще обработки хлѣба, и много-много еще другихъ причинъ производятъ то, что хлѣбъ, дойдя до портоваго города, значительно нарастаетъ въ цѣнѣ даже противъ своей первоначаль-

ной стоимости, и разумеется, тѣмъ дороже продается за границу. Производитель по необходимости нерѣдко продаетъ его съ убыткомъ потому что, иначе, можетъ хлѣбъ остаться гнить въ амбарахъ. По сдѣланному въ концѣ года исчисленію, оказалось, что прошлогодній подвозъ хлѣба на одесскій рынокъ простирался до 4,200,000 четвертей. Отъ прошлаго года оставалось тамъ 450,000 четв., слѣдоват., всего количества хлѣба, обращавшагося въ теченіе года для надобностей отпускной торговли, было 4,650,000 четв. Дѣйствительный отпускъ составлялъ не болѣе 3 милліоновъ четвертей: — 1,650,000 четв. осталось у насъ на рукахъ оттого что хлѣбъ купленъ по слишкомъ дорогимъ цѣнамъ, сравнительно съ цѣнами Англій и Франціи, и продать его—значитъ едвали не совѣтъ разориться, а и лежать будетъ, такъ тоже не много выгоды, — тогда какъ еслибъ оставшійся хлѣбъ былъ отпущенъ и проданъ, то можно бы выручать около 15 милліоновъ руб. ср. Теперь это капиталъ мертвый, требующій кромѣ того постоянныхъ издержекъ на содержаніе, связывающей руки промышленникамъ. Эти послѣдніе, не имѣя ни денегъ, ни охоты входить въ новые убытки, не хотятъ покушать привозимаго къ портамъ хлѣба, за провозъ котораго зашлочены уже деньги владѣльцемъ. Этотъ послѣдній, въ свою очередь, не зная что дѣлать, начинаетъ сбавлять цѣны, хотя, можетъ быть, каждый убыточный рубль отзовется десятками, сотнями на работникахъ—земледѣльцахъ, на которыхъ, такимъ образомъ, обрушивается вся огромная тяжесть этого положенія дѣлъ и давить ихъ. — При такомъ жалкомъ и крайне опасномъ положеніи дѣлъ невозможно оставаться равнодушнымъ. Если наше ухо прислушалось какъ-то къ постоянно раздающимся жалобамъ на то, на другое, на десятое; если мы привыкли не обращать на нихъ вниманія и считать уродливые факты вполне естественными и законными: то можетъ заговорить народъ, получившій право голоса. Между тѣмъ, кому должна бы принадлежать инициатива преобразованій и всестороннихъ улучшеній, которыя теперь становятся насущною необходимостью, вопросами дня? кому, какъ не тѣмъ, которые ихъ понимаютъ, т. е. образованной части общества? — Человѣкъ можетъ очень недолго простоять на одной ногѣ, — онъ или упадетъ или станетъ на обѣ; неестественность положенія условливаетъ естественное преобразование, и медлитъ съ этимъ непростительно; иначе — общественное зданіе пошатнется само-собою.

Ясно, что прежде всего намъ необходимы какъ воздухъ — улучшенныя пути сообщенія, желѣзныя дороги, — и преимущественно на Югъ,

если мы не хотимъ окончательно быть выгнанными съ европейскихъ рынковъ соперниками съ каждымъ днемъ усиливашимися.

Итакъ—повторяемъ—намъ прежде всего нужны дороги и дороги. Даже вспомогательный капиталъ въ видѣ земскихъ банковъ не столько важенъ, хоть у насъ и нѣтъ денегъ. У насъ передъ глазами Венгрія, лучшій примѣръ, лучшій образецъ для сравненія, ясно показывающій, чего у насъ недостаетъ. Не забудьте, что доставка четверти хлѣба съ верховьевъ Тейсы въ Триестъ черезъ Саву и по сисекской дорогѣ, на разстояннй *тысячи пятисотъ верстъ*, будетъ стоить всего 1 р. 75 к.—2 р. ср. и будетъ продолжаться не болѣе 20 или 25 дней; а по рѣкѣ Дравѣ сообщеніе будетъ еще дешевле и быстрѣе; не забудьте, что у насъ хлѣбная торговля была до сихъ поръ одной изъ важнѣйшихъ отраслей нашей промышленности, и мы теперь принуждены выпустить ее изъ рукъ. Намъ нужны усовершенствованныя земледѣльческія орудія, удешевленіе хлѣба, намъ нужны опять-таки дороги... Въ Одессѣ устриваются теперь мостовыя; а кто не помнитъ того благодатнаго, очень еще впрочемъ недавняго времени, когда за провозъ хлѣба отъ *складочнаго магазина до пристани* платили по 40—50 к. сер.!!.. Повѣрить трудно, а между тѣмъ это такъ... Намъ заѣдаетъ медлительность, неповоротливость, нерѣшительность. Въ Англіи, въ 1840 году, заговорили о дренажѣ; слухи, конечно, и къ намъ проникли о заморскихъ диквинкахъ, и у насъ заговорили, захлопотали.... И то же? Тамъ черезъ десять лѣтъ было уже дренаровано около *десяти миллионновъ десятины*, а у насъ все еще продолжаютъ хлопотать да бесѣдовать. Впрочемъ, и бесѣдовать, кажется, перестали. За то, скажетъ иной мудрецъ, то Англія, а это Россія, и *тѣмъ болѣе* Малороссія. Конечно! Только если бы у насъ побольше *на самихъ себя* надѣялись, да думали, да трудились, то было бы гораздо лучше.... Странно одно отчего это у насъ не удаются *частныя* компаніи? съ непривычки ли это, или отъ другого чего.... Вотъ напримѣръ въ Кишиневѣ, по словамъ Бессарабск. Вѣд. (№ 12) въ прошломъ году горячо-было взялись за устройство паровой мельницы, въ которой для города чувствовалась крайняя надобность, въ надеждѣ имѣть сносный и дешевый хлѣбъ. Составлялась по этому поводу компанія на акціяхъ; но послѣ втораго засѣданія проэктъ этотъ.... ну конечно лопнулъ. Послѣ того явилась другая компанія, болѣе серьезная, состоящая изъ четырехъ или пяти акціонеровъ съ капиталомъ, значеніемъ и вліяніемъ и взявшаяся осуществить выгодное предпріятіе, не

основываясь на теоріи вѣроятностей, а на дружномъ, взаимномъ довѣрїи. Дѣло, казалось, пошло къ ходъ: о предпрїятїи, какъ о несомнѣнномъ фактѣ, заявили и въ Одесскомъ Вѣстникѣ; работали втихомолку, но энергически, приобрѣли мѣсто, устроили колодезь, запаслись матеріаломъ — словомъ потратили немаловажный капиталъ, надѣясь, конечно, возвратить его въ скоромъ времени съ лихвою. Но... что-то порвалось и у этой небольшой компанїи. Бессарабск. Вѣд. обѣщаютъ сообщить скоро о причинахъ подобнаго факта, въ сущности весьма любопытнаго — отчего у насъ обыкновенно не удаются компанїи, вмѣющія въ виду очевидно полезныя и общающія выгоду предпрїятїа. Возьмите, напримѣръ, наше знаменитое Общество Пароходства и Торговли, враждующее ежеминутно съ своими акціонерами. До сихъ поръ мы не можемъ понять, какъ это общество существуетъ на югѣ, на Черномъ морѣ, а главное правленіе его — за двѣ тысячи верстъ, у Балтійскаго?! Между тѣмъ акціонеры, большая часть которыхъ живетъ тамъ же, жалуется на это, хотя ихъ справедливыя жалобы остаются гласомъ вопїющаго. Правленіе видно глухо. Дѣла идутъ весьма плохо: вслѣдствіе указанной отдаленности главнаго управленія являются безполезныя и легко устранимыя издержки, медленность въ разрѣшенїяхъ, необходимость въ бюрократизмѣ; нѣтъ спеціальныхъ людей для направленія и управленія торговымъ и промышленнымъ предпрїятїемъ. Одесская контора, поэтому, является не въ видѣ торговой конторы, а въ видѣ министерскаго департамента, медленно удовлетворяющаго требованія торговцевъ и пассажировъ. Одесское управленіе не знаетъ, или не хочетъ знать торговыхъ и промышленныхъ потребностей края; между управленіемъ и краемъ нѣтъ связи. Высокія цѣны на пассажирскія мѣста увеличены еще неумѣстнымъ распоряженіемъ о взиманїи 25 % лишку за билеты, взятыя не въ конторѣ, а на пароходѣ (?!). Наконецъ, часто повторяется неисправность отхода пароходовъ въ порты, происходящая не всегда отъ дурной погоды; въ нѣкоторыхъ портахъ недостаетъ перевозочныхъ средствъ для жителей (*Экономистъ*, № 1, 1860). Общество далеко не исполнило обѣщанїй, данныхъ при своемъ открытїи. Воинственное замѣчательное дѣло его, совершенное въ 1856 года, это — устройство эллинга въ Севастополѣ. Съ устройствомъ эллинга, говорятъ, общество будетъ избавлено отъ посылки пароходовъ въ отдаленные порты, гдѣ оно несло всегда значительныя издержки, сопровождавшіяся большой потерей и многими неудобствами. Окончаніе мастерскихъ откроетъ возможность дѣлать исправленія машинъ, соорудить

котлы, а со временемъ и постройку самыхъ машинъ и пароходовъ. Осушествленіе послѣдняго предположенія представляется въ отдаленномъ будущемъ; а теперь является только возможность *очистки* пароходовъ у себя дома, в днн починки, исправленія механизмовъ, пароходы должны по прежнему отправляться въ Марсель: свои мастерскія еще неготовы, и не скоро будутъ готовы.

А между тѣмъ, средства общества были весьма значительны. Кроме основнаго капитала въ 9 милліоновъ, цифры весьма почтенной, общество ежегодно получало, судя по отчетамъ:

а) *Помильныхъ денегъ изъ казны:*

по 1858 годъ	389. 415 р.
въ 1858 году	1.080. 573.
— 1859 —	1.883. 225.

б) *Дивиденда на акціи, взятая правительствомъ:*

по 1858 годъ по 6 на 100.	120. 000.
въ 1858 году	140. 000.
— 1859 —	180. 000.

с) по 1860 годъ ремонтной суммы отъ правительства 192. 000.

Итого, по 1860 годъ— 3.685. 613 р. сер.

Въ 1859 году, Общество заработало 1.628.374 р., но не только эта огромная цифра была издержана на покрытіе расходовъ общества, а надо было еще прибавить къ ней 1.048.804 р. изъ пособій правительственныхъ, такъ-что дивидентъ составилъ не изъ заработковъ, а изъ пособій, хотя расходы эти не составляли какихъ либо-капитальныхъ построекъ.

Какъ мало заботилось общество о пользахъ края, видно изъ того, что оно нисколько не развило каботажнаго судоходства между нашими южными портами, не исполнивъ такимъ образомъ своихъ обязанностей, определенныхъ пунктомъ 25 устава,— ограничилося весьма немногими рейсами, скорѣе во вредъ нашей торговлѣ, и обратило главное свое движеніе на содѣйствіе торговлѣ иностранныхъ портовъ, соблюдая только свои выгоды, потому что заграничная помильная плата, отпускаемая правительствомъ, выше внутренней.

Въ 29 № *Одесскаго Вѣстника*, г. Палеологъ между прочимъ спра-

шиваетъ, почему контора прекратила рейсы по Крымскому и Кавказскому берегамъ, тогда какъ до 10 пароходовъ благополучно стояли въ Севастополѣ, и на какомъ основаніи агенство взимаеъ фрахтъ съ груза, случайно отправляемаго на военныхъ судахъ, не принадлежащихъ компаниямъ? Во всякомъ случаѣ интересно знать, въ какую статью дохода записаны эти деньги на приходъ? Хотя въ 32 № Одесскаго же Вѣстника и появился отвѣтъ г. *Клишова*, агента общества; но этотъ важный вопросъ не удостоенъ ни вниманія, ни разъясненія. Какъ видно, г.г. директоры совершенно упустили изъ виду цѣль учрежденія общества и громадное значеніе его для всего южнаго края. Вотъ что говорилъ въ 1859 году одинъ изъ учредителей общества: «Южная Россія, при громаднхъ запасахъ сельскаго хозяйства, не должна была долго оставаться праздною зрительницей чужихъ успѣховъ. Край почувствовалъ, что, вѣсто разьединенныхъ и слабодѣйствующихъ силъ, необходимо создать учрежденіе собирательное, *основанное не на однихъ паяхъ*, но и на моральномъ обязательствѣ покровительствовать взаимнымъ интересамъ. Такъ возникло южно-русское Общество Пароходства, Коммисіонерства и Торговли. Его вызвала явная необходимость привлеченія на торжище Новороссіи новыхъ, сильныхъ капиталовъ въ помощь сельскому хозяйству, страдающему отъ ничтожнаго состоянія торговыхъ путей, тяжелыхъ условій сбыта сельскихъ произведеній и отсутствія легкаго, безлихвеннаго, кредита.» Да объ этомъ и толковать нечего, потому что необходимость общества доказана собранными, вышеприведенными капиталами, которыми, къ сожалѣнію, оно не умѣло или не хотѣло распорядиться какъ должно. Намъ нѣтъ дѣла до разныхъ мелочныхъ канцелярскихъ оправданій, сбивающихъ съ толку непосвященнаго въ тайны коммерціи читателя; въ нихъ мы только видимъ подтвержденіе очевиднаго факта—нескончаемыхъ жалобъ акціонеровъ, пассажировъ и наконецъ, самое главное, цѣлаго края.

Сколько брани, сколько журнальныхъ толковъ возбуждали постоянные промахи русскихъ акціонерныхъ обществъ вообще!... Вѣроятно, неуспѣхъ ихъ приписали вліянію постановленій, касающихся организаціи нашихъ омпаній, потому что вопросъ объ акціонерныхъ обществахъ поступилъ также на преобразовательную очередь. Но такое объясненіе слишкомъ недостаточно. Профессоръ Харьковскаго университета, *С. В. Пахманъ*, написалъ по этому поводу весьма замѣчательное разсужденіе *«о задачахъ предстоящей реформы акціонернаго законодательства»*. Ни время, ни мѣсто не позволяютъ намъ войти въ подробный разборъ этого сочи-

ненія; мы укажемъ здѣсь только на тѣ положенія автора, которыя вполне убѣждаютъ насъ въ правильности составившагося у насъ взгляда, на причины, вѣщающія у насъ развитію и успѣшному ходу торговыхъ и промышленныхъ ассоціацій, которыя представляютъ единственный—справедливый и естественный—способъ выйти обществу изъ теперешней безурядицы. *Основа*—врагъ всѣхъ искусственныхъ направленій, опека и стѣсненій свободного хода жизни—внимательно прислушивается къ голосу прямой, простой правды, пробивающемуся изъ-подъ давленія *вѣшнихъ, случайныхъ*, тисковъ, — къ правдивому голосу народа; вслѣдствіе этого, мы пришли къ слѣдующему отвѣту на вопросъ — въ чемъ лежитъ причина неуспѣшности нашихъ компаній, обществъ, товариществъ? Въ характерѣ ли народа, или во вѣшнихъ, легко устранимыхъ, обстоятельствахъ? Думаемъ — послѣднее, потому что не имѣемъ достаточныхъ основаній отвергать первое. Такъ, мы видимъ — компаніи составляются, довѣріе и охота, значить, есть; но, разъ установившись, онѣ начинаютъ страдать отсутствіемъ того необходимаго единства между акціонерами и директорами, которое составляетъ душу предпріятія. Какъ вездѣ, и здѣсь необходимо довѣріе между собирательною единицею общества и властью *довѣрленною*, выдвинутою изъ среды себя членами-акціонерами. Объясняя причины вредящія успѣхамъ промышленности и торговли, г. Пахманъ, во-первыхъ, указываетъ на *централизацию*, задерживающую свободное развитіе нашихъ ассоціацій: у насъ *мѣстное* дѣятельность поодвѣлено столичною.... Естественно ли, въ самомъ дѣлѣ, сосредоточеніе всей почти компанейской дѣятельности въ одномъ Петербургѣ, гдѣ обыкновенно учреждаются управленія обществъ?! Слѣдовательно, тормозящая причина заключается *прежде всего и главнѣе всего* въ недостаткахъ нашего законодательства? Авторъ на этотъ вопросъ отвѣчаетъ положительно. Русское законодательство придаетъ акціонернымъ обществамъ характеръ государственно-экономическій. Ни одна компанія на акціяхъ не можетъ быть учреждаема безъ *особаго разрѣшенія правительства*. Формальности учрежденія компаній слѣдующія: 1) просьба о дозволеніи учредить компанію, вѣстѣ съ проектомъ устава; 2) проектъ устава разсматривается и *исправляется* въ министерствѣ по сношенію съ учредителями; 3) положеніе комитета министровъ или государственнаго совѣта возводится на Высочайшее утвержденіе. Въ успѣхѣ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій больше чѣмъ гдѣ-нибудь играетъ важную роль *своевременность*; а между тѣмъ процедура, подобная приведенной, отнима-

еть часто много времени, особенно въ Россіи, при ея огромномъ пространствѣ и дурномъ состояніи путей сообщенія. Въ защиту необходимости государственнаго одобренія приводить два доказательства: 1) что акціонерное общество должно быть *юридическимъ* лицомъ; но это послѣднее не создается признаніемъ его общественной властью; значеніе юридическаго лица принадлежитъ компаніи независимо отъ признанія общественной власти. Признаніе государства можетъ выражаться уже томъ, если закономъ опредѣлены условія, при выполненіи которыхъ общество получаетъ *ipso jure* значеніе самостоятельной юридической личности во внѣшнемъ быту. 2) Другое доказательство состоитъ въ томъ, что «не всякое предпріятіе можетъ быть позволительнымъ и безвреднымъ для общества.» Но вѣдь разсмотрѣніе проектовъ правительствомъ не доставляетъ на самомъ дѣлѣ (какъ это подтверждается опытами) интересамъ акціонеровъ в публики надежной гарантіи, обращаясь такимъ образомъ въ бесполезную, тормозящую формальность. Авторъ признаетъ необходимымъ утвержденіе со стороны правительства только тѣхъ компаній, которыя носятъ на себѣ чисто государственно-экономическій характеръ, и которыя онъ называетъ *концессионными*. Самовольное основаніе подобныхъ обществъ было бы присвоеніемъ себѣ государственныхъ правъ. Такъ напр., компаніи желѣзныхъ дорогъ, по самому существу своему, нуждаются въ законныхъ привилегіяхъ, каковы: экспроприація поземельной собственности, составляющая право государства, владѣніе публичными дорогами и проч. — И такъ, по мнѣнію автора, компаніи должны быть раздѣлены на два разряда: *концессионныя* или государственно-хозяйственныя, и *частно-хозяйственныя*. Только при учрежденіи первыхъ необходимо разрѣшеніе правительства, и уставъ каждой публичной компаніи, представляющій какъ бы контрактъ ея съ государствомъ, долженъ быть издаваемъ въ видѣ особеннаго закона. Общества же втораго разряда, слѣдовательно, могутъ составляться безъ всякаго внѣшательства со стороны правительства, и принимать разнообразныя формы, сообразуясь съ *мѣстнымъ* характеромъ страны, въ которой учреждаются.

Въ русскомъ законодательствѣ самостоятельность компаній ограничена слѣдующимъ правиломъ: «Компанія, которой правила единожды утверждены правительствомъ, не можетъ простирать дѣйствій своихъ далѣе предназначенныхъ ей предѣловъ и не можетъ также допустить ни какихъ въ правилахъ своихъ перемѣнъ безъ новаго отъ правительства разрѣшенія, кромѣ однакожъ тѣхъ статей, которыя частнымъ ея уста-

вомъ именно дозволено будетъ измѣнять, по ближайшимъ указаніямъ опыта, самому правленію компаній, или общему собранію акціонеровъ. Это правило, въ силу вышесказаннаго, должно быть применимо *только* къ компаніямъ перваго разряда и отнюдь не касаться втораго. Авторъ затѣмъ переходитъ къ вопросу о томъ административномъ вліяніи, которое заключается въ правительственномъ надзорѣ за дѣятельностью акціонерныхъ обществъ; но этому надзору онъ не придаетъ значенія достаточной гарантіи противъ злоупотребленій, на основаніи указаній самаго опыта, Чѣмъ же замѣняется она? Англійское законодательство (1856 и 1857 г.), предоставляя обществамъ свободу образованія и дѣятельности, направлено преимущественно къ двойной цѣли: чтобы жизнь и дѣятельность акціонернаго общества была какъ можно болѣе открыта, публична, и чтобы оновъ лицъ своихъ представителей несло строгую отвѣтственность за свои дѣйствія. Итакъ, *гласность* и *отвѣтственность* — вотъ тѣ гарантіи, на которыя должна опираться промышленная свобода. Подъ гласностью авторъ понимаетъ прежде всего активную публичность жизни и дѣятельности компаніи, открытость дѣйствій органовъ акціонерной администраціи. Объ отвѣтственности вотъ собственныя слова его: «Смыслъ этой гарантіи заключается не столько въ законныхъ взысканіяхъ, которыя грозятъ нарушителю своихъ обязанностей, сколько въ томъ, что лица, стоящія во главѣ управленія дѣлами компаній, не должны смотрѣть на себя какъ на самовластныхъ и независимыхъ хозяевъ предиріятія и общественной собственности (господа директоры, слышите?) Долго владычествовали акціонерные баши-бузуки безконтрольно и безнаказанно, пока невыносимый произволъ не переполнилъ мѣру терпѣнія безгласныхъ акціонеровъ (это вѣдь всегда такъ бываетъ). Не болѣе двухъ лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, какъ многіе акціонеры пришли наконецъ къ сознанию, что они настоящіе собственники общественнаго капитала. Безропотная покорность поколебалась. Наступила реакція, дошедшая въ нѣкоторыхъ компаніяхъ до жестокаго *обнаженія* беспорядковъ. *Личное участіе въ дѣлахъ* ознакомило съ истинными причинами упадка компаній и навело, при содѣйствіи журнальной полемики, на многія практическія средства къ сдержанію разрушительнаго потока произвола.» Законъ нашъ говоритъ прямо, что директоры не что иное, какъ полномоченные компаніи. Но на самомъ дѣлѣ всякая оппозиція со стороны акціонеровъ противъ безчестности или неспособности директоровъ, считалась послѣдними дерзкой выходкой и чуть-чуть не мятежнымъ

стремленіемъ къ анархіи. Не такъ давно г. Э. Перейра жаловался на обнаружившуюся въ акціонерахъ *пагубную наклонность къ разсужденіи и запросамъ*; глубоко сожалѣлъ о томъ времени, когда *добрые* акціонеры были довольны тѣмъ, что имъ *говорилось* и что *для нихъ дѣлалось*; скорбѣлъ о томъ времени, когда акціонеръ-спорщикъ былъ еще *миромъ*, и проч. и проч. (Од. В. № 28).[•] Но для ограниченія самовластия директоровъ необходимо должны быть расширены права акціонеровъ. Законъ не предоставилъ общему собранію права удалять отъ должности директора прежде срока, хотя бы его поведеніе и оказалось положительно вреднымъ; поэтому-то авторъ придаетъ большое значеніе новому правилу, расширяющему въ этомъ отношеніи власть общества, такъ что теперь правленіе директоровъ въ полномъ смыслѣ можетъ быть названо *ограниченнымъ*, не только *de jure*, но и *de facto*, — какимъ оно, повторяемъ, никогда не было, не смотря на постановленія закона, *нравственно* обязывавшаго правленіе дѣлать то-то и не дѣлать того-то. А извѣстно, что значатъ эти «нравственныя обязательства», когда дѣло коснется матеріальныхъ, личныхъ выгодъ, подогрѣтыхъ безусловнымъ эгоизмомъ. Одною изъ главнѣйшихъ причинъ дурнаго развитія уже учредившихся компаній — это именно генеральство директоровъ. Посмотрите на нихъ *до и послѣ* избранія (надо замѣтить, что они обыкновенно выговаривали себѣ заранѣе извѣстную продолжительность срока, въ теченіе котораго оставались въ полной безопасности отъ *дурныхъ* наклонностей акціонеровъ). Кроткій, смирный и преданный душою дѣлу господинъ, сдѣлавшись директоромъ, снимаетъ свою маску и является полнѣйшимъ деспотомъ, во всемъ безобразіи крайняго безапелляціоннаго произвола. Акціонеры спохватились — но уже поздно. И вотъ начинались эти нескончаемыя стычки, да жалобы... А дѣло—шло ко дну. Интересы общества страдали на каждомъ шагѣ. Директора накупали домовъ и в знать ничего не хотѣли: *мнѣ* было хорошо, а *другіе* пускай какъ знаютъ, такъ и дѣлаютъ... Невозможно было не возмущаться до глубины души, видя это барское величіе и спокойствіе, построенное на карманахъ акціонеровъ... Но приходилось молчать, потому что крики ни къ чему не вели... И — компанія рушилась, дѣло погибало...

Итакъ, *свобода, ясность и отвѣтственность* — вотъ тѣ существенно — необходимыя начала, которыя должны лечь въ основу успѣшной реформы акціонернаго законодательства.

Еще въ іюлѣ 1860 года, министерство внутреннихъ дѣлъ разослало

циркулярное предписание губернскимъ начальствамъ, въ которомъ, на основаніи высочайше одобреннаго предположенія, поручало *предложить* городскимъ обществамъ войти въ соображеніе объ образованіи изъ среды себя общественныхъ пожарныхъ командъ. Пожарная часть, находясь въ настоящее время въ завѣдываніи полиціи, требовала большихъ суммъ на свое содержаніе и, кромѣ того, никогда не была въ исправности, какъ по малочисленности пожарной прислуги, такъ и по неспособности ея къ своему назначенію. Министерство указало на опытъ г. Осташкова, Тверской губерніи, гдѣ уже, съ начала нынѣшняго столѣтія, существуетъ *общественная команда, устроенная свободною дѣятельностью мѣстныхъ обывателей*. Преобразование сдѣлалось окончательно необходимымъ по причинамъ, заключающимся въ правительственныхъ распоряженіяхъ 1860 года: 1) объ уменьшеніи до одной третьей части размѣра страхового сбора съ имущества, изъ суммъ котораго, съ 1853 года, поддерживается въ 33 городахъ пожарная часть; 2) о предназначеніи къ совершенной отбѣгѣ этого сбора, и 3) о прекращеніи комплектованіи пожарныхъ командъ нижними воинскими чинами. — Большинство городовъ, не согласившихся на принатіе новыхъ пожарныхъ командъ, основывало свое несогласіе на томъ, что новая система не можетъ осуществиться за отлучками будтобы обывателей на сторону для заработковъ и потому еще, что она требуетъ на свое содержаніе увеличенія расходовъ, тягостныхъ, для бѣдныхъ средствами городовъ и обывателей. Вотъ, напримѣръ, Кіевское общество, приговоромъ 27 іюля 1860 года постановило, что оно не имѣетъ средствъ къ содержанію въ постоянной исправности общественной пожарной части за обремененіемъ разными повинностями, и въ-особенности квартирною; что рѣшительно не ожидаетъ отъ пожарной команды тѣхъ быстрыхъ и благоразумныхъ дѣйствій, какія свойственны настоящей полицейской, *подчиненной ближайшему надзору начальства*, и наконецъ, что Осташковъ, по ровному своему мѣстоположенію, малому пространству и незначительному народонаселенію, не можетъ служить примѣромъ для Кіева. «Такъ разсуждали Кіевскіе граждане, въ 1860 году; съ тѣхъ поръ многое совершенно переиѣнилось, и повзросло. Уже въ 1861 году въ 226 № *Московскихъ Вѣдомостей*, уведомяли о предположенномъ въ Кіевѣ преобразованіи пожарной части и учрежденіи пожарнаго комитета; при чемъ выражены положительныя надежды, что при управленіи пожарною частью комитетомъ, сумма расходовъ уменьшится на весьма значительную цифру. Въ самомъ дѣлѣ, на

осташковскую пожарную команду, состоящую изъ *ста* человекъ, выбранныхъ отъ общества, съ 50 лошадьми, ежегодно расходуется — на ремонтъ инструментовъ и сарая для нихъ — всего только 64 рубля сер.

Въ г. Осташковѣ, пожарную повинность несутъ городскіе обыватели всѣхъ сословій; въ команду выбираются, по добровольному согласію, лица податныхъ и купеческихъ сословій на неопредѣленное время, и такъ дорожатъ своею службою, что до-сихъ-поръ не бывало еще примѣра, чтобы кто-нибудь уклонился отъ выбора, или отказался принять его. *Жалованья не получаютъ*, но купцы освобождаются отъ военного поста, разложеннаго между собою другими домовладѣльцами изъ купечества, а мѣщане — отъ плетеза лично за себя податей, оплачиваемыхъ за нихъ мѣщанскимъ обществомъ. Являются на пожаръ кому въ чемъ пришлось — формы не полагается. Командою управляютъ два брантмейстера изъ тѣхъ же обывателей, служащіе также безвозмездно. Городской голова и члены Думы являются не только распорядителями на пожарахъ, но и первые подаютъ примѣръ личнымъ участіемъ въ тушеніи его. Лошади для команды доставляются городскими обывателями, *безъ различія званій и сословій*, обязанными къ тому подпиской. Полиція во внутреннія распоряженія и дѣйствія пожарной команды не вмѣшивается.

Отъ первоначальныхъ издержекъ на покупку инструментовъ города избавляются, такъ-какъ правительство не только передаетъ обществу существующій обозъ, но отпускаетъ на пополненіе его деньги изъ суммъ страхового сбора (цирк. М. В. Д. 21 мая 1861 г.) Слѣдовательно, общества, на которыя расходы по содержанію командъ падали налогомъ, остаются теперь въ чистомъ денежномъ выигрышѣ, потому-что пастоящія издержки составляютъ самую пустую сумму.

Въ Осташковѣ теперь не боятся большихъ пожаровъ: они обыкновенно прекращаются въ самомъ началѣ, — между-тѣмъ какъ полицейскія команды комплектуются изъ разряда неспособныхъ нижнихъ чиновъ, и они дѣйствительно, большею частію, неспособны къ выполненію довольно нелегкой пожарной службы.

Непосредственно къ изложенному нами вопросу примыкаетъ вопросъ объ учрежденіи *общества взаимнаго страхованія*, предложенный также министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Нѣкоторыми домовладѣльцами въ Кіевѣ, по словамъ Кіевского Телеграфа (№ 19), подготовленъ уже предварительный планъ проекта объ учрежденіи такого общества на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ: по соображенію, стоимость обывательныхъ не-

движимыхъ имуществъ г. Кіева, цифра страхуемаго капитала достигнетъ не менѣе 20 милліоновъ р. ф.; опредѣливъ съ этого капитала премію взноса съ тысячи р. по три рубля, общій сборъ съ Кіевскихъ владѣльцевъ составитъ 60 тысячъ въ годъ. По частнымъ свѣдѣніямъ, пожарные убытки въ Кіевѣ по десятилѣтней сложности доходили ежегодно до 20 тысячъ; если отчислить 10 тысячъ на Правленіе, то будетъ ежегодно оставаться 30 т. р. запаснаго капитала, который черезъ десять лѣтъ возрастетъ до 300 тысячъ—сумма болѣе нежели достаточная, для Кіева. Такъ-какъ въ Кіевѣ только $\frac{1}{12}$ часть зданій составляютъ каменные строенія; всѣ же прочія деревянные, а въ отдаленныхъ кварталахъ даже крытыя соломой, то нѣкоторые домовладѣльцы предполагаютъ установить премію взноса, одинаковаго для каждаго изъ трехъ разрядовъ домовъ, т. е. мало-опасныхъ, средней опасности, и наиболѣе опасныхъ; этииъ способомъ надѣются согласить городское сословіе и постановить взаимное страхованіе обязательнымъ по доступности малого платежа преміи. Для того же, чтобы въ нѣкоторой степени достигнуть уравнительности и дать преимущество однимъ передъ другими, при уплатѣ страховаго капитала за пожарные случаи, преимущество разлагать въ слѣдующемъ раздѣлѣ:

1-й разрядъ, менѣе опасные, вычитать	
3% т. е. за 1000 р. выплачивать	930 р. ср.
2-й разрядъ, средней опасности, вычитать	
10% т. е. за тысячу рублей выплачивать	900 — —
3-й разрядъ, болѣе опасный, вычитать	
20% т. е. за тысячу рубл. выплачивать	800 — —

Съ домовъ, оцѣненныхъ менѣе ста р. ср. никакой преміи не опредѣлять, а въ случаѣ пожара и достаточности запаснаго страховаго капитала, выдавать каждому по 75 р. въ видахъ пособія бѣднымъ своимъ собратамъ. — Слухъ носится, заключаетъ корреспондентъ г. Горобецъ, что скоро назначатъ городское собраніе, которое дастъ положительное заключеніе, на какихъ основаніяхъ пожелаетъ учредить взаимное отъ огня застрахованіе недвижимыхъ имуществъ. — Какъ важенъ вопросъ объ обезпеченіи имуществъ отъ опасности—это понятно каждому. Можно надѣяться, что хоть этотъ вопросъ не будетъ брошенъ на полдорогѣ, безъ разрѣшенія

Въ настоящее время, весьма многіе видятъ спасеніе въ устройствѣ *Земскихъ Банковъ*. Къ-счастью, проэктированный Комиссіей законъ по этому предмету обнимаетъ всякого рода банки, занимающіеся поземель-

вымъ кредитомъ, не связываетъ ихъ устройства никакою напередъ установленною нормою и не стѣсняетъ никакими ограниченіями свободы кредитныхъ операций банковъ. Провительственныя мѣры, указываемыя Коммиссіею, должны заключаться въ устраненіи разныхъ препятствій къ устройству и дѣятельности частныхъ банковъ, къ которымъ, по мнѣнію Коммиссіи, необходимо окончательно перейти отъ прежней системы казенныхъ банковъ.

Впрочемъ, пока-что, а свеклосахарнымъ заводчикамъ Кіевской, Подольской и др. губерній открыть уже кредитъ въ кіевской конторѣ банка. Предложено было принять слѣдующую временную мѣру, кажется, при посредствѣ М. А. Грабовскаго: 1) предоставить свеклосахарнымъ заводчикамъ пользоваться кредитомъ не иначе, какъ подъ учетъ векселей на принятыхъ въ государственныхъ банкахъ правилахъ; 2) для разсмотрѣнія кредита тѣхъ изъ свеклосахарныхъ заводчиковъ, которые обратятся въ контору за ссудами на общихъ правилахъ, постановленныхъ для учета векселей, образовать при кіевской конторѣ учетный комитетъ изъ управляющаго и нынѣшнихъ директоровъ отъ дворянства и купечества в назначеніемъ въ оныхъ двухъ или болѣе членовъ отъ свеклосахарныхъ заводчиковъ по соглашенію г. генераль-губернатора съ мѣстнымъ губернскимъ предводителемъ дворянства; 3) предоставить управленію государственнаго банка снабдить кіевскую контору какъ потребными для этой операціи суммами, такъ и надлежащею, по производству оной, инструкціею.

Къ-сожалѣнію, мы почти ничего не слышимъ объ устройствѣ у насъ сельскихъ банковъ, которые, намъ кажется, необходимы не менѣе по-собія свеклосахарнымъ заводчикамъ. Извѣстно, что крестьянину каждый занятый рубль обходится въ три-дорога.

Въ апрѣльской книжкѣ *«Сельскаго хозяйства»* помѣщена статья *«Воздѣлываніе кукурузы (пшенички)»*, какъ источника богатства Южной Россіи, К. Флейшманна. — Считаемо полезнымъ обратить на нее вниманіе нашихъ хозяевъ. — Достоинство кукурузы состоитъ, главнымъ-образомъ въ томъ, что она — одно изъ плодovitѣйшихъ хлѣбныхъ растений и содержитъ въ себѣ наиболѣе питательнаго вещества. Стоимость

годового сбора ея въ Соединенныхъ Штатахъ простирается до 400 милліоновъ рублей. Чѣмъ глубже вспахана земля, тѣмъ обильнѣе урожае кукурузы, впрочемъ она хорошо родится и на не слишкомъ хорошо разработанной почвѣ. Въ странахъ, гдѣ недостатокъ въ сѣнѣ или соломѣ, кукуруза вполне замѣняетъ ихъ. Для этого кукурузныя растенія срубаютъ въ то время, когда колосья начинаютъ уже созрѣвать, но пока листья еще зелены; по срубкѣ ихъ оставляютъ на полѣ, гдѣ они и сушатся. Въ другихъ же мѣстахъ на сѣно употребляютъ одни листья, оставляя колосья на стеблѣ, а приступаютъ къ жатвѣ на досугѣ, мало по малу, такъ что окончательная уборка можетъ продолжаться до поздней осени. Весьма много кукурузы употребляется на водку. Этимъ растеніемъ при помощи нѣкоторыхъ приѣмовъ откармливаютъ свиней и рогатого скота, мясо которыхъ дѣлается отъ него весьма вкуснымъ и жирнымъ. Лошади охотно ѣдятъ кукурузу и дѣлаются отъ нея сильны и крѣпки. На крахмалъ тоже употребляется большое число кукурузы; отдѣляющееся черезъ броженіе, масло можетъ быть употребляемо на куреніе вина или на смазку машинъ, а стебли и корни ихъ даютъ хорошее топливо. Южная и юговосточная Россія въ особенности благопріятны для разведенія кукурузы, и это растеніе должно бы сдѣлаться здѣсь однимъ изъ главныхъ хлѣбовъ, тѣмъ болѣе, что оно свойственно именно такимъ странамъ, которыя подвергаются болѣе или менѣе продолжительнымъ засухамъ — обстоятельство, котораго ни одно хлѣбное растеніе не переноситъ легче кукурузы. Земледѣіе только тогда будетъ выгодно, когда наименьшимъ числомъ рабочихъ будетъ извлекаться наибольшая масса произведеній, которыя (имѣя въ виду отпускную торговлю) будучи скоро и дешево доведены до наибольшаго объема, сдѣлаются удобными къ перевозкѣ. Эта задача вполне разрѣшается воздѣлываніемъ кукурузы и новымъ способомъ обработыванія полей на нижеслѣдующихъ трехъ основаніяхъ:

- 1) Нужна только одна весенняя вспашка полей — періодъ подготовленія ихъ къ посѣву.
- 2) Кукуруза есть плодовитѣйшій родъ землянаго хлѣба; и
- 3) Она заключаетъ въ себѣ весьма много питательнаго вещества и въ особенности пригодна къ откармливанію животныхъ, которыя употребленную ими пищу сами же и переносятъ на рынокъ, то есть, транспортируютъ ее въ наименьшемъ объемѣ.

Воздѣлываніе кукурузы весьма много способствовало быстрому раз-

внѣю и благосостоянію Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ, какъ замѣчено выше, она разводится въ огромномъ количествѣ. Легко понять причину подобнаго вліянія, вспомнивъ многообразное употребленіе кукурузы... Знаменитый, въ сельскохозяйственной литературѣ, Артуръ Юнгъ, въ путешествіи своемъ по Южной Франціи, впервые увидѣвъ воздѣлываніе кукурузы въ большихъ размѣрахъ, воскликнулъ: »Благословенна страна, которая въ состояніи производить растение это въ совершенствѣ!«

— *Коммерческое училище въ Одессѣ.* Государственный совѣтъ мнѣніемъ своимъ высочайше утвержденнымъ 14 ноября положилъ: 1) дозволить одесскому купечеству учредить въ городѣ Одессѣ коммерческое училище, для спеціальнаго образованія лицъ, посвящающихъ себя торговлѣ. 2) Проекты устава и штата сего училища представить при мнѣніи государственнаго совѣта, на высочайшее утвержденіе, и 3) Уставъ и штатъ одесскаго коммерческаго училища привести въ дѣйствіе, въ-видѣ опыта, на пять лѣтъ, предоставивъ министру народнаго просвѣщенія, по истеченіи сего срочнаго времени, войти въ государственный совѣтъ съ представленіемъ или объ окончательномъ утвержденіи означенныхъ устава и штата, или о допущеніи въ оныхъ соответствующихъ указаніямъ опыта измѣненій и дополненій.

— *Лечебница для приходящихъ въ Кіевѣ.* Двѣнадцать молодыхъ врачей предположили открыть въ Кіевѣ, въ центрѣ города, лечебницу для приходящихъ больныхъ. Кромѣ этихъ врачей, при больницѣ будутъ состоять консультанты. Въ Кіевѣ госпитали далеки отъ города, клиника мала и полу-клиника не организована; клиническій матеріалъ, едва достаточенъ для студентовъ; пріемъ больныхъ въ клиникахъ ограниченъ бѣдныхъ людей въ городѣ много, а жилища ихъ иногда за 6—8 верстъ отъ центра города. Все это дѣлаетъ лечебницу нужною и сверхъ того есть надежда, что это дастъ нашей медицинской молодежи охоту и случай къ самостоятельной обработкѣ клинической медицины, которую мы какъ-будто забываемъ среди заботъ о точныхъ медицинскихъ наукахъ. Для доставленія средствъ къ первоначальному заведенію содѣйствовали офицеры забалканскаго пѣхотнаго полка и проф. Эргардъ. Послѣдній, въ пользу новой лечебницы, прочиталъ двѣ публичныя лекціи о нищѣ, ея составныхъ частяхъ, достаточномъ и недостаточномъ количествѣ. Новая лечебница будетъ *вполнѣ частное* заведеніе. Въ пользу лечебницы имѣются въ виду еще публичныя лекціи.

— *Пожаръ въ г. Николаевѣ.* Въ николаевскомъ адмиралтействѣ

сгорѣло 1 февраля большое, двухъ-этажное, каменное, крытое желѣзомъ зданіе, въ которомъ помѣщались мастерскія: мачтовая, шлюпочная, купорная, столярная и парусная. Пожаръ открытъ былъ рано утромъ, но начался, вѣроятно, еще съ вечера и, какъ полагають, отъ печки, примыкавшей близко къ балкѣ. Въ 10 часовъ утра уже торчали однѣ обгорѣлыя стѣны да мѣстами горѣлъ еще полъ да остатки балокъ. Потушили окончательно только на слѣдующій день. Всѣ принятыя мѣры не могли спасти зданія; о пожарѣ узнали совершенно случайно, по дыму выходявшему изъ трубъ зданія, на разсвѣтѣ, когда мастерскія были заперты; когда въ тоже время отворены были двери, чтобы войти для осмотра случившагося, то уже все зданіе изъ конца въ конецъ, было наполнено дымомъ; такъ-что изъ числа бросившихся въ парусную мастерскую, одинъ человекъ задохся и былъ вытасченъ уже мертвымъ. Кромѣ того, во время пожара два человека были ушиблены упавшимъ камнемъ. Большая часть матеріальнаго имущества мастерскихъ спасена и всѣ они, перейдя подъ другія временныя кровли, продолжаютъ свои работы обыкновеннымъ порядкомъ. Изъ окружающихъ предметовъ все осталось цѣло; уцѣлѣлъ даже и сосѣдній деревянный сарай съ мачтовымъ лѣсомъ. Дѣйствительная причина пожара, кажется, еще не дознана.

— *Самокатъ или Духоходъ Ст. Ив. Барановскаго.* Къ извѣстію, сообщенному самимъ изобрѣтателемъ во 2 № *Основы*, мы можемъ прибавить теперь слѣдующее: *самокатъ* или *духоходъ* съ вагономъ двигался по рельсамъ почти съ такою же скоростью, съ какою обыкновенно ходятъ поѣзды желѣзной дороги. Въ этомъ всѣ убѣдились; но вопросъ ставили: *выгодно ли* будетъ замѣнить царь сжатымъ воздухомъ. Теперь еще положительно на этотъ вопросъ отвѣтить невозможно, хотя за изобрѣтеніемъ во всякомъ случаѣ остается та громадная выгода, которую оно можетъ доставить въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вода (пожалуй съ помощію вѣтра) будетъ сгущать воздухъ, не требуя вовсе никакого топлива — мы постараемся, говоритъ авторъ «Современнаго Обзорѣнія» апрѣльской книжкѣ Морскаго Сборника, передать картину развернутую Барановскимъ на лекціи передъ своими слушателями. Вообразите себѣ большой городъ, на окраинѣ котораго, гдѣ нибудь на быстрой рѣкѣ или около водопада построены воздухо-сжимательный заводъ; на немъ сгущають воздухъ тремя способами: вѣтромъ, если онъ дуетъ, водою, и наконецъ, *если только этихъ двухъ силъ недостаточно* — паровою машиною, такъ что на заводѣ всегда есть запасы сжатого воз-

духа. Этотъ послѣдній посредствомъ большихъ трубъ проведенъ какъ газъ, во всѣ части города: на фабрика, въ адмиралтейство, на пристави, на станціи желѣзныхъ дорогъ — и вездѣ расходятся по мѣрѣ надобности, тщательно обозначая въ каждомъ мѣстѣ особою машиною израсходованное количество... Неправда ли картина очень завлекательна и предметъ по видимому, заслуживаетъ полнаго вниманія какъ специалистовъ, такъ и лицъ могущихъ матеріально помочь производству дальнѣйшихъ опытовъ. Повторимъ вѣстѣ съ г. Барановскимъ, что *все великое должно быть сначала малымъ и идти постепенно...* Читателямъ, интересующимся ближе познакомиться съ изобрѣтеніемъ, мы рекомендуемъ во-первыхъ статью самого изобрѣтателя, помѣщенную въ 4 № Морск. Сборн. за 1859 годъ, и во-вторыхъ статью г. Кузминскаго «Духоходъ» въ 4 № Морскаго же Сборника за настоящій годъ.

— *Предложеніе о заселеніи Крыма.* Въ Оѣдооссійскомъ журналѣ «Радуга» пишутъ; «Богемскій землевладѣлецъ *Іоанъ Арцтъ* въ письмѣ къ начальнику Таврической губ., заявилъ о желаніи переселиться въ Крымъ, въ окрестности г. Симферополя, 10-ти тысячъ чеховъ (богемцевъ) и *моравовъ*, готовыхъ жить на помѣщичьихъ земляхъ или приобрести для себя земли покупкою. Таврическій губернаторъ сообщилъ г. Арцту въ отвѣтъ, что для вѣрнѣйшаго усилѣа въ столь важномъ дѣлѣ необходимо прибыть сюда ему самому, вѣстѣ съ депутатами, для личнаго осмотра и выбора подъ поселеніе земель и для заключенія условій съ тѣми изъ землевладѣльцевъ, земли которыхъ они пожелали бы занять. Въ то же время губерскій предводитель дворянства здѣшней губерніи, г. *Взметневъ*, распорядился о томъ, чтобы сдѣлать предложеніе Арцта извѣстнымъ помѣщикамъ, владѣющимъ мѣстами въ Крыму и въ-особенности въ окрестностяхъ Симферополя. на тотъ конецъ, чтобы желающіе принять преселенцевъ могли заблаговременно обсудить это дѣло, и, по явкѣ изъ Богеміи и Моравіи депутатовъ, безъ потери времени приступить къ заключенію обоюднo выгодныхъ условій за право пользованія землею. Причемъ г. *Взметневъ* выразилъ съ своей стороны мнѣніе, что заявленное Арцтомъ желаніе 10-ти тысячъ чеховъ и моравовъ переселиться въ Крымъ чрезвычайно благопріятно для дворянъ-помѣщиковъ, земли которыхъ, лежащія въ настоящее время впустѣ на всемъ полуостровѣ и не приносящія дохода, могутъ быть заселены и приносить доходъ; и потому просилъ гг. уѣздныхъ предводителей дворянства поставить объ этомъ въ извѣстность землевладѣльцевъ, предложивъ имъ заблаговременно

обсудить, на какихъ условіяхъ, выгодныхъ для обѣихъ договаривающихся сторонъ, желаютъ они принять переселенцевъ изъ Богеміи и Моравіи на свои земли, видя въ виду ту очевидную пользу, какой должно ожидать отъ такого заселенія. Объ отзывавъ же помѣщикавъ съ подробнымъ объясненіемъ условій, просилъ сообщить ему своевременно, чтобы по прибытіи депутатовъ изъ Богеміи и Моравіи онъ былъ готовъ, не теряя времени, указать имъ землевладѣльцевъ, желающихъ вступитъ съ ними въ переговоры касательно водворенія ихъ соотечественниковъ на крымскомъ полуостровѣ.

ВІСТІ.

ПОДОЛЬ.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ МИРОВАГО ПОСРЕДНИКА.

III.

Въ *Говорахъ* я знакомился со всѣми селами говорскаго имѣнія графа И. С — го, — молодого человѣка, почти только-что вышедшаго изъ аудиторіи лица и уже знакомаго съ европейскими улицами, какъ я знакомъ съ мѣстами осламовскими, слѣдовательно, я не безъ причины вѣзжалъ во дворъ говорскаго палаца въ самомъ веселомъ расположеніи духа. И дѣйствительно, громады встрѣтили меня съ тѣмъ спокойнымъ видомъ, который уже показывалъ, что собрались они только на выборы. Одно мнѣ странно—съ самого начала,—это то, что помѣщикъ нисколько не интересовалъ этотъ первый актъ жизни громадъ, какъ общество съ правами гражданскими,—тѣмъ болѣе казалось это страннымъ, что молодой человѣкъ, какъ мнѣ извѣстно, жестоко скучалъ въ своемъ дворцѣ, занимаясь, въ одиночествѣ, постояннымъ *saq niente*. Выписываетъ онъ «*Patrie*», но и эта единственная собесѣдница пріѣзжаетъ изъ Парижа для того, чтобы не оставался говорскій дворецъ совсѣмъ безъ журнала: зрѣніе графа такъ слабо, что ему рѣшительно не до чтенія. Чтецы?.. но графъ, вѣроятно, не напалъ еще на мысль обратиться къ чтецамъ.

При графѣ живетъ докторъ его больнаго родственника. Г. Яблоновскому, хотя и совершенно постороннему человѣку, показалось любопытнымъ—присутствовать при крестьянскихъ выборахъ и послушать ихъ первую со мной бесѣду о преобразованияхъ. Мы пошли съ громадами въ садъ и тамъ выбрали самое тѣнистое мѣсто. Вступительная моя рѣчь была прослушана съ большимъ вниманіемъ. На нѣкото-

рия мысли громада и здѣсь отзывалась одобрительнымъ гуломъ. Когда же рѣчь дошла до значенія старосты, его правъ и обязанностей и громада услышала, что должно принять на себя исполненіе повинностей челоуѣка, служащаго больше всего интересу помѣщика,—взрывъ негодованія выразился цѣлымъ потокомъ рѣзкихъ словъ, который полился изъ толпы, стоявшей до того времени въ молчаніи. Въ этомъ шумѣ уже слышалось мнѣ знакомое: «не треба намъ старости! то не треба старости!»

— Чикайте, громадо! не шуміть, не голосіть!.. дайте міні розтолковать діло!

ІІ припаяся я толковать, убѣждать и спорить. Долго, болѣе часу, шло у насъ самое горячее преніе.

— Я самъ розумію, люди добріі, що служба старости, поки ви на паньщпні, виходить службою більшъ на пана якъ на громаду, и якъ попросите графа, щобъ вінъ подарувавъ старостамъ ихъ паньщпну, то, здаеця міні, не повиненъ би вінъ одмовити вамъ въ тімъ. Але, громадо, треба просити. Ходімъ до графа,—и я разомъ зъ вами буду просити.

— «О! якъ пана, то заразъ и просити, а громаду такъ ніколи, не въ чимъ, не просять,—змушують до всѣго.

— ІІі, люди добріі, не для того будемо просити пана, що вінъ панъ, а для того, що на сей разъ хочетця вамъ минути ёго право, а минути ёго право можно тоді, коли вінъ самъ на тое добровольне пристане. Якъ що и панъ потребуе такого, на щд не дае ему законъ права, але на що ви можете згодитись, то тоді и вінъ буде васъ проситъ и я буду помогати ёму, буду проситъ васъ—якъ теперъ буду разомъ зъ вами ёго просити.

— «Ні, ми просити ёго не будемъ. На тое ви, ясний пане, начальшикъ, щоби робити якійсь роспорядокъ... Ми удаемося до васъ, просимо васъ, а ви вже прикажіть, щобъ було по—справедливости.

— Якъ панъ вашъ не схоче пристати на що-небудь такее, на щд ви маєте право по закону, то тоді удайтеся до мене и я запотрібую відъ пана якъ—слідъ по закону, и не буду ёго просити, не буду навіть питатись, чи ёму добре съ тімъ, чи ні. Бо я приставленъ до закона и мушу дбати объ тімъ, щобъ усякій законъ бувъ ушанованъ. Такъ и теперъ: якъ ви упретесь и не схочете відробити паньщпну за старостівъ, то панъ удастця до мене и я повиненъ буду змусити васъ сповнитъ законъ. Закоць не говорить, щобъ паньщина старо-

сти пропадала, а я знаю, що самому старостові не буде часу її відбувати; та й не годиться йому, старшому чоловікові, виходити на паньську роботу нарівні зь якимсь-небудь хлопцемъ. Коли казенні повинности старостови громада мусить, по закону, прийняти на себе, то повинна прийняти и ёго паньщину, поки тая паньщина не подарована паномъ. А хочете, щобъ вона була подарована:—просить. Най кожна громада вибере заразъ по три депутати; я, разомъ зь сими вашими виборцями, піду до графа и ми, якъ тамъ вінъ собі хоче, а випросимо—таки, щобъ вінъ подарувавъ старостамъ паньщину».

Но громады никакъ не соглашались на мое предложенье. Долго всѣ мои доводи были пустою тратою словъ. Я видѣлъ, что нѣтъ тутъ никакого недорозумѣнья, а просто крестьяне не хотятъ *просить* о томъ, что имъ казалось слѣдуетъ по справедливости сдѣлать безъ просьбы. Наконць кое-какъ поборолъ я упорство и щекотливость громады. Депутація составила и пошла вмѣстѣ со мною ко дворцу. Я прибавилъ шагу, отдѣлился отъ депутатовъ и пошелъ одинъ въ комнаты помѣщика. Хотѣлось мнѣ предупредить его, представить ему всю опасность отказа въ такомъ маломъ, пустомъ для него дѣлѣ. Главнымъ образомъ я боялся за ту громаду, для которой выборы я отложилъ до другого дня по той причинѣ, что на сходѣ явилось меньше половины всѣхъ хозяевъ.

Объжалъ я всѣ комнаты,—нѣтъ нигдѣ помѣщика. Возвращаюся назадъ,—встрѣчаю одного изъ лакеевъ.

— Гдѣ графъ?

— Графъ кажется здѣсь...

— Тутъ нѣтъ его нигдѣ. Пожалуйста, поищите. Скажите, что я хочу его видѣть.

Лакей бросился въ одну сторону, потомъ въ другую; наконецъ побѣжалъ на верхъ по неизвѣстной мнѣ лѣстницѣ. Возвратившись назадъ, объявилъ мнѣ, что графъ наверху,—сейчасъ придетъ.

Съ полчаса я ходилъ, взадъ и впередъ, по комнатѣ. Нѣтъ его сіятельства.

— Подите, пожалуста, къ графу,—скажите, что я и громада просимъ его сюда на нѣсколько минутъ,—сказалъ я снова лакею.

И опять прождалъ я съ четверть часа. Потерявъ наконецъ терпѣнье, я попросилъ провести меня наверхъ.

Засталъ я графа занятого разборомъ хлама, который когда-то представлялъ собою бібліотеку.

— А я здѣсь вожусь все съ книгами,—заговорилъ графъ идя ко мнѣ на встрѣчу:—хочу привести ихъ въ какой-нибудь порядокъ. Право, есть нѣкоторыя книги довольно интересныя.

Обидѣться я не могъ: голось, взглядъ, движенія хозяина были таковы, что я считалъ себя достаточно отомщеннымъ.

— Васъ ждетъ депутація крестьянъ,—сказала я улыбаясь:—она хочетъ просить васъ, графъ, объ одной маленькой уступкѣ.

Лицо помѣщика выразило еще большее безпокойство.

— Считаю пужнымъ предупредить васъ, графъ, рассказать вамъ, какимъ образомъ они пришли къ мысли просить васъ.

Я наскоро рассказалъ, въ какомъ громада была волненіи и какъ трудно было мнѣ уговорить ее идти просить. Наконецъ, представляя необходимость этой маленькой уступки, я прибавилъ:

— Если вы, графъ, откажете имъ, то очень можетъ быть они откажутся отъ старостъ и мы изъ-за такой бездѣлицы будемъ имѣть большія хлопоты. Въ Пяликовцахъ самый выборъ старосты придется дѣлать съ помощью полиціи. Къ тому же, надо вамъ сказать, въ другихъ селахъ помѣщики почти вездѣ отказываются отъ панщины за старосту. Да и въ самомъ дѣлѣ, старостѣ столько придется бѣгать, хлопотать изъ-за вашего интереса, что не грѣхъ бы было... сдѣлать ему что-нибудь. Если потомъ, когда уже станетъ онъ исправлять свою должность, захотите вы подарить ему что-нибудь,—подарокъ вашъ можетъ показаться взяткой... теперь же, отказываясь отъ его барщины, вы дарите ее громадѣ, а, главное, дѣлаете то, о чемъ васъ просятъ.

Графъ, улыбаясь и поправляя рукою волоса, проговорилъ:

— Чтожъ, надо подарить... придется подарить.

— Пойдемте же.

— Идемъ.

Мы сошли въ низъ.

На дворѣ передъ крыльцемъ стояла полукругомъ депутація всѣхъ сель, но за депутаціей, тоже полукружіемъ, стояла уже и громада всѣхъ сель.

Началась сцена довольно забавная. Помѣщикъ, поздоровавшись съ громадою и какъ бы не зная, что передъ нимъ стоитъ депутація, ожидавшая его выхода, сталъ распрашивать (разумѣется, по-польски) о томъ и о сѣмъ.

— Кого выбрала *Говорская* громада?

— Михайла Копаньчука, ясный пане.

— А! это тотъ, что *сидить* тамъ, на горѣ, возлѣ того... какъ его...

— Ні, вельможный графе: ёго хата тутечки въ улиці, щѣ заразъ за корчмою.

— А! знаю, знаю.

Депутація, отвѣсивъ поклонъ, начала-было говорить свое.

— А *забаразновецкіе* кого выбрали?—прервалъ графъ.

— Игната Подлісного. .

— Ага, знаю:—это тотъ, что недавно перестроилъ хату.

— Ні, вельможный графе:—я не перекладавъ ще хати.

— Какъ же это! помнится мнѣ...

— То, мабуть, вельможный графъ думаютъ про того, що...

— А *браиловскіе* кого выбрали?

— Мене, вельможный графе!

— А!—ну, поздравляю, поздравляю тебя...

Депутація, пользуясь минутой молчанія, снова отвѣсила поклонъ и на этотъ разъ успѣла—таки проговорить половину своей короткой рѣчи.

— Вотъ хорошо, что вы теперь тутъ все собрались, прервалъ графъ:—я хотѣлъ поговорить съ вами. Панъ комисаръ (*) жалуется, что нѣкоторые изъ васъ не слушаются, поздно выходятъ;—на паньщину: это нехорошо, этого прежде за вами не водилось.

— Здаеця намъ, що не повинно бѣ бути въ насъ такихъ, щѣбъ не слухали.

— Ну, а вотъ комисаръ говоритъ, что есть... Я предупреждаю васъ, что если только будетъ какое нибудь непослушаніе, то я поссорюсь съ вами... Гдѣ панъ комисаръ?... Попросите сюда пана Лисневича!...

Лакеи бросились во все стороны.

Депутація, снова пользуясь минутою общаго молчанія, отвѣсила поклонъ и заговорила. На этотъ разъ ихъ рѣчь была поддержана и громадою, которая, подаваясь мало по малу впередъ, почти смѣшалась съ своими депутатами.

Выслушавъ до конца просьбу, графъ отвѣчалъ:

— Я подумаю объ этомъ.

И началъ графъ опять говорить о совершенно постороннихъ вещахъ.

(*) Главноуправляющій.

Въ первый удобный моментъ громада воротилась къ своему дѣлу. Тутъ ужъ и я присоединилъ свой голосъ.

Графъ по прежнему отвѣчалъ, что подумасть, и сталъ поминутно оглядываться во все стороны, спрашивая, пошли ли за управляющимъ?

Когда пришелъ управляющій, графъ взялъ его на сторону и долго говорилъ съ нимъ шопотомъ. Наконецъ, обратился къ громадѣ:

— Черезъ двѣ недѣли я буду объѣзжать съ паномъ комисаромъ все фольварки и тѣмъ громадамъ, которыя будутъ до того времени во всемъ исправны, послушны, — тѣмъ громадамъ... я... можетъ быть и подарю барщину старосты. А теперь подождемъ съ этимъ дѣломъ. Вотъ панъ комисаръ говоритъ мнѣ, что въ послѣднее время одна только Брацловка оставалась попрежнему исправною, послушною, спокойною... Спасибо вамъ, брацловская громада, спасибо!... Я, чтобы отличить васъ отъ прочихъ, хочу вамъ что нибудь сдѣлать... Приходите... да, приходите въ пятницу, или итъ, — въ субботу... впрочемъ лучше въ пятницу, приходите въ пятницу въ лѣсъ; тамъ будетъ въ это время эконома и панъ комисаръ.. и я выѣду... приходите же въ пятницу, — я вамъ позволю набрать по немногу *сушнику*... разумѣется, безъ сокры... Смотрите же, чтобы ни у кого не было сокры... Боже сохрани, если найдутъ у кого-нибудь сокры.

Панъ-комисаръ, объясняя всемилостивѣйшее одолженіе графа, растолковалъ брацловецкой громадѣ съ безукоризненной ясностью всю ненужность присутствія сокры при собираніи въ лѣсу сушника подъ надзоромъ эконома, комисара и самого графа.

Я, не дожидаясь уже конца этой забавной сцены, поѣхалъ на другіе выборы.

Потомъ г. Лисневичъ, рассказывая мнѣ о безпорядочности нашихъ крестьянъ, говорилъ:

— Ну, вотъ вы были свидѣтелями, какъ самъ графъ объявилъ брацловецкой громадѣ, что въ такой-то день могутъ придти въ лѣсъ и набрать себѣ топлива. Что же вы думаете, собрались они въ тотъ день?... десять, много пятнадцать человекъ пришло!..

Да, чрезвычайно странные люди — наши крестьяне, — думалъ я смѣясь.

Въ Плишковцахъ громада рѣшительно отказалась выбирать старосту и не соглашалась даже собраться на сходъ такъ, что я принужденъ былъ послать на сходъ становаго пристава. Графъ былъ чрезвычайно опечаленъ, можно сказать — обиженъ. Онъ поблѣднѣлъ... потомъ

вскипѣлъ и проговорилъ съ негодованіемъ: «Ну, стоитъ ли послѣ этого дѣлать имъ добро?.. Нѣтъ, я все больше и больше убѣждаюсь, что чѣмъ лучше для нихъ дѣлаешь, тѣмъ они неблагодарнѣе... Ничего, ничего не стоитъ для нихъ дѣлать!...

Въ Великомъ Поросятковѣ, по окончаніи волостныхъ выборовъ, г. Ганицкій пригласилъ къ себѣ всѣхъ выборцовъ на закуску. Гостеприимная хозяйка была очень рада случаю, а проголодавшіеся выборцы—еще болѣе. Между прочимъ, хозяинъ, заговоривъ о выбранныхъ волостныхъ судьяхъ, высказалъ свое удивленіе: почему громада не выбрала человѣка, бывшаго въ Поросятковѣ судьей безсмѣнно болѣе пятнадцати лѣтъ? Этотъ человѣкъ былъ тутъ же. Услыхавъ, что рѣчь идетъ о немъ, онъ отвернулся въ сторону, махнулъ рукой и проговорилъ:

— Нащо имъ мій розумъ! то колись старі вчили молодихъ, а теперъ вже молодні вчать старихъ!

— Нащо такъ говорите, перепрошаю васъ,—отозвался стоявшій возлѣ него рослый крестьянинъ.—Вп, діду, не кривдуйтеся тимъ, що ми васъ не вибрали, бо ми не безъ причини васъ обличили. Теперъ, уважайте, нові настають порядки,—потребують безпримінно и новихъ людей...

— Якъ вамъ, пане Адольфе, подобаетця увага сѣго чоловіка?—спросилъ я хозяина.

Въ нѣкоторыхъ селахъ бесѣда на сходѣ шла чрезвычайно ровно и, большею частью, держалась только того предмета, который вызвалъ сходъ. Въ этихъ селахъ преобразование не казалось преобразованиемъ, а выходило просто нѣкоторымъ расширеніемъ личныхъ правъ крестьянъ; что жъ касается до матеріальнаго ихъ быта, то онъ оставался почти безъ измѣненія. Правда, и тутъ вырывались иногда изъ толпы вопросы, которые иной назвалъ бы странными, неприятными, а пожалуй увидѣлъ бы въ нихъ и черную неблагодарность крестьянина. Но, помоему, эти вопросы не должны казаться ни странными, ни даже неприятными. «Дежъ тая воля?» «Яка жъ то переміна?» «Що жъ тутъ лишного?» «То й лісь зостаецця паньськимъ?» Эти, и

подобные вопросы показывали ясно, что громады исполняли повинности перед своими помѣщиками такъ, какъ будутъ они исполнять ихъ и теперь, но уничтоженіи крѣпостнаго права,—этого страшнаго меча, который могъ разсѣкать самую крайнюю невозможность. Вѣдь надо же помнить, что всякая громада есть частица той массы, которая лжуетъ и кричитъ, что ей будетъ теперь лучше.

— Ліпше?

— А вжежъ.

— Всімъ ліпше?

— А вжежъ,—всімъ.

— Чому жъ намъ нема нічого ліпшаго?

— Бо вамъ и до сѣго часу було добре.

— Дѣ тамъ добре!...

И послѣднее замѣчаніе говоритъ не крестьянинъ Иванъ, а просто Иванъ и Иваны всевозможныхъ видовъ и со всевозможными прозвищами и должностями. Не къ чему было толковать имъ, что теперь вы имѣете такія и такія права, а вашъ помѣщикъ уже не имѣетъ надъ вами такихъ—то и такихъ—то правъ.... Гражданскія права еще не представляютъ теперь значенія для всякаго крестьянина, особенно въ томъ селѣ, гдѣ помѣщикъ жилъ какъ просвѣщенный человѣкъ, а не какъ либеральный падишахъ.

Въ *Дашковцахъ*, на сходѣ, при одномъ случаѣ, особенно рѣзко высказалось то недовѣріе къ нашему брату—*пану*, которое во многихъ другихъ селахъ высказывалось на каждомъ шагу. Громада, представляя мнѣ человѣка, котораго она уже рѣшила выбрать въ старосты, говорила, что нечего тратить время на балотировку, потому что «на нѣго пристають всі до одного.» Но я, желая исполнить хоть какую-нибудь формальность выборовъ, предложилъ выбиравшимъ поднять руки. Ни одна рука не подымалась. Я думалъ, что меня не разслышали и повторилъ предложеніе. Руки все-таки не подымались и громада молчала.

— Люди добрі! ви жъ кажете, що пристаєте на сѣго чоловіка...

— Всі, всі, всі до одного! закричала громада:—най буде вінъ нашимъ старостою!

— Піднеся жъ руку той, хто вибірає сего чоловіка на старосту.

Я порахую скільки такихъ, що пристають на цѣго, а скільки такихъ, що не пристають.

Ни одна рука не подымалась и видно было, что всѣ чувствовали себя какъ-то целовко, въ щекотливомъ положенніи; переглядывались другъ съ другомъ, поглядывали то на меня, то на помѣщика; переминались съ ноги на ногу; перемѣняли мѣста, особенно стоявшіе впереди.

— Що жъ то значить? чому жъ жоденъ зъ васъ не хоче піднести руки и тимъ способомъ показати міні, що вибирає сѣго чоловіка.

— Та ми жъ кажемо ясному пану, що всі до одного пристаємъ на цѣго,— снова заговорила громада.

— Такъ піднеси жъ руку той, хто пристає!

— Нащо жъ се?

— Щобъ и я бачивъ голосъ кожного зъ васъ. Бо такъ ви говорите міні, що всі пристаєте...

— Всі, всі!

— Ну, добре,— кажете що всі. Але я не могу розпознати, чи всі тое кажуть, чи може є й такі, що мовчать...

— Ні, ні!— нема такого!

— А хто знає,— може й є. Сей чоловікъ стоить до васъ плечима; вінъ не буде бачить, хто підніє руку, а хто не підніє.

— Ми не будемо підносити рукъ; жоденъ не піднесе... Ми всі до одного пристаємъ на сѣго чоловіка, але підносити руку не будемо-жодный.

— Для чого жъ то?

— Але, бійтеся Бога! якимъ способомъ будемо ми тое робити, коли ми не знаємо, на якій то конець?

Долго я толковалъ крестьянамъ цѣль моего требованія, но громада все-таки стояла на своемъ и твердила, что не знаетъ «на якій конець» поднимати руки. Ясно становилось, что громада не вѣрила моему толкованію. Крестьянинъ до этого времени подымалъ руку только передъ евангелиемъ во время присяги и, помнитса мнѣ, что въ другихъ селахъ, когда я предлагалъ такую же форму выбора, то почти у всѣхъ поднятыхъ рукъ меньшіе два пальца были поджаты. Словомъ, въ поднятій руки дашковецкая громада понимала непремѣнно присягу, а присягалъ крестьянинъ всегда на то, что требовалось неизвѣстнымъ текстомъ присяги, прочитываемымъ постороннимъ чело-вѣкомъ и потому теперь, боюсь вѣроятно, чтобы я въ минуту этой

присяги не воспользовался случаемъ и не прочиталъ обязательства, опаснаго для ихъ новыхъ правъ,—они не соглашались поднять руки и говорили: «не знаемъ, на якій то буде конецъ».

— Ну, ежели неподобаєтца вамъ, громадо, такой способъ вибора, то зробимо такъ: тії, що пристають на сѣго чоловіка, идіть сюди, а тії що не пристають—зоставайтеся на місті.

Всѣ разомъ тронулись и перешли на указанное мѣсто.

Въ *Мурованыхъ Куриловцахъ*, коснувшись повинностей передъ помѣщикомъ, я спросилъ громады, исправно ли они отбываютъ барщину. Помѣщикъ сейчасъ же взялъ меня подъ руку, заговорилъ о совершенно другомъ предметѣ и мало по малу просто оттеръ меня отъ толпы крестьянъ. Отойдя со мной всторону, онъ началъ говорить о чрезвычайно исправномъ отбываніи барщины во всѣхъ селахъ его имѣнія.

— Правда,—замѣтилъ помѣщикъ:—въ последнее время были маленькіе грѣшки; но это я объясняю теперешнимъ несчастнымъ ихъ положеніемъ: каждый день, почти каждый день въ прошломъ мѣсяцѣ, они были заняты саранчей—И все—таки она истребила больше половины застѣва, а у многихъ—все до послѣдняго стебля.

Но только—что выбранный старшина, вмѣстѣ со старостами, въ этотъ же день просили меня дать имъ, хоть на первое время, больше власти, нежели предоставлено закономъ, потому, говорили они, что многіе хозяева просто безсовѣстно поступаютъ съ помѣщикомъ. Помѣщикъ почти цѣлую весну не требовалъ барщины, видя, какъ народъ занятъ истребленіемъ саранчи. Потомъ, когда хлѣбъ въ полѣ сталъ дозрѣвать, помѣщикъ предложилъ крестьянамъ хватать прежде свой хлѣбъ, а потомъ уже братья за его помѣщичій. И послѣ всего этого «ѣ багацько такихъ, що жнуть теперь на лапу за гроши, а паньщини не хтять відбутти ані одного дня въ тижню, хоть що—хочъ ёму роби!» И съ какимъ искреннимъ негодованіемъ рассказывали мнѣ все это старшина и старосты! Я еще разъ поговорилъ съ громадами, далъ наставленіе старшинѣ, переговорилъ съ судьями, и уѣхалъ. Черезъ недѣлю въ куриловецкомъ имѣніи по всѣмъ селамъ порядокъ былъ уже возстановленъ. Что же касается до нѣсколькихъ тысячъ прогульныхъ дней,—помѣщикъ не говорилъ о нихъ ни слова. Такимъ образомъ, по возстановленіи порядка, не было и помину о прошломъ. Взявъ въ со-

ображеніє такія условія отношеній поміщика къ крестьянамъ въ куриловецкихъ селахъ, я предвижу, что тутъ дѣятельность моя не пропадетъ даромъ, и потому на эти села я обращаю возможно большее вниманіє и отдамъ имъ возможно-больше своего времени. Первый шагъ вездѣ, во всемъ важень, но начинать, кажется, никому нехочется. Если же мнѣ удастся въ Куриловцахъ вывести трудъ крестьянина изъ болота паньщины, то за Куриловцами пойдуть и другія села.

Григорій Ге.

ЗЪ СТАРИХЪ САНЖАРЪ (Полтавського повіту).

(29 квітня 1862 р.)

Въ *Основі* чимало друковано вістей про городи, и дуже, дуже мало про села,—тоді—якъ *Основа* повинна бути першъ усѣго голосомъ сільского люду, ёго нуждъ, ёго щоденного життя,—повинна обороняти ёго одъ неправдъ и не допускати, щобъ *чужий* духъ, або чужа мова, прокрадаючпсь у села, нікчемничила чисту селянську мову и народне життє. (*) Такъ собі мизкуючи и душею бажаючи запомогти такій недостачі селянськихъ вістей въ *Основі*, ставъ я на тому, щобъ у кожному селі, де доведеться мнѣ бувати, збирати вісті и посилати їхъ до *«Основьянъ»*.

Позавчора довелось мнѣ два дні прожыть у *Старихъ Санжарахъ*. Напшшу, що розвідавъ про сѣ містечко.

Старі-Санжари, въ кінці XVII и на початку XVIII віку, були сотеннимъ городомъ Полтавського полку.—У старихъ ділахъ Полтавського Губернського Правленія мнѣ траплялось находити сліди, що ще въ 1751 року Старі-Санжари звались городомъ; объ тімъ, коли и черезъ що їхъ перейменовано зъ города на містечко—народъ незвістенъ, и я відомости не знаходивъ. И теперъ народъ ділпть Старі-Санжари на три главнихъ кутки: городъ, кріпость и поділгъ.

(*) *Основа*—про всіхъ, про всю громаду, про весь народъ—городський и сільський. Мабуть, в.—п. Переходовець не добре вчитався въ *Основу*; а то бъ не парікавъ на насъ *Ред.*

Сліди кріпости ще є й досі, ще й тепер є глибокий рів, котрий, видно, був колись виходомъ до Ворскли; кругомъ рова йдуть стіни (брустверь); у давнину, стіни були не дуже товсті, а тільки високі, и сама кріпость не була настоящою кріпосттю, а тільки не величкимъ укріпленнемъ зъ півночної, південної и східної сторони. У кріпості колись була и церква св. Миколи. Роківъ зо три назадъ, на місто її, трохи далше и къ полудню, збудовано нову дерев'яну церкву,— того жъ таки святого. Не далеко відъ кріпості—волося и школа. На кутку, котрий зветця кріпосттю—більше пустні ґрунти, и хати дуже рідко; бо зъ сього місця, такъ багацько виселилось людей, що въ Константиноградському повіті заселили ціле село Перещепину; окроме того, багацько виселилось у Кримъ.

Кутокъ, що зветця *городомъ*, заселений густо, більше торговими людьми. Єзъ десятокъ півідь—якихъ дерев'янихъ лавочокъ, біля котрихъ и збирається що—дня дуже—дуже рано торгъ.—Поділомъ звуть кутокъ по—надъ Ворсклою (Санжаровці більше звуть її Рогизною, через те, видно, що на ній росте багацько рогози)—А що за прехороший видъ зъ кріпості на Ворсклу, особливе весною у розлив! Вода повила оксамитні луги и поробилась невелички островки, на котрихъ, якъ золото, сле лопухъ. Наврядъ чи є де другая, така гарна місность, якъ у Ст. Санжарахъ! Хто любить природу, зелені луги, золоті островки, срібні сади вишневі, тому треба побувать у Санжарахъ.

Живуть у Санжарахъ трохи не все козаки; временно-повиннихъ селянъ небагато, а міщанъ ще менше. Козаки—народъ убогий, через те, що мають дуже мало землі. Єсть міжъ ними й богачі—чоловіка 15 або й 20; поробилась вони багачами, деручи зъ своїхъ братівъ, да скуповуючи не—за—що у біднихъ землі. Настає пора платити подушне (на душу приходиться, такъ сказано мні козакам, самий казні 2 карб. 67 коп. да якихсь—то *прибавочнихъ* 1½ карб.): де убогому взяти стілько грошей? отъ и йде вінъ до жида (*), або и до свого брата—багача позичати и платити 20 процентівъ за півроку, або заставить на—упадъ упругъ землі. Такимъ побитомъ и порозживались багачі, та не йде імъ у користь неправдою шажтее: народъ не любить багачівъ, — каже, що вони *здириники* и *нече-*

(*) Жидамъ, по закону, не можна жити у Стар. Санжарахъ; одначе, зъ позволення станового, да сираника, не тільки живуть, а й шинкують,—дурять народъ.

стиці. И справді, кажуть, усі почти багаті козаки під *судомь*. Судовикамъ нема кращої поживи, якъ попадетца підъ судъ багатий козакъ: скільки вінъ переносить імъ, скільки перевозить усячини, такъ и сказати не можна! Я знаю козаківъ, котрі були багатими, а якъ підержали їхъ літъ десять *підъ судомь*, такъ поїшли въ старці...

Знаючи, що Старо—Санжаровська козака волость має на процентахъ у Государственному банку зайвихъ грошей більшъ 2 тисячъ карб., я ставъ радить козакамъ и голові, щобъ завели у себе, по приміру другихъ волостей, *ссудну кассу*. Усі вони одвітали киші, що вони давно вже сѣго й сами бажують, да неможна зробить, бо волость їхъ не въ такому *розряді*, щобъ можна заводити касси, а начальству нема діла до того, якъ гірко біднимъ позичать у багачівъ; начальству аби були *хворменни порядки*. Крімє тихъ грошей, що лежать у банку, Ст. Санжаровська волость має що—року зъ лісівъ, да поля, доходу 1½ тисячи карб., а де вони діваютьца—про те тільки начальство знає!... Балакавъ я зъ волостнимъ головою (чоловікъ розумний, та мабуть хитрий; *чиновникъ*!) щобъ завести у волості больницю, — «больниця, каже вінъ, а особливо лікаръ, або хочъ би підлікаръ, діло дуже потрібне, та неможна завести.»

— Чому? питаю я.

— Багато турбовання?

— Якого?

— Спершу треба, щобъ начальство предписало, а послі треба, щобъ громада згодилась на те; а громада не хоче,—каже, що нехай лучче баби вишптують.—Та ще громада бъ сякъ—такъ, може бъ и згодилась, та мука просить розршення... Отъ, приміромъ сказать: у насъ три ярмарки у селі; одна на Юрія, друга на Пантелимона (27 юля); третія на Семена (1—го сентября). Дві послідніхъ зовсімъ не впору, якъ разъ у робочий часъ. Давно вже мізкуємо прохать, що бъ перемінено на други числа, да боязко, черезъ те, що нікому клопотать у Полтаві, а тамъ якъ піде у Губ. Росправу, то й пиши пропало, або ідъ *да уклонись якъ слідъ* секретареві, да столоначальникові...

Побалакавши ще де про що, ввійшовъ я до громади. Громада збиралась на раду про московський провіантъ, котрий слідовало получить хазяїнамъ за те, що харчували москалівъ. Громада була велика: поприходилили и баби, и молодіци и дівчата. Повівъ я річъ про больницю, про лікара. Правда, спершу стали казать, «що намъ не тре-

ба сѣго нічого, у насъ баби відшепчуть, та костоправи;« а далі зрозумівши діло, стали казати, що ні-за-що нанять лікара, нема грошей.

»Якъ нема? кажу я. Ажежъ ви часто оддаєте провіантъ на церкву: церквей у васъ, хвалить Бога, доволі, ажъ шість; е и лишні, бо дві за штатомъ, и всі церкви не убогіі; ви кращебъ продавали провіантъ, а на ті гроши и завели бъ больницю.«—»Э, э! чому не воно! почулось разомъ зъ усієї громаді,—се такъ!—оддай гроши, то не буде ні грошей, ні больниці! Се вже ми знаємо!...

Роспитуючи дальше, я догадався, що громада ні голові, ні якому начальству своїму не вірить ні на шагъ. А не вірить черезъ те, що голови її псарі, повиучувавшись на московський ладъ и по московськимъ книжкамъ грамоті, да помазавшись *палатськимъ* миромъ, одрізняюця одъ народа, роблятця перевертнями, думають, що вони розумній усієї громаді, та часомъ и обдурюють громаду, кажучи: *»такъ Палата предписала.«*

Била волости заразъ и школа. Зайшовъ я й туди. Крий Боже, що за школа!! Просто не школа, а душення біднихъ дітей. У школі заставъ я 65 хлопцівъ и 8 дівчатъ. Учить їх за плату (100 карб. на рокъ) панотець Одрій Болдовський, котрий наймае уже самъ відъ себе собі підмогача, якогось бурсака. Учять дітей по московськимъ книжкамъ; рідного слова вони не чують. Спитавъ я що бъ указали мні самого давнійшого и самого кращого учня. Мні показали на хлопця Инду, котрий вже четвертий рікъ ходить у школу. Передъ нимъ лежала свящ. исторя; я попрохавъ, щобъ хлопця прочитало: прочитавши про Иосифа, ставъ я прохати, щобъ розказавъ, те, що читавъ. Ні въ зубъ! Тоді давъ я єму прочитати те жъ саме зъ *Граматки* Куліша; хлопця прочитало и розказало якъ слідъ. Другий хлопець, Будлій—читавъ *книжку Наума*. Прочитавъ вінъ мні про видъ землі, и одного слова не розказавъ. Питавъ ще я трохъ хлопцівъ и всіхъ дівчатъ: — те жъ саме! Читає—и нічогосінько не розуміє. Питаю одну дівчину: що таке *плоть* и *дерево*? мовчить, не знає; а дерево, садовину знаєте?—знаю, каже!—Зъ арифметики ще гірше! питаю: 3×4 —знає; а три рази почотвірі—невтне; 4 у 16? знає; а 16 поділити на 4—не знає.—За те, якъ гарно усі знають книжечки на пам'ять!! Питаю: хто бувъ першимъ царемъ у жидівъ? Ніхто не сказавъ; а тільки я промовивъ: скажите мні *о царяхъ*,—заразъ и затрещали: »два сына Самуловы предались лихонству«...

Що жъ то таке ляхонство? питаю—»Не знаємо«—»А хабарі знаєте?—»знаємо!«—Питаю зновъ дівчини: відъ кого родивсь Иусъ Христосъ?—не знає; а якъ сказавъ: розкажіть о рожестві Хріста? такъ зразу и пролепетала напам'ять вповчене зъ книжки.

Пан-отець и его підмогачъ кажуть, що вони бъ ради учить дітей по українськимъ книжкамъ, що відъ такої науки велика бъ польза була, такъ щожъ, коли Палата не предписує. Ради бъ, щобъ діти не вчили всього на пам'ять, а розказували своїми словами, такъ не можна сего робить черезъ те, що якъ приде на экзаменъ палатський чиновникъ, такъ велить, що бъ діти безпримінно вивчали слово въ слово, якъ надруковано въ книжці!

Показали мині самихъ недавніхъ хлопцівъ,—которі ходять зъ Пилипівки й досі гараздъ не вміють азбуки. Учять їхъ по старій методі: *азъ, буки, віді*. Про нову методу пан-отець и не чувъ и ні защо не вірить, щобъ можна дитину за тиждень навчить читати.

Учать ще співать по церковнимъ нотахъ и одну пісню (*для встрічи при приїзді Управляючої Палатою*): »мы тебя любимъ сердечно.«

Діти усі якось залякані; їхъ и лають, и бьють лєнійками и різками и муштрують, щобъ якъ увийде въ школу писарь, або голова, або инший хто, то щобъ усі *разомъ* встати.

Що жъ за диво після сего, що тільки 20 душъ *по волі* ходять у школу, а останні по *приказанію*! що народъ не вірить въ пользу грамоти,—каже: »училище почти 20 літь, якъ заведено, а ні одной душі не навчили до-ладу; въ школі не учять, а мучать?!...

Бідні батьки, бідна дівчора! жалко васъ!... Діти дуже раділи, якъ роздавъ я їмъ насъки книжечки; а чоловікъ зъ шість зъ громади сказав мині: »отъ—коли бъ по такимъ книжкамъ учили, то може бъ и толкъ бувъ,—а то дають ни-відъ-що!«

И таки справді ни-відъ-що! Одинъ школяръ, читавъ при мині книжку: »о *повсемѣстномъ распространеніи грамотности на правственныхъ началахъ*. Питаю: чи знаєш, що читаєш?—»А хто ёго знає, каже; дали що бъ читавъ, такъ и читаю.«

По дорозі въ Санжари заїздивъ я у селі Мачухахъ у школу. Тутъ було 60 хлопцівъ и 10 дівчатъ. Учять пан-отці. Я заставъ отця Михайла Животкова; чоловікъ дуже хороший, діти у ёго смілійші и вдачній відвічають. Жалко, що и въ сій школі ведеться лайка, бійка (не різками) и муштра вставання. И сей пан-отець каже, що покіль

не предпишуть учить по українськимъ книжкамъ, потіль пользи буде мало; бо діти московськихъ книжокъ не понимаютъ, хочъ и учать їхъ на память.—Чи вже жъ—таки, скажемо відъ себе, не прийшла й досі пора додуматця, що корові сідло не пристало?

Олександръ Переходовець.

29 Квітня 1862 р.

ІЗЪ ЛУБЕНСКАГО УЇЗДА, (Полт. губ.)

Повости неутѣшительны. Расскажу все по-порядку. Въ половинѣ февраля отцу случилось быть *на громадѣ*, созванной окружнымъ начальникомъ. К—скимъ, по случаю переноски шершневскаго магазина съ одного мѣста на другое. Лѣтъ десять тому назадъ строился магазинъ нашъ, не при этомъ окружномъ, правда. Когда дѣло зашло о томъ, гдѣ поставить его, громада сказала, что всего лучше *на піску*. Окружному хотѣлось поставить въ болотѣ, гдѣ онъ и поставленъ былъ. Громада возражала, что ему тутъ не мѣсто, что когда его наполнять хлѣбомъ—онъ войдетъ въ землю.—«А, се въ тебе млинъ мабутъ оце стоить, «сказалъ окружный говорившему: такъ магазинъ вітеръ зупняте...» и магазинъ поставленъ—таки тамъ, гдѣ и вы его знаете. Теперь онъ дотого покоробился, что оказалось нужнымъ сдѣлать по—громадському и перенести *на пісокъ*. Дѣло сдѣлано, составлена смѣта на 1915 р. 55 к., объявлены торги въ палатѣ; они, какъ водится, не состоялись и начальство рѣшило перенести его *хозяйственнымъ образомъ*. А вы знаете, какой пріятный трудъ для окружнаго дѣлать дѣло казенное хозяйственнымъ образомъ... особенно, когда у него то и дѣло, что переноска магазиновъ и училищъ по уѣзду съ одного мѣста на другое... Созвана громада въ квартирѣ одного маіора уланскаго полка, квартирующаго теперъ въ лубенскомъ уѣздѣ. Здѣсь окружной объявилъ ей, что такъ—какъ на публичные торги къ подряду никто не явился, то начальствомъ предоставлено обществамъ право сдѣлать переноску хозяйственнымъ образомъ. А потому онъ приказалъ громадѣ выбрать изъ среды себя двухъ состоятельныхъ хазяинівъ, честныхъ и смышленыхъ, которые бы постоянно надсматривали за работами и дѣлали расчеты съ рабочими, получая деньги, по мѣрѣ надобности, отъ волостнаго головы, который будетъ вести счета. Гро-

мада, потолковавши, назвала двухъ козаковъ — З — ка и Данилу Оч—ка. Пока названныя лица протолплись въ хату, окружный держалъ громадѣ рѣчь такого содержания: «Хорошо, что вы переносите магазинъ; вотъ, еслибъ еще перенесли и другой туда же. Я со-вѣтую вамъ сдѣлать подушную раскладку и на переноску этого магази-на: тогдабъ вы заспокоили себя на 25 лѣтъ...»

Для большей ясности я считаю нужнымъ сдѣлать маленькое отступленіе. Квартира маіора была простая козацкая хата съ кінматою. Въ кін-наті оставался маіоръ, въ передней комнатѣ былъ окружный и часть громады, другая часть въ сѣняхъ, а остальные на дворѣ. Окружный не любитъ возраженій, особенно не къ дѣлу. Были примѣры, что на воз-раженія козаку получали оплеухи, или толчки въ лицо. А потому, такъ—называемые хазяініі, изъ опасенія посрамленія передъ грома-дою, или совсѣмъ не ходили на раду, или становились поодаль. Вотъ почему З—ко и Оч—ко не сразу предстали предъ окружного.

З—ко началъ просить объ отѣнѣ громадскаго приговора, такъ—какъ онъ человекъ совершенно одинокій, и для постоянного надсматриванія за работою, долженъ будетъ оставить свое хозяйство. При объясненіи, онъ сказалъ ненарокомъ: «если меня не уволятъ, то лучше мнѣ позвольте самому перенести магазинъ».

— Ахъ ты.... (Позвольте мнѣ не повторять дальнѣйшихъ словъ, сказанныхъ въ гнѣвѣ окружнымъ. Говорятъ, онъ переиѣнился въ ли-цѣ.) — Я четыре года хлопочу объ этомъ, а ты.... чтобъ доказать: ось я З—ко! Понимаешь ли ты, что это казна...

Громада поддержала З—ка: «нехай З—ко самъ, нехай З—ко» — слышалось отовсюду. Окружный ушелъ въ кінмату, З—ко тоже оста-вилъ раду. Громада тоже начала расходиться понемногу. Окружный вышелъ черезъ нѣсколько времени и началъ прежнее; хотѣлъ, чтобы намѣсто З—ка избрали другаго. Громада стояла на своемъ: нехай самъ З—ко... — «Изберите двухъ фундаторовъ, говорю я вамъ...» — Буде вже й того, ваше в—іе, отозвался наконецъ Данило Оч—ко, що збирали фундаторівъ и на Юрища: и двісті карбованцівъ пропало и Юрища не наши...—Вы помните дѣло о Юрищахъ. Это общій вы-гонъ селъ: Шершевки, Еркольца, Вязовки и Марковца. Въ послѣднее десятилѣтіе почему—то, въ луб. уѣздѣ, на общіе выгоны нѣкоторыя села начали предъявлять свои исключительныя требованія. Дѣло обы-кновенно завязывалось займомъ скота другой громады, велось съ тратою громадскихъ денегъ и оканчивалось: оставить попрежнему въ общемъ

владѣніи. Такъ было и съ Юрищами: вязовчане загнали шершевскій скотъ, дѣло пошло въ суды, къ окружному... и 225 р. с. шершевское общество потратило, и вязовчане тожъ... а рѣшено: оставитъ попрежнему въ общемъ владѣніи. Послѣ такого напоминанія, окружному стало неловко.

— И се другой пьяный, сказалъ онъ, не проспався спяну... Оч—ко оскорбился и ушелъ. Громада настаивала на своемъ. Прозвали З—ка; онъ тоже упорствовалъ. — Ну, такъ представьте залогу 600 р. с. — «На що залогъ, сказалъ З—ко, за меня громада поручитця.» — Обидіи (т. е. громады двухъ селъ) «поручимось,» закричали. — «И будете помогать?» сказалъ З—ко. — И будемо помогать. — «Да за что ты берешься, подумай только,» началъ окружный: одни майстрі 500 р. стоятъ будутъ тебѣ, да еще то и то.... началъ онъ смѣту читать... Та ти и коровки попрадаешь, та ничего не зробишь.» З—ко и громада стояли на своемъ. — «Будемъ помогать,» кричала громада: — намъ все рівно, кому не помогать, чи вамъ, чи З—кові; намъ ще лучше своему помогать.» Окружный хотѣлъ, чтобъ О — ко былъ половнищикомъ, послалъ за нимъ; но тотъ, оскорбленный, не явился; что ему ни говорили, онъ не захотѣлъ идти. Окружный уступилъ силъ обстоятельствъ. На другой день явился въ Ш** помощникъ окружнаго — описать имѣніе движимое и недвижимое у З—ка. Описали, а на що? сего й досі ніхто не зна. Мабуть, щобъ знать... Призвалъ З—ка, повелъ по магазину: оце нужно перемѣнить, оце, оце. З—ко слушалъ, слушалъ его, видитъ, что, по его, все нужно перемѣнить, не вытерпѣлъ и съострилъ: «якъ же то перемінишь? поставитъ намісто дубового осинове, або березове, чи якъ?» — Нѣтъ дубовое. — «Якъ дубове то й се годится, воно тільки почерніло.» Онъ сконфузился и ухалъ. Черезъ нѣсколько дней позвали З—ка къ окружному въ Лубны. Чего тутъ не было? и увѣщанія и угрозы... Между тѣмъ З—ко договорилъ майстрівъ изъ шершевскихъ козаковъ, занимающихся постройкою млинівъ. Окружный пріѣхалъ, созвалъ громаду, призвалъ майстрівъ къ магазину, началъ говорить, что они неспособны перенести его. — «Шу чи ви зробите таке крыльце?» сказалъ онъ подконецъ, обращаясь къ Макару, главному майстру. — «Аби матеріялъ, то ще й лучше зробимо,» отвѣтилъ Макаръ. За симъ послѣдовалъ тычокъ кулакомъ въ лицо Макару... Макаръ отступилъ назадъ. Окружный пошелъ въ магазинъ. Голова и майстрі за нимъ; въ главѣ стоялъ не Макаръ уже, а Саміло. Гово-

риль здѣсь окружний, говорять, много о ихъ неспособности и глупости. Но они никакъ не вѣрили ему, а Саміло имѣлъ неосторожность повторить замѣчаніе Макара, за чтѣи его мужичья морда почувствовала прикосновеніе кулака... Вышли изъ магазина—новая сцена. Явился старикъ съ жалобою: »мене зять покинувъ: я ему одпсавъ свою землю, щобъ вінъ живъ зо мною, а вінъ узявши бумагу, пішовъ до свого батька.— «На що жъ ти дававъ ему бумагу? Чомъ ти до мене, або до голови не зайшсвъ, якъ дававъ бумагу... я бъ тобі посовітовавъ...»—Я не въ Лубняхъ дававъ бумагу, а въ Хоролі.—«Отце такъ?»—Въ Лубняхъ багато беруть грошей, а въ Хоролі меньше.—Окружний, не сказавъ ни слова, уѣхавъ...

Дѣло не кончено и до времени моего отъѣзда, хотя есть частныя, словесныя распоряженія готовится къ переноскѣ....

ИЗЪ СЕЛА МЛИНІВЪ (Зіньковського повіту, Полт. губ.).

Якъ виїхати зъ Опшні на Ахтирку, заразъ направо одъ великого шляху стоить невеличке село Млини, Зіньківського повіту. Село невеличке, да знаеме всімъ. Спитайте, чи въ Котелові, чи въ Богодухові, чи у Врублівці—усюди знають Млини. Та якъ и не знати їхъ, коли відсіля постачаютьца миски на всю Харьковщину и на Дінь. Знаемні Млини ще більше черезъ благочестивого протопопа отця Петра Лубьяновського, уже помершого. Багацько у Млинахъ и въ Опшні есть старихъ людей, котрі зазнають Лубьяновського. Та й хто не знавъ ёго? И царъ Олександръ Павловичъ знавъ ёго лично. И знали Лубьяновського не за багацтво, бо вінъ не мавъ его; не по пишностямъ, або роскошамъ якимъ, ні: знали его за розумъ, за ласкавий привітъ до всякого, за щирі его ради. Чи треба було кому позичити якого рубля грошей, чи такъ у якому ділі порадитись—усі йшли до Лубьяновського, якъ до батька. А що, кажуть, за строгий чоловікъ бувъ у церкві,—такъ и сказати не можна! Разъ, кажуть, старого Кочубея звелівъ вивести зъ церкви, за те що розмовлявъ тоді, якъ отець Петро ішовъ зъ *переносомъ*. И довговічний, кажуть, бувъ Лубьяновський. Родився вінъ у 1740 року, більше пятидесяти літъ бувъ священникомъ и благочиннимъ, збудовавъ у Млинахъ хоро-

шу каменну церкву; діждався внуківъ и правнуківъ и вмеръ підъ девеносто літъ.

Отожъ, кажу, село Млини стоять собі у долині, по сей бікъ Ворскля и засажені роскішними садамп, найбільше сливьяними, кругомъ есть хорошні ліса.

Зъ павівъ живе у Млинахъ тільки якийсь Г—ъ, кажуть, зъ татаръ, чи що. Не знаю, скільки у ёго временно-повиннихъ крестянъ; по їхъ хатинахъ видно убожество, видно, що тутешні люде недавно стали людьми.

Козаківъ, да *казенихъ* крєпаківъ, у Млинахъ не багацько: всёго сорокъ дворівъ. Земель пахатнихъ у козаківъ нема; черезъ те и въ хліборобстві вони не кохаютьца; промишляють усі мискоробствомъ и зовутца *полівьянниками*; міжъ ними тільки одинъ гончаръ. Жінки пораятца біля товару, у кого е; прядуть, такъ якъ и всюди по Україні, а де—котрі водятца зъ садовниою: сушать сливи и продають у Опшні, въ Полтаві, а де—хто и въ Кременчугъ возить. Бочка сливъ (відеръ 40) продается рублівъ 50. Та гарно жъ и сушать сливи! Краще ніжъ оттіи хранцузські *черносливи*. Не багато, одначе, заробітківъ на сливахъ. Звісно: свої садки невелички, треба наймать, треба сторожа приставить, треба и се и те. Отъ, колибъ казна наділяла млинянцівъ землею не въ наємъ, а въ продажу, або въ подарунокъ, то певно бъ вони порозводили великі и гарні сади.

Мискоробство прибиточній. Ніколи мні було роспитатьца гараздъ, скілько коштує миска самому хазяіну; а на—швидко сказано мні, що кожний хазяінь (зъ наймитами) виробить за рікъ 27000, або до 35000 мисокъ; кожна зъ нихъ у продажу дешевше чотырохъ шагівъ не іде. Та недумайте, що вже й тутъ великі заробітки, ні: треба купить дровъ, нанять наймитівъ, заплатитъ за землю, де глину беруть. Ставъ я иптати, чи давно ведутца у Млинахъ полівьянники? и одказано мні, що дуже дуже давно; що видієли мискоробство и гончарство перейшло вже у другі села. Старий дідъ розказавъ мні, що літъ триста (!) назадъ, ще якъ писалась четверта ревизія, якісь два Литвини утікали зъ Польщи; тамъ, де теперъ стоить село Млини були тоді ліса непроходими; такъ отъ ті Литвини, засівши у лісахъ, щобъ їхъ не поймали, покопали собі землянки и стали робить:—одинъ миски, а другий — горшки. Трохи згода, вони не помирились; гончаръ перейшовъ дальше до Опшні, а мискоробъ зостався на своєму місці

и съ тоєї порї повелось гончарство и мискоробство. У теперешню пору мискоробство стало годь-одъ-году кращать: минї показували и тарїлки, и чайники, и каламарї такї гарні, що хочь куди!

Хатки у мискоробівъ чистенькі, чепуренькі, одначе, живуть бідно; кажуть, що *опека окружилихъ*, головъ, да волоснихъ писарівъ гірше всякого крѣпацтва. Чудне діло оці *голови!* Дуже чудне!! Збірають їхъ зъ козаківъ; покіль не зберуть и чоловікъ, якъ чоловікъ, а зібрали—и пішовъ здирство робить краще станового. А все через те, що вибори нівідь-якъ роблятця: зберетця громада, приїде палатський чиновникъ, або окружний, и, замїсь того, щобъ тїлько дивитись за порядками, а громаді дати волю вибрати кого вона схоче, вінъ и почне казати: «треба онъ того, Кліма, або Евхима, вибрати головою: я его *давно знаю*, чоловікъ вінъ дотешний». Ну, и вибірають Кліма и Евхима мовчки; а нехай хто попробує заикнутця, що Клімъ, або Евхимъ, чоловікъ хочъ и дотешний, а въ голови не годитця, и не годитця через те саме, «що его давно знають» — крий Боже! заразъ назвуть такого смїльчака *бунтовщикомъ*, грїннуть, що его за бунтъ посадять у тюрму, пошлють у каторгу!... Громада и носп повісїть! Махне руками, та й годї! И стане Клімъ головою и здирствує...

Хотїв я побувати ще у водяному млині, котрий недалеко відъ села встроїла казна, да не впорався, не було часу, треба було поспїшати до-дому. А кумедну штуку розказали минї про той млинь. Ставъ вінъ казнї 40 тисячъ карбованцівъ, а не змоловъ, кажуть, и чотирехъ тисячъ пудъ хлїба, и теперъ хочуть є продати. Та й краще зроблять! На що вінъ стоятиме, коли на єму не можна молоть. Сорокъ тисячъ грошей, чи казеннихъ, чи мпрськихъ, все одно, пропали; казнї зъ того млина поживи не буде, бо въ казни багато хазяїнівъ; а якъ хто купить, то, може, й доведе до пуття. Розказують: якъ попсовався цей млинь, такъ Палата й прислала свого *инженера*, чи якъ тамъ вінъ величаєтця, щобъ роздививсь, що треба полагодити у млині и чого буде стояти те л҃агодїше. Прїїхавъ инженеръ, взявъ зъ собою старшину и поїхали у млинь. Походивъ инженеръ, походивъ, подививсь, та й каже: «а якъ ти думаєшь, старшина: що треба зробити, щобъ налагодити оцей млинь?»

— Не знаю, каже старшина: я чоловікъ неграмотний, вамъ лучче звісно се діло.

— Да минї здається, треба тисячъ три карбованцівъ.

— А я полагодивъ би й за пьятсотъ. Нехай минї оддадуть на

пять літь въ оренду, я дурио налагожу, ще й Палаті платитиму рублів сто.

— Якъ же ти полагодишь? питає инжионеръ.

— Теперъ не знаю, каже старшина, а тоді побачу.

Инжионеръ розсердився, вилаявъ старшину и поїхавъ. Мабуть здорову сміту написавъ, бо Палата и не лагодила млина. — Оттакъ—то пропадають дурні гроши!...

Така сама почти притча була и зъ мостами черезъ Ворсклу. Въ осені, кажуть, построили мости, а весною вони попровалювались....

Людей грамотнихъ у Млинахъ нема. Піпъ радъ би завести школу, есть и хата громадська, дуже придачна на школу, да ніколи попові... —то въ церкві, то по приходу, то уроки дає у Г—а паненятамъ:—отъ и ніколи, отъ и школи нема!

О. Переходовець.

Марта 2 дня, 1862 р.

ИЗЪ Г. ТАРАЩИ (Кіевской губ.).

I.

(1 мая 1862).

Нѣсколько дней назадъ я посѣтилъ сельскую приходскую школу въ с. Лисовичахъ (5 верстъ отъ Таращи) и спѣшу отдать вамъ отчетъ о моемъ посѣщеніи.

Число учениковъ въ этой школѣ простирается, по спискамъ, до 71 мальчиковъ, и 27 дѣвочекъ, — цифра довольно значительная, но малая, особенно по числу дѣвочекъ, для селенія съ 1000 слѣшкомъ человекъ жителей. Впрочемъ я засталъ въ школѣ не болѣе 25—30 человекъ, что происходитъ отъ приближенія рабочаго времени. По этой же причинѣ уроки съ 1 мая прекращаются совершенно на 4 мѣсяца, до конца августа.

Помѣщеніе школы болѣе чѣмъ неудовлетворительно: тѣсно, грязно, а зимою, говорятъ, еще и невыносимо холодно. Въ первое время по открытіи школы въ ней *не топили вовсе*, а пѣлѣншей зимой хоть и топили, но стѣны были сплошь покрыты слоемъ изморози, и вѣтеръ дулъ безпрепятственно сквозь дыры и щели въ стѣнахъ. И здѣсь занимались! Лица, завѣдывающія школой, не позаботились о луч-

шемъ помѣщеніи для нея, вѣроятно изъ подражанія стариннымъ бурсамъ: не топили вѣдъ, дескать, и тамъ, а учился же, и сколько умныхъ людей выходило оттуда." Теперь, впрочемъ, строится новое помѣщеніе, для школы и волостнаго правленія вмѣстѣ, и предполагаютъ окончить его къ зимѣ. Лѣсъ для этой постройки далъ помѣщикъ (г. А. Бранцкій), а на всѣ остальные расходы деньги собраны съ громады. Мнѣ кажется неудобнымъ это сосѣдство школы съ волостнымъ правленіемъ: при нынѣшнемъ состояніи *всѣхъ* нашихъ присутственныхъ мѣстъ и настоящемъ развитіи народа, подобное сосѣдство можетъ дурно подѣйствовать на учащихся; безъ сомнѣнія, и «волостныя» правленія, подобно столькимъ инымъ «правленіямъ» и «управленіямъ», не свободны отъ бюрократической грязи и тѣхъ возмутительныхъ сценъ, которыя могутъ развратить неспорченную еще натуру ребенка, и толкнуть его на ту торную дорогу взяточничества и крющкотворства, по которой идутъ многіе и многіе; особенно она привлекательна для вышедшихъ изъ народа, какъ средство показать осязательно свое преимущество предъ неграмотными или неслужащими собратьями. Вотъ что сказалъ мнѣ одинъ здѣшній мѣщанинъ, когда я спросилъ, почему онъ не посылаетъ своего сына въ воскресную школу: «Та на—що ёму туди ходіть? Отъ, менѣ бѣтько навчѣвъ трѣхи читати и підписати, и я ёго навчѣ; а то якъ буде тамъ вчѣтьца, то й буде такъ, якъ N, що съ пірцѣмъ ходить, та йбеди за чвѣрку горілки пише; або отъ X., такіі самій. Нехай лѣчче колѣса робити!»

Извините за отступление. Перехожу къ преподаванію въ Лисовицкой школѣ. Прежде въ ней преподавалъ одинъ приходскій священникъ, но съ 1 января прошлаго года приглашенъ имъ еще другой преподаватель, изъ жителей того же селенія (однако не крестьянинъ, — сохрани Богъ)! Этого—то преподавателя я засталъ въ школѣ и наблюдалъ методу его преподаванія.

Преподаваніе начинается съ *церковно-славянской* азбуки, а не съ русской, не говоря ужъ о народной, южнорусской! Это общій недостатокъ почти всѣхъ школъ, открытыхъ при церквахъ, хотя учредители школы считаютъ это достоинствомъ. Къ—чему дпяты всѣ эти титла, азы, буки, и т. п? Развѣ, чтобы вспомнать потомъ: «азъ—били въ школѣ неразъ; бѣкп—набрѣвся у школѣ мѣкп?» Попстинѣ—мука, а не наука! Не въ дѣячки же готовятъ всѣхъ ихъ, а встрѣтитъ ли надобность въ церковно-славянской грамотѣ въ обыденной жизни—

это сомнительно, между тѣмъ набиваютъ голову ребенка совершенно непонятными ему словами и названіями, приучаютъ его къ машиннальному зубренію, безъ всякаго участія ума и воображенія, и тѣмъ-самимъ не развиваютъ, а останавливаютъ развитіе ребенка, — и это называется ученіемъ! Прости имъ, Господи: не вѣдятъ бо, что творятъ!

Въ числѣ наказаній (не понимаю, къ чему наказанія въ первоначальной школѣ?), непослѣднее мѣсто, разумѣется, занимаетъ березовая каша. Первое слово, которое услышалъ я, входя въ школу, было «а розга!»

Къ-сожалѣнію, я опоздалъ уже на урокъ дѣвочекъ, и потому не могу ничего сказать о нихъ.

Кромѣ чтенія, въ школѣ «обучаютъ» письму и ариметикѣ; «знаніе ариметики покажетъ» ограничивается умѣньемъ писать цифры, а нѣкоторые и пишутъ кое-какъ.

Впрочемъ, всѣ эти свѣдѣнія имѣли бы иное значеніе, если бы было извѣстно, кто съ какого времени ходитъ въ школу; тогда можно бы видѣть успѣхъ *сравнительно съ временемъ* ученія, но подобныхъ свѣдѣній въ школѣ не имѣется.

Чтожъ за причины такого неудовлетворительнаго состоянія этой школы и сельскихъ школъ вообще? На это одинъ отвѣтъ: *неудовлетворительное образованіе сельскаго духовенства и недостатокъ матеріальныхъ средствъ школъ*. О первой изъ этихъ причинъ я говорилъ въ одномъ изъ предыдущихъ писемъ, (*) въ слѣдующемъ скажу о другой.

II.

(29 мая 1862.)

Въ прошломъ письмѣ (отъ 1 мая) я писалъ о приходской школѣ въ с. Лисовичахъ и обѣщалъ поговорить о вредѣ, происходящемъ отъ недостатка матеріальныхъ средствъ въ школахъ и вліяніи этого на преподаваніе. Исполняю обѣщанное.

Можетъ показаться съ перваго взгляда страннымъ, что я приписываю недостатку средствъ вліяніе даже на преподаваніе, но вліяніе это выказывается очень осязательнымъ образомъ: кто согласится за-

(*) Объ этомъ не могло быть напечатано—по обстоятельствамъ. Ред.

ниматься въ школѣ *отъ пяти часовъ утра до шести часовъ вечера* (пишу прописью, чтобы вы не сочли за опіску) за вознагражденіе *шести руб. ср. въ мѣсяць*, кромѣ такого преподавателя, который будетъ заставлятъ выучивать навзусъ разную чепуху? Человѣку, желающему заняться какъ слѣдуетъ, не достало бы силъ.

Но это еще не главное; важнѣе всего то, что народъ смотритъ на школу, какъ на новое, мало-полезное, учрежденіе, требующее у него, — подобно многимъ другимъ новымъ учрежденіямъ, — денегъ; притомъ, происходящій отсюда налогъ на жителей падаетъ неравномерно, ни по состоянію ихъ, ни по пользѣ, которую приносятъ школа каждому изъ нихъ непосредственно. Деньги на содержаніе школы собираются, по раскладкѣ, съ душъ; одинъ имѣетъ одного сына, другой пятерыхъ, — а платятъ одинаково; первый богатъ, второй бѣденъ, — но тотъ и другой платятъ по ровну; сынъ перваго ходить въ школу, а дѣти втораго должны помогать отцу работать, потому что иначе не чего будетъ ѣсть, — все-таки они платятъ одинаково. Едва ли это равномерно. Но чѣмъ же замѣнить такой способъ содержанія школы? Взамѣнъ его можно предложить нѣсколько иныхъ: на примѣръ, плату за право ученія, всеобщій новый налогъ, обращеніе къ помощи частныхъ лицъ и, наконецъ, содержаніе отъ правительства. Разсмотримъ вкратцѣ каждый способъ.

Плата за право ученія, хотя сдѣлала бы налогъ пропорціональнымъ прямой пользѣ, приносимой школою каждому, но имѣетъ другое неудобство: народъ не настолько еще призналъ необходимость образованія, чтобы платить за него послѣдню копейку, если его къ этому не обязываютъ. Отсюда, конечно, число учениковъ уменьшится вдругъ, и будетъ потомъ уменьшаться постоянно, по очень-простой причинѣ: положимъ, что для содержанія школы, въ которой учится 100 учениковъ, необходимо только 100 р. с. ежегодно; слѣдовательно, всякому придется платить по 1 р. Но многіе предпочтутъ вовсе ничего не платить, не посылая дѣтей въ школу; положимъ, что такихъ наберется человекъ двадцать. Въ школѣ останется такимъ — образомъ вмѣсто 100 только 80 учениковъ, а расходы на школу (жалованье учителю, помѣщеніе, отопленіе и т. п.) едва ли можно уменьшить въ той же пропорціи; поэтому, каждому изъ оставшихся 80 учениковъ придется платить уже не рубль, а больше; отъ этого опять уменьшится число учениковъ, опять увеличится плата, и т. д. до того, что, пожалуй, никто не пойдетъ въ школу.

Всеобщій налогъ тоже не устранить неравномѣрности нынѣшняго, частнаго; иной скажетъ:—за что я буду платить, когда я не пужаюсь въ школь?—и онъ будетъ отчасти правъ.

Къ частной благотворительности обращаться также нечего: мало-ли мы видѣли примѣровъ заботливости нашего общества объ образованіи народа? Слава Богу, что оно хоть воскресныя школы содержать: будетъ съ него покаиѣсть!

Остается затѣмъ назначить содержаніе отъ правительства, изъ тѣхъ средствъ, которыя оно имѣетъ или можетъ имѣть, не отягощая народа новыми налогами. Что оно можетъ имѣть ихъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Какое употребленіе дѣлается изъ богатствъ, принадлежащихъ богатымъ церквамъ и монастырямъ? — Ровно никакого. А на что же лучше употребить ихъ какъ не на народное образованіе? Считаемо лишнимъ развить эту мысль, чтобы не навлечь на себя обвиненія въ святотатствѣ.

Весьма значительныя суммы эти принадлежать *монастырямъ*. Что должно понимать подъ словомъ «церковь?»: домъ—ли, назначенный для богослуженія, или общество вѣрующихъ? Я думаю, что послѣднее: можетъ-ли что—нибудь принадлежать *дому*, т. е., вещи, чему—то неодушевленному? Значитъ, деньги эти принадлежать обществу. Хорошо. Имѣетъ—ли общество право употребить на свою, т. е., общую пользу то, что принадлежитъ ему?—Очевидно, имѣетъ. Какое же лучшее употребленіе можно сдѣлать изъ этихъ денегъ, какъ не на образованіе народа?—Никакого. Я думаю, что противъ этого никто не станетъ спорить. Вѣдь въ чѣмъ заключается истинная польза и богатство церкви? Конечно, не въ томъ, чтобы въ церковныхъ кладовыхъ лежало какъ—можно больше денегъ; не въ томъ, чтобы иконы были въ золотыхъ окладахъ, осыпанныхъ алмазами и жемчугомъ, не въ томъ, чтобы парадныя одежды высшаго духовенства стоили сотни тысячъ, а въ томъ, чтобы всѣ, составляющіе церковь, были возможно богаче богатствомъ духовнымъ, «его же тати не крадутъ, и тля не истлѣваетъ».... Разумѣется, изъ этого не слѣдуетъ заключать, что духовенство должно, но—философски, *omnia sua secum portare*, имѣть, пусть употребятъ на школы только лишнее изъ церковнаго, особенно монастырскаго, имущества—и того будетъ довольно. (*)

(*) Для примѣра, возьмемъ Кіевскую Печерскую Лавру.—По недавно—обнародованнымъ свѣдѣніямъ, въ прошломъ году было въ ней 133,000 богомольцевъ. — —

Кромѣ содержанія школъ, изъ этихъ денегъ должны непременно даваться ученикамъ бесплатно всѣ учебныя пособія.

Во всякомъ же случаѣ, необходимо, чтобы народныя школы перешли въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія: для всякаго челоуѣка необходимо сперва общее образованіе, а спеціальное послѣ; между тѣмъ, всѣ народныя школы, паходясь въ вѣдѣніа духовенства, болѣе или менѣе посягъ слѣды семинарщины, что не только излишне, но и очень вредно. Притомъ, есть много и другихъ причинъ, препятствующихъ духовенству запыться этимъ дѣломъ.

Пока довольно.—О крестьянскомъ дѣлѣ не напишу теперь ничего: ходъ его видѣнъ изъ того, что у насъ на каждомъ шагу встрѣтишь донскаго козака... Впрочемъ, напишу что знаю. То, наприкладъ, что пишутъ въ «Gazecie Polskiej» о событіяхъ въ имѣніи Воронцова—Мошнахъ и Староселѣ, — ложь безсовѣстная.

ИЗЪ ХАРЬКОВА.

I.

(1 мая 1862 г.)

Обыкновенное явленіе весенняго времени въ Харьковѣ составляетъ движеніе крестьянъ изъ Курской губ. черезъ Харьковъ на Югъ, преимущественно на *Донъ* и въ *Черноморію* для лѣтнихъ заработковъ. Каждую весну, обѣявъ свои маломѣрные клнны, крестьяне, казенные и, частью, временно-обязанные украицы южныхъ и западныхъ малоземельныхъ уѣздовъ Курской г. составляютъ партіи или артели, и длинными обозами (потому что каждый имѣетъ свою телегу съ лошадыю, нагруженную походнымъ скарбомъ) ѣдутъ въ Черноморію и на Донъ, гдѣ пользуются хорошею заработною платою при козовицѣ и житвѣ и возвращаются домой еще во-время—къ уборкѣ своего поля.

Въ апрѣлѣ приходятъ въ Харьковъ артели рабочихъ изъ среднихъ великорусскихъ губ.: каменщики, штукатуры, печники, плотники и проч. На этихъ рабочихъ въ Х. всегда большое требованіе. Харьковъ обуяла какая-то *манія* стронться: ее нельзя приписать обилію денегъ (и нашъ городъ не избѣгъ безденежья,) а скорѣе развившейся у насъ въ послѣдніе годы страсти къ наживѣ и аферамъ. Пос-

тройки производятъ большую частію въ долгъ, подъ залогъ тѣхъ же мѣстъ и будущихъ домовъ. Нѣтъ ни одной улицы и переулка, гдѣ бы не было огороженного на улицѣ мѣста, не возводилась постройка, и не лежала куча кирпича и мусора. У насъ всѣ постройки выводятъ изъ кирпича, потому что лѣсъ гораздо дороже. Такъ-какъ всѣ они строятся для наживы, то, отдѣлавши на-скоро внутри, домохозяева стараются отдать въ наемъ жильцамъ, домъ сырой, невысохшій, не заботясь о наружной его отдѣлкѣ; множество домовъ, построенныхъ въ послѣдніе годы (почти всѣ), стоятъ красные, нештукатуренные, чрезъ-что обнаженный кирпичъ втягиваетъ въ себя наружную сырость и распространяетъ ее по всему зданію. Объ устройствѣ панелей и мостовой домохозяева вовсе не заботятся.

Въ Харьковѣ и окрестностяхъ открылись уже и гулянья въ садахъ, устраиваемыя предпринимателями съ платою за входъ, конечно, не менѣе 25 и 30 к. ср., что при настоящей дороговизнѣ очень ощутительно. Но положимъ, эти сады частныя, которыми всякъ можетъ распорядиться, какъ ему угодно. Но, жаль подумать, что единственный городской, публичный — *университетскій*, въ которій, съ основанія его, памятнаго еще здѣшнимъ старожиламъ, всегда былъ свободный входъ, отдается уже 2 или 3 года университетскимъ начальствомъ на аренду содержателю, который по праздничнымъ и другимъ днямъ недѣля беретъ плату за входъ въ садъ. Въ нынѣшнее дорогое время не всякій, а тѣмъ болѣе недостаточный семейный чиновникъ каждое воскресенье можетъ бросить 30 к. или еще болѣе, и потому онъ и семейство его лишены удовольствія пройтись по саду и подышать чистымъ, свободнымъ отъ пыли, воздухомъ, въ воскресенье, въ свободный для нихъ день недѣли. Единственное поэтому осталось у насъ свободное гулянье за городомъ, въ *Куржѣ*, куда дѣйствительно, въ продолженіе всего лѣта ѣздитъ и ходитъ по праздникамъ средней и простой классъ — помолиться Богу, подышать чистымъ воздухомъ, выпить чаю изъ превосходной воды, что все обходится почти безъ всякихъ издержекъ.

II.

(30-го мая 1862 г.)

Съ наступленіемъ лѣта общественная дѣятельность и у насъ пріутихла, но всѣдневная суета продолжается. Городъ нѣсколько опустѣлъ: многіе уѣхали за-границу, въ свои имѣнія, деревни и хутора. Впро-

чемъ, съ приближеніемъ Троицкой ярмарки, городъ снова оживится навремя, чтобы потомъ затихнуть окончательно на все лѣто. Главный предметъ торговли на ней составляютъ *лошади* и *овечья шерсть*. Вся торговая дѣятельность происходитъ на такъ-называемой *Конной площади*, находящейся на краю города, въ самомъ же городѣ только въ послѣдніе годъ стали открывать ярмарочную торговлю въ рядахъ московскіе купцы и евреи. Говорятъ, что на нынѣшней ярмаркѣ мало или вовсе не будетъ привозной шерсти, потому что, по случаю долго стоявшей холодной погоды, запоздали стрижкою овецъ и доставкой шерсти, которая будетъ одна грязная, не перегонъ; о чемъ уже многіе и заявили.

Внутренняя городская жизнь идетъ своимъ чередомъ: строеніе новыхъ и передѣлка жилыхъ домовъ продолжается, хотя и съ меньшею энергіею и поскромнѣе прошлогодняго. Полиція обратила, наконецъ, вниманіе на ветхость тротуаровъ, — и приказомъ полицеймейстера, предписано объявить всѣмъ домовладѣльцамъ о непремѣнномъ исправленіи ветхихъ тротуаровъ къ августу мѣсяцу, съ тѣмъ, что послѣ этого срока полиція сама займется исправленіемъ ихъ на счетъ домовладѣльцовъ. Но пока приказъ этотъ принять только къ свѣдѣнію; объ исполненіи же еще никто изъ домохозяевъ не думаетъ. Доски и вообще строевой матерьялъ въ Харьковѣ дорогъ, по причинѣ огромнаго на него требованія и дороговизнѣ доставки изъ дальнихъ лѣсныхъ дачъ; въ окрестностяхъ всѣ лѣса уже истреблены; плитной камень также дорогъ по трудности его доставки изъ Волчанскаго уѣзда; такъ-что *тротуары* изъ *крупнаго желѣзняка*, мнѣ кажется, были бы гораздо выгоднѣе, ибо рѣже требуютъ ремонта и противустоятъ непогодѣ и времени.

По предмету народнаго образованія я нынѣ могу сообщить кое-какія извѣстія: такъ получено разрѣшеніе на открытіе въ Харьковѣ *школы для приотовленія сельскихъ учителей*, что, вѣроятно, въ скоромъ времени и осуществится. Образовавшееся въ Харьковѣ *общество для распространенія грамотности* получило изъ М. Н. Пр., чрезъ г. попечителя округа, отвѣтъ на посланный для утвержденія прозектъ устава, что прозектъ не можетъ быть утвержденъ впредь до составленія и утвержденія вообще устава о народномъ образованіи. Почему изъявившіе желаніе участвовать въ обществѣ приглашены собраться 29 числа мая для выслушанія отвѣта Министерства и чтобы вновь ходатайствовать объ утвержденіи устава общества, не дожидаясь утвержденія общаго о народномъ образованіи.

О воскресных школах Харькова ничего не слышно; вѣроятно, на гѣто, онѣ закроются, по недосугу преподавателей, кои, будучи большею частью изъ воспитанниковъ гимназій, студентовъ и учителей, заняты экзаменами, по окончаніи которыхъ уѣдутъ на вакаціи; ученики же школъ предпочтутъ проводить свободное время на рѣкѣ въ купанья и играхъ. Одинъ ревнитель просвѣщенія предложилъ мысль объ открытіи воскресныхъ школъ въ удаленныхъ отъ средины города предмѣстьяхъ Харькова, гдѣ рѣшительно нѣтъ никакихъ частныхъ школъ для простаго народа. При этомъ поднять вопросъ о томъ, существуетъ ли, въ-дѣйствительности, первая мужская воскресная школа, о которой, со времени ея открытія въ 1860 г., ни разу не упомянуто въ мѣстной нашей газетѣ, между тѣмъ какъ о 2-й воскресной и женской школахъ являются по временамъ отчеты?

Еще есть одна новость, весьма важная для насъ Харьковцевъ—это устройство городскихъ часовъ. Положительно извѣстно, что Харьковскою Городскою Думою заказаны лучшему парижскому мастеру башенные часы за 5000 рублей изъ городскихъ суммъ. Они скоро будутъ доставлены въ Харьковъ и помѣщены на соборной колокольнѣ (самой высокой во всемъ городѣ, 43 саж.), гдѣ для нихъ уже устраивается особая комната; бой будетъ механическій. Это, дѣйствительно, очень полезное дѣло; недостатокъ часовъ давно уже чувствовался, тѣмъ болѣе, что многочисленный классъ людей, опредѣлялъ время только по звону церковному къ обѣднѣ.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ о мѣстности Харькова и неудобствѣ купаній. Въ Троицкіе праздники, называемые у насъ на Украинѣ святою недѣлей, а въ Россіи—зеленою недѣлю и септкомъ, наступили чрезвычайные жары, и все мужское населеніе обратилось къ купанью. Къ-сожалѣнію, на обѣихъ нашихъ рѣчкахъ, протекающихъ чрезъ средину города на протяженіи 2—3-хъ верстъ, рѣшительно нѣтъ ни одного сколько-нибудь удобнаго мѣста для купанья, и нѣтъ никого изъ сосрэдательныхъ и предпріимчивыхъ людей, кто бы устроилъ общественныя купальни, или плоты, для раздѣванья; нѣтъ даже и частныхъ купальенъ; на мѣстахъ, гдѣ купаются, сваливаютъ навозъ, и вода едва протекающая, уже теперь зацвѣла и пахнетъ отвратительно. Тутъ же рядомъ съ купаньемъ стоятъ на берегу троицкія бани, и подлѣ нихъ, при домѣ купца Павлова, устроены заводы свѣчной и мыльный и конфектное заведеніе; сточная труба проводитъ отъ нихъ нечистоту въ рѣку къ мѣсту купанья; наконецъ, вмѣстѣ

съ людьми, купаютъ и лошадей, и моютъ бѣлье, и на эти неудобства никто не обращаетъ вниманія. Медико-полицейскія мѣры, предписываемыя закономъ, относительно чистоты города, устройства плотвъ, спуска нечистотъ и проч. исполняются только на бумагѣ и никогда на дѣлѣ. Очевидный образчикъ этого—садикъ, разведенный на городской счетъ, съ большимъ трудомъ и издержками, у подошвы *Университетскаго бульвара*, или *горки*, гдѣ каждый вечеръ собирается погулять и посидѣть публика, нежелающая гулять въ садахъ: садикъ этотъ обратился въ грязное мѣсто, въ сорную кучу, и полиція какъ-будто не видитъ и не знаетъ этого.

Н. Наливайко.

ОБЪ ИЗДАНІИ

«ЧЕРНИГОВСКАГО ЛИСТКА»

въ 1862 году.

Еженедѣльная газета «Черниговскій Листокъ» издается въ 1862 году, съ *апрѣля мѣсяца*, по прежней программѣ:

I) Отдѣлъ литературный. Небольшіе рассказы, стихотворенія на великорусскомъ и южнорусскомъ языкахъ, путевыя замѣтки, очерки изъ народнаго быта, анекдоты, сцены, юмористическія замѣтки, эпизоды изъ охотничьей жизни и т. под.

II) Новости, вѣсти и слухи. Фельетонныя замѣтки о городскихъ новостяхъ, свѣдѣнія о театрѣ, концертахъ и т. под.; вѣсти изъ уѣздовъ Черниговской губерніи, а также и изъ другихъ губерній, но имѣющія повсемѣстный интересъ.

III) Общеполезныя свѣдѣнія. Небольшія статьи по части сельскаго хозяйства, домоводства, промышленности и торговли, популярной медицины, народнаго образованія и т. под.

IV) Библіографическія извѣстія. Краткія замѣтки о книгахъ, имѣющихъ мѣстный интересъ.

У) РАЗНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ: ВЫЗОВЫ, ЗАПРОСЫ И ОТЗВЫ. Сюда войдутъ стороннія объявленія частныхъ лицъ, а также и официальныхъ вѣдомствъ, если таковыя будутъ сообщать.

Цѣль изданія — доставить возможность мѣстнымъ жителямъ имѣть свой печатный органъ общественной жизни и дѣятельности.

По прежнему, мы покорнѣйше просимъ всѣхъ, сочувствующихъ общественной пользѣ, содѣйствовать намъ въ успѣхъ нашего предпріятія. Для отдѣла, подъ рубрикою «Новости, вѣсти и слухи», намъ дорого всякое извѣстіе, интересна даже мимолетная замѣтка о важныхъ происшествіяхъ въ уѣздахъ: несчастіяхъ, пожарахъ, наводненіяхъ, неурожаяхъ, падежахъ и т. п.; о состояніи земледѣлія вообще; о замѣчательныхъ явленіяхъ въ жизни общественной, о забавныхъ приключеніяхъ, толкахъ, слухахъ и т. п.

Отвѣты авторамъ статей, намъ присланныхъ, будутъ печататься въ самой газетѣ подъ рубрикою «Отвѣты редакціи Листва».

«Черниговеній Листокъ» выходитъ разъ въ недѣлю, объемомъ отъ половины до одного печатнаго листка въ четвертую долю средней величины.

Цѣна «Черниговскаго Листва» въ 1862 году, съ пересылкою по почтѣ 4 руб. сер.

Иногородные подписчики благоволятъ адресовать свои требованія просто: въ Черниговъ, въ редакцію газеты «Черниговеній Листокъ».

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать: Редактору «Черниговскаго Листва», Леониду Иваповичу Гльбову, въ Черниговъ, въ зданіи пансіона при гимназіи.

NB. За объявленія для напечатанія въ «Листкѣ» плата полагается слѣдующая: не болѣе пяти строкъ (или не болѣе 175 буквъ) — 10 коп. сер., не болѣе десяти — 15 коп., не болѣе 15 — 25 коп., не болѣе двадцати — 30 коп., не болѣе двадцати-пяти — 40 коп., не болѣе тридцати — 50 коп., не болѣе сорока — 75 коп., не болѣе пятидесяти — 1 руб. сер., за троекратное припечатаніе объявленій первыхъ шести разрядовъ плата удвоивается, а двухъ послѣднихъ — прибавляется къ означенной цѣнѣ 50 коп. сер.

Редакторъ Л. Гльбовъ.

Въ книжномъ магазинѣ Дм. Еф. Кожанчикова и у другихъ книгопродавцевъ, поступили въ продажу:

I.

ЛЕКЦІИ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ,

И. И. КОСТОМАРОВА,

составлены и изданыя П. Гайдебуровымъ. Спб. 1862 г.

Выпускъ первый. Содержаніе: Вступительная лекція; Лѣтописи; Лѣтопись, приписываемая Пестору; Кіевская лѣтопись; Галицко-Волынская лѣтопись; Густинская лѣтопись; Бѣлорусскія лѣтописи; Новгородскія лѣтописи; Псковская лѣтопись; Важская лѣтопись; Суздальская лѣтопись; Софійскій Временникъ; Вторая Софійская лѣтопись; Воскресенскій Сборникъ.—Составъ Русскихъ лѣтописей.

Цѣна **50 к. ср.** безъ пересылки.

II.

Сочиненія И. П. Котляревскаго:

1) ЭНЕИДА,

2) НАТАЛКА-ПОЛТАВКА,

и 3) МОСКАЛЬ-ЧАРІВНИКЪ.

Цѣна **1 р. ср.**

Оперетты «Наталка-Полтавка» и «Москаль-Чарівникъ» продаются и отдѣльно по **25 к. ср.** каждая.

ОБЪЯСНЕНИЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 5-Й КНИЖКЪ «ОСНОВЫ».

Ажъ — ажно; какъ (союзъ).
Бадритисъ — бодриться, бойко
мати.
Базикати — болтать, точить.
Балка — естественная долина въ сте-
пи; оврагъ.
Барило — боченокъ.
Березозоль — марть.
Блэйвасъ — базбесь.
Бодай! — чтобъ!
Божа дорога — (винъ на Божій
дорозі) — оны близокъ къ смерти, —
умирающій.
Борошно — мука.
Бойринъ — шаферъ.
Бровеніа — (уменьш.) — брови.
Валахъ — выкладеный баранъ.
Валашати — выкладывать, холостить
барановъ.
Вармія — армія.
Ввишь — вышивною.
Вгамовати — утишить, успокоить.
Вгамуватисъ — притихнуть; успо-
коиться.
Вгомоніти — уговорить, успокоить
Великдень — Свѣтлый праздникъ.
Верхівля — верхина дерева.
Вігоіти — вылечить.
Визерунки — рисунки.
Видлати — выругать, выбранить.
Вімантачити — выманить; выканю-
чить.
Випручатисъ — вырваться; высво-
диться.
Вирниати — всплывать на повер-
хность воды.
Височѣнный — очень высокій.

Витівати — затѣвать, выдумывать.
Вишкварка — (переносн.) выжига.
Вівці — овца.
Вітрякъ — вѣтряная мельница.
Вмовляти — уговаривать.
Вовняний — шерстяной.
Вовтузитисъ — возитисъ.
Ворущитисъ — вертѣться, шеве-
лятся.
Впоратисъ — управитисъ съ хозяй-
ствомъ, съ дѣломъ.
Впьять — опять.
Вранці — поутру.
Врівні — вѣ-уровень.
Вчадіти — угорѣть.

Гацбувати — пренебрегать; безче-
стить.
Гашка, Гашка — Агафья.
Гарчати — рычать.
Гафть — шитье, преимущественно
золотомъ.
Генъ - генъ! — геть - геть! —
тамъ — тамъ.
Геть! — поди прочь!
Глѣкъ — кушннвъ.
Годяцій — годный.
Гобіти — лечить.
Горцивітъ — *Adonis vernalis*, L. u
Viscaria vularis, Röhl.
Горище — чердакъ, вышка.
Горбдець — маленькій огорожокъ.

Дванадцять — двѣнадцать.
Двічі — дважды.
Дереза — полевое колючее растение,
изъ котораго дѣлаются вѣники.
Дертъ — крупно-смолотая мука.
Діжечка — калочка.

Дне — дусть.
Довгий — долгій, длинный,
Дратувати — дразнить.
Дрибязокъ — мелочи.

Житне борошно — ржаная мука.
Жовчъ — желчь.
Жодень — жадный.

Завійшки — вышнюю.
Загагакати — заготовать.
Загатити — запрудить.
Задрипанка — замарашка, съ запачканнымъ подоломъ.
Зажирливий — жадный.
Заквічатись — убрать голову цвѣтами.

Замайчиги — показаться вдаль.
Замітати — заносить снѣгомъ.
Заміть — наносъ снѣгу; сугробъ.
Заведужати — заболѣть.
Запекуватий — злой, закоренѣлый.
Заприсягсь — поклялся.
Зараня — заранѣе.

Заскреготати — заскрежетать (зубами).
Затѣв — зарубка.
Затишокъ — затишье.
Затинати — затянуть, напѣвать.
Зáхидъ — закаты солнца.

Зáхистъ — защита отъ холоду, отъ вѣтру, — затишье.
Зáхистатись — спрятаться, защищаться (отъ холода, отъ бури, дождя.)
Залозенний — засаленный.

Займати — задѣвать; затрогивать.
Зберегти — зберечь.
Зве — зоветь.
Здѣтись — пригодиться, понадобится.

Здирця — взятчинокъ; обдирало.
Змагливий — спорливый, упрямый.
Звеняцька — нечаянно, неожиданно.
Знущатись — издѣваться.
Заходжуватись — начинать, приступать.
Зполохатись — испугаться, встревожиться.
Зуздирити — увидать, примѣтить.

Извивати — свивать, завивать.
Извивичити — измять, испортить, изуродувать.

Казавъ — говорилъ.
Казитись — бѣситься.
Калюжа — лужа.
Кá-зна-щó! — чортъ (каты) знаетъ что.

Карбóваний — наръзанный.
Квітень — апрѣль.
Кипнемъ (спáрити) — кипяткомъ обварить.

Кишло — обжитое мѣсто; гнѣздо.
Кілько — нѣсколько.
Кітвая вівця — овца — родильница.
Клáптикъ — кусочекъ; лоскутокъ.
Клейнити — клейнить.
Клейно — клеймо.
Клáтий — (бранн.) — проклятый.
Кóване слово — стихи.
Колихати — качать (колыбель).
Колóда — значительная часть стада овецъ.

Коломарчикъ — чернишца.
Кóмиръ — воротникъ.
Кóпань, кóпанка — выкопанный колодезь безъ сруба.

Копица — конна.
Коржъ — лепешка.
Користъ — польза, выгода.
Корписати — корпаться, ковырять.
Кострубатий — взерошенный; сердитый.

Костувати — стоить, цѣниться; отвѣдать; пробовать (о пищѣ и питьѣ).
Кривдити — поступать криво, несправедливо, съ кѣмъ; обижать.

Крѣхта — крошка.
Кротовина — кучка земли взрытая кротомъ.

Курево — дытъ, еміамъ.
Курить — дымить.
Куль — снопы (о камышѣ, соломѣ).
Курá — буря; ягель.
Курѣникъ — (умен. — куринь) — шалашъ.

Курикати — тихо пѣть.
Куць, куцацька — небольшая кучка овецъ.
Курява — дорожная пыль.

Лугъ — лѣсъ.

Манатте — тряпки — платье.
Мáючи звѣчай — соблюдая приманку.

Мáйстеръ — мастеръ.
Метѣлиця — ягель.
Мізкатись — ласкаться, любезничать.
Миршаний — дрянной, невзрачный.
Мо — (отъ мóже) — можетъ быть.
Молóшніша (вівця) — имѣющая больше молока.

Мотáтись — мотаться.
Мотóрний — проворный, живой.
Мотúзочка — тоненькая веревочка; бичовка.

Мьясниця — мясоѣдъ.
Мьясиво — мясо.

Надбіляти — сльзаться болге; подлости.

Надокучати — надождать, наскучать.

Накітчата — только-что родившіяся ягнята.

Напахатись — пропитаться (духом); набратись (запаху).

На-провесні — при наступленіи весны.

Нараяти — присовѣтовать.

Настачити — припасты, наготовить.

Настілиникъ — скатерть.

Натакути — напомнить; наемкнуть.

Нацапати — нащупать.

Наймитчукъ — нанятой работникъ.

Недовіркувано — недовѣрчиво.

Незгодно — невыгодно; несогласно.

Не-перѣливки — (перепосн.) — не шутки.

Ни-відь-щд — Богъ-знаеть что; не-дѣлица.

Нязькорбслий — малорослый.

Ночви — корыто, лотокъ.

Нужа — (перепосн.) — нечистыя пасты-комья, нападающія на человека и скотъ.

Обераетца — избирается.

Обкиць — время, въ которое овцы ро-дять.

Обдуча — отбыванье.

Одвітувати — отвѣчать.

Одсіпати — (овець) — проспать (овець), такъ что они разбредутся.

Одказати — отвѣтнить.

Одмовлятись — отказываться.

Одужати — выздороветь.

Одчипитись — отвязаться; отстать.

Огорожа — ограда; городьба.

Окоріньки — корни.

Окрімний — отдѣльный; особый.

Олія — постное масло.

Опиитись — очутиться.

Осіковий — осиноый.

Оскубти — ошипать, оборвать.

Осмішкуватись — усмѣхаться.

Особе — особо.

Особне — отдѣльно, особнякомъ.

Ось — вотъ.

Одкараскатись — отдѣляться, от-бѣтись, отчѣпиться.

Отрушуватись — отряхиваться.

Оханути — опомниться.

Паламарка — жена пономаря.

Паліччя — (мвож.) — палки.

Пѣвно — вѣрно.

Пѣлена — передняя часть рубахи,

платья, приподнятая такъ, чтобъ поло-жить въ нее что-нибудь.

Пейкуватий — упрямый, своенрав-ный.

Перевертати — переворачивать.

Підпалити — поджечь.

Підпасачъ — помощникъ пастуха.

Підстрибувати — подскакивать; под-прыгивать.

Піка — рожа (лицо).

Пилувати — наблюдать, присталь-но смотреть; стараться.

Плигати — прыгать.

Плигнути — прыгнуть.

Площикъ — оконечность стрѣлы.

Плякатыця — кормитъ маткѣ дитя (объ овцахъ).

Плякати — издавать звукъ губами при ѣдѣ.

Поваъ — подлѣ, мимо, близъ.

Позначитись — обозначиться, сдѣ-латься замѣтнымъ.

Пожежа — пожаръ.

Покіаь — шока, покуда, покажѣсть.

Полюванне — охота.

Помарніти — похудѣть, подурнѣть, постарѣть.

Помость — деревяный полъ.

Попереду — прежде, впереди.

Пораяти — посоветовать.

Поринати — нырять; утопать.

Пороснути — швидко уйти; разбѣ-жаться въ разные стороны; rozsypatись.

Породіаля — только-что родившая женщина.

Порський — прыткий, ликій, пуглив-ый.

Порядкувати — распоряжаться, устроить.

Послуханий — послушный.

Потала — добыча; истребленіе.

Поти — до-тѣхъ-поръ.

Потілиця — затылокъ.

Потопль — толкотня; тѣснота; тол-пой

Потоптомъ (йти) — одинъ другого топтать.

Почерѣжно — поочередно.

Пріса — Аѳросиця.

Приблуда — прибудная скотина; бродяга.

Пригадати — припомнить.

Пригрівъ — жаръ солнца.

Призоръ — присмотръ.

Пристановище — пристанище.

Прихлище — приютъ, пристанище.

Причѣста — праздникъ (Богородич-ный) Успенія.

Пришви — головки къ старымъ го-ленницамъ.

Прогавля́тись — промѣшкать.
Прокрѣшъ — растеніе.
Прóсвітокъ — мнѣ прóсвітку не-
мае — отрады, покоя, свободы нѣтъ.
Простромити — проткнуть.
Простува́ти — прямо идти.
Простягт́ись — протянуться.
Пужа́ръ — пожаръ.
Пустова́ти — шалить.
Пучки — пальцы.
Подб́атись — поправиться.
Поеди́тись — сойтись, согласиться
другъ съ другомъ; жениться.

Рѣгит́ь — хохотъ.
Рибальство — рыболовство.
Ріховка — желѣзное кольцо на де-
ревяшкѣ.
Ривецъ — небольшая канавка.
Різдо — Рождество.
Рішний — равный.
Річки — (множ.) рѣки.
Роздивля́тись — всматриваться.
Розгубити — растерять.
Рóзмиръ — война, вражда.
Розчóпати — смекнуть, понять,
раскусить, разобрать въ чемъ дѣло.
Ростина — растеніе.
Рушати — трогаться съ мѣста.
Рúшити — тронуть съ мѣста, по-
хвать.
Рушникъ — полотенце.

Самотній — одинокій, уединенный.
Свинóта — (собир.) — свиньи.
Свідокъ — свѣдѣніе; свидѣтельство,
свидѣтель.
Серлѣга — бѣдняга.
Синій ка́мень — купоросъ.
Сиряца — сырмятная кожа.
Скотина (собир.) — рогатый скотъ.
Снози — поперечныя связи 4-хъ жер-
дей, составляющихъ осто́въ плетеной
трубы.
Сопілка — дудка, свирѣль.
Спашъ — потрава хлѣба на корню.
Співачка — пѣвица.
Спіткати — встрѣтить.
Справа — дѣло.
Спро́можность — возможность.
Спускъ — овецъ съ баранами.
Срібло — серебро.
Стѣха — Степанида.

Стовбу́ла — (стáти) — вверхъ ногами.
Сторчъ — стоймя; головой внизъ.
Стрива́ти — погодить; обождать.
Стяга — полоса.

Ти́рлува́тись — останавливаться на
ночлегъ съ стадомъ овецъ.
Тичъ (существит.) — течь.

У — дѣнь — днемъ.
Умо́ва — уговоръ условіе.

Фи́гура́ти — фигурировать.

Ха́лява — голенище.
Харита — Харитина.
Хмизъ — мелкія прутья, хворостъ.
Холитоньки — холу́сеньки — (дѣт-
ское, уменьшит.) — ходить.
Хромóта — болѣзнь, отъ которой
хромаетъ скотъ.
Хру́мати — хрустѣть.
Ху́га — мятель.

Ца́пъ — козелъ.
Ци́ндрити — матать: расточать.
Ціпо́къ — палка.
Цуци́ня — щенокъ.

Ча́стувати — угощать.
Черва́ — (собир.) — червь.
Черевати́й — брюхатый.
Четвероу́гловий — четырехъ-
угольный.
Четве́ръ — четвертокъ.
Чимчикува́ти — идти, пробираться.
Чóвень — челнокъ.

Ши́бенця — висѣлица.
Ши́ръ — ширь, ширина.
Шлю́бъ — вѣчанье.
Шматóкъ — небольшая часть стада
овецъ.
Шталтъ — образецъ, способъ.
Шука́ти — искать.

Щерба́ — остатки ухы.
Щѣли́пъ — челюсть.
Щикави́ця — трава.
Щодѣ́нно — ежедневно.

Я́лова (вівця) — овца, не имѣющая
приплоду.

Обьясненіе къ рисункамъ «ЖИВОПИСНОЙ УКРАИНЫ», Л. М.
Жемчужникова, отлагается, за отсутствіемъ его, до слѣдующей книжки.
Самые рисунки — кому слѣдуетъ — прилагаются.